

Саймон Пирани

***РУССКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
В ОТСТУПЛЕНИИ***

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Современные исследования

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Булдаков В.П.
доктор истор. наук

Вишневский А.Г.
доктор эконом. наук

Горшков М.К.
академик РАН (председатель)

Давыдов А.П.
доктор культурологии (зам. председателя)

Иванов А.Е.
доктор истор. наук

Туманова А.С.
доктор истор. наук, доктор юр. наук

Федотова В.Г.
доктор филос. наук

Яковенко И.Г.
доктор филос. наук

**THE RUSSIAN REVOLUTION
IN RETREAT, 1920–24:**

SOVIET WORKERS AND THE NEW COMMUNIST ELITE

BY SIMON PIRANI

Routledge
2008

САЙМОН ПИРАНИ

**РУССКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
В ОТСТУПЛЕНИИ**

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2013

УДК 94(47+57):323.332»1920/1925»
ББК 63.3(2)613-282.1
ПЗЗ

Перевод с английского
Дениса Горбача и Евгении Польщиковой

Пирани, Саймон.

ПЗЗ Русская революция в отступлении : перевод с английского / Пирани Саймон. — М. : Новый хронограф, 2013. — 480, [12] с. —(Российское общество. Современные исследования). — ISBN 978-5-94881-209-0.

Русская революция 1917 года, была определяющим событием XX века. Ее достижения и провалы сохраняют свою актуальность и значимость в жизни современной России и поныне. В данной книге рассматривается период после окончания Гражданской войны и первыми годами НЭПа, когда руководство РКП(б) осознав свою силу отступило от ранее заявленных идеалов революции, что привело к усилению внутрипартийных разногласий в руководстве партии и к росту экономических и политических выступлений рабочих. Исследование, основанное на глубоком изучении источников, дает широкую социально-политическую картину действий и противодействий партийных верхов и низов, профсоюзных активистов и простых заводских рабочих..

СПР РФБ

На обложке: Оратор выступает перед работниками Трёхгорной мануфактуры (начало 1920-х)

ISBN 978-5-94881-209-0

© Пирани, Саймон, 2013
© Новый хронограф, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Саймона Пирани посвящена одному из ключевых периодов ранней советской истории – началу 1920-х гг., когда после окончания Гражданской войны в России происходила консолидация нового, коммунистического режима власти. В центре внимания автора отношения между правящей партией и тем социальным слоем, выражение интересов которого она декларировала, – рабочим классом. Эти отношения, рассматриваемые на примере Москвы, впервые в историографии стали предметом столь тщательного и всестороннего исследования, которое опирается на обширный массив источников. Готовя свою монографию, Саймон Пирани несколько лет проработал в московских архивах, что позволило ему ввести в научный оборот множество новых и весьма интересных материалов.

В книге подробно описано положение рабочих советской столицы на рубеже «военного коммунизма» и НЭПа, показаны реально волновавшие их проблемы: от размеров пайков до конфликтов с управленцами и властями. Социально-политическая реальность, реконструируемая автором, мало похожа на «диктатуру пролетариата», о которой твердила большевистская пропаганда. В утвердившейся системе пролетариат постепенно утратил все возможности влиять на государственную политику. Из самостоятельного политического субъекта, каковым он был в 1917 г., рабочий класс превратился в объект «мобилизационных политических кампаний», проводимых сверху сросшейся с государством компартией. Пирани прослеживает, как происходила эта трансформация в разных сферах, – в Советах, профсоюзах, на уровне предприятий.

Вместе с тем в книге опровергается распространенное в историографии представление о пассивности рабочих масс, которые в условиях социально-экономических катаклизмов

будто бы утратили интерес к политике и добровольно, без сопротивления уступили всю власть коммунистической элите. На самом деле рабочие неоднократно, в том числе и в ходе забастовок, выступали в защиту своих прав и стремились сохранить пространство для независимой самоорганизации. В этой связи особенно интересно рассмотрение в книге феномена «движения беспартийных», которое опиралось преимущественно на рабочих и в условиях подавления оппозиционных партий пыталось выступить в качестве своего рода «конструктивной оппозиции» РКП(б). Однако коммунистические верхи воспринимали даже лояльную оппозицию как угрозу: диалог с «беспартийными» был отвергнут, а Моссовет, на выборах в который в 1921 г. последние добились существенного успеха, окончательно выродился в «безжизненный лекторий».

В конечном итоге переход к НЭПу в сочетании с репрессиями против наиболее активных выразителей недовольства, позволил, по мнению автора, стабилизировать режим на основе «социального контракта»: рабочие по большей части смирились с политической экспроприацией, получив взамен стабильное увеличение доходов и рост уровня жизни. Но этому «контракту», оборотной стороной которого являлось восстановление эксплуататорских классовых отношений, была суждена недолгая жизнь — к концу 1920-х годов он оказался расторгнут в одностороннем порядке новым правящим классом, затеявшим в стране «великий перелом».

Формирование новой господствующей элиты из числа партийных и государственных функционеров, а также промышленных управленцев — еще один важный сюжет книги С. Пирани. Из нее видно, как складывалась и укреплялась особая категория «ответственных работников», концентрировавшая в своих руках не только власть, но и материальные привилегии. Этот процесс развивался в контексте трансформации самой правящей партии из «военизированной организации единомышленников» в бюрократическую машину, подчиненную узкой группе вождей. Но и здесь, как и при анализе общественно-политического поведения рабочих, автор уделяет особое внимание внутреннему сопротивлению самой партии тенденциям ее бюрократизации и олигархизации. Проявлением такого сопротивления были практически непре-

рывные в начале 1920-х годов конфликты «верхов» и «низов» РКП(б), ожесточенные внутривнутрипартийные дискуссии, активная деятельность различных оппозиционных группировок, отражавших настроения многих идейных коммунистов и части рабочих. Рассказывая об этих группах инакомыслящих – не только о «Рабочей оппозиции» и «децистах», но и о куда менее известных даже специалистам течениях (например, «Бауманской оппозиции»), – автор вносит немало нового в историографию внутривнутрипартийной борьбы в РКП(б).

Таким образом, книга Саймона Пирани, написанная на стыке социальной и политической истории, будет интересна всем, кто хочет по-настоящему разобраться, почему, как и куда «отступила революция» в России.

*Алексей Гусев,
Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я очень обязан Стиву Смиту, руководившему процессом написания диссертации, из которой выросла эта книга, и поддержавшему моё исследование, которое вышло далеко за рамки первоначальных ожиданий. Барбара Аллен, Дональд Филтцер, Алексей Гусев и Виктория Тяжелникова щедро уделяли мне своё время. Я также благодарю за комментарии к моему исследованию и за переписку Роберта Аргенбрайта, Робина Блэкберна, Салли Бонис, Терри Бразерстоуна, Пола Фленли, Венди Голдман, Гейса Кесслера, Дайан Кёнкер, Ларса Лиха, Константина Морозова, Кевина Мёрфи, покойного Брайана Пирса, Джона Смита, Тони Свифта, Леонида Вайнтрауба, Сюзи Вайсман и Сергея Журавлёва.

Я благодарен организаторам и участникам конференций, на которых я представлял материалы исследования, в том числе конференции Британской ассоциации славянских и восточноевропейских исследований (2003 и 2004), собранию Американской ассоциации развития славянских исследований (2004 и 2006), конференции по трудовой истории России в Международном институте социальной истории в Амстердаме (2005) и исследовательской группе BASEES по Русской революции (2005 и 2006). Дискуссии, устроенные группой Workers' Liberty и группой «Праксис» в Москве, серия семинаров «Индивиды и общество» в Биркбек Колледж в Лондоне, сессия конференции по историческому материализму в Лондоне и собрания Иранского социалистического форума и Южного этического общества (South Place Ethical Society) также помогли мне чётче сформулировать свои идеи.

Я признателен архивариусам Центрального архива общественно-политической истории Москвы, Центрального архива города Москвы, Центрального государственного архива Московской области, Центрального московского архива-музея

личных собраний, Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социальной и политической истории, а также библиотекарям Эссекского университета, Российской государственной библиотеки общественной истории в Москве, Российской государственной библиотеки, библиотеки Школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета, Британской библиотеки, Вулвичской справочной библиотеки и Европейского ресурсного центра в Бирмингемском университете.

Спасибо Шолпан Горонви за помощь с русскими идиомами и выражениями, Брайану Или за графику, а также друзьям, которые обсуждали со мной темы, поднятые в книге, или иным образом помогали мне – в частности, Яношу Борови, Себастьяну Баджену, Кристин Купер, Питеру Коурту, Дэвиду Краучу, Венди Дероуз, Уильяму Диксону, Рауфу Фатеху, Полу Флюэрсу, покойному Питеру Фрайеру, Дэвиду Горману, Тревору Горонви, Юлии Гусевой, Хилари Хоррокс, Наташе Курашовой, Яссамин Матер, Дэвиду Моду, Энтони Макинтайру, Джонасу Нильсону, покойному Али Резе, Уильяму Роуву, Торабу Салету, Киту Скотчеру, покойному Сирилу Смиту, Джону Спенсеру, покойному Нго Вану, Владимиру Евстратову и Крису Райту. Я также благодарен редакторам и другим людям, с которыми я работал в сфере журналистики в то время, когда занимался исследованием для этой книги, особенно Теймуру Ахмаду, Джонатану Беллу, Энди Бевену, Дэвиду Элдриджу, Джону Элкинсу, Робби Фёрту, Бобу Джонсу, Кэролайн Палмер, Эндрю Пендлтону, Судипу Рою и Майку Топпу.

Я очень признателен своим друзьям, у которых я жил в Москве во время исследовательских командировок. В Лондоне Феликс Пирани и покойная Марта Монтелеони, Джон Баллантайн и Марта Кокко, а также Элизабет Купер и Роджер Кейс оказывали неоценимую поддержку. Это же касается и нашей дочери Надин. Но самую большую благодарность заслужила моя жена Моника, без которой я бы не смог написать эту книгу.

Некоторые материалы из первой и третьей глав впервые были использованы в моей статье ‘Class Clashes With Party:

Politics in Moscow between the Civil War and the New Economic Policy', *Historical Materialism* 11: 2, 2003: 75-120, а материалы четвёртой главы – в 'The Moscow Workers' Movement in 1921 and the Role of Non-partyism', *Europe-Asia Studies* 56:1, 2004: 143-160. Более ранняя версия седьмой главы была опубликована под названием 'The party elite, the industrial managers and the cells: early stages in the formation of the Soviet ruling class in Moscow, 1922–23', *Revolutionary Russia* 19:2, 2006: 197-228. Они воспроизведены здесь с разрешения.

Фотографии были любезно предоставлены Российским государственным архивом кинофотодокументов, Центральным архивом общественно-политической истории Москвы и Коллекцией Дэвида Кинга.

Введение

РАБОЧИЕ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Русская революция стала одним из событий, определивших историю XX в., — возможно, самым главным в ряду таких событий. Это был поворотный пункт в истории европейских и азиатских империй, а также в истории классовой борьбы и движений за социальное освобождение. Свержение царского режима и успешное создание правительства, претендовавшего на представительство рабочего класса, возвышалось над историей всего столетия, оказывая влияние на социальные движения во всём мире. Отход от первоначально поставленных целей или поражение революции — что, в частности, обсуждается и в настоящей книге, — являлся, наряду с её достижениями, центральной проблемой для всех, кого интересовали прогрессивные изменения социального устройства.

Две русских революции 1917 г., в ходе которых в феврале был свержен царизм, а в октябре на смену недолговечному Временному правительству пришли большевики, были главным итогом Первой мировой войны. Османская и Австро-Венгерская империи распались на части, но Российская империя была уничтожена в ходе социального подъема, в котором участвовали миллионы людей: рабочие, стремившиеся сами управлять заводами; крестьяне, хотевшие отобрать землю у тех, кто владел ею на протяжении веков; солдаты, не желавшие воевать. Немецкая и Венгерская революции 1918–1919 гг. были насильственно подавлены, но в России кровопролитная Гражданская война 1918–1920 гг. увенчалась победой большевиков, хоть и не очень убедительной. Придя к власти, большевики возглавили процессы индустриализации и модернизации; причём если в Европе XIX в. эти процессы шли под знаменем капитализма и рынка, то здесь впервые в истории их инициировало государство, предположительно социалистическое. Все последующие рабочие движения, оспари-

вавшие власть капиталистического государства — от Испании 1930-х гг. до Франции 1968 г. или Ирана 1979 г., — пребывали под влиянием большевистской идеологии. То же самое можно сказать о революциях в Китае и Вьетнаме, являвшихся скорее крестьянскими войнами, чем рабочими восстаниями, а также о многих националистических движениях второй половины XX в. Методы национализации имущества и государственного планирования, принятые в Советском Союзе, были распространены Красной Армией по всей Восточной Европе.

На протяжении десятилетий эта революция оказывала влияние на весь мир, при этом в самой России уже через несколько месяцев после октябрьского восстания начался отход от провозглашённых революцией лозунгов социального освобождения. Она отступала под давлением сложившихся обстоятельств и государственной реакции. Отступление, как и сама революция, не было единообразным или одномерным процессом. Рабочие, коммунисты и другие социальные группы пытались двигать революцию вперёд, даже когда давно моменты, позже признанные ими (или историками) поворотными (1918, 1921 или даже 1928—1929 гг.), давно были пройдены. Настоящая книга рассматривает этот процесс — в особенности то, как он проявлялся в напряжённых отношениях между большевиками и московскими рабочими после Гражданской войны — с социалистической перспективы. Термин «социализм» употребляется здесь в его первичном значении, так, как его понимал Маркс: движение, имеющее целью пересоздание общества путём преодоления отчуждённого труда¹, частной собственности и государства. С этой точки зрения русская революция и все революционные рабочие движения XX в. могут быть охарактеризованы как серия безуспешных попыток вы-

---

¹ Под отчуждённым трудом подразумевается деятельность, продукт которой оказывается вне контроля своего создателя и враждебен ему. У Маркса комплексное понятие отчуждения (то есть потери контроля) включало в себя отчуждение людей от природы, от своей «родовой сущности» представителей человеческого вида и друг от друга, а также отчуждение, присущее наёмному труду. Лучшее краткое изложение дано в труде Маркса «Наёмный труд и капитал», а лучшая дискуссия содержится в следующей книге: *Meszaros I., Marx's Theory of Alienation*, London: Merlin, 2005, особенно pp. 8, 14—22 и 122—161.

рваться из комплекса общественных отношений, основанных на отчуждённом труде, во главе которого стоит государство, и сломать эти отношения. Учитывая, что необходимой частью любого движения в направлении социализма является коллективная, партисипаторная демократия, отказ от устремлений к такой демократии представляется неизбежным спутником провала всего движения.

Центральным элементом русской революции были попытки развить такую демократию, предпринимаемые большим количеством людей, — прежде всего, через Советы и заводские комитеты, возникшие во время Революции 1905 г. Вскоре после Февральской революции 1917 г., принёсшей всеобщее избирательное право и свободу прессы, отмену смертной казни и другие демократические нововведения, движение Советов из городов распространилось на деревню и армию. К концу 1917 г., во время подготовки к Октябрьскому восстанию, оно упрочилось еще сильнее. Во время Гражданской войны 1918–1920 гг. революция как социалистический проект начала отступать. Её очаг был географически изолирован белыми войсками. Экономика развалилась, крестьяне сопротивлялись реквизиции зерна, повсеместно распространялись голод и эпидемии, население испытывало невиданные ранее трудности. Общество стояло на грани распада. На промышленных предприятиях, большинство которых было национализировано спустя считанные недели после прихода большевиков к власти, были введены атрибуты отчуждённого труда (трудовая дисциплина и вертикальная управленческая структура): с их помощью правительство большевиков пыталось оживить разрушенную экономику. Несомненно, в условиях такой крайней нужды труд мог быть только отчуждённым, а сформировавшиеся на таком базисе общественные отношения — только эксплуататорскими. Эксперименты с рабочим контролем и самоуправлением на производстве продолжались недолго. Начались эксперименты с принудительным трудом. Партия большевиков вскоре отвернулась от принципа коллективной рабочей демократии, осуществлявшегося на практике в 1917 г. Там, где Советы остались, их решения, как правило, подчинялись указаниям партийных или военных органов. Все социалистические партии, кроме большевиков, подвергались

репрессиям. Смертная казнь была частично восстановлена, а полномочия чрезвычайных комиссий (ЧК) расширены.

Среди социалистов по-прежнему нет согласия относительно судьбы русской революции — была ли она разгромлена, сама временно отступила или потерпела окончательное поражение, — а также относительно того, когда именно она повернула назад (или её повернули). Часто в центре полемики оказывается Гражданская война. Одни считают её основным фактором, заставившим большевиков отказаться от многих стремлений 1917 г.; по мнению других, страшнейших бедствий войны можно было бы избежать, если бы большевики, социалисты-революционеры (эсеры) и другие стороны действовали иначе; некоторые утверждают, что война лишь усилила антисоциалистические тенденции, и без того превалировавшие в большевизме. Историки тоже называют Гражданскую войну одной из причин усиления тенденций к установлению диктатуры. Некоторые авторы (например, Шейла Фицпатрик) подчёркивают роль политических и культурных практик, возникших в Красной Армии и прижившихся в мирное время. Другие (например, Мелвин Хелгесен, чья точка зрения отражает преобладающий среди левых взгляд на истоки большевистского авторитаризма) предполагают, что большевики построили бы демократию, если бы обстоятельства материального характера не лишили их такой возможности². В этой книге рассматри-

---

² Фицпатрик утверждает, что Гражданская война милитаризовала «революционную политическую культуру» большевиков и оставила им в наследие «готовность прибегать к принуждению, править командно-административными методами ... централизованную структуру управления и упрощённое судопроизводство». Это она считает одним из центральных факторов, породивших советский авторитаризм — наряду с тем фактом, что диктатура меньшинства практически неизбежно была бы авторитарной, а сторонников большевиков из числа рабочих не очень волновало применение диктаторских методов. Хелгесен, чей труд, к сожалению, не опубликован, заключает, что установление однопартийного правления и сосредоточение политической власти в руках партийного аппарата было «результатом отдельных прагматических политических решений, принятых ... при попытках справиться с многочисленными кризисами Гражданской войны». *Fitzpatrick S., The Russian Revolution 1917-1932, Oxford: Oxford University Press, 1982, p. 64; Helgesen M.M., The Origins of the Party-State Monolith in Soviet Russia: Relations between the Soviets and*

вается период непосредственно по окончании Гражданской войны, когда конфигурация факторов, от которых зависело будущее революции — как объективных (экономический коллапс, демографические изменения), так и субъективных (большевистская идеология, рабочие движения), — была иной. Сильнейшее давление неблагоприятных условий, определявшее действия большевиков, рабочих и других исторических субъектов во время Гражданской войны, ослабилось — не настолько, чтобы кто-либо из них мог остановить отступление революции, но, все-таки, в достаточной мере, чтоб они могли более осознанно творить новое общество. Сила обстоятельств по-прежнему была велика, даже огромна, но теперь их эффект проявлялся на более длительном временном промежутке. Несмотря на такие кризисы, как разруха в транспортной отрасли в 1920–1921 гг. и даже голод катастрофических масштабов 1921–1922 гг. в деревне, в целом решения, принимаемые большевиками, реже касались того, как отбить войска противника или наладить чрезвычайные поставки на протяжении нескольких дней, и чаще — того, как люди будут жить и работать в ближайшие месяцы, годы и десятилетия.

В данной книге утверждается, что одним из главнейших решений, принятых большевиками в этот момент, был отказ от форм коллективной, партисипаторной демократии, которые какое-то время пытались возродить рабочие. Здесь оспаривается традиционный среди левых историков взгляд, согласно которому большевики были вынуждены взять в свои руки политическую власть потому, что рабочий класс, ослабленный Гражданской войной, был не в состоянии осуществлять её. На самом деле беспартийные рабочие хотели и могли участвовать в политических процессах, но выталкивались из политики большевиками — как в Московском совете, так и в других органах. Авангардизм партии — т. е. уверенность в том, что партия имеет право и даже обязана принимать политические решения от имени рабочих, теперь был подкреплён тем фактом, что она контролировала государственный аппарат. Рабочий класс был политически

Party Committees in the Central Provinces, October 1917 – March 1921 (PhD diss., State University of New York at Stony Brook, 1980), p. 525.

экспроприрован; власть всё больше сосредоточивалась в руках партии, а точнее, партийной элиты. Таковы были важнейшие свойства нового политического порядка, установленного большевиками после принятия Новой экономической политики (НЭПа) в 1921 г. на основе динамичного восстановления экономики. Рабочие извлекли выгоду из этого порядка: их уровень жизни вернулся к достигнутому накануне Первой мировой войны и продолжал расти. Но за это они заплатили отказом от политической власти в пользу партии. Этот последний аспект взаимоотношений партии с рабочими был самым важным и самым разрушительным для развития рабочего движения и социализма.

В этих доводах рабочий класс рассматривается в том смысле, в котором это понятие употреблял Маркс и английский историк Эдвард Палмер Томпсон: класс, сформированный в процессе самоопределения и борьбы с правящим классом; «общественное и культурное образование», понимаемое скорее «в контексте его отношений с другими классами» (Томпсон), а не как «структура» или категория; «событие», понимание которого требует обращения к сознанию, опыту и коллективному действию³. На протяжении истории совокупность перспектив, принимаемых во внимание при изучении процессов формирования рабочего класса, постоянно расширялась: социально-исторический подход («история снизу»), разработанный в 1970-х и 1980-х гг., позднее был дополнен культурно-историческими подходами и методикой «лингвистического поворота». В данной книге я старался использовать все эти наработки, но основной предмет исследования остался относительно «традиционным»: политика рабочего класса (не в узком смысле отношений с правительством, а в более широком смысле коллективного действия, стремящегося изменить или оспорить властные отношения) как неотъемлемый элемент

---

³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Гл. 1.; Thompson E.P., *The Making of the English Working Class*, особенно pp. 10–11 и p. 939. См. также Thompson E.P. *The Poverty of Theory and Other Essays*, London: Merlin, 1978, pp. 298–299; Katznelson I. 'Working Class Formation: constructing cases and comparisons', in *Working-Class Formation: Nineteenth-Century Patterns in Western Europe and the United States*, Katznelson I., Zolberg A. (eds.), Princeton: Princeton University Press, 1986, pp. 3–41.

процесса формирования класса⁴. Под политикой рабочего класса понимаются не исключительно или главным образом рабочие партии, а политические устремления рабочего класса как такового.

Резкий поворот в процессе формирования рабочего класса в России был сделан тогда, когда большевики, которых привела к власти беспрецедентная волна рабочих выступлений, экспроприировали капиталистов, национализировали промышленность и сделали государство, которое якобы выражало интересы рабочих, движущей силой экономического развития. С этого момента государство стало ключевым фактором в процессе формирования рабочего класса. Последний должен был артикулировать свои коллективные интересы, учитывая существование этого «рабочего государства». Возникавшие отсюда дилеммы были предметом обсуждения историков русской революции, ставивших на первый план историю труда; они оказали сильное влияние и на мою работу⁵. Как написали

---

⁴ Полезное определение «коллективного действия» дал Чарльз Тилли: оно распространяется «примерно равным образом на деятелей, намеренных сломать систему, и на тех, кто хочет незначительных реформ, на изгоев и привилегированных, на успешных и неудачников» и, по словам Тилли, «покрывает широкий диапазон типов поведения, связи и общие свойства которых заслуживают внимания: не только почти все типы поведения, называемые властями «протестом», «бунтом» или какими-либо уничижительными словами, но и подача петиций, шествия, голосование и множество других видов совместного действия». См.: *Tilly C.*, 'Introduction', in *Class Conflict and Collective Action*, Tilly L., Tilly C. (eds.), Beverly Hills: Sage, 1981, pp. 9–20.

⁵ Например, *Koenker D.P.*, *Moscow Workers and the 1917 Revolution*, Princeton: Princeton University Press, 1981; *Koenker D.P.*, *Rosenberg W.G.*, *Strikes and Revolution in Russia, 1917*, Princeton: Princeton University Press, 1989; *Rabinowitch A.*, *Prelude to the Revolution: the Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising*, Bloomington: Indiana University Press, 1968; *Rabinowitch A.*, *The Bolsheviks Come to Power: the Revolution of 1917 in Petrograd*, New York: W. Norton, 1976; *Smith S.A.*, *Red Petrograd*, Cambridge: Cambridge University Press, 1983; *Mandel D.*, *The Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime: from the February Revolution to the July Days, 1917*, London: Macmillan, 1983; *Mandel D.*, *The Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power: from the July Days 1917 to July 1918*, London: Macmillan, 1984. Обзор этой литературы содержится в *Suny R.G.*, 'Towards a Social History of the October Revolution', *American Historical Review* 1 (1983), pp. 31–52. О Москве, кроме книги Кёнкер, есть ещё, например,

редакторы одного важного сборника статей по истории труда, «Советские рабочие, объединяясь и работая в рамках системы, которую руководители называли “социалистической”, быстро пролетаризировались, но после этого не утверждались в качестве сознательного пролетариата в Марксовом смысле класса-для-себя». В той же книге Моше Левин припомнил «загадку»: «наш рабочий класс похож на старую капиталистическую систему, а на что похожа правящая прослойка (позже – класс)?»⁶.

В таком виде, в каком она существовала во время Гражданской войны, эту прослойку нельзя было в строгом смысле слова назвать правящим классом: вокруг партии, командиров Красной Армии и государственных чиновников действительно сформировалась правящая элита, но не общественный класс с чётко обозначенными коллективными интересами. Тем не менее, несмотря на отсутствие правящего класса, вновь возникли эксплуататорские общественные отношения, основанные на отчуждённом труде. Центральную роль в этом процессе играло государство. Боровшиеся с экономической разрухой большевики развернули кампанию за трудовую дисциплину и привлекли к участию в этой кампании профсоюзы и фабрично-заводские комитеты. Приёмы трудовой мобилизации они совмещали с мерами принуждения к труду, включая милитаризацию. Производственные организации (и, по-видимому, сами рабочие) часто поддерживали эти начинания, а иногда предлагали и ещё более жёсткие меры. Большинство антибольшевистских рабочих партий, как правило, тоже поддерживали такие шаги, хотя меньшевики

Bonnell V.E., *Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organizations in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914*, Berkeley: University of California Press, 1983; *Johnson R.E.*, *Peasant and Proletarian: the Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century*, Leicester: Leicester University Press, 1979; *Engelstein L.*, *Moscow 1905: Working Class Organization and Political Conflict*, Stanford: Stanford University Press, 1982.

⁶ *Siegelbaum L.*, *Suny R.G.*, 'Class Backwards? In Search of the Soviet Working Class', pp. 1–26, и Lewin M., 'Concluding Remarks', pp. 376–389, здесь цитируется р. 383. Оба материала размещены в *Making Workers Soviet: Power, Class and Identity*, Siegelbaum L., Suny R.G. (eds.), London: Cornell University Press, 1994.

и другие негодовали по поводу принудительного труда. Пик организованных выступлений независимых рабочих был достигнут весной 1918 г. в Петрограде, обозначившись волной забастовок и созывом собрания независимых представителей фабрик и заводов; вскоре выступления были подавлены. На протяжении двух последующих лет недовольство трудовым режимом и кризисом поставок проявлялось среди рабочих как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Были отдельные случаи стачек и протестов, в основном из-за пайков, но более частыми явлениями были прогулы, смена работы и места жительства опытными рабочими, а также использование заводского оборудования для производства изделий на продажу или для домашнего использования⁷.

Во многих отношениях рабочие были угнетены и вынуждены бороться за выживание. Это крайне негативно влияло на процессы формирования рабочего класса и развития политической сознательности. Отдельного упоминания заслуживает аргументация Майкла Сейдмана, оспаривающая общепринятую среди историков трактовку действий рабочих во время послереволюционного хаоса. Как правило, историки, особенно левые, предполагают, что отвращение рабочих к трудовой дисциплине указывало на политическую несознательность. Индивидуальные стратегии выживания, взятые на вооружение рабочими, трактуются как акты отчаяния, не имеющие практически никакого отношения к классовой борьбе. Сейдман поставил под сомнение эту точку зрения: он оппонирует «продуктивистским» взглядам, рассматривающим фабрику как «средоточие освободительной борьбы», а уклонение от работы, соответственно, как нечто плохое. В своих книгах Сейдман пишет о Гражданской войне в Испании и о Народном фронте во Франции — ситуациях, при которых, как и в революционной России, рабочие столкнулись с кризисом капиталистического господства, а правительства прикрывались интересами рабочих, от их имени устанавливая трудовую дисциплину, — и

⁷ *Brower D.* “‘The City in Danger’: the civil war and the Russian urban population”, in *Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History*, Koenker D.P., Rosenberg W.G., Suny R.G. (eds.), Bloomington: Indiana University Press, 1989, pp. 58–80; *McAuley M.*, *Bread and Justice: State and Society in Petrograd 1917–1922*, Oxford: Clarendon, 1991, особенно p. 239–258.

доказывает, что «сопротивление работе» имело «утопический» аспект, направленный против наемного труда как такового. Он приводит недостаточно свидетельств того, что такая позиция действительно была артикулирована, да и российские историки не нашли достаточно таких доказательств. Необходимы дальнейшие исследования того, какое место занимал в мотивации рабочих такой утопизм, а какое — прагматические стратегии выживания. С другой стороны, Сейдман убедительно показывает, что в ответ на сопротивление рабочих труду усиливались иерархические тенденции государственных и квазигосударственных властей. Он демонстрирует, что это «привело к бюрократизации и централизации» анархо-синдикалистской трудовой конфедерации в революционной Барселоне, и нежелание рабочих подчиниться трудовой дисциплине обнаружило в анархо-синдикалистских лидерах наихудшие авторитарные наклонности⁸. Аналогичная тенденция была очевидной и во время Гражданской войны в России, когда прогулы и наплевательское отношение рабочих к труду провоцировало многих большевиков на всё более драконовские меры. События в России и в Испании имели общие черты: в результате революционного прорыва было создано правительство, руководившее от имени рабочего класса; вследствие ограниченного масштаба этого прорыва рабочим был вновь навязан принудительный труд; этому процессу способствовало государство (даже если оно было рудиментарным) и рабочие организации; и даже в отсутствие капиталистического или другого правящего класса, государство резко бюрократизировалось, и вскоре воссоздавались иерархические общественные отношения. Несмотря на несомненное наличие ряда утопических тенденций, представляется бесспорным, что вследствие гражданской войны процессы формирования рабочего класса и развития рабочего сознания были серьёзно подорваны.

Период, описанный в этой книге, начинается в 1920 г., сразу после окончания Гражданской войны. Происходившее тогда возрождение активности рабочего класса достигло куль-

---

⁸ *Seidman M.* Workers Against Work: Labor in Paris and Barcelona During the Popular Fronts, Berkeley: University of California Press, 1991, pp. 11–15, 96–100 and 133–155; *Seidman M.*, Republic of Egos: a Social History of the Spanish Civil War, Madison: University of Wisconsin Press, 2002, особенно pp. 7–8, 14, 67–69.

минации в феврале—марте 1921 г., выразившись в широком стачечном движении и восстании матросов на военно-морской базе в Кронштадте. Политический характер этих движений является ключом к пониманию процесса формирования рабочего класса, но по его поводу историки не имеют единого мнения. Большевики осуждали эти движения в лучшем случае как выражение реакционных эгоистических интересов, а в худшем — как поддержку контрреволюции. Западные историки, работавшие в советский период, разделились: Исаак Дойчер и некоторые другие частично принимали аргументацию большевиков, тогда как Пол Эврич, Израэль Гетцлер и другие оспаривали её. Исследуя рабочее движение в 1920—1921 гг., Джонатан Эйв пришёл к выводу, что «стойкие традиции организации» пережили Гражданскую войну; я утверждаю, что в войне выжило также и разнообразие политических течений в рабочем движении. Российские и западные историки, работающие в постсоветский период, когда был облегчён доступ к архивам, воссоздали подробную картину этих движений⁹. Двое выдающихся историков, работавших в 1990-х гг., Ричард Пайпс и Орландо Файджиз, предположили, что события весны 1921 г. были «революционной ситуацией», в которой большевики могли быть свергнуты, но я не согласен с этим. Не то чтобы это движение было аполитичным или антисоциалистическим. Напротив: несмотря на то, что многие

---

⁹ Дойчер отвергал предположение, будто Кронштадтское восстание возглавляли белые генералы, но сочувственно повторял утверждение Троцкого о том, что большинство матросов были новобранцами, не имевшими революционных традиций и не представлявшими последствий своих действий. *Deutscher I., The Prophet Armed. Trotsky 1879—1921*, London: Oxford University Press, 1970, pp. 510—514. *Avrich P., Kronstadt 1921*, Princeton University Press, 1970; *Getzler I., Kronstadt 1917—1921: The Fate of a Soviet Democracy*, Cambridge: Cambridge University Press, 1983; *Aves J., Workers Against Lenin*, London: Tauris, 1996, p. 186. Недавно изданные труды: *Яров С. В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев.* — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999; *Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917—1929. Экономические конфликты и политический протест / Черняев В. Ю., Макаров Е. И. (ред.).* — СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000; *Raleigh D. J., Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society and Revolutionary Culture in Saratov, 1917—1922*, Princeton: Princeton University Press, 2002.

стачки были вызваны недовольством по поводу перебоев с продовольствием, движение беспартийных рабочих (некоторые его сегменты) стремилось к участию в политическом процессе. Это стало ясно во время выборов в Московский совет в апреле—мае 1921 г., когда у рабочего класса появилась возможность снова участвовать в политике. Большевики не позволили использовать эту возможность.

Политический кризис 1921 г. подтолкнул большевиков к принятию НЭПа, а это подготовило почву для восстановления экономики. Путь, избранный большевиками, предполагал оживление экономики под руководством партии и государства; рабочий класс должен был заниматься производством и держаться подальше от принятия политических решений. Был очерчен общественный договор, описанный мною в гл. 4, и большинство рабочих его приняло: уровень жизни постоянно улучшался, а взамен ужесточалась трудовая дисциплина, увеличивалась производительность, а политическая власть переходила к партии. Это центральная тема данной книги. Рабочий класс получил лучший уровень жизни, но дорого заплатил за это своим коллективным сознанием и политическим развитием.

Ещё одна большая тема — эволюция Советского государства и управлявшей им партии. Во время Гражданской войны началось строительство нового государства на основе описанной выше экономики «военного коммунизма». По мере того, как на заводах усиливалась эксплуатация, а Красная Армия забирала на себя не только военные, но и экономические, а также административные функции, царистская и послефевральская системы правления были отброшены — хотя многие элементы старого аппарата и его методы сохранились в практически неизменённом виде. Органы деятельной, коллективной демократии, с которыми экспериментировали в 1917 г. — Советы, фабрично-заводские комитеты, рабочее ополчение, органы рабочего контроля и управления — были подчинены иерархической, часто военизированной властной вертикали. Права на свободу слова, свободу собраний и правосудие игнорировались ЧК, действия которой партийное руководство часто оправдывало необходимостью. Очевидно,

что для преодоления кризисов, следовавших один за другим, у большевистского правительства не было ничего, кроме шаткого государственного аппарата, — и равным образом очевидно, что всё это было полнейшим разрывом с движением к социализму, как его представлял себе Маркс и контуры которого описывал, например, в трудах, посвящённых Парижской коммуне 1871 г. Идеологию большевиков сформировали обстоятельства. Они стали самыми пламенными государственниками. Они лишили свой социализм того средства общественных изменений, которое было неотъемлемой частью Марковского социализма: коллективной демократии, которая должна вытеснить государство. Марковским понятием «диктатура пролетариата», вырванным из контекста, злоупотребляли для оправдания радикальной экспансии государства. Была опубликована книга Ленина «Государство и революция» 1917 г., в которой шла речь об «отмирании» государства, но ни сам Ленин, ни другие партийные вожди не обсуждали уже всерьёз поднятых им вопросов. Напротив, они оправдывали свои действия на языке теории — например, в книгах Бухарина и Троцкого¹⁰. Среди большевиков мало кто задумывался о классическом марксистском видении социализма как отрицания государства. Рабочий, упомянутый ниже во второй главе, который ушёл в знак протеста против того, что его товарищи поклоняются «новому богу, которого они называют Государство», был в абсолютном меньшинстве. С этого времени для большинства большевиков государственная власть, государственное управление экономикой и повышение производительности в государственной промышленности стало синонимом борьбы за «социализм».

Выше было сказано, что в России во время Гражданской войны не было правящего класса. В послевоенный период эта ниша тоже не была заполнена надлежащим образом. Класс помещиков и капиталистов был разбит наголову. Группы чиновников ещё не объединились в новый советский правящий класс. Рабочий класс правил лишь номинально, на деле уступив политическую власть партии большевиков.

¹⁰ *Троцкий Л.* Терроризм и коммунизм: ответ Карлу Каутскому. СПб.: Азбука, 2010. 224 С.; *Бухарин Н.* Экономика переходного периода // *Бухарин Н.* Избранные произведения. М.: Экономика, 1990, С. 81–239, особенно С. 189–198.

Партия и государство, управляемое ею, играли чрезвычайно важную роль не только в восстановлении экономики, но и в воссоздании правящего класса. Моше Левин отметил, что она была надстройкой, «временно подвешенной в некоем вакууме», которая должна была восстановить свой базис¹¹. Большевизм, перешедший во время Гражданской войны на определённо государственнические позиции, теперь занялся строительством государства и экономики. Для партии именно таковой была логика НЭПа и последовавшего за ним «большого рывка» 1928–1930 гг. Государство должно было быть достаточно сильным, чтобы провести экономические преобразования, которые позволили бы Советскому Союзу (так стали называться территории, управляемые большевиками, с конца 1922 г.) не сдать своих позиций капиталистическим силам. Это было также национальным строительством: Сталин охватил своей «железной хваткой» партию, правительство и власть, совместив цели индустриализации и модернизации с целями «возрождения силы и авторитета русского народа», как выразился Э.Х. Карр, описывая «большой рывок»¹².

В некоторых дискуссиях о Советском государстве основное внимание фокусируется на том, как оно использовало общественную мобилизацию. Томас Ремингтон определил мобилизацию во время Гражданской войны как «метод подчинения общественных ресурсов государственному контролю». Мобилизация использовалась для «привлечения независимой инициативы и организационной власти рабочего класса и промышленных учреждений на службу нового государства» и «формального подчинения их ему», лишив режим потенциальной поддержки со стороны широкого спектра общественных организаций¹³. Ремингтон связывает социализм с государственным строительством и предлагает в качестве посредника между государством и обществом плюрализм вместо мобилизации. Я, в свою очередь,

---

¹¹ *Lewin M.*, *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*, New York: The New Press, 1994, p. 260.

¹² *Carr E.H.*, *The Russian Revolution from Lenin to Stalin, 1917-1929*, Basingstoke: Palgrave, 1979, pp. 75 and 171.

¹³ *Remington T.*, *Building Socialism in Bolshevik Russia: Ideology and Industrial Organization 1917-1921*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1984, pp. 12-13 and 176-188.

утверждаю, что движение к социализму должно включать в себя формы партисипаторной демократии, которые со временем выходят за пределы государства. Я стремлюсь интерпретировать раннюю историю Советской России как конфликт этих форм (пусть в зачаточном состоянии) с государственными формами. Обратной стороной политической экспроприации рабочего класса были технические приёмы мобилизации. Они были не стимулом, а подменой инициативы рабочих, их навязали тогда, когда инициатива была подавлена. Уже с 1918—1919 гг. государство большевиков было проклятием для социалистического творчества, оно кастрировало Советы и профсоюзы и жёстко ограничило политическую активность рабочих репрессивными мерами. В шестой главе я подкрепляю это утверждение ссылками на мобилизационные кампании начала НЭПа.

В своей недавно вышедшей книге Дэвид Пристленд утверждает, что от Гражданской войны до начала партийных чисток в центре государственных начинаний большевиков — будь то поддержка трудовой дисциплины или кампании против «бюрократизма» — была идеологически мотивированная мобилизация, под конец опиравшаяся на «смесь националистических и марксистских идей»¹⁴. В его интерпретации идеология была источником, из которого черпались мобилизационные приёмы. Он ставит на первый план внутривнутрипартийные дискуссии, как будто партия была единственным значимым субъектом. Я рассматриваю мобилизационные приёмы под другим углом зрения. Политические интересы рабочего класса артикулировались не в тени политики большевиков, а независимо от неё; а борьба рабочих, на которую влияли внутривнутрипартийные процессы, сама тоже оказывала воздействие на партию. Мобилизационные приёмы были в равной мере реакцией на вызовы независимой политики рабочего класса и продуктом идеологии. Этот вопрос интерпретации касается не только послевоенного периода, но и «большого рывка» 1928—1930 гг. Пристленд, сосредоточивающий внимание на сдвигах в идеологии большевиков, описывает, как аппарат призывал рабочих

---

¹⁴ *Remington T.*, op. cit., особенно p. 11; *Priestland D.*, *Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power and Terror in Inter-war Russia*, New York: Oxford University Press, 2007, особенно pp. 189—192 and 407—408.

критиковать «бюрократизм» и как рабочие с выгодой для себя использовали это право против управленцев. Но это не составляет и половины деятельности рабочего класса в то время. Более значимыми были протесты исполинских масштабов, организованные независимо от большевиков и в противовес им. Эти протесты начались с сопротивления повышению нормы выработки при сокращении зарплаты и перед тем, как их подавили, успели перейти в политическую плоскость. Они подробно рассматриваются в книге Джеффри Россмана о движении текстильщиков в Ивановской губернии¹⁵.

В данной книге сделана попытка поместить изменения в политике и идеологии большевиков, включая использование мобилизационных приёмов, в контекст изменяющихся классовых отношений. Контрапунктом к формированию рабочего класса было образование нового советского правящего класса. Центром притяжения для этого класса служила партийная элита, и вся партия приводила свою политику в соответствие с интересами элиты. В последних главах настоящей книги прослеживается этот процесс в первые годы НЭПа. Промышленные рабочие и другие партийные активисты абсорбировались партийно-государственным аппаратом, и секретарь Московского горкома партии в отчаянии сравнил этот процесс с действием насоса. Другие социальные группы, вошедшие со временем в состав советского правящего класса — директора заводов, руководители партийных ячеек и специалисты, — с самого начала оказались в антагонистических отношениях с рабочими. Несмотря на то, что многие члены партии испытывали дискомфорт от этой вражды, партия как организация укрепляла развивающуюся иерархию. В то же время партийная элита консолидировала контроль над всей партией; кульминацией этого процесса стал разгром Левой оппозиции в 1923 г. В период, начиная с Гражданской войны и заканчивая серединой 1920-х гг., партия из военно-политической боевой организации превратилась в административную машину для претворения в жизнь решений, принятых наверху. Учитывая то, какую роль в этих процессах

---

¹⁵ *Priestland*, op. cit., especially pp. 201–205; *Rossmann J.*, *Worker Resistance Under Stalin: Class and Revolution on the Shop Floor*, London: Harvard University Press, 2005.

играло государство, определение его в рамках социалистической теории как «рабочего государства» вызывает сомнения.

Историография трудовых отношений раннего советского периода определяется тремя основными тенденциями последних десятилетий: обоснование роли рабочего класса в русской революции; «ревизионистские» доводы о поддержке рабочим классом сталинских трансформаций в конце 1920-х гг. и ответы на них; и влияние, оказанное историей культуры и «лингвистическим поворотом». «Трудовая» история революции вышла на первый план в трудах Дайан Кёнкер, Александра Рабиновича, Уильяма Розенберга и многих других авторов в 1970-х и 1980-х гг.¹⁶ Начиная с конца 1980-х много внимания уделяется периоду Гражданской войны и началу НЭПа¹⁷. «Ревизионистское» течение, утверждающее, что отдельные сегменты рабочего класса сформировали социальный базис для сталинской «революции сверху», а также полемика вокруг него, поначалу сосредоточивались на «великом переломе». Но эти споры отразились также и на историографии первого советского десятилетия. Например, Уильям Чейз в своей монографии о Москве писал, что в середине 1920-х гг. «исторический альянс [между партией и классом, сложившийся в 1917 г.] начал понемногу переформатироваться». В книге Льюиса Сигельбаума о государстве и обществе во времена НЭПа содержится более скептическая оценка¹⁸. В этой книге

---

¹⁶ См. выше прим. 5.

¹⁷ См., например, статьи в *Party, State and Society in the Russian Civil War: Exploitations in Social History*, *Koenker D.P., Rosenberg W.G., Suny R.G.*, Bloomington: Indiana University Press, 1989, а также в *Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture*, *Fitzpatrick S., Rabinowitch A. and Stites R.* (eds.), Bloomington: Indiana University Press, 1991. См. также *McAuley*, *op. cit.*

¹⁸ Первоначальное изложение «ревизионистской» позиции было дано в *Fitzpatrick S., Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921–1934*, Cambridge: Cambridge University Press, 1979; *Chase W., Workers, Society and the Soviet State: Labour and Life in Moscow 1918–1929*, Urbana: University of Illinois Press, 1990, p. 297; *Siegelbaum L., Soviet State and Society Between Revolutions, 1918–1929*, Cambridge: Cambridge University Press, 1992, особенно p. 100 and p. 226.

я предполагаю, что условием общественного договора между большевиками и рабочими была передача политической власти от рабочих к партии; в отличие от Чейза, я делаю акцент на углублении пропасти между двумя сторонами.

Позже, отражая общие тенденции в историографии, «трудовые» историки СССР расширили диапазон своих исследований с «традиционного» предмета изучения (мужчины-рабочие, занятые ручным трудом и организованные в профсоюзы и партии) до ранее игнорируемых аспектов: примером могут служить труды Венди Голдман о женщинах-рабочих и Дэниэла Орловски о служащих¹⁹. Недавно на «трудовую» историографию СССР также сильно повлиял «культурный поворот»; иллюстрациями его потенциала служат такие разные книги, как работа Орlando Файджица и Бориса Колоницкого о 1917 г., Марка Стайнберга о писателях-рабочих и Эрика Наймана о периоде НЭПа. Влияние «культурного поворота» на российских историков очевидно, например, в труде Сергея Журавлёва и Натальи Лебиной²⁰. Изучение собственно истории труда в раннесоветский период тоже сейчас переживает некое оживление; недавние примеры — книги Дайан Кёнкер о

---

¹⁹ *Goldman W.*, *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*, Cambridge: Cambridge University Press, 1993; *Goldman W.*, *Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia*, Cambridge: Cambridge University Press, 2002; *Orlovsky D.*, 'State Building in the civil war era: the role of the lower middle strata', in *D. Koenker et al.* (eds.), op. cit., pp. 180–209; *Orlovsky*, 'The Hidden Class: White Collar Workers in the Soviet 1920s', in *Siegelbaum and Suny* (eds.), op. cit., pp. 220–252.

²⁰ *Figes O., Kolonitskii B.*, *Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917*, New Haven: Yale University Press, 1999; *Steinberg M.D.*, *Proletarian Imagination: Self, Modernity and the Sacred in Russia, 1910–1925*, Ithaca: Cornell University Press, 2002; *Naiman E.*, *Sex in Public: the Incarnation of Early Soviet Ideology*, Princeton: Princeton University Press, 1997; *Журавлёв С.В.* «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электрoзавода в советском обществе 1920-х — 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000; *Лейбина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930 годы. СПб.: Журн. «Нева»: Летний Сад, 1999; *Тяжелыникова В.С.* «Повседневная жизнь московских рабочих в начале 1920-х годов» в кн.: Россия в XX веке: Люди, идеи, власть. М.: РОССПЭН, 2002. С. 194–218.

профсоюзе печатников, Кевина Мёрфи о заводе «Серп и молот» и процитированный выше труд Джеффри Россмана о рабочих движениях во время первой пятилетки²¹.

Политическая историография развивалась другими темпами. На протяжении последних двух десятилетий западными историками было опубликовано сравнительно мало работ, особенно о периоде сразу же после революции, хотя было написано довольно много о рядовых членах партии. Шейла Фицпатрик в своём недавнем историографическом исследовании заявила даже, что «советская политическая история на протяжении последних 20–30 лет пребывала в плачевном состоянии»²². Но российские историки, поначалу в контексте дискуссий перестроенной эпохи о развале СССР, провели множество исследований о политических изменениях при Ленине и Сталине²³. Я нашёл особенно ценные монографии Е.Г. Гимпельсона, Ирины Павловой и других историков, стремившихся переосмыслить рождение советского правящего класса в первую очередь как политический процесс, а также работы

---

²¹ *Koenker D.*, *Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism, 1918–1930*, Ithaca: Cornell University Press, 2005; *Murphy K.*, *Revolution and Counter-revolution: Class Struggle in a Moscow Metal Factory*, Oxford: Berghahn Books, 2005; *Rossmann*, *op. cit.* См. также сборник, изданный по итогам конференции об истории труда в России, проведённой в 2005 г. в Амстердаме: *A Dream Deferred: New Studies in Russian and Soviet Labour History*, *Filtzer D.*, *Goldman W.*, *Kessler G. and Pirani S.* (eds.), Amsterdam: Peter Lang, forthcoming.

²² *Fitzpatrick S.*, 'Politics as practice: thoughts on a new Soviet political history', *Kritika*, 5: 1, 2004: 27–51. О рядовых партийцах см., например, *Fitzpatrick S.*, 'The Bolsheviks' Dilemma: Class, Culture, and Politics in Early Soviet Years', *Slavic Review* 47, 1988: 599–613; *Fitzpatrick S.*, 'The Problem of Class Identity', in *Fitzpatrick S. et al.*, *op. cit.*, pp. 12–33; а также *Kenez P.*, *The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization 1917–1929*, Cambridge: Cambridge University Press, 1985. О рядовых партийцах писал также Игаль Халфин; см. С. 45. Сходные темы обсуждаются в исследованиях, посвящённых комсомолу, особенно *Gorsuch A.E.*, *Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents*, Bloomington: Indiana University Press, 2000. Высокую ценность сохраняет и ранее изданная работа Т. Ригби о партийных кадрах.

²³ Примечательные российские монографии и статьи последних двух десятилетий перечислены в прим. 5 к гл. 7.

Сергея Павлюченкова, Сергея Цакунова и других авторов о начале 1920-х гг.²⁴

В этой книге речь идёт о событиях в Москве и Московской губернии. Такой подход позволил мне сосредоточить внимание на том, что происходило в «низах», особенно в заводских организациях; а там, где говорится о внутренних делах партии, он позволил увидеть политику партийных низов. С другой стороны, изучая столицу советской страны, а не какой-то отдалённый регион, легче понять взаимодействие между событиями на местах и решениями, принимаемыми наверху. Москва (и московская партийная организация) была первой среди регионов. Она сильнее других ощущала влияние большевистской политики, и сама на неё влияла сильнее, чем другие регионы. Об этом городе уже много сказано в статьях Джона Хэтча об истории труда, в социально-исторической работе Чейза о рабочем классе при Сталине, в труде Тимоти Колтона о муниципальном управлении и в книгах об истории большевистской организации во время Гражданской войны и конца НЭПа²⁵; но в данной книге впервые сосредоточено вни-

---

24 *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. М.: Наука, 1995; *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы. 1917–1920 гг. М.: Институт истории РАН, 1998; *Гимпельсон Е.Г.* Новая экономическая политика и советская политическая система в 20-е годы М.: Институт истории РАН, 2000; *Павлова И.В.* Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993; *Олех Г.Л.* Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию, 1919–1924 гг. Новосибирск: изд. Новосибирского университета, 1992; *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1996; *Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины: Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М.: Россия молодая, 1994; *Тяжельникова В.С.* Самоубийства коммунистов в 1920-е годы // Отечественная история, 1998, №6, С. 158–173; *Тяжельникова В.С.* «Военный синдром» в поведении коммунистов 1920-х годов в кн. Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 291–305.

25 *Hatch J.*, 'Labour Conflict in Moscow 1921–25', in *Fitzpatrick S. et al.* (eds.), op. cit., pp. 58–71; *Hatch J.*, 'The Politics of Mass Culture: Workers, Communists and Proletkult', *Russian History/Histoire Russe* 13: 2–3, 1986: 119–148; *Hatch J.*, 'Working-class politics in Moscow during the early NEP', *Soviet Studies* 34: 4, 1987: 556–574; *Hatch J.*, 'The Lenin Levy and the Social Origins of Stalinism', *Slavic Review* 48: 4, 1989: 558–578; *Rosenberg W.*, 'The

мание на политике рабочего класса и динамике отношений рабочих с партией после Гражданской войны.

Главы описывают события в хронологическом порядке. Первая и вторая глава посвящены, соответственно, классу и партии в 1920 г., непосредственно после Гражданской войны, когда мирное строительство виделось большевикам как продолжение «военного коммунизма». В третьей главе описан кризис января—марта 1921 г., кульминацией которого стало Кронштадтское восстание. Последующие главы поочередно описывают действия и протесты рабочих и партии: в четвертой и пятой главах говорится о событиях с середины до конца 1921 г., в том числе о движении беспартийных рабочих, развившемся после кронштадтского кризиса, и о первых шагах к НЭПу. Шестая и седьмая главы охватывают 1922 г., когда партия начала перестраивать свои отношения с рабочими на основе мобилизационных кампаний и изменений в профсоюзах, тогда как в самой партии яснее очертились контуры групп, которые впоследствии составят советский правящий класс. Восьмая и девятая главы охватывают 1923—1924 гг., во время которых возобновились протестные акции рабочих на производстве, но политический протест среди рабочего класса всё больше маргинализировался, а поражение Левой оппозиции стало поворотным моментом в процессе консолидации полного контроля над партией в руках партийной элиты.

Основными источниками послужили следующие архивные материалы: протоколы Московского комитета (МК) РКП(б), его секретариата и бюро; доклад московских агентов ЧК—ГПУ; архивы профсоюзов, в частности, Московской губернской федерации профсоюзов, а также профсоюзов

Social Background to Tsektran', in Koenker et al. (eds.), op. cit., pp. 349–373, пишет о московских рабочих во время Гражданской войны; *Chase W.*, op. cit.; *Hoffman D.L.*, *Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941*, London: Cornell University Press, 1994; *Strauss K.M.*, *Factory and Community in Stalin's Russia: the Making of an Industrial Working Class*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1997; *Colton T.J.*, *Moscow: Governing the Socialist Metropolis*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995; *Sakwa R.*, *Soviet Communists in Power: a Study of Moscow During the Civil War*, London: Macmillan, 1988; *Merridale C.*, *Moscow Politics and the Rise of Stalin: the Communist Party in the Capital 1925–32*, Basingstoke: Macmillan, 1990.

металлистов и химиков; протоколы массовых собраний и архивы фабрично-заводских комитетов, партийных ячеек и других организаций на предприятиях. В Прил. 2 перечислены предприятия, чьи архивы я наиболее полно использовал. При исследовании событий на автозаводе АМО и станкостроительном заводе братьев Бромлей особую ценность представляли неопубликованные интервью, взятые во время осуществления проекта «История фабрик и заводов». Целью этого проекта, возглавляемого Максимом Горьким, было записать историю советского рабочего класса его собственными словами. Работа над ним началась в 1931 г., но в 1934 г. замедлилась, а в 1938 г. внезапно была прекращена. Многие интервью были подробными и на удивление откровенными. В послевоенное время на некоторые материалы ссылались советские историки — например, авторы истории АМО — но большинство из них вообще нигде не использовалось²⁶.

Ценность рапортов агентов ЧК—ГПУ в качестве исторического источника была предметом обширной дискуссии среди историков²⁷. К ним следует относиться не как к объективным отражениям событий, в которых авторы часто сами играли активную роль, но как к материалу, который говорит нам о своих авторах не меньше, чем о тех, за кем они наблюдали. Большинство рапортов, прочитанных мною, были поданы Московской чрезвычайной комиссии, в обязанности которой входил не только сбор информации о том, что происходит на заводах, но и сотрудничество с партией и производственными организациями для разрешения споров и, в частности, для

---

²⁶ Об истории этого проекта см.: *Журавлёв С.В.* Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М.: Институт российской истории РАН, 1997. См. также: История Московского автозавода им. И.А. Лихачёва / Ред.: Чуряев А.П., Адфельдт Н.В., Баевский Д.А. М.: Мысль, 1966; *Strauss*, op. cit., pp. 331–335.

²⁷ *Измозик В.С.* Глаза и уши режима: государственный политический контроль за населением советской России в 1918–1928 гг. СПб.: изд. Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 1995. С. 106–137; *Олех Г.Л.* Кровные узы: РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. — Новосибирск: Новосибирская государственная академия водного транспорта, 1999. С. 58–80; *Holquist P.*, 'Information is the Alpha and Omega of Our Work', *Journal of Modern History* 69, 1997: 415–450.

решения проблем, связанных с недостаточным снабжением и с коррупцией в аппарате²⁸. В итоговых докладах, в которых служащие ЧК пытаются интерпретировать политические настроения рабочих, особенно отчётливо проступают нормативные стандарты, применяемые агентами ЧК и другими большевиками в отношении поведения рабочих²⁹. Если агенты одобряли позицию рабочих, они называли её «сознательной» или «удовлетворительной»; на противоположном конце шкалы она была бы названа «враждебной». Мысль о том, что рабочие могут быть политически сознательными и в то же время находиться в оппозиции к конкретным действиям правительства, вряд ли допускалась. Выражение озабоченности ситуацией со снабжением агенты расценивали как свидетельство недостатка классового сознания; жалобы на перебои объяснялись «обывательским» сознанием рабочих. Агентов не смущал тот факт, что те же самые рабочие вполне могли интересоваться широким спектром политических проблем. Тем не менее эти доклады часто содержат полезные подробности. Протоколы собраний партийных, профсоюзных и фабричных комитетов тоже отражают мнения и предрассудки не только докладчиков, но и протоколистов — хотя стенографические отчёты больших собраний относительно точно передают тексты речей, а иногда содержат бесценные ремарки о восклицаниях и перебивках. Я старался выстраивать картину событий, сверяя доклады, протоколы и интервью друг с другом, а также с другими архивными и опубликованными источниками.

---

²⁸ МЧК: Из истории Московской чрезвычайной комиссии (1918-1921 гг.): сборник документов / ред. колл.: Алидин В.И., Велидов А.С. и др.; сост.: Поликаренко И.Е., Ушаков В.Г. и др. М.: Московский рабочий, 1978. С. 244 и 255-258.

²⁹ Об итоговых докладах см. *Kotkin S.*, Review of S. Davies, *Popular Opinion in Stalin's Russia*, *Europe—Asia Studies* 50: 4, 1998: 739–742.

Глава 1

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ: РАБОЧИЕ В ИЮЛЕ-ДЕКАБРЕ 1920 Г.

В 1920 г., когда Гражданская война окончилась, а Новая экономическая политика (НЭП) ещё не началась, развитие рабочего движения в России протекало в необычайно сложных условиях. Основные силы белых были разгромлены в октябре—ноябре 1919 г., после чего большевики уже относительно уверенно контролировали важнейшие территории России. Но ещё в течение 15 месяцев, до марта 1921 г., они продолжали экономическую политику, выработанную во время Гражданской войны и основанную на государственном регулировании и принуждении, позже получившую название «военного коммунизма». Конечно же, бои всё ещё продолжались, и «передышка» весны 1920 г. окончилась с польским вторжением на Украину в мае. Красная армия предприняла контрнаступление, которое было разгромлено под самой Варшавой в середине августа. В том же месяце начались мирные переговоры с Польшей, в результате которых в октябре было подписано перемирие. Единственная значительная белая армия, всё ещё действовавшая на тот момент — войско Врангеля на юге России — постоянно отступала, с сентября 1920 г. до окончательного своего поражения в середине ноября. Осенью в центральной части России и в Сибири вспыхнули крестьянские восстания; они усилили ощущение изоляции среди большевиков. Тем не менее полным ходом шли дискуссии о восстановлении промышленности и мирном строительстве. Большинство большевистских вождей и рядовых партийцев предполагали, что в мирное время существующие экономические порядки — государственное управление производством и распределением, определённый уровень принуждения к труду, сведение объёмов торговли к минимуму, эксперименты с безденежными формами обмена — будут продолжены, пусть и с небольшими изменениями. Некоторые большевики, хотя

и не все, высказывали сверхоптимистические предположения о возможном марш-броске к «социализму» (что бы это ни означало в данном контексте) при помощи методов, зарекомендовавших себя во время Гражданской войны.

1920 г. — это, прежде всего, зияющая пропасть между ощущениями, с одной стороны, сверхоптимистов, чья вера в победу наделила их способностью достичь, казалось бы, невыполнимых целей, и с другой стороны, рабочих, которые вполне могли поддержать революцию 1917 г., но теперь были обессилены. Лишения рабочих в Москве можно считать сносными только в сравнении их с положением в российской провинции, где миллионы людей жили в условиях социального распада и под надвигающейся угрозой голода. Население Москвы сократилось вдвое по сравнению с 1917 г., главным образом из-за миграции в деревню, и составляло теперь около 1 млн. чел. Продовольственное снабжение было ненадёжным. Ввиду крайнего дефицита дров широко практиковалось «самоснабжение», то есть использование для растопки любой древесины, которая плохо лежит. Сам город лежал в руинах: около трети домов были разрушены, а число помещений, непригодных для проживания, удвоилось. Мыло и горячая вода были страшной редкостью, и это усугубляло масштабы и последствия регулярных эпидемий. Городские трамваи перевозили лишь 1/12 того пассажирского потока, который был в 1913 г., поскольку большинство трамваев было занято на грузоперевозках; дефицит топлива и овса означал, что на улицах было мало грузовиков и гужевых повозок¹. Промышленность едва держалась на ногах. В конце 1919 г. большинство предприятий с числом работников менее 10 были закрыты — но 91% предприятий со 100–150 работниками и все, кроме одного, из 65 предприятий с более чем 500 работниками продолжали работать. Производство постоянно прерывалось из-за недостатка топлива и сырья.

---

¹ *Горинев М.* Москва в 20-х годах // Отечественная история. 1996. №5. С. 3; Московский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1917–27. — М.: изд. Московского совета, 1927. С. 237; Правда, 26 января 1921 г.; Коршунова З.П. (ред.) Очерки истории Московской организации КПСС, кн. II, ноябрь 1917–1945. М.: Московский рабочий, 1983. С. 195; *Colton T.J.*, Moscow: Governing the Socialist Metropolis, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995, p. 125.

Впрочем, это явление не следует преувеличивать: по оценкам статистиков комиссариата труда, из-за простоев предприятия (т.е. нехватки топлива и сырья) среднестатистический московский промышленный рабочий потерял в 1920 г. только 7,9 рабочих дней; намного больше было потеряно из-за прогулов, о чём речь будет идти ниже². В «гражданских» отраслях объём производства в 1920 г. составлял всего 15% от уровня 1913 г., хотя, как отмечал советский историк Юрий Поляков³, эта часто приводимая статистика и не учитывала военные заводы: многие из них работали на полную мощность. Большая часть московской промышленности терпела серьёзную нехватку рабочей силы, особенно некоторых видов квалифицированных работников, главным образом потому, что рабочие уезжали из города в деревню или уходили в красноармейцы. В других случаях сначала у заводов заканчивалось топливо и сырьё, а потом рабочие ставились перед выбором: шляться по замершим цехам или уходить из города. В этой главе будут подняты некоторые демографические вопросы, имеющие значение для историков труда; потом проблемы снабжения и их влияние на политику рабочего класса; и, наконец, отношение рабочих к большевистскому государству и партии.

Рабочие и служащие

Массовый исход рабочих из российских городов во время Гражданской войны остаётся предметом политической и историографической дискуссии. Согласно большевистскому видению, уход городских мужчин-рабочих в Красную Армию или деревню и замена их на заводах женщинами, молодыми рабочими и новыми мигрантами «депролетаризировал» рабочий класс. Результатом стала политическая несознательность, на счёт которой партия относила оппозиционные настроения среди рабочего класса в 1920–1921 гг. Но оказалось, что демографические процессы

² *Алеценко Н.М.* Московский совет в 1917-1941 гг. М.: Наука, 1976. С. 222; *Поляков Ю.А.* Московские трудящиеся в обороне советской столицы в 1919 году. М.: изд. Академии наук СССР, 1958. С. 9; *Маркузон Ф.Д.* Положение труда в г. Москве в 1921 году // Вопросы труда. 1922. №2. С. 136–181, здесь С. 144.

³ *Поляков.* Указ. соч. С. 10

были намного более сложными, чем это признавали большевики. И если сознательность измерять не по основному эталону большевиков — степени одобрения действий правительства, — то трактовка несознательности как основной причины конфликта между рабочими и правительством перестаёт работать.

В демографическом отношении Москва начала XX в. имела много общего с другими крупными городами, переживавшими индустриализацию. Миграция из деревни поначалу была представлена главным образом молодыми холостыми мужчинами; женатые мужчины, переезжавшие в город, зачастую оставляли семью в деревне, а крупномасштабная миграция целых семей началась только в 1920-х гг. Но движение из деревни в город не было односторонним. Высоким был уровень временной миграции. Рабочие, селившиеся в городе, часто препоручали детей заботам сельских родственников; они сохраняли за собой земельные наделы и периодически сами возвращались в деревню⁴. Гражданская война привела к резкому сокращению населения Москвы: между 1917 и 1920 г. оно уменьшилось примерно с 2 до 1 млн. чел.⁵ Число промышленных рабочих также сократилось приблизительно вдвое, составив около 200 тыс. чел., но численность служащих упала лишь ненамного, примерно до 220 тыс.⁶ Сокращение рабочей силы было неравно-

---

⁴ Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М.: «Мысль», 1970. С. 246–249; *Johnson R.E.*, Peasant and Proletarian: the Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century, Leicester: Leicester University Press, 1979, pp. 28–66; *D. Koenker*, 'Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War', *Journal of Modern History* 57, 1985: 424–450; *Hoffman D.L.*, Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941, London: Cornell University Press, 1994, pp. 15–72; *Chase W.J.*, Workers, Society and the Soviet State: Labour and Life in Moscow 1918–1929, Urbana: University of Illinois Press, 1990, pp. 81 and 88–95.

⁵ Сотрудники статистического отдела Моссовета насчитали в Москве 2 017 173 чел. в 1917 г. и 1 027 336 чел. в 1920 г. Статистический отдел Московского совета. Статистический атлас гор. Москвы и Московской губ. Вып. 1. Население. М., 1924. С. 7.

⁶ Статистики Комиссариата труда насчитали в Московской губернии 411 070 промышленных рабочих в 1917 г. и 208 158 в 1920 г.; сотрудники статистического отдела Моссовета насчитали, соответственно, 460 800 и 202 700, а число служащих, по их данным, равнялось 258 427 в 1918 г. и 223 375 в 1920 г.: Маркузон. Положение труда...: Статистический отдел

мерным. К 1920 г. число рабочих в металлообрабатывающей отрасли упало ниже половины пика военного времени, то есть ниже 30 тыс. чел., частично из-за того, что квалифицированные рабочие тяготели к другим промышленным центрам⁷. В текстильной промышленности, крупнейшей по занятости, число работников по сравнению с 1913 г. сократилось более чем наполовину: примерно с 250 тыс. до 120 тыс.⁸ В пищевой промышленности численность рабочей силы также резко снизилась. Но в швейной отрасли число работников выросло почти на треть, достигнув около 18 тыс.; главной причиной стало увеличение спроса со стороны Красной Армии. Кроме того, в Москве работало около 8500 сотрудников химических предприятий – меньше, чем в 1916 г., но столько же, сколько было в 1913 г., частично за счёт того, что некоторые производства были перенесены из Петрограда и Риги⁹.

В 1950-х гг., основываясь на этих данных, Исаак Дойчер утверждал, что в конце Гражданской войны рабочий класс

Московского совета. Статистический атлас гор. Москвы и Московской губ. Вып. 3. Промышленность и торговля. М., 1925. С. 16.

⁷ Статистики Московского совета народного хозяйства (МСНХ) насчитали 42 500 металлистов в 1913 г.; 82 600 в 1916 г.; 63 300 в 1917 г.; и 29 200 в 1920 г. (не считая военных заводов и предприятий, на которых было занято не более 15 работников): Фабрично-заводская промышленность г. Москвы и Московской губернии, 1917–1927 гг. М., 1928. С. 15. Сотрудники статистического отдела Моссовета насчитали 38 800 металлистов в 1913 г.; 83 600 в 1917 г.; и 28 600 в 1920 г. (в Московской губернии, не считая металлургии и транспорта). Статистический отдел Московского совета: Статистический атлас... Вып. 3. С. 23.

⁸ По подсчётам сотрудников статистического отдела Моссовета и статистиков МСНХ, численность текстильных работников в Московской губернии упала, соответственно, приблизительно с 250 000 в 1913–1917 гг. до 113 000 – 128 000 в 1920 г. Статистический отдел Московского совета: Статистический атлас... Вып. 3. С. 21; Фабрично-заводская промышленность... С. 15.

⁹ О швейной индустрии см. *Chase*, *op. cit.*, p. 34; *Поляков*. Указ. соч. С. 10. Профсоюзные статистики насчитали в Москве 4594 работников, занятых на «производстве одежды и обуви» в 1913 г.; 21 210 в 1916 г.; 14 030 в 1918 г.; и 17 348 в 1921 г. Они также насчитали 19 680 сотрудников пищевой промышленности в 1913 г. и 12 046 в 1921 г.: *Маркузон Ф.Д.* Положение труда... – С. 138.

был «распылён», и «диктатура пролетариата восторжествовала, но пролетариат почти исчез». Эта трактовка была оспорена. Начиная с 1970-х гг., западные социальные историки рисовали более сложную картину. Дайан Кёнкер утверждала, что самым урбанизированным рабочим, т.е. выходцам из городских семей, было «некуда уходить, кроме как в Красную Армию», и молодые мужчины уходили на фронт, а остальные оставались в Москве; исход наименее урбанизированных московских рабочих, например женатых мужчин с семьями в деревне, часто начинался «еще до начала серьёзных [продовольственных] кризисов»; а среди средних слоёв, одной ногой стоявших в городе, а другой в деревне, а также среди мигрантов первого поколения, одни оставались, а другие уходили¹⁰.

Обращают на себя внимание два вопроса, поднятые в дискуссиях среди историков. Первый касается влияния этих демографических изменений на политический характер движения рабочего класса. Картина политики рабочего класса в 1920—1921 гг., нарисованная Дойчером и подхваченная некоторыми из позднейших социалистических авторов¹¹, настолько однобока, что вводит в заблуждение: дескать, движение было «пустой оболочкой»; «там и сям собирались маленькие группы ветеранов классовой борьбы и спорили о перспективах революции», но не видели за собой «основной силы своего класса». В то же время, моё исследование демонстрирует, что рабочее движение в Москве, несмотря на численную слабость и тяжести Гражданской войны, было вовлечено как в политические, так и в трудовые конфликты. Тогда как большинство текстильных фабрик в 1920 г. было закрыто, большая часть металлообрабатывающей индустрии действовала, часто обеспечивая военные поставки. Политические дискуссии продолжались на заводских массовых собраниях и на регулярных

---

¹⁰ *Deutscher I.*, *The Prophet Unarmed, Trotsky 1921-1929*, London: Oxford University Press, 1970, pp. 6—10; *Koenker*, 'Urbanization and deurbanization', особенно p. 433 и p. 442. См. также *Brower D.R.*, "'The City in Danger": the civil war and the Russian urban population', in *Koenker D.*, *Rosenberg W.G.* and *Suny R.G.* (eds.), *Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History*, Bloomington: Indiana University Press, 1989, pp. 58-80.

¹¹ Например, Джоном Рисом в *Rees J.*, *Farbman S.* and *Service R.*, *In Defence of October*, London: Bookmarks, 1997, p. 77.

общегородских собраниях делегатов профсоюза металлистов — организации, в целом являвшейся оплотом большевиков. Протоколы этих собраний убеждают: несмотря на то, что тысячи московских рабочих, поддерживавших Октябрьскую революцию, ушли на фронт, на заводах оставалось множество их активных товарищей; в этом отношении моё исследование подтверждает выводы Кёнкер. Она описывает «высреднение» рабочего класса, когда наиболее политически активные ушли на фронт, наименее активные вернулись в деревню, а в Москве осталась средняя группа, включавшая упомянутых рабочих-мужчин, а также женщин (иногда членов их семей), тоже вступавших в ряды рабочих. По мнению Дойчера, Советы стали «креатурами партии большевиков» потому, что они «не были способны представлять практически несуществующий рабочий класс». На самом деле рабочий класс, напротив, был далёк от исчезновения; и когда в 1921 г. он начал возрождать советскую демократию, решение партии сделать Московский совет своей «креатурой» было не следствием, а причиной.

Второй вопрос касается служащих, которых большевистское руководство характеризовало как мелкобуржуазную группу, выхолащивавшую пролетарский характер государства и игравшую отрицательную роль в революции. В начале периода НЭПа, когда в государственные учреждения, где работали служащие, в большом числе были направлены рабочие-коммунисты, причём зачастую на руководящие должности, эти идеологические предположения о классовой позиции служащих иногда смешивались с рабочим предубеждением. Этот дискурс стал предметом критики Дэниэла Орловски: он утверждал, что «белые воротнички», к которым ярлык «служащие» применяется с наибольшей готовностью, играли в революции динамическую роль, которую «не увидели» предшествовавшие ему историки¹². Переписная категория «служащие», унаследованная от царской

---

¹² *Orlovsky D. T.*, 'State building in the civil war era: the role of the lower middle strata', in *Koenker D., Rosenberg W.G. and Suny R.G.* (eds.), *Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History*, Bloomington: Indiana University Press, 1989, pp. 180–209; *Orlovsky D.*, 'The Hidden Class: White Collar Workers in the Soviet 1920s', in *Siegelbaum L.H. and Suny R.G.* (eds.), *Making Workers Soviet: Power, Class and Identity*, London: Cornell University Press, 1994, pp. 220–52.

России, включала не только «белых воротничков», но и ряд других социальных групп, которые могли считаться частью рабочего класса или, по крайней мере, находиться в тесной близости к нему. В случае Москвы поразительно, что во время Гражданской войны, когда численность промышленных рабочих так резко упала, численность служащих оставалась почти неизменной. Да и в начале НЭПа она практически не изменилась. Перепись 1920 г. насчитала среди работающего населения города 205 427 рабочих и 223 375 служащих; эти данные не претерпели значительных изменений и во время переписи 1923 г.¹³ На первый взгляд, они подтверждают постоянные жалобы большевиков на то, что рабочий класс оттесняет в сторону полчища мелкой буржуазии. Но в категорию служащих входили не только «белые воротнички», но и «культурно-просветительский персонал», то есть почти все университетские штаты и школьные учителя (16 634 из 223 375 служащих), а также люди, которых лучше всего назвать работниками сектора услуг: медики и санитары (22 557); «служащие народной связи», то есть сотрудники почты, телефона и телеграфа (9140); и «служащие по охране безопасности», в основном сторожа (15 402). Кроме того, перепись выделяла в отдельную от промышленных рабочих и служащих категорию 46 828 представителей домашней прислуги, в основном выполняющих работу по дому для рабочих семей. Большевицкая идеология считала все эти группы частично или полностью непролетарскими, что было отражено в методологии переписи. Многие из этих людей, возможно, действительно не считали себя рабочими. Например, учителей обычно рассматривали как представителей интеллигенции. Но в рамках интерпретации, предложенной во введении к данной книге, эти люди могут считаться частью рабочего класса или его союзниками. Если к 205 427 промышленных рабочих добавить 63 733 работников сферы образования и услуг, а также 46 828 представителей домашней прислуги, получим общую сумму в 315 988 рабочих. Это число почти вдвое превышает 159 642 оставшихся служащих,

¹³ Перепись 1923 г. насчитала 219 059 рабочих, 225 886 служащих и 94 953 безработных. Статистический отдел Московского совета: Статистический атлас... Вып. 1. С. 15; *Маркузон Ф.Д.* (ред.) Положение труда в Московской губернии в 1922-1923 гг.: сборник материалов бюро статистика труда. М.: МГСПС, 1923. С. 6.

большинство которых было «белыми воротничками»¹⁴. Эта последняя группа включала в себя чиновников-администраторов верхнего и среднего звена, занимавших аналогичные должности при старом режиме, а также промышленных специалистов и управленцев¹⁵. Но большинство её состояло из низкооплачиваемых конторских работников, многие из которых, наряду с другими представителями городских средних слоёв, активно участвовали в революции 1917 г. Между промышленными рабочими и служащими действительно существовала разница — последние выполняли умственную, а не физическую работу — но эти различия не были абсолютными, как предполагалось большевистской идеологией. А само восприятие среди служащих было очень разным: в то время как многие не рассматривали себя в качестве пролетариев, те, кто работал на заводах, считали себя близкими к своим коллегам — «синим воротничкам». Протоколы массовых собраний показывают, что эти две группы часто объединялись и голосовали вместе¹⁶.

Дискуссии партии большевиков о служащих и их классовой позиции часто переходили или смешивались с дискуссиями о государственном аппарате, в котором многие из них работали. «Бюрократизм» всеми признавался серьёзным недостатком государства, но если для одних он имел политическое значение, т.е. указывал на отсутствие партиципаторной демократии, то

---

¹⁴ Оставшиеся категории служащих — это «администрация и суд», «технический персонал» (в основном в правительственных учреждениях), «торговые служащие», «учётно-контрольный персонал», «делопроизводительный персонал» и «прочие служащие». Во всех категориях включены вспомогательные рабочие, чаще всего выполнявшие физическую работу: Перепись служащих советских учреждений г. Москвы 1922 г. М., 1922. С. V.

¹⁵ Анализ результатов переписи служащих 1922 г. показал, что у старших служащих и специалистов, работавших в народных комиссариатах в 1922 г., до революции чаще всего были следующие роды занятий: «государственная административная служба» (соответственно, 28,2% и 10,9%), «младший техперсонал» (12,2% и 7,2%), «лица свободных профессий» (12,0% и 21,7%) и «учащиеся» (15,3% и 25,2%): *Васяев В.И., Дробинцев В.З., Закс Л.Б., Пивовар Б.И., Устинов В.А., Ушакова Т.А.* Данные переписи служащих 1922 г. о составе кадров наркоматов РСФСР. М.: изд. Московского университета, 1972. С. 148–152.

¹⁶ ЦАГМ, 100/5/78, 84, 99; 337/2/39; 415/16/314, 317, 318; ЦАОПИМ, 432/1/4; 465/1/4; ЦГАМО, 186/1/598/3–40; 609/1/107.

для других он означал неэффективность и волокиту. Согласно взглядам, превалирующим в руководстве большевиков, служащие, как носители давления чуждого класса были важной причиной бюрократизма¹⁷. Хотя этот анализ и не принимался всеми, среди большевиков и их политических оппонентов существовал широкий консенсус относительно того, что госаппарат слишком велик и катастрофически неэффективен и что штаты нужно сократить. Роль советской столицы особенно обострила эту проблему в Москве. Например, в 1920 г. в Москве в числе упомянутых 159 642 «белых воротничков» было 58 185 представителей «делопроизводственного персонала», почти вдвое превышавших по численности рабочих-металлистов¹⁸. Центральные правительственные учреждения, в которых работало до 100 тыс. служащих, размножались как грибы после дождя: в январе 1921 г. Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) и Народный комиссариат путей сообщения были зарегистрированы в городе по 200 и 130 адресам соответственно¹⁹. Партийное руководство постоянно предпринимало энергичные, но безуспешные попытки сократить число служащих. В феврале 1921 г. Ленин подписал приказ, запрещающий комиссариатам открывать новые отделы без разрешения Совнаркома; в мае того же года он писал Глебу Кржижановскому, руководителю новосозданного Госплана, предлагая «возможное уменьшение [советского аппарата] на 25%, на 50%»; а в июне Совнарком официально призвал к 50%-ному сокращению. Но на XI партсъезде в марте 1922 г. Ленин с горечью объявил, что с 1918 г. число служащих в Москве даже немного *выросло*, до 243 000²⁰.

¹⁷ Эти доводы изложены в кн.: *Ларин Ю.* Интеллигенция и советы: хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М.: Госиздат, 1924.

¹⁸ Статистический отдел Московского совета. Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1925. С. 52. См. также *Sternheimer S.*, 'Administration for Development: the emerging bureaucratic elite, 1920–30', in *Pinther W. and Rowney D.K.* (eds.), *Russian Officialdom: the Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century*, London: Macmillan, 1980, pp. 316–54, здесь pp. 320–21.

¹⁹ Перепись служащих... С. 122; «Известия», 25 января 1921 г.

²⁰ *Ненин А.Б.* Совнарком и Новая Экономическая Политика (1921–23 гг.). Н. Новгород: изд. Волго-Вятской академии государственной службы, 1999. С. 59–65; *Colton*, op. cit., pp. 100–101.

Битвы за продовольственное снабжение и производительность

На протяжении 1920 г., как и во время всей Гражданской войны, характер отношений рабочих со «своим» государством определялся прежде всего нехваткой (и, как неизбежное следствие, неравным распределением) продовольствия в городах. Причиной дефицита было постоянное сокращение посевных площадей, вызванное, в свою очередь, гражданской войной, враждебностью крестьян к политике продразвёрстки, а также сужением объёмов торговли. С 1918 по 1922 г. основным инструментом продовольственного снабжения в Москве оставалась система нормирования, по которой зерно и другие сельскохозяйственные продукты, реквизированные у крестьянства, собирались в руках Наркомпрода, который распределял их среди красноармейцев и городского населения. Вокруг организации нормирования велись ожесточённые дискуссии, сводившиеся, по сути, к конкуренции между разными типами неравенства. Многие рабочие искали выход из кризиса в одиночку. Те, чья квалификация пользовалась спросом, извлекали выгоду из острого дефицита рабочей силы, вызванного массовым исходом городского населения на фронт и в деревню. Они часто переходили с одного рабочего места на другое, повышая расценки на свой труд. Некоторые занялись прогулами и кражами. Но традиции коллективной организации и борьбы, всё ещё сильные, пережили период возрождения, в особенности в союзе металлистов.

Система нормирования, введённая в 1918 г., предусматривала выделение большего количества продовольствия солдатам, находящимся на фронте, людям, выполняющим тяжёлую физическую работу, и другим приоритетным группам. Промышленные рабочие должны были получать больше служащих. Но без конца вводились исключения и спецпайки, после чего предпринимались попытки устранить созданное неравенство. Пайки раздавались с опозданием или вообще не доходили до получателей, и приходилось прилагать особые усилия для того, чтобы приоритетные группы всё-таки получали то, что им причитается. В 1919 г. для фабричных рабочих был введён дополнительный «трудовой паёк»; по-

том «предприятиям особой важности» начали выдавать «пайки, равные красноармейским»; потом ввели принцип «бронированных» пайков, согласно которому органы, ответственные за продовольственное снабжение, должны были обеспечить соответствующим группам получение их пайков во что бы то ни стало; потом появился академический паёк, специальный паёк для членов семей красноармейцев и т.д. Повсеместно процветали коррупция и торговля поддельными продовольственными карточками. Одной из первых привилегий советских госчиновников стал коррупционный доступ к дополнительным пайкам, что порождало недовольство рабочего класса, требовавшего «уравнения продпайков»²¹. В апреле 1920 г. Совнарком установил новую «единую систему снабжения», состоящую из трёх категорий. Но исключений было по-прежнему много: декретом устанавливались особые нормы для работников предприятий, имевших «особо важное государственное значение», для тех, кто отрабатывает длинные смены, и для «лиц особо квалифицированных видов умственного труда». Вступление этого декрета в силу было отложено до сентября, а к тому времени различия углубились из-за новых веяний в управлении промышленностью — прежде всего, поощрения производительного труда путём выдачи премий натурой, а также системы «ударничества», при которой заводы, назначенные «ударными», имели право на приоритетное снабжение²². Пайки дополнялись продовольствием, полученным напрямую из деревни на чёрном рынке, процветавшем, несмотря на то, что железные дороги патрулировали специальные отряды, или во время индивидуальных закупочных

---

²¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Ред. С.С. Хромов и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 396–397; *Lih L.*, *Bread and Authority in Russia 1914–1921*, Berkeley: University of California Press, 1990, pp. 162–92; *McAuley M.*, *Bread and Justice: State and Society in Petrograd 1917–1922*, Oxford: Clarendon, 1991, pp. 282–97; *Malle S.*, *The Economic Organization of War Communism 1918–1921*, Cambridge: Cambridge University Press, 1985, pp. 322–373.

²² Гражданская война и военная интервенция... С. 608; Декреты советской власти. М.: Гос. изд. полит. литературы, 1986. Т. VIII. С. 135; *Remington T.*, *Building Socialism in Bolshevik Russia: Ideology and Industrial Organization 1917–1921*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1984, pp. 157–161.

вылазок, для которых было сделано исключение из общего запрета на торговлю: рабочему разрешалось пойти в деревню и приобрести полтора пуда зерна (24,6 кг). Кроме того, такие вылазки совершали и коллективы рабочих, организованные фабричными комитетами²³.

Даже с учётом централизованных и локальных поставок, вместе взятых, в Москву поступало недостаточно продовольствия. Критическая точка была пройдена в 1919 г., и к середине 1920 г. положение с продовольствием улучшилось: по сообщению советского историка Н.М. Алешенко, в годовом исчислении объём потреблённого хлеба на душу населения вырос на 45%, крупы — в пять раз, картофеля — в 1,5 раза. Тем не менее продовольствия было недостаточно для обеспечения всех предусмотренных пайков. В июне 1920 г. были выданы только 57,6% подлежащих выдаче пайков, и этот показатель неуклонно падал, достигнув в сентябре значения 26,5%, и только после этого снова начал повышаться. Некоторые пайки были полностью отменены, а рабочих призывали объединяться в группы и копать картошку на близлежащих деревенских полях. Несмотря на то, что комиссар продовольствия Алексей Бадаев был вынужден доложить Московскому комитету партии большевиков о «полном отсутствии молока в Москве», поставки зерна и других продовольственных запасов стабилизировались²⁴. В самой Москве ситуация продолжала улучшаться в ноябре и декабре, хотя в окрестных сельских районах ощущался острый дефицит. Общее положение снова ухудшилось в январе 1921 г., следствием чего стала волна забастовок в Москве и Петрограде, а также поддержка Кронштадтского восстания.

Снабжение продовольствием фабричных рабочих во многом зависело от общей трудовой политики. В условиях экономического спада внедрялись не только формы отчуж-

---

²³ Суворова Л.Н. За фасадом «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. 1993, №4. С. 48–59; Borrero M., *Hungry Moscow: Scarcity and Urban Society in the Russian Civil War, 1917-1921*, New York: Peter Lang, 2003, pp. 89–96; Brower, *op. cit.*, особенно с. 68-72.

²⁴ ЦАОПИМ, 3/1а/6/33; Правда. — 1 октября 1920; Московский совет. С. 93–95; Алешенко Н.М.. Указ. соч. С. 189–190; Borrero, *op. cit.*, pp. 77-81.

дённому труду, общие для всей Европы, но и крайние меры по повышению производительности там, где денежные стимулы были несостоятельны. В некоторых отраслях в 1919 г. ввели принудительную трудовую мобилизацию, а в январе 1920 г. её приняли в качестве общего принципа. Но она в целом так и не смогла направить рабочих с необходимой квалификацией на те заводы, где была наибольшая в них нужда; кроме того, не удалось решить более масштабную проблему хронических прогулов — рабочие были заняты поисками продовольствия в рабочее время. Многие промышленные руководители и профсоюзные лидеры находили регулярное обеспечение пайками выше средней нормы более эффективным способом удержания рабочих на рабочем месте, чем военное или административное принуждение. На оружейных и других металлургических заводах дефицит квалифицированных рабочих-машиностроителей ощущался особенно остро. Инспекция 35 оборонных предприятий, проведённая на протяжении первых девяти месяцев 1920 г., показала, что девять десятых мобилизованных (34 939 из 38 514) не появлялись на работе. В Москве был составлен список 37 400 рабочих, занятых не по специальности; из них только 10 700 были мобилизованы туда, где они были нужны²⁵. Основной темой обсуждений на двух конференциях профсоюза металлистов был уход рабочих из профессий, требующих тяжёлых физических усилий. Такие профессии, как литейщики, кузнецы, молотобойцы «буквально вымирают», жаловался докладчик по фамилии Сангович²⁶.

Прогулы и использование заводского оборудования в торговле с крестьянами были повсеместными явлениями.

---

²⁵ Из металлистов, работавших не по специальности, 1023 человека было занято в мелких мастерских, 4643 работали портными, а 1353 — кожевниками. См. *Сарабьянов В.Н.* Металлопромышленность России. М.: Госиздательство, 1921. С. 71-75; *Chase*, op. cit., pp. 46-47; *Rosenberg W.G.*, 'The Social Background to Tsektran', in *Koenker D., Rosenberg W.G. and Suny R.G.* (eds), *Party, State and Society in the Russian Civil War. Explorations in Social History*, Bloomington: Indiana University Press, 1989, pp. 349-73, здесь pp. 359-360; *Dewar M.*, *Labour Policy in the USSR, 1917-1928*, London: Royal Institute of International Affairs, 1956, pp. 46-50; и *История рабочих Москвы 1917-1945 гг.* / Синецын А.М. и др. (ред.). М.: Наука, 1983. С. 92-93.

²⁶ ЦГАМО, 186/1/460/24.

По данным Народного комиссариата труда, в 1920 г. средне-статистический московский рабочий пропустил 71,2 рабочих дня, из которых 15 дней посвятил «работе в организациях, делегациях, командировках», взял 11 «очередных отпусков», 20 дней проболел, а 25,4 дня прогулял без уважительных причин. На металлургических заводах преобладали отгулы по болезни и «прогулы по неуважительным причинам», тогда как на текстильных фабриках главной проблемой были простои, вызванные нехваткой топлива и сырья²⁷. Причины этих прогулов нуждаются в дальнейших исследованиях. В своём вышеупомянутом труде Майкл Сейдман предположил, что в послереволюционных Испании и Франции «сопротивление труду» со стороны рабочих имело «утопический» аспект — наперекор социалистическим партиям, прославлявшим труд. Однозначных свидетельств наличия подобной тенденции в России я не обнаружил. С другой стороны, Дэниел Брауэр продемонстрировал, что в 1919–1920 гг. рабочие имели серьёзные причины брать отгулы для участия в торговых операциях: зачастую их заработок зависел от такого обмена сильнее, чем от регулярной работы²⁸.

Рынок труда был совершенно деформирован, особенно в металлургической отрасли, где тон задавало не правительство с его драконовскими лозунгами принудительного труда, а рабочие, чьи навыки были в дефиците. Управленцы, в свою очередь, яростно боролись за получение «ударного» статуса и повышенных пайков натурой. Число ударных предприятий быстро росло, что приводило к обесцениванию самого понятия ударничества. Во второй половине 1920 г. число ударных металлургических заводов выросло в 12 раз, с 20 до 240; а к концу года всего насчитывалось уже 1716 ударных предприятий. В Москве к ударным были отнесены не только металлургические, но и химические и текстильные фабрики. На четвёртом съезде профсоюзов, состоявшемся в мае 1921 г.,

---

²⁷ Маркузон. Положение труда... С. 144–146. См. также «Экономическую жизнь» от 16 октября 1920 г.

²⁸ *Seidman M. Workers Against Work: Labor in Paris and Barcelona During the Popular Fronts*, Berkeley: University of California Press, 1991, pp. 16–17; Brower, op. cit., pp. 72–74.

один из докладчиков заявил, что ударных предприятий стало больше, чем «неударных»²⁹. Наряду с системой ударничества стремительно распространялась практика выдачи премий натурой. Профсоюзные вожаки боролись с промышленными управленцами, советами и Наркомпродом за право распределять премии, и в июне 1920 г. соответствующие полномочия были переданы Всероссийскому центральному совету профсоюзов (ВЦСПС)³⁰.

Управленцы и заводские комитеты отчаянно боролись за ресурсы, чтобы вознаграждать дефицитный труд огромными премиями. Руководство электротреста, отправившее паровозный двигатель для ремонта на кабельный завод, внесло в список получателей премиальных пайков муки «как бы за ремонт маршрутного поезда ... /фиктивно/» работников завода «Динамо» в Рогожско-Симоновском районе³¹. Заводской комитет не постеснялся запротоколировать эту махинацию³². Масштабы подкупов, на которые шли управленцы, чтобы удержать квалифицированных рабочих на электростанции 1886 г. в Замоскворечье, были раскрыты совместной профсоюзно-советской комиссией, которая после инспекции в марте 1921 г. распорядилась отменить «выдачу рабочим и служащим под разными предлогами заработка сверх установленной нормы». Благодаря «премиям», «сверхурочным», «выплатам за дежурство», «проездным», *выплатам за «работу сверх прямых обязанностей»*, за «провоз счётчиков», «сдельным» и «индивидуальным премиям» некоторые зарплаты в 30 раз превышали средний показатель³³. Разногласия, вызываемые

---

²⁹ *Remington*, op. cit., pp. 157–61; *Матюгин А.А.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства, 1921–1925. М.: Изд. Академии наук СССР, 1962. С. 49; *Carr E.H.* The Bolshevik Revolution 1917–1923. London: Macmillan, 1978, vol. 2, pp. 216–17.

³⁰ *Malle*, op. cit., pp. 423 and 481–86; *Bunyan J.*, The Origin of Forced Labor in the Soviet State 1917–1921: Documents and Materials, Baltimore: Johns Hopkins Press, 1967, pp. 175–78; *Aves J.* Workers Against Lenin. London: Tauris, 1996, pp. 98–100.

³¹ Это был один из семи городских административных районов Москвы. Было ещё 17 сельских районов. Все районы перечислены в Прил. 2.

³² ЦАОПИМ, 412/1/4/16; ЦАГМ, 100/5/78/15.

³³ ГАРФ, 5469/5/29/130.

системой ударничества, проявились во время конференции Московского союза металлистов в сентябре 1920 г. Доклад члена ВСНХ Бориса Стюнкеля о повышении производительности и уменьшении числа прогулов на ударных заводах вызвал жалобы других делегатов. Николай Гаврилин, партиец от автозавода АМО, заявил: «Московский голодный паек не может способствовать выполнению программы. [...] Если бы все заводы снабжались как Подольск, то и они выполняли бы норму. [Подольск] имеет возможность продавать часть». Обвинение в том, что ударные пайки попадают на рынок, было с гневом отвергнуто Георгием Тарасовым, председателем Московского союза металлистов³⁴.

Противоречия, обострённые «ударным трудом», не разобщи́ли ни металлистов, ни рабочее движение в целом. Распространялось мнение, что рабочие должны объединиться против неравенства в системе пайков, которое приносит выгоду партийным чиновникам и высокопоставленным служащим. Рабочие активисты обвиняли подотчётные ВСНХ административные органы, руководившие отдельными отраслями, — главные и центральные комитеты (главки и центры) — в том, что те используют систему ударничества не только для удовлетворения интересов своих секторов промышленности, но и в целях стяжания материальных благ для сотрудников аппаратов в Москве. На конференции металлистов в декабре докладчик по фамилии Буравцев критиковал ВЦСПС за попустительство в отношении раздутых зарплат и премий чиновникам главков и центров. Профсоюзные активисты, как большевики, так и не состоящие в партии, считали, что борьба с неравенством будет эффективней, если вопросы зарплат и распределения пайков будут находиться под более пристальным контролем отдельных профсоюзов. Предложения передать полномочия по установлению размеров зарплат от отдельных профсоюзов в сферу компетенции ВЦСПС, выдвинутые в октябре 1920 г. профсоюзным вожаком Абрамом Гольцманом, были встречены в штыки на Всероссийской конференции металлистов в ноябре и на декабрьской конференции Московского союза металлистов. В ходе последней рабочий АМО Д.С. Гольцев,

---

³⁴ ЦГАМО, 186/1/460/25-27об. О Гаврилине и Тарасове см. Прил. 1.

незадолго до того исключённый из партии, протестовал против этого проекта, в котором «местные заводские комитеты были обойдены»³⁵.

«Уравнение продпайков»

Среди рабочих широко распространялась обеспокоенность тем фактом, что неравенство в системе нормирования работает в пользу партийных чиновников и зарождающейся правящей элиты; это вдохновляло требования уравнивать пайки, т.е. сделать так, чтобы все городские наёмные работники получали поровну. Обвинители не всегда чётко указывали, кто именно получает выгоду от неравенства, но часто упоминали «ответственных работников», а также главки и центры. Беспартийные рабочие организовывали стачки, чтобы добиться «уравнения». В Союзе металлистов этот лозунг был взят на вооружение рабочими—небольшевиками, связавшими его с призывами профсоюзного контроля над распределением продовольствия. Внутри партии его поддержали представители левого крыла, связав призыв со своими требованиями «равенства среди коммунистов», а также московское губернское руководство, рассматривавшее его как средство ограничить систему ударничества, вызывавшую такие распри. Весной 1921 г. этот лозунг был провозглашён, с одной стороны, Московским советом при поддержке правительства, а с другой стороны, кронштадтскими повстанцами. Впрочем, против него выступали социалисты-революционеры (эсеры), считавшие, что возня вокруг механизмов распределения лишь отвлекает от главного вопроса: необходимости отмены военных методов продовольственного снабжения, таких как принудительная реквизиция.

Требование «уравнивания» содержало очевидные противоречия. Московские металлисты поддерживали «уравнение продпайков», одновременно требуя повышения премий — предполагая, что неравное вознаграждение тяжёлого труда, в отличие от сидения в правительственных учреждениях, оправдать можно. Более того, требуя «уравнения», рабочие все не имели в виду, что нужно отменить все предусмотренные

---

³⁵ ЦГАМО, см. выше, 40 об.

для них преимущества над остальными группами населения. Например, в ноябре 1920 г. крестьянские делегаты на московской губернской конференции «упрекали» большевиков в том, что те «[дают] рабочим 2 фунта [хлеба в день], а крестьянам $\frac{1}{2}$ фунта»; и если рабочие, может быть, и сочувствовали их положению, то, во всяком случае, этот вопрос редко упоминался во время дискуссий об «уравнивании»³⁶. Тем не менее этот лозунг удачно заострял внимание на накоплении материального богатства зарождающейся элитой. Многие из его сторонников считали, что каким бы малым ни было количество продовольствия, несправедливо распределяемого наверху, это всё равно нарушение социалистических принципов, к которым стремилось советское государство.

Вопрос «уравнивания» был поднят во время крупнейшей стачки в Москве летом 1920 г., когда бастовали трамвайные работники. Непосредственным поводом для этой, как и многих других забастовок, стала задержка с доставкой продовольствия. Стачка началась 12 августа в Замоскворецком трамвайном депо. На следующий день работу остановили ещё три депо, а также группа водителей на Сокольническом вагоно-автомобильном заводе. К ним присоединились рабочие из других отраслей. Симоновский завод провёл двухчасовую стачку в знак протеста против 10-дневной задержки с распределением пайков. На авторемонтных мастерских в Замоскворечье оказалось достаточно одной только угрозы присоединиться к стачке, чтобы добиться уступок от комиссии, организованной для разбора требований рабочих³⁷. Сами трамвайные работники продержались ещё два дня, пока их не вернули на рабочие места арестами и угрозами массовых увольнений. Политический характер стачки был отмечен Краснопресненским партийным районным комитетом, в протоколе которого записано: «Среди рабочих наблюдается общее желание уничтожить всякие пайки ответственных

³⁶ ЦГАМО, 180/1/236/64; ЦАОПИМ, 3/1а/2/84; «Социалистический вестник» 1921 г., № 1, С. 13; *Avrich P.*, *Kronshtadt 1921*, Princeton: Princeton University Press, 1970, p. 73.

³⁷ ЦАОПИМ, 3/1а/11/12, 38, 40. См. также *Pirani S.*, 'Class Clashes With Party: Politics in Moscow between the Civil War and the New Economic Policy', *Historical Materialism* 11:2, 2003: 75–120.

работников, о чём они предполагают просить Московский совет и МСНХ [Московский совет народного хозяйства], дабы в экстренном порядке изменить существующие неправильности, исходя из следующего соображения, что в трудовой Республике каждый рабочий и служащий должен получать паёк, но паёк исключительно трудовой»³⁸.

По сообщению агента ЧК, бастующие хотели вести переговоры на следующие темы: «1. о продовольственном вопросе, 2. о ставках и премиях, 3. об обмундировании, 4. об общем собрании всех парков, 5. о штрафах, 6. о выдаче соли с маршрутного поезда, 7. об увеличении пайка, 8. текущие дела [т.е. политическое положение] и 9. о премиальной муке, которая была обещана за выполненную работу». Здесь немаловажно требование права провести общегородское собрание: рабочее движение попыталось сделать первый шаг в направлении организации, но было отброшено назад большевиками. Стачка поднимала политические вопросы, но её не возглавляли члены никакой политической партии. ЧК не обнаружила никакой агитации извне, не было никаких оппозиционных политических организаций, сравнимых с меньшевистскими группами в союзах печатников и химиков или с левыми эсерами в союзе пекарей. Краснопресненская комиссия описала вожаков стачки как «более несознательные элементы, как рабочие, так и работницы», которые «ничем существенным не отличаются от остальных работающих рабочих».

Реакция партии на стачку должна была подорвать самоорганизацию и сознательность рабочих. Незадолго до того секретарь МК Исаак Минков разослал заводским ячейкам циркуляр, в котором советовал: если стачку нельзя предотвратить с помощью переговоров, члены партии на предприятии должны «по возможности незаметно для масс изолировать их от влияния активных контрреволюционных личностей». Увольнять последних управленцы-коммунисты должны были только в том случае, если все остальные способы не подействовали³⁹. С трамвайными работниками события явно перешли эту грань, и 12 августа, в первый день стачки, бюро МК не

³⁸ ЦАОПИМ, см. выше, 38.

³⁹ ЦАГМ, 415/16/587/16.

только отказалось санкционировать общегородское собрание трамвайных служащих, но и заявило, что депо, которые всё ещё будут бастовать по состоянию на 9 часов утра следующего дня, будут закрыты. Руководители Московского губернского союза профсоюзов (МГСПС) Гольцман и Григорий Мельничанский должны были объявить, что все бастующие могут быть арестованы. В каждом депо были созданы комиссии из представителей партийной ячейки, профсоюза и руководства, чтобы произвести «фильтровку всех рабочих», разделив их на три категории: сознательные рабочие; «имеющие прогулы»; и «злостные лодыри, инициаторы забастовки», которых следует арестовать. Аресты были проведены 14 августа; один из организаторов стачки, Алексей Крылов, позже был приговорён к году тюрьмы. Действия бюро МК были одобрены полным составом МК; во время заседаний этих органов не было за-протоколировано ни единого возражения против подавления стачки методами, напоминающими царские⁴⁰.

Подавляя независимое движение за «уравнивание продпайков», московское партийное руководство в то же время само использовало лозунг «уравнивания» против главков, чьи заядлые торги за представителей дефицитных профессий на рынке труда разжигали чувство обиды среди тех рабочих, чей труд не был дефицитом. В августе 1920 г. Московская партийная конференция, в соответствии с апрельским распоряжением Совнаркома, приняла решение о введении централизованной системы нормирования — в зависимости от вида выполняемой работы, а не от категории завода, на котором трудится человек. Это должно было сузить некоторые разрывы, создаваемые системой ударничества. Василий Лихачёв, руководящий работник МСНХ, заявил на конференции, что для прекращения путаницы и коррупции «необходимо создать единый распределительный орган», поскольку «служащие различных главков получают, а дети голодают». Главки и центры нужно заставить «подчиниться общей системе распределения», утверждал Лихачёв; «ударные» пайки должны быть упразднены и заменены на более единообразную систему премий. Он также выступил

---

⁴⁰ ЦАОПИМ, 3/1а/7/27; ЦАОПИМ, 3/1а/11/40, 48. О Мельничанском см. Прил. I.

за сокращение индивидуальных пайков и увеличение доли продовольствия, распределяемого через систему общественного питания, которая на тот момент уже и так регулярно кормила около четверти населения Москвы (61 000 взрослых и 219 000 детей)⁴¹. Конференция раскритиковала практику «поездки за хлебом», устраиваемых отдельными заводами с ведома главков. В результате дальнейшей дискуссии 4 октября президиум Моссовета принял решение централизовать распределение хлеба согласно простой двухуровневой системе нормирования⁴².

Значение «уравнивания продпайков» обсуждалось и на Московской конференции металлистов 2–4 февраля 1921 г.⁴³, призвавшей ввести «уравнительное, одинаковое для всех трудящихся распределение продуктов». С одной стороны, участники заседания решили, что все привилегированные пайки, «в какой бы форме таковые ни выражались и откуда бы пайки эти ни исходили (совнаркомовские, академические, пайки спецов и др.)», должны быть упразднены, а профсоюзы должны быть более активно задействованы в процессе распределения. С другой стороны, в отдельной резолюции по вопросу зарплат они призвали к отмене ограничений в системе премирования — чтобы поднять разрешённый размер премий до 300% оклада. Такой эгоистический мотив был озвучен делегатом Колышкиным с Устинского завода, говорившим о «равенстве распределения, с преимуществом для рабочих». Высказывалось негодование по адресу «спецов»: резолюция об оплате труда осудила несправедливость вознаграждений, выдаваемых им по желанию руководства, и

---

⁴¹ «Правда», 1 октября 1920 г.; *Borrero*, op. cit., pp. 150–157. Лихачёв (1882–1924) родился в Казани, где его отец служил лесником; вступил в РСДРП в 1902 г. и стал профессиональным революционером, с 1911 по 1917 гг. жил в эмиграции в США; с 1918 г. он состоял в президиуме Московского совета, а в 1921–1923 гг. возглавлял МСНХ.

⁴² Рабочие, занятые физическим трудом, должны были получать 1,5 фунта (614 г) хлеба в день; рабочие, занятые лёгким физическим трудом, а также советские служащие — 1 фунт (410 г); то же касалось и третей, «промежуточной» группы, а также детей до 16 лет. ЦАОПИМ, 3/1; а/1 и 2об–3об; *Алещенко*. Указ. соч. С. 190; Московский совет. С. 94.

⁴³ Об этой конференции см. гл. 3 этой книги.

системы, согласно которой главки могли по своему усмотрению раздавать премии натурой. Но беспартийные рабочие пояснили, что речь идет не просто о корыстных интересах, а о принципе: привилегии для служащих и специалистов усиливали аппарат и отдаляли «рабочее государство» от рабочих. Исправить это должна была не партия, а профсоюз, утверждали они. Портнов с Моторного завода настаивал: «Перечистить все главки и выбросить оттуда всех буржуев. Всё должно идти под контролем союза металлистов». Другой выступающий, Краевский, призывал «передать дело распределения и снабжения в руки нашего объединения — союза металлистов, отобрав это из рук бюрократических главков». Всё распределение должно быть передано фабзавкомам, а союз должен «действовать своим рабочим кулаком на эти главки». «Рабочизм» проявлялся здесь не как эгоистический интерес, а как убеждение, что социальное освобождение будет достигнуто рабочим классом, независимо и даже вопреки социалистическим партиям или интеллектуалам под какой-либо личиной.

Эти рабочистские и эгалитаристские аргументы относительно нормирования были отвергнуты на заседании проэсеровской группой, возглавляемой Епифановым с электростанции 1886 г. и Казенковым с завода «Добровых и Набоголец» (оба предприятия были расположены в Замоскворечье). Епифанов заявил: «Корень зла — это не в существующей привилегии пайков, [...] а в хозяйственной политике», — прежде всего, в продрозвёрстке. Споря с ними, Портнов выступил против открытия Сухаревки — главного рынка Москвы, закрытие которого в декабре 1920 г. ознаменовало пик «военного коммунизма». Большевики, ожесточённо противостоявшие эгалитаристам в других вопросах, здесь приняли их сторону: когда представитель мощного объединения беспартийных с АМО Иван Киреев осудил систему привилегированных пайков, его поддержал большевистский функционер Моисей Рафес, сославшись на принятое двумя неделями ранее решение Московского совета упразднить все дополнительные подпайки⁴⁴.

---

⁴⁴ ЦГАМО, 180/1/236/6-66; ЦГАМО, 180/1/235.

Война с Польшей и политика рабочего класса

В мае 1920 г. Польша вторглась на территорию Советской Украины; через несколько недель большевики устроили контрнаступление. На протяжении трёх месяцев, пока продвижение Красной Армии не было остановлено сокрушительным военным поражением, Ленин и многие рядовые большевики рассматривали эту войну в качестве возможности распространить революцию на Запад и приблизить социалистические преобразования в Европе (хотя не все партийные вожди были согласны с этой точкой зрения). Московские рабочие признавали, что эта война играет важнейшую роль в судьбе революции. Большинство участвовало в масштабных публичных демонстрациях поддержки войны, хотя значительное меньшинство на заводах высказывало сомнения по поводу того, кому она выгодна; эти сомнения вливались в общую обеспокоенность относительно роли партии в советском государстве.

В июле 1920 г. для встречи делегатов конгресса Коминтерна в Москве устроили гигантскую демонстрацию; на уме у её участников была, прежде всего, война. Явка, по оценкам составившая 250 тыс. чел., могла быть достигнута только при наличии определённой поддержки войны и правительства со стороны рабочих. Впрочем, большинство демонстрантов пришло не только из собственного энтузиазма. Рабочие для участия в мероприятии получили отгулы, а в некоторых заводских столовых после демонстрации — ещё и необычно питательные порции. Эсэровский мемуарист В.Ф. Клементьев, работавший тогда служащим, отмечал в толпе как хорошее настроение, так и звучавшие политические насмешки. Один из его коллег заметил: «Ходим болванами»; на следующий день он и другие «ворчуны» были уволены⁴⁵. Поэтому такие спланированные манифестации поддержки не могут сами по себе служить надёжным показателем настроений среди рабочих. (Этот вопрос подробнее обсуждается в гл. 6.) Стенограммы за-

---

⁴⁵ Коммунистический труд, 29 июля 1920; *Клементьев В.Ф.* В большевистской Москве (1918–1920). М.: Русский путь, 1998. С. 429–431; *Farbman M.*, Bolshevism in Retreat, London: Collins, 1923, p. 137

водских митингов могут сказать нам больше — особенно на тех предприятиях, где были активные меньшевики или беспартийные социалисты и где можно было ожидать, что позицию большевиков оспорят. На химическом заводе «Богатырь» в Сокольниках, где большевистская ячейка постоянно противостояла активной меньшевистской группировке, участники массовых собраний последовательно выражали поддержку войне, но не могли определиться по разделявшему их вопросу о Коминтерне. В июле 1920 г. резолюцию большевиков отклонили в пользу меньшевистского документа, в котором приветствовалась «победа Красной Армии» и «большое развитие революции на Западе», но было выброшено упоминание о Коминтерне; на следующем собрании, в сентябре, единогласно была принята стандартная большевистская резолюция, включавшая поддержку Коминтерна⁴⁶.

В сентябре партия призвала добровольцев идти на фронт, а рабочих — работать дополнительно 2 часа в день для поддержки военной экономики. На одном общественном полюсе эти призывы встретили активную поддержку, на другом — враждебное отношение (не к войне как таковой, а к тому, какую роль в ней играет партия). Многие рабочие, находившиеся между этими двумя полюсами, похоже, пассивно поддерживали войну или относились к ней равнодушно. На протяжении лета покинули Москву и отправились на западный фронт 3000 большевиков-добровольцев; позже в том же году на западный и южный фронты уйдут ещё свыше 3500 чел.; кроме того, тысячи московских партийцев и комсомольцев, мобилизованных в 1919 г., тоже всё ещё воевали⁴⁷. Семейные и товарищеские связи с этими добровольцами, должно быть, и привели к росту уровня поддержки Красной Армии. Рабочие станкостроительного завода Бромлея, которые в сентябре 1920 г., по свидетельству агента ЧК, «ругали коммунистов вовсю», а в марте 1921 г. были на переднем крае поддержки Кронштадтского восстания, согласились отработать два дополнительных часа. Согласился и коллектив авиазавода «Дукс», располагавшегося

---

⁴⁶ ЦАГМ, 337/2/29/168—168об, 174—174об.

⁴⁷ Коршунова и др. Указ. соч. С. 165—166; Правда, 23 октября 1920; ЦАОПИМ, 3/1а/6/16; Поляков. Указ. соч. С. 87—120.

в Краснопресненском районе. Рабочие железнодорожных мастерских в Рогожско-Симоновском районе приняли решение работать два часа сверх нормы 21 голосом «за» при 3 «против» и 27 воздержавшихся, демонстрируя одновременно слабый энтузиазм в отношении дополнительной работы и нежелание голосовать против войны. На собрании работницы, члены союза металлистов, высказывались в принципе не против сверхурочной работы, напротив, выступающие подчёркивали, что поддерживают цели войны, но говорили, что они и без того вынуждены «подрабатывать вне завода», чтобы свести концы с концами. На просьбу шить форму для Красной Армии на дому по вечерам некоторые выступающие ответили, что не смогут этого делать, поскольку, когда они возвращаются домой, на улице уже темно⁴⁸. Относительно войны часто звучали оговорки: раз партия решила управлять самостоятельно, то и защищать свою власть она должна, не обращаясь к рабочим за помощью. На Советском прокатном стане №1 в Сокольниках во время массового собрания агент ЧК зафиксировал даже такие речи: «Если власть состоит из коммунистов, то они должны и защищать её, а мы, беспартийные, участвовать в защите революции не хотим». В большевистскую резолюцию, приветствовавшую Красную Армию, «Красную Польшу» и Коммунистическую партию, были внесены поправки, и фразу «Да здравствует Коммунистическая партия» заменили на «Да здравствует рабочая партия». «Мы не хотим, чтобы какая-нибудь одна царствовала партия», — заявили рабочие⁴⁹. Те же вопросы вставали при обсуждениях набора добровольцев для отправки на фронт. Рабочие демонстрировали презрение к партийцам, уклонявшимся от фронта — таким, как руководство ячейки на табачной фабрике Габая в Краснопресненском районе. Получив телеграмму от представителей профсоюза с просьбой найти двух человек для проведения политической работы на фронте, те решили отправить беспартийных добровольцев. Сами они отказались ехать на фронт, «исходя из чисто лживых соображений», пожаловался агент ЧК. Рабочая-

---

⁴⁸ ЦАОПИМ, 3/1а/11/24, 57; ЦГАМО, 186/1/481/2; ЦГАМО, 186/1/492.

⁴⁹ ЦАОПИМ, 3/1а/11/70.

меньшевичка Крутецкая размножила полученную телеграмму и распространила копии, говоря рабочим: «Коммунисты сами на фронт не едут, устраивают войну, а мы отдуваемся»⁵⁰.

Это недовольство соединялось с широко распространённым негодованием по поводу наступления на демократические права, как на предприятиях, так и за их стенами. В действиях большевиков не осталось и следа от идей, широко обсуждавшихся в 1917–1918 гг., о том, что подавление врагов революции, равно как и другие политические вопросы, находятся в компетенции революционных масс. Произвольное правление партийных органов и ЧК, которое во время Гражданской войны часто оправдывалось военными соображениями, продолжалось и в 1920 г. Одной из причин продолжения репрессий была крайняя неуверенность партии в собственной способности удержать власть. Несмотря на то, что война с белыми на тот момент продолжалась лишь на небольшой территории на юге России, в Москве большевики чувствовали себя уязвимыми для вооружённого сопротивления. Например, в октябре 1920 г. новости, которые, как выяснилось позже, были никак не связаны между собой, о том, что за границей строят планы свержения правительства, о заговоре правых в Омске и об угрозе мятежа в московском гарнизоне из-за перебоев с продовольствием, привели их к уверенности в том, что в столице готовится переворот. ЧК была приведена в состояние полной боевой готовности, по городу прошла волна арестов⁵¹. Но с наименьшим рвением большевики подавляли и те рабочие движения, которые не содержали в себе внешних или политических угроз — например, упомянутую выше забастовку трамвайных служащих. В условиях экономического кризиса стремление большевиков предотвратить забастовку, которая парализовала бы транспорт, было объяснимо. Но категорический отказ позволить трамвайным служащим провести общегородское собрание красноречиво говорил о враждебности большевиков по отношению к развитию рабочего движения и наносил удар по коллективной демократии, которая, возможно, лучше справилась бы с проблемами дефицита.

---

⁵⁰ ЦАОПИМ, см. выше, 67об.

⁵¹ ЦАОПИМ, см. выше, 67об.

Аресты и увольнения рабочих — организаторов забастовок, среди которых по определению должны были быть самые искусные ораторы и активные представители рабочих, были не исключением, а наиболее вероятным ответом на любой перерыв в работе, продолжавшийся более одного дня. Иногда эти аресты провоцировали ответные забастовки в знак протеста. На типографии Сытина, где были сильны традиции рабочей организации под началом меньшевиков и других социалистов-небольшевиков, аресты в августе 1920 г. привели к забастовке. За два месяца до того большевики развернули общественную кампанию против Московского союза печатников, в котором доминировали меньшевики, и через национальный профсоюз инициировали процедуру его роспуска. Тогда были задержаны 40 профсоюзных активистов. В августе арестовали четырёх рабочих-сытинцев — Воронина, Шленского, Трякина и Смирнова — за то, что те активно выступали за улучшение снабжения рабочих продовольствием. Когда прошёл слух, что их собираются расстрелять, тотчас же была объявлена забастовка. Предлогом послужила задержка с поставками хлеба, но агент ЧК доложил, что «главным был вопрос об освобождении их». Оккупация типографии продлилась два дня — до тех пор, пока четверых рабочих не отпустили⁵². Аналогичная забастовка вспыхнула в октябре 1920 г. на машиностроительном заводе Густава Листа, когда ЧК арестовала двоих рабочих, обвинив их в контрреволюционной деятельности и членстве в партии эсеров. Было созвано общее собрание, на котором представитель ЧК объяснил, на каких основаниях были проведены аресты, а коллектив избрал трёх делегатов, которые должны были засвидетельствовать перед ЧК благонадёжность арестованных и взять их на поруки⁵³.

Масштаб и направленность репрессий против меньшевистских партий (включая тех, кто во время Гражданской войны поддерживали Советы — в частности, меньшевиков,

⁵² ЦАОПИМ, 3/1a/11/38; Социалистический вестник 1921, №1, С. 15; *Koenker D.* 'Labour Relations in Socialist Russia: Class Values and Production Values in the Printers Union 1917-21', in *Siegelbaum L. and Suny R.* (eds.), *Making Workers Soviet: Power, Class and Identity*, London: Cornell University Press, 1994, pp. 171—173 and p. 188. См. также *Aves*, op. cit., pp. 64—67.

⁵³ ЦАОПИМ, 3/1a/11/87, 101.

левых эсеров и анархистов) определялись ЧК, которая была подотчётна партийным комитетам. Рабочие организации не имели права голоса. В начале 1920 г. действия ЧК в Москве были сосредоточены на анархическом подполье, устроившем взрыв в помещении Московского комитета РКП(б) во время заседания в сентябре 1919 г.; к августу в ЧК решили, что уже «ликвидировали» анархические организации и могут теперь сосредоточиться на правых эсерах — противниках советской власти, занимавшихся «дезорганизационной работой» среди служащих в советских учреждениях. На протяжении августа и сентября ЧК арестовала 175 чел., включая большинство членов эсеровского ЦК. Были зачищены предприятия, на которых были сильные организации эсеров — такие как Александровские железнодорожные мастерские. После протестов против принудительного труда работавший там эсер Гаврилин и бывший меньшевик Вавилькин были арестованы и приговорены к двум годам каторжных работ. Ещё трое участников протестов получили по году принудительных работ⁵⁴. На левых эсеров таких облав не устраивали, но их требования официального признания большевики воспринимали без энтузиазма. В июле просьбу московских левых эсеров предоставить им официальный статус рассматривал не советский орган, а бюро московского комитета партии. В удовлетворении просьбы было отказано «ввиду сложности настоящей политической ситуации»⁵⁵. ЧК также внимательно наблюдала за группой левых эсеров-интернационалистов, 11 членов которой были задержаны на непродолжительные сроки в сентябре 1920 г.⁵⁶

Рабочие, не входившие в оппозиционные партии, использовали доступные им возможности, пытаясь противостоять дрейфу

---

⁵⁴ ЦАОПИМ, 3/1а/11/12; *Aves*, op. cit., p. 47. См. также *Бернштам М.С.* Народное сопротивление коммунизму в России: независимое рабочее движение в 1918 году. — Париж: YMCA Press, 1981. С. 185, 208, 260–261.

⁵⁵ В январе 1921 г. бюро немного смягчилось, предложив разрешить левым эсерам издавать газету при условии прохождения цензуры перед выпуском издания. Но после Кронштадтского восстания, на фоне общего ужесточения политики по отношению к небольшевистским партиям, эта позиция снова была пересмотрена. ЦАОПИМ, 3/1а/7/22, 3/1а/6/15, 3/2/28/18.

⁵⁶ ЦАОПИМ, 3/1а/11/58.

большевиков к политической диктатуре. В феврале 1921 г. на конференции союза металлистов представителям партии предъявили счёт за репрессии и злоупотребления ЧК. Когда руководитель московского горкома партии Лев Каменев⁵⁷ признал, что «есть люди, которые справедливо ненавидят Лубянку», его перебил с места человек, рассказавший, что он попал за решётку, несмотря на доказательства его невиновности. Ответ Каменева: «Совет несправедливости разбирает», — вызвал волнение в зале. Беспартийные рабочие из числа присутствовавших, занимавшие в экономических вопросах сторону большевиков против эсеров, выступили против большевиков в вопросе рабочей демократии. Беспартийный рабочий Позден, симпатизировавший Рабочей оппозиции (РО) в РКП(б), сказал, что промышленное производство требует вовлечения рабочих масс, а это, в свою очередь, требует «свободы [политического] действия без всякого давления со стороны кого бы то ни было». Барковский, который также был близок к РО, заявил: «Я требую свободу печати, слова, собрания»⁵⁸.

Эти политические проблемы, а также вопросы, связанные с продовольствием, тяжело сказывались на большевистских ячейках на предприятиях, члены которых вынуждены были защищать и разъяснять политику правительства своим товарищам. Слабость ячеек на предприятиях оставалась проблемой для партии в Москве в период после окончания Гражданской войны. В сентябре 1920 г. в Московской губернии всего 9777 членов партии, т.е. немногим больше четверти от общего их числа, работали в промышленности и транспорте. Этот показатель постепенно падал, тогда как удельный вес администраторов по отношению к рабочим возрастал до конца 1922 г.⁵⁹ На Московской партийной

---

⁵⁷ Каменев (1883–1936), один из крупнейших деятелей большевистского ЦК, был председателем Моссовета и политическим руководителем московской партийной организации с 1918 г. до 1926 г., когда после выступления против Сталина он был снят с поста. Недавно опубликованная биография: *Ulrich J., Kamenev: Der gemassigte Bolschewik, Hamburg: VSA-Verlag, 2006.*

⁵⁸ ЦГАМО, 180/1/236/9, 11, 21, 28, 46–47.

⁵⁹ В октябре 1920 в общем числе 35 226 членов партии в Московской губернии был 8071 член ячеек в промышленности и 1706 — на транспорте. Большинство из них (соответственно 7545 и 1247) относили себя к «рабочим или младшим служащим», а не к администраторам. Число людей «от

конференции в ноябре 1920 г. член МК Илья Цивцивадзе заявил, что коммунисты в ячейках «очутились в положении человека, который попал между буферами. Мы сверху давим, требуем исполнения, между тем они снизу дают, ячейки попали в безвыходное положение». Члены ячеек «придавлены миллионами обязанностей». «Естественно, что эти товарищи, находящиеся в скверных условиях, проявляют некоторое недовольство, иногда неосознанное», — признал Цивцивадзе. Член ячейки на заводе АМО рассказал ему: «Мы приходим поздно вечером, наша семья спит, утром уходим рано, тоже семья спит. Мы находимся в положении, в котором невозможно жить»⁶⁰. Варвара Яковлева, бывшая тогда секретарём МК, продолжила эту тему на X партийном съезде в марте 1921 г. В результате наступления «мелкобуржуазной стихии» «отдельные наши товарищи держатся на собраниях рабочих угрожающе, грозя пулей и штыком; а иногда, идя по пути наименьшего сопротивления, подделываются под настроение массы», — рассказала она. Многие коммунисты «сами стоят на грани выхода из партии»⁶¹.

В архивах ячейки на АМО, упомянутой Цивцивадзе, содержатся дальнейшие свидетельства давления, оказываемого на рабочих-коммунистов. Эта ячейка находилась в сильной политической конкуренции с группой заводских беспартийных. Один из членов ячейки, П.А. Оленов, покинул её в июле 1920 г., не желая становиться осведомителем. Рабочие бастовали, требуя предоставления заводу статуса «ударного» и изменения графика летних отпусков так, чтобы облегчить организацию

станка» значительно упало, согласно национальной перерегистрации, проведенной в январе–феврале 1922 г. Секретариат ЦК РКП(б). Материалы по статистике личного состава РКП. М., 1921. С. 42–47. Дальнейшее обсуждение этого вопроса см. в гл. 5. Статистические данные о роде занятий членов партии см. в Прил. 5.

⁶⁰ ЦАОПИМ, 3/1а/2/71. Цивцивадзе И. (1881–1938) родился в Кутаисской губернии (сейчас – Абхазия) в Грузии; учился в местной семинарии, откуда был исключён за революционную пропаганду; вступил в РСДРП в 1903 г., с 1912 г. жил в Москве; с 1917 г. был членом Моссовета, с 1922 г. работал в строительном отделе, а с 1929 г. — в промышленном управлении.

⁶¹ Десятый съезд РКП(б): стенографический отчет. М.: Гос. изд. полит. литературы, 1963. С. 280. О Яковлевой см. Прил. 1.

закупочных вылазок. Когда бастующие вернулись на рабочие места, от членов партии потребовали «делать заметки для ячейки о лицах, которые сколачивают несознательную массу». Оленов отказался, в знак протеста вышел из заводского комитета, а его припугнули увольнением⁶². С другой стороны, в самой партии предпринимались срежиссированные попытки исключить двоих членов заводского комитета, пользовавшихся популярностью среди рабочих — Гольцева и Демидова — на основании того, что они недостойны представлять партию. Губернский руководитель Союза металлистов отказался утвердить их избрание. Сенсационные обвинения Гольцева и Демидова в «пьянстве, картёжничестве и взяточничестве» и рассказы о привычке Гольцева размахивать револьвером, были опубликованы в партийной газете «Правда». По меньшей мере, некоторые из этих обвинений, к удовольствию членов ячейки, были доказаны, и Гольцева с Демидовым из неё исключили. Тем не менее рабочие в очередной раз выразили им свою поддержку на массовом собрании, и до тех пор, пока в 1921 г. на АМО не вернулась группа коммунистов из Красной Армии, в заводском комитете не было партийцев, способных заменить этих двух активистов⁶³. Ячейка также страдала от многочисленных добровольных уходов: 4 января 1921 г. в ней обсуждались меры по противодействию «отливу из партии рабочих масс», вследствие которого «убита самодеятельность ячеек на местах, большое неравенство среди членов, оторванность верхов от низов»⁶⁴.

---

⁶² ЦАГМ, 415/16/317/20об. Оленов, уроженец Твери, начал рабочий путь на кузнице местного вагоностроительного завода и занимался подпольной политической деятельностью, собирая средства для РСДРП; в 1916 г. переехал в Москву и был рекрутирован в царскую армию; выйдя из партии в 1920 г., он вновь вступил в неё в 1925 г.

⁶³ ЦАГМ, 415/16/317/20, 415/16/39/9, 415/16/587/9, 415/16/47/11–14. Гольцев оставался активным членом организаций рабочих АМО и к началу 1922 г. вновь был в составе заводского комитета. В 1923–1924 гг. ячейка АМО дважды отклоняла его прошения о повторном вступлении, но в конце 1920-х он снова к ней присоединился. *Чуряев А. П., Адфельдт Н. В., Баевский Д. А.* (ред.) История Московского автозавода им. И. А. Лихачева. М.: изд. «Мысль», 1966. С. 73, 85; ЦАГМ, 415/16/47/11–14, 415/16/318/95, 415/16/587/9; ЦАОПИМ, 433/1/16/54 и 433/1/19/6.

⁶⁴ ЦАГМ, 415/16/590/50.

Затишье перед бурей

Прелюдией к кризису весны 1921 г., когда против большевиков поднялось восстание матросов в Кронштадте, а по крупным городам прокатилась волна забастовок, был краткий период в ноябре—декабре 1920 г., во время которого кратковременное улучшение ситуации с продовольствием в Москве несколько ослабило трения между рабочими и партией. Этот период совпал по времени с возобновлением работы некоторых ключевых заводов и, как результат, увеличением объёмов производства. Всё это укрепило в партии иллюзии по поводу возможности продолжения экономической политики «военного коммунизма» во время мирного строительства. Моссовет чувствовал себя вправе констатировать: «Сравнительно с прошлой зимой теперь можно уже сказать, что нынешняя зима будет проведена в гораздо более сносных условиях. Снабжение хлебом, топливом, количество школ, количество пущенных в ход фабрик и мастерских явно свидетельствует, что самые тяжёлые дни для московских рабочих уже прошли»⁶⁵. В рапорте ЧК за вторую половину ноября сказано, что пайки регулярно доставляются почти всем рабочим «ударных» и «бронированных» категорий. За это время в Москве состоялись лишь две забастовки по вопросу поставок: однодневная остановка работы на заводе «Добровых и Набголец» и полудневная забастовка на мастерских Бромлея⁶⁶.

Существуют многочисленные свидетельства, что многие большевики восприняли временное улучшение как знак того, что самые страшные проблемы с предпоставками преодолены, и считали, что продолжением методов «военного коммунизма» можно достичь дальнейших экономических успехов. На Московской губернской партконференции 20—22 ноября руководство РКП(б) и оппозиция, занимавшие противоположные точки зрения почти по всем остальным вопросам, были согласны с тем, что кризис поставок остался позади. Николай Бухарин, возглавлявший атаку ЦК против оппозиции, сообщил участникам конференции, что если ранее в этом году докладчики,

---

⁶⁵ Московский совет... С. 95.

⁶⁶ ЦАОПИМ, 3/1а/11/142. См. также *Алещенко*. Указ. соч. С. 190.

выступавшие на рабочих собраниях, были завалены записками с вопросами о продовольственных поставках, то «теперь всем известно, что на рабочих собраниях таких заметок почти не получается. ... Сейчас более или менее регулярно выдается паёк». Бухарин, выступавший идеологом «военного коммунизма» как метода долгосрочного экономического строительства, утверждал, что рабочие больше не призывают, как это было раньше в том же году, к восстановлению свободной торговли. Этот «принципиальный сдвиг, происшедший в массовой психологии», нужно сделать исходным пунктом для демонстрации превосходства «наших [военно-] коммунистических методов» над свободной торговлей, «частной инициативой» и другими буржуазными методами в экономике. Лидер оппозиции Иван Кутузов заявил: «Теперь наше положение в Советской республике делается лучше, мы слышим о победах на фронтах и наконец внутри тоже чувствуется подъём, фабрики пошли, заводы заработали, настроение рабочих делается лучше»⁶⁷. Иллюзии по поводу экономического прогресса лучше всего выражены в той гордости, с которой Московский горком партии приветствовал 14 декабря закрытие главного рынка столицы — Сухаревки. Некоторые члены партии рассматривали этот широко разрекламированный удар по свободной торговле как символ способности республики уже на этом раннем этапе продвижения к социализму освободить обмен между городом и деревней от наживы и спекуляций⁶⁸. Решения VIII Всероссийского съезда Советов, состоявшегося в декабре 1920 г., отражали такую же решимость продвигаться далее. В вопросе сельского хозяйства съезд отклонил проект меньшевика Давида Далина, согласно которому крестьянство должно иметь возможность самостоятельно сбывать излишки, и принял резолюцию, подготовленную лидером группы

---

⁶⁷ Народное хозяйство, декабрь 1920 г.; ЦАОПИМ, 3/1а/2/32. Кутузов (1885—1937) родился в деревне Смоленской губернии; его отец занимался сезонным отхожим промыслом в Москве; он стал красильщиком и в 1907 г. на фабрике, где работал, организовал профсоюзную организацию; делегат Моссовета с самых первых дней его существования в феврале 1917 г., в том же году вступил в партию большевиков; в 1918—1926 гг. возглавлял союз текстильщиков; поддерживал РО; с 1926 г. член ЦИК СССР.

⁶⁸ Коммунистический труд, 14 декабря 1920 г.

демократического централизма («децистов») Валерианом Осинским. Этот документ предусматривал централизованное управление посевной кампанией, которую будут проводить в жизнь посевные комитеты. Делегаты из сельской местности яростно протестовали, и после встречи с ними Ленин убедил большевистскую фракцию съезда не отменять законодательство, позволяющее индивидуальным хозяйствам получать определённую прибыль. По вопросу промышленности съезд утвердил знаменитый план электрификации, разработанный Кржижановским, и спрогнозировал на ближайшую весну возрождение тяжёлой промышленности и широкое внедрение новых технологий. Резолюция по вопросам транспорта с чрезмерным оптимизмом констатировала, что худший период транспортного кризиса миновал. Партийная пресса растиражировала ленинскую формулу: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны»⁶⁹.

На самом деле улучшения были хрупкими и недолговременными. Запасы муки, накопленные в сентябре–октябре, были израсходованы, а на предупреждения Наркомпрода о дефиците, похоже, никто не обращал внимания. Славословия, произносившиеся в Москве в честь настоящего и мнимого прогресса, резко контрастировали с настроениями в деревнях всего в паре километров от столицы, где крестьяне находились на грани голода. Начиная с конца октября, агенты ЧК в некоторых сельских районах сообщали о голоде и предупреждали о негодовании по поводу трудовой и гужевой повинности. К декабрю в некоторых отчётах отмечались враждебные настроения, вызванные дефицитом фуража: из-за него крестьяне были вынуждены забивать скот. Кроме того, крестьяне лишились лошадей⁷⁰. В подмосковных городах, где производили текстиль, в ноябре прошли крупные забастовки: в Орехово-Зуевском уезде 1000 рабочих бастовали четыре дня; в округе Павловского Посада 500 рабочих Дрезненской прядильно-

⁶⁹ Декреты советской власти. Т. XII. С. 80–86, 113–116; Доклады на VIII-м Всероссийском съезде советов. М.: МК РКП(б), 1921. См. также *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1996. С. 257–260; и *Farbman*, op. cit., pp. 262–264.

⁷⁰ ЦАОПИМ, 3/1a/11/128-29, 163–163об, 168–168об.

ткацкой фабрики бастовали, поскольку не получили ни своих «бронированных» пайков, ни сентябрьской зарплаты. К ним присоединились 3000 рабочих соседней фабрики. Представители партии, Совета и профсоюза санкционировали 15 арестов⁷¹. Вероятно, возмущение рабочих по поводу проблем с поставками было усилено страданиями их соседей-крестьян. Прошло ещё два месяца — во время которых участились крестьянские бунты, кризис поставок грозил голодом рабочим Москвы и Петрограда, а волнения достигли своего пика в Кронштадтском восстании, — прежде чем руководство большевиков было вынуждено пойти на фундаментальную смену стратегии и сделать первые шаги в направлении НЭПа на X партсъезде в марте 1921 г.

---

⁷¹ ЦАОПИМ, см. выше, 142об.

Глава 2.

ПРЕКРАСНЫЕ МЕЧТЫ И ЖЕСТОКИЕ БИТВЫ: ПАРТИЯ В ИЮЛЕ—ДЕКАБРЕ 1920 Г.

В 1920 г. коммунисты, вступившие в партию во время Гражданской войны, возвращались в Москву, дабы приступить к мирному строительству, которое многим из них виделось продолжением вооружённой борьбы. Возлагая большие надежды на новое общество, которое они намеревались построить, эти люди по возвращении в столицу гневно реагировали на проявления авторитаризма и иерархии, в особенности на различные материальные привилегии новой элиты. Партия, в которую они в своё время вступили, была динамичным организмом, а не угрюмой замкнутой организацией, какой она стала после X съезда. В этой партии разногласия и инакомыслие больше не приветствовались. Группа демократического централизма (децисты), чья политика передачи властных полномочий вниз через Советы в 1919 г. была одобрена большинством, теперь вместе с Рабочей оппозицией (РО) очутилась в оппозиции. В Москве широкая поддержка этой и других инакомыслящих группировок привела парторганизацию на грань раскола. Численное преобладание в партии коммунистов, вступивших туда во время Гражданской войны, иллюстрируется опросом 35 226 членов РКП(б) в Московской губернии, проведённым в октябре 1920 г. Он показал, что 32% опрошенных вступили в партию в период между Октябрьской революцией и августом 1919 г., а ещё 51% — после этого, главным образом во время «партийной недели», организованной в октябре 1919 г. Лишь небольшое число коммунистов (5%, т.е. 1763 чел.) вступило в партию до 1917 г., а ещё 10% — в 1917 г. до Октября. Партия была буквальным образом закалена в боях: 89% всех партийцев в стране были мужчинами, из них 70% отбывали воинскую повинность, «притом большинство в строевых частях». Многие только что вернулись с фронта

или находились в увольнительной. Как показала Виктория Тяжельникова, некоторые по-прежнему носили при себе огнестрельное оружие, работая в учреждениях и на заводах, причём не только в 1920 г., но и годы спустя¹. Начался переход коммунистов в управленческий аппарат – тенденция, продолжавшаяся до середины 1920-х: 27% партийцев Московской губернии работали в советских учреждениях, а ещё 4% занимали партийные или профсоюзные должности, тогда как в промышленности работали 23%, в транспортной отрасли 5% и 18% были красноармейцами².

Коммунисты Гражданской войны

«Коммунистов Гражданской войны» (вступивших в партию после Октябрьской революции) от старых большевиков, руководивших партией, отличал присущий им сверхоптимизм, чрезмерная уверенность в собственной способности изменить мир, основанная на победах 1917–1919 гг. Нижеследующая дискуссия помещает эти настроения в конкретные, стремительно меняющиеся условия. Это может дополнить исследования других историков, выводы которых я не всегда разделяю³, но ярко контрастирует с работой Игаля Халфина, посвящённой рядовым партийцам. В своём труде Халфин довёл до крайности «лингвистический поворот», не просто недооценивая, но сознательно отвергая необходимость учитывать политические и социальные изменения, к которым

---

¹ Секретариат ЦК РКП(б). Материалы по статистике личного состава РКП. М., 1921. С. IX и 62–63; Тяжельникова В.С. «Военный синдром» в поведении коммунистов 1920-х гг. // Сенявская Е.С. (ред.) Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 291–305.

² Секретариат ЦК РКП(б). Указ. соч. С. 42–47. Подробнее о профессиональном составе коммунистов см. Прил. 5.

³ Напр., Fitzpatrick S., *The Russian Revolution 1917–1932*, Oxford: Oxford University Press, 1982, особенно с. 76–79; а также Fitzpatrick S., 'The civil war as formative experience', in: Gleason A., Kenz P. and Stites R. (eds), *Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution*, Bloomington: Indiana University Press, 1985, pp. 58–76. Другие работы перечислены во введении, см. прим. 22 и 24.

относится лингвистическое выражение. Он утверждает, что «объединение» заявлений большевиков с «тем, что историки-позитивисты считают объективными обстоятельствами царской империи или ранней Советской России», было бы «серьёзной ошибкой». В другом месте он заявляет, что историки не обязаны «объяснять то, что говорили или делали исторические протагонисты, исходя из базовых экономических интересов или политической борьбы»⁴. Стремясь именно таким образом объяснить, что делали протагонисты, я подхожу к рассматриваемому вопросу с диаметрально противоположной позиции.

Свидетельства о повышенном оптимизме исходят не от заводских рабочих-партийцев, а от служащих среднего звена, разрывавшихся между многочисленными военными и гражданскими фронтами. Павел Лебедев-Полянский, работавший в литературных организациях, в 1929 г. вспоминал, что во время Гражданской войны он жил «глубоким убеждением» в неизбежности немедленного взрыва мировой пролетарской революции. «Все мы жили в обстановке революционного романтизма: усталые, измученные, но радостные, праздничные; непричесанные, неумытые, нестриженные и небритые, но ясные и чистые мыслью и сердцем»⁵. Его романтизм в 1920 г. поддерживался дискуссией об отмене денег. В том году надежды на такие искусственные скачки в сторону от рыночных отношений, а также временные успехи, достигнутые решением экономических проблем военными методами, усилили впечатление, что идёт стремительное продвижение к социализму. Писатель Борис Пильняк, политически склонявшийся к анархизму, но состоявший в личной дружбе со многими большевиками высшего и среднего звена, писал: «Я знаю, что двадцатый — в городах [важное уточнение. — С.П.] — год — прекраснейший в истории России. [...] О нем надо писать — не только для России,

---

⁴ *Halfin I.*, *From Darkness to Light: Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000, p. 86; *Halfin I.*, *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003; *Halfin I.*, 'Introduction' and 'Intimacy in an Ideological Key', in *Halfin I.* (ed.), *Language and Revolution: Making Modern Political Identities*, London: Cass, 2002.

⁵ Красная новь. 1929. №3. С. 202–203.

но для всего мира, ибо этот год — прекраснейший в истории человечества»⁶.

«Прекрасным» было именно то, как коммунисты чувствовали себя в силах изменить мир и разгромить врагов, подчёркивал Пильняк. А авторы оппозиционного манифеста «Мы — коллективисты», документа 1921 г., самокритично вспоминая «боевой утопизм» РО, писали: «Военный потребительский коммунизм осаждённой крепости нам казался самым доподлинным производственным коммунизмом пролетариата. Тогда как ни разу не приходило в голову проверить на фактах в действительности нашу оценку перспектив, видов на будущее»⁷.

Отчасти сверхоптимизм основывался на надежде, что революция, движимая достаточной силой воли и самопожертвованием, распространится на Западную Европу и решит внутренние экономические проблемы. Эту иллюзию подпитывало продвижение соединений Михаила Тухачевского вглубь Польши. Британский журналист Майкл Фарбман писал, что на II конгрессе Коминтерна в июле—августе 1920 г., где западноевропейские делегаты докладывали об успехах коммунистов в рабочем движении, а продвижение Тухачевского отображалось на ежедневно обновляемой карте, «большевики просто летали, вдохновлённые этой демонстрацией революционной солидарности и энтузиазма». Впрочем, не все сверхоптимисты уповали на европейскую революцию; некоторые рассчитывали на преобразования, которые будут достигнуты независимо от неё. Большевистский историк М. Н. Покровский писал о 1920 г.: «Казалось, то, что так блестяще удалось [на военном фронте], удастся и в народном просвещении, и в народном хозяйстве ... Нас [...] пьянила в известной степени эта быстрота. Дело пошло таким темпом, что нам казалось, что мы от коммунизма — коммунизма, созданного собственными средствами, не дожидаясь победы пролетарской революции на Западе, — что мы от этого коммунизма очень близки»⁸.

⁶ Писатели об искусстве и о себе: сборник статей. №1. М.—Л.: «Круг», 1924. С. 82. Пильняк вернулся к этой теме в своём романе «Машины и волки», написанном в 1923 г.

⁷ РГАСПИ, 17/60/43/22.

⁸ *Покровский М.Н.* Семь лет пролетарской диктатуры. М.: Гос. издательство, 1924. С. 7; *Farbman M.*, *Bolshevism in Retreat*, London: Collins, 1923, p. 137.

Непомерный волюнтаризм среднего звена большевиков наиболее чётко проявился в творчестве пролетарских поэтов и писателей, принадлежащих к движению Пролеткульта. Михаил Герасимов, ведущий член литературного объединения «Кузница», сформированного в декабре 1920 г. как альтернатива московскому Пролеткульту, писал: «Нет меры гордому дерзанию: / Мы — Вагнер, Винчи, Тициан»⁹. Здесь не было ни иронии, ни отступления от настроений большинства. Илья Садофьев, другой выдающийся представитель «Кузницы», написал во время Гражданской войны:

Поэтов ярче и счастливей и бессмертней нас —
Наша планета еще никогда не рождала ...
Нашими устами песнь несметных масс
Величем небывалым впервые зазвучала.¹⁰

Один из ведущих теоретиков Пролеткульта Платон Керженцев утверждал, что эта безграничная самоуверенность — не «самохвальство», а «глубокое сознание того, что пролетариат победит»¹¹. Семён Родов, единственный интеллеktуал из среднего класса в «Кузнице», в 1920 г. хвалил Герасимова за его уверенность в «грядущей победе того коллектива, от имени которого он произносит это стальное “мы”»¹². Это «мы», т.е.

⁹ Красная новь. 1929. №3. С. 202–203.

¹⁰ Движение Пролеткульта, сформированное в 1918 г., стремилось поддержать рабочих писателей, музыкантов и актёров как носителей новой пролетарской культуры. В феврале 1920 г. Герасимов сформировал объединение «Кузница» как альтернативу московскому Пролеткульту. Эти две группы расходились во взглядах на способы развития писательских навыков и на роль профессионализма в литературе, но не в политических вопросах. См. *Mally L.*, *Culture of the Future: the Proletkult Movement in Revolutionary Russia*, Berkeley: California University Press, 1990; *Fitzpatrick S.*, *The Commissariat of the Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts Under Lunacharsky 1917–1921*, Cambridge: Cambridge University Press, 1970, pp. 89–109; *Sochor Z.A.*, *Revolution and Culture: The Bogdanov-Lenin controversy*, Ithaca: Cornell University Press, 1988, pp. 125–157; *Steinberg M.D.*, *Proletarian Imagination: Self, Modernity and the Sacred in Russia, 1910–1925*, Ithaca: Cornell University Press, 2002, pp. 54–55.

Цитата Герасимова взята из журнала «Кузница». №1. С. 21.

¹¹ Керженцев П. М. К новой культуре. Пг., 1921. С. 73–74.

¹² О Родове см. *Steinberg*, op. cit., p. 55.

творцов нового мира, прославлял пролетарский поэт Владимир Кириллов, восхвалял нарком просвещения Анатолий Луначарский и высмеивал Замятин в своём романе «Мы».

Некоторые представители партийной верхушки тоже временами демонстрировали сверхоптимистические настроения, но их энтузиазм уравновешивался в целом трезвыми взглядами руководства большевиков. Между партийными лидерами часто были глубокие разногласия по поводу ряда элементов военной и экономической политики, которые, как казалось некоторым рядовым коммунистам, являлись прямой дорогой к социализму. По вопросу настроений большевистского руководства существует большая историографическая дискуссия. Историки времён холодной войны утверждали, что военный коммунизм был «не столько набором чрезвычайных мер в военных условиях, сколько попыткой как можно скорее построить коммунистическое общество» (Ричард Пайпс), обусловленной «настоящим идеологическим иступлением» (Мартин Малия). Ларс Лих и другие показали, что руководство большевиков в целом сохраняло прагматизм и, как выразился Кристофер Рид, «коллективно эти черты были вовсе не так страшны, как малевали некоторых из них». Даже если так, тем не менее, остаётся очевидным, что экзотические идеологические обоснования этого марш-броска, выдвигаемые Троцким, Бухариным и другими, дали возможность его продлить. В 1922 г. Карл Радек заметил, что «идеология [в 1918–1920 гг.] превращала весьма часто временно-преходящее в систему, что в свою очередь влияло на мероприятия и развивало их дальше необходимого»¹³.

¹³ О Троцком и Бухарине см. Введение, *Pipes R.*, *Russia Under the Bolshevik Regime*, London: Harvill, 1994, pp. 370–371; *Malia M.*, *The Soviet Tragedy: a History of Socialism in Russia, 1917–1991*, New York: Maxwell Macmillan International, 1994, p. 130; *Lih L.*, ‘Vlast’ from the Past’, in *Left Politics*, 6: 2, 1999: 29–52; *Lih L.*, ‘The Mystery of the ABC’, *Slavic Review* 56: 1, 1997: 50–72; *Read C.*, *From Tsar to Soviets: the Russian People and their Revolution 1917–21*, London: Routledge, 1996, p. 244; *Radek K.*, ‘The Paths of the Russian Revolution’, in Richardson (ed.), *In Defence of the Russian Revolution: a Selection of Bolshevik Writings, 1917–1923*, London: Porcupine Press, 1995, pp. 35–65. Я благодарен Ларсу Лиху за то, что он прислал мне свою неопубликованную статью “‘Our position is in the highest degree tragic’: Bolshevik euphoria in 1920”. См. также *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М.: Русское

Политические дискуссии 1920 г. проявили контраст между всё более осторожной оценкой потенциала партии со стороны руководства и глубокой верой большевиков среднего и нижнего звена в способность партии силой воли изменить мир. Таким образом, коммунисты-оппозиционеры наделяли партию как субъективный фактор большим значением, чем большинство вождей; они соглашались с общим тезисом о том, что партия ограничена объективными обстоятельствами, но обвиняли её лидеров в том, что те слишком поспешно принимают эти обстоятельства как данность и недооценивают субъективный фактор. На Московской губернской партконференции в ноябре 1920 г., во время кульминации внутрипартийных разногласий, децист Р.Б. Рафаил раскритиковал руководство, с Лениным и Сталиным включительно, которое «всё сваливает на объективные условия», не спрашивая себя, «а может быть, при данных условиях можно было проделать нечто иное». Другой ведущий оппозиционер, Николай Ангарский, заявил: вместо того, чтобы подумать, как побороть неравенство, партийные лидеры «стараются объяснить всё объективными условиями». Пётр Смидович, сторонник партийного руководства, доказывал, что «бюрократизм», на который нападают оппозиционеры, это просто формальное отношение к задачам, и «очень часто оно является результатом несоответствия сил с той громадной задачей, которую выполняют». Децист Михаил Богуславский расценил это как преклонение перед существующим положением дел со стороны «группы, которая стоит объективно за бюрократизм»¹⁴. Оппозиционер Ефим Игнатов далее раз-

---

книгоиздательское товарищество, 1996. С. 117–167, 216–249 и 257–269; Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М.: Россия молодая, 1994. С. 50–63; Симонов Н.С. Демократическая альтернатива тоталитарному НЭПу // История СССР. 1992. №1. С. 41–58; Dewar M., Labour Policy in the USSR, 1917–1928, London: Royal Institute of International Affairs, 1956, pp. 52–58; Patenaude B.M., Bolshevism in Retreat: the Transition to NEP 1920–22 (PhD diss., Stanford University, 1987), pp. 58–68, 92–98, 104–109 and 118–122.

¹⁴ ЦАОПИМ, 3/1а/2/35, 39 и 63. Об Ангарском и Богуславском см. Прил. 1. Рафаил (1893–1966), член партии с 1910 г., состоял в МК на протяжении 1920-х, а с 1922 возглавлял Московский отдел народного образования; участвовал в деятельности группы децистов в 1920–1921 гг., левой оппозиции в 1923 г. и объединённой оппозиции в 1927 г.; с 1933 г. пребы-

вил эту мысль на X партсъезде, в аналогичных выражениях критикуя Бухарина¹⁵.

После того как партийные руководители, ранее увлечённые поиском кратчайших путей, поняли, что эти пути никуда не приведут, среди рядовых партийцев эти иллюзии сохранялись ещё долгое время. Например, Ленин, в ожесточённом споре с Троцким и другими вождями, поддерживал мысль о том, что Тухачевский, преследуя отступающую польскую армию, может открыть дорогу в Германию и ускорить европейскую революцию. Но вскоре после того, как Тухачевский сам начал отступать, Ленин понял, что это был серьёзный просчёт. 6 сентября 1920 г., когда Ленин готовился выступить с самокритикой по поводу польской авантюры на IX партконференции¹⁶, партийный агитатор Шпиндлер рапортовал коммунистам Бауманского района о том, что русская революция распространяется на Западную Европу и «зараза коммунизма пошла по течению, во все уголки земного шара»¹⁷. В Бауманском районе было сконцентрировано большинство военных предприятий и казарм Москвы, обильно представленных в партийной организации, которая являлась бастионом сильнейшей в городе левой

вал в опале. Смидович (1874—1935) родился в семье помещиков-дворян; в 1893 в университете примкнул к революционному движению, большевик с 1903 г.; с 1920 г. занимал высокие посты в сфере образования, промышленности, а также был председателем Комитета содействия народностям северных окраин при ЦИК СССР.

¹⁵ Десятый съезд РКП(б): стенографический отчёт. М.: Гос. изд. пол. лит. литературы, 1963. С. 234. Об Игнатове см. Прил. 1.

¹⁶ Ленинский отчёт о польской катастрофе был обнародован только в 1992 г. См.: Ленин В.И. «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать» // Исторический архив. 1992. №1. С. 12—30. Об интерпретациях мотивов большевиков см.: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: РКТ—История, 1997. С. 98—99; Pipes, *op. cit.*, p. 177; Carr E.H., *The Bolshevik Revolution 1917—1923*, London: Macmillan, 1978, vol. 3, pp. 209—217; Fiddick T.C., *Russia's Retreat from Poland, 1920: from Permanent Revolution to Peaceful Coexistence*, London: Macmillan, 1990, особенно С. 110—124 и 251—279; Debo R.K., *Survival and Consolidation: the Foreign Policy of Soviet Russia, 1918—1921*, Montreal: McGill-Queen's University Press, 1992, pp. 241—247 and 408—410.

¹⁷ ЦАОПИМ, 63/1/17/11.

оппозиционной группы¹⁸. На партийной ячейке в мастерских тяжелой артиллерии (Мастязарте) оппозиционер Владимир Демидов продолжал в оптимистическом ключе говорить о перспективах международной революции даже после подписания перемирия с Пилсудским 12 октября, упоминая 29 октября о «трудностях и победах Красной Армии», а 11 ноября, после выборов в Германии, заявляя о «неудавшейся пропаганде меньшевиков против коммунистов» и о том, что «рабочие Германии всецело поддерживают пролетарскую власть»¹⁹.

На экономическом фронте настроения служащих среднего ранга также отставали от изменений в мышлении высшего руководства. Возможность отказа от ряда элементов военного коммунизма обсуждалась партийным руководством с начала 1920 г. В январе III Всероссийский съезд советов народного хозяйства принял предложение Юрия Ларина об отмене продразвёрстки, но ЦК похоронил это решение. В феврале ЦК отклонил аналогичное предложение, сделанное Троцким. Тогда тот возглавил транспортную отрасль и занял полностью противоположную позицию, став самым радикальным сторонником принудительных методов. И он, и Бухарин в середине года опубликовали свои теоретические обоснования этих методов²⁰. Но когда в феврале 1921 г. разразился транспортный кризис, Ленин и другие партийные вожди очень быстро пришли к выводу, что переход к рыночным методам неизбежен — тогда как некоторые большевики среднего ранга по-прежнему расценивали такие предложения как невыносимое отступление. «Стоит ли нам тушить пожар, зажжённый революцией?», — вопрошал публику большевистский функ-

---

¹⁸ Бауманский комитет ВКП(б). Очерки по истории революционного движения и большевистской организации в Бауманском районе. М., 1927. С. 71–78. Списки членов партии в Бауманском районе — ЦАОПИМ, 63/1/23, 30, 62.

¹⁹ О Демидове см.: Прил. 1. ЦАОПИМ, 465/1/3/47-48.

²⁰ Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции: автобиографии и биографии. М.: Гранат, 1925–1926. Кол. 279–280; Павлюченков. Военный коммунизм... С. 93–94; Павлюченков. Крестьянский Брест... С. 81; *Deutscher I., The Prophet Armed, Trotsky 1879–1921*, London: Oxford University Press, 1970, pp. 496–497; *Patenaude*, op.cit., p. 63.

ционер среднего звена Моисей Рафес, выступая в феврале 1921 г. на встрече московских металлистов, где большинство призвало отменить хлебную продрозвёрстку и другие методы подавления рынка²¹. Утвердительно на этот вопрос ответил не кто иной, как Ленин, заявивший собранию, что отношения рабочих и крестьян нужно «пересмотреть». Пару дней спустя он обнародовал проект введения натурального налога, который проложил путь к НЭПу. Рафес, наверное, был шокирован.

Для большевиков, вступивших в партию во время Гражданской войны, субъектом истории, герасимовским «мы» был не рабочий класс, а партия — группа избранных, сплочённый отряд братьев-коммунистов, объединённых и уравненных общими взглядами и общими жертвами. У дореволюционных большевиков концепция авангардной партии была сформирована теоретическими аргументами Ленина и фракционной борьбой с меньшевиками; для большевиков Гражданской войны не меньшее значение имел их фронтовой опыт. Он обуславливал идеи и моральные стандарты, и в этой книге будет приведено много примеров того, как коммунисты Гражданской войны пытались по-прежнему соблюдать эти стандарты в мирной жизни. Этой теме посвящён роман рабочего писателя Юрия Либединского «Комиссары». Персонажи книги — коммунисты Гражданской войны, направленные на курсы хозяйственников-управленцев в конце 1921 г., «бойкий и расторопный народ, люди, выкованные в Гражданской войне, выученные борьбой со спецовскими изменами, и с кулацкими мятежами, и с ядом анархической пропаганды. Все это прошли они, все одолели сами»²². Однако роман не завершается хэппи-эндом: одни комиссары озлоблённо хлопают дверь во время спора по поводу введения НЭПа, другие усиленно пытаются приспособиться к выполнению задач мирного времени.

Авангардизм коммунистов Гражданской войны сочетался с крепкой верой в равенство среди коммунистов — как материальное, так и равенство в полномочиях принятия решений и отправления власти. Партия имеет право и должна принимать

---

²¹ ЦГАМО, 180/1/236/13-14.

²² *Либединский Ю.* Неделя; Комиссары; Повести. М.: Военное изд., 1968. С. 138.

политические решения от имени рабочего класса, а из этого следовало требование преданности, доверия и, как результат, равенства между её членами. На фронте эти качества — преданность и доверие — были в большом почёте. Равенство, с одной стороны, подразумевало равные шансы на смерть, серьёзное ранение или на военный успех, а с другой стороны, касалось приоритетного снабжения красноармейцев, ограждавшего их от самых страшных перебоев с продовольствием. Главным образом это было равенство мужчин, оно нечасто распространялось на женщин из семей коммунистов. Как сказал в приступе откровенности член Московского комитета (МК) партии Яков Дорофеев, рабочие-коммунисты «не так понимают свободу. Расходятся со своими жёнами». Многие, даже ответственные работники бросают жён с пятью детьми. «Таких случаев очень много, — продолжает Дорофеев. — Это не скрывается. Расстаются даже с жёнами-коммунистами, и это выплывает наверх. На собраниях это не обсуждается, но среди партийных кругов об этом говорят, и чувствуется, что вот-вот прорвётся»²³.

Это равенство, пусть ограниченное так, как показано выше, в 1920 г. стало важнейшим принципом для многих партийцев. Оно служило лозунгом, с помощью которого рядовые коммунисты — часто молодые мужчины, отвоевавшие на фронте и возвращающиеся на заводы и административные посты — выражали недоверие и недовольство партийной элитой. Как сильно этот вопрос разжигал политические страсти, видно по письму, которое написал Ленину красноармейский командир Антон Власов, осуждая материальные привилегии высокопоставленных партийных функционеров. Власов вернулся в Москву в сентябре 1920 г. и был ошеломлён контрастом между внутренней солидарностью коммунистов на фронте и отсутствием таковой в городе. Он писал, что «в сердце у

---

²³ Дорофеев участвовал в «круглом столе», на котором обсуждалась партийная жизнь первых двух лет НЭПа в свете только что опубликованной книги Троцкого «Вопросы быта». См.: Рабочая Москва. 5 августа 1923 г. Дорофеев (1886–1979) родился в бедной крестьянской семье, в 14 лет переехал с братом в Москву и начал работать в обойной лавке; большевик с 1907 г.; с 1922 г. председатель президиума Моссовета, работал в промышленном управлении.

каждого сознательного товарища-фронтовика, привыкшего на фронте к почти полному равенству, отвыкшего от холопства, разврата и роскоши, чем окружают себя наши самые лучшие партийные товарищи, кипит ненависть и негодование» по поводу хорошей жизни некоторых партийных лидеров и, что немаловажно, их жён²⁴.

Но дух внутрипартийного эгалитаризма преобладал не только среди военных. Партийная ячейка на автозаводе АМО пыталась достичь равенства между коммунистами с помощью обустройства коммунального жилья. Эта ячейка, чьи напряжённые отношения с рабочими упоминались в первой главе, в январе—феврале 1921 г. провела серию дискуссий об укреплении парторганизации. Вдобавок к таким традиционным средствам, как совместное чтение «Азбуки коммунизма» Бухарина и Преображенского и повышение явки на субботниках, было решено «принять меры для оздоровления всей организации путем коммунального жилища». Таким образом «лучше будет положение всех членов, а также и воспитание их, живя вместе более с ответственными товарищами единой семьёй, чем уничтожим бюрократизм, шкурничество, разгильдяйство и жульничество». Такие коммуны, кое-что позаимствовавшие из наивной социалистической утопии Чернышевского, были популярны среди комсомольцев и членов радикальных культурных объединений с 1917 до середины 1920-х гг., поскольку они одновременно предоставляли своим членам шанс стать «новыми людьми» и являлись практичным решением острого дефицита жилья²⁵.

Вера коммунистов Гражданской войны в авангард, члены которого сплочены равенством между собой, сочеталась с взглядами на социалистическое будущее, которые часто, с

---

²⁴ Власов А. «Мы всё видим и всё знаем: крик души красного командира». Источник. 1998. №1. С. 85–87. О жёнах коммунистических функционеров см. гл. 5.

²⁵ Неизвестно, было ли воплощено в жизнь это решение, хотя уже в 1928 г. партийная ячейка АМО основала самую известную в Москве коммуны. ЦАГМ, 415/16/590/51, 53–55. См. также: Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. М.: Правда, 1987; Stites R., Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution, Oxford: Oxford University Press, 1989, pp. 213–214 and 216–217.

одной стороны, предусматривали отмену частной собственности, а с другой — рассматривали госаппарат, который эти люди начали строить во время Гражданской войны, как средство достижения этой цели. Коммунист Упоров, персонаж рассказа рабочего писателя из Рогожско-Симоновского района, верил, что «скоро придет время, когда собственность не будет иметь места, и тогда люди, связанные всеобщим трудом, будут счастливы»²⁶. В том же районе в 1922 г. во время собрания, на котором обсуждалось определение социализма, секретарь ячейки АМО Гаврилин — объясняя, как Гражданская война увела партийцев от марковского понимания социализма как отрицания государства в сторону этатизма,— описал коммунизм как нечто, к чему партия ближе всего была в 1920 г. «Мы только идем к нему, идем с трудом, как на высокую гору. Было время, когда мы поднялись очень высоко, но не удержались на этой высоте, скатились, и теперь приходится делать насыпь, чтобы сделать гору более отлогой»²⁷.

Такая положительная оценка методов военного коммунизма подкреплялась идеями, заимствованными из этатистских течений социализма XIX в. Среди коммунистов Гражданской войны приобрели популярность произведения Эдварда Беллами, американского социалиста-государственника. Утопический роман Беллами «Взгляд назад» описывает дисциплинированное эгалитарное государство, экономика которого основана на всеобщей трудовой повинности и политических решениях, принимаемых иерархией старейшин; авторитарный дух этой книги приводил в ярость либертарианских социалистов, начиная с Уильяма Морриса. Роман Беллами, пользовавшийся огромной популярностью в российском рабочем движении

---

²⁶ Бондарев Н. Рядовой // Вагранка. Сборник литературно-художественного кружка при Рогожско-Симоновском райкоме РКП(б). М.: Московский рабочий, 1921. С. 61–71. Бондарев был членом кружка рабочих писателей в Рогожско-Симоновском районе Москвы. Название кружка — «Вагранка» — означает небольшую шахтную печь для переплавки чугуна. Виктор Серж высоко оценивал это объединение и считал, что «оно означает для культуры человечества больше, чем любой изысканный литературный салон в Париже». См.: *Serge V.*, 'Une littérature prolétarienne est-elle possible?' // *Serge, Littérature et révolution*, Paris: Maspero, 1976, p. 117.

²⁷ ЦАОПИМ, 433/1/14/11 об. См. также гл. 7.

ещё до революции, в 1917–1918 гг. был переиздан относительно большими тиражами, и партийцы часто включали его в список своих любимых книг²⁸. Его популярность приводила некоторых партийных вождей в смятение. В 1922 г., когда Ленин сравнил коммунистов, вступающих в партию при НЭПе, с большевиками Гражданской войны (не в пользу первых) (см. гл. 6), Арон Сольц, член Центральной контрольной комиссии РКП(б), написал ему: «Не всегда старые лучше молодых. Нельзя упустить из виду, что в эпоху военного коммунизма к нам просто пробралось много как авантюристического, а также наивного элемента, который полагал, что вот он вкусит все блага социализма, а именно, в той форме, как это изображено в романе «Через сто лет» [тогдашний вариант перевода названия романа Беллами]»²⁹. Большевистский педагог-теоретик Надежда Крупская сокрушалась: «Бедна была до крайности жизнь того будущего общества, которое там изображалось, — не было там борьбы, не было коллектива»³⁰.

Упорядоченное, этатистское видение социализма у Беллами, очевидно, импонировало большинству, тогда как мнение меньшинства было озвучено партийцем из Вятской губернии, вышедшим из партии и давшим следующее объяснение: «Я не могу быть тем идеалистом-коммунистом, который верует в нового Бога, которого называют Государством, и преклоняется перед бюрократией, далекой от народных масс, и ждёт, как царства небесного, коммунизма через чиновников и канцелярии»³¹.

---

²⁸ «Взгляд назад» был переиздан в 1917 (объём тиража неизвестен) и в 1918 г. (тираж 10 тыс. экз.). Рассказ Беллами «Притча о бочке» был издан тиражом 200 тыс. экз., необычайно большим для тех лет. *Nikoljukin A.*, 'A Little-Known Story: Bellamy in Russia', in *Bowman S.* (ed.), *Edward Bellamy Abroad: An American Prophet's Influence*, New York: Twayne, 1962, pp. 67–85. См. также: *Ланицкая С.* Быт рабочих Трёхгорной мануфактуры. М.: ОГИЗ, 1935. С. 78; *Stites*, op. cit., p. 32.

²⁹ Большевистское руководство: Переписка. 1912–1927. Сборник документов / Сост. А. В. Квашонкин и др. М.: РОССПЭН, 1996. С. 242.

³⁰ *Крупская Н. К.* По Беллами // Педагогические сочинения. М.: изд. Академии педагогических наук, 1959. Т. 4. С. 410.

³¹ Я благодарен за разрешение использовать эту цитату из Центра документации новейшей истории Удмуртской республики (г. Ижевск), 2/1/195/98-98 об., которой со мною поделилась Виктория Тяжелникова.

Верхи и низы

Возвращение коммунистов Гражданской войны в большие города сделало вопрос материального неравенства внутри партии главной темой в политической повестке дня. Их чувство коммунистического эгалитаризма было задето привилегиями (хоть и незначительными), которые начали предоставляться партийной элите. В Москве конфликт «верхов и низов» усилился, вероятно, еще и тем, что возвращающиеся красноармейцы могли своими глазами убедиться в этих привилегиях. Но дело было не в примитивной зависти к вышестоящим. Гнев по поводу привилегий смешивался с тревогой по поводу концентрации политической власти в верхах, что было предметом длительной дискуссии, инициированной децистами за полтора года до этого.

Децист Илья Вардин заявлял, что «верхи» становятся «чиновниками, рассеявшись по комиссариатам и центрам», и таким образом «отрываются от массы»³². Руководство партии тоже часто признавало эту проблему: в феврале 1921 г. Сольц указывал: «Создалась коммунистическая иерархическая каста ответственных работников, со своими собственными групповыми интересами», которую характеризовали «бюрократизм, крайне высокомерное, нетоварищеское отношение к рядовым членам партии и к беспартийным рабочим массам» и стяжательство «чудовищных размеров»³³. Впрочем, децистов беспокоили не только материальные привилегии элиты, но и «бюрократическая централизация» рабочей республики. Большинство партийных лидеров понимало «бюрократизм» в узком смысле неэффективности и коррупции в государственных учреждениях и считало его следствием давления чуждого класса, прежде всего со стороны служащих. В отличие от лидеров партии, децисты считали, что централизация политической власти опасна сама по себе. Они выступали за разделение партийных и советских органов, а также за смещение властных полномочий от Совнаркома к съездам

---

³² Правда. 1 января 1919. См. также: Павлюченков. Военный коммунизм... С. 183.

³³ Правда. 12 февраля 1921.

и ЦИКу советов, от главков и центров к местным советам и их исполнительным комитетам. Децисты признавали, что в промышленности на время Гражданской войны было необходимо единоначалие, но в 1920 г. призывали к восстановлению коллегиального управления. На VIII партсъезде в марте 1919 г. предложения децистов усилить ЦИК за счёт Совнаркома были осуждены Лениным как «парламентаризм» и отклонены. Децист Константин Юренев считал, что именно в этот момент партия «капитулировала перед государством»³⁴. Но в декабре 1919 г., на волне оптимизма, вызванного разгромом основных сил белых, децисты обошли партийное руководство: на съезде советов и на партийной конференции их предложения были одобрены большинством³⁵.

На протяжении 1920 г. партийные вожди, считавшие централизацию лучшим средством борьбы с «бюрократизмом», не следовали ни букве, ни духу этих решений, направленных на демократизацию. Там, где децисты отмечали опасность, исходящую из собственных политических и организационных методов большевиков, партийные лидеры видели внешний источник угрозы — служащих. Выступая перед VIII съездом

---

³⁴ Юренев К. Наши настроения. Курск: «Центропечать», 1920. С. 7, 19. См. также: Павлюченков. Военный коммунизм... С. 183–184; Daniels R.V., *The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960, p. 110; Priestland D., 'Bolshevik ideology and the debate over party-state relations, 1989–21', *Revolutionary Russia* 10: 2, 1997: 37–61; Priestland D., *Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power and Terror in Inter-war Russia*, New York: Oxford University Press, 2007, pp. 107–110; Orlovsky D., 'The anti-bureaucratic campaigns in the 1920s', in T. Taranovski (ed.), *Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle?* Cambridge: Cambridge University Press, 1995, pp. 290–315.

³⁵ Седьмой всероссийский съезд советов: стенографический отчет. М., 1920. С. 196–245, 247–253. Победа децистов, имевшая огромное значение, была описана советскими историками в перестроечное время. Упоминания о ней полностью отсутствовали не только в более ранней советской историографии, но и западные политические историки тоже большей частью её игнорировали. Это отмечается в Schapiro L., *The Origin of the Communist Autocracy*, London: G. Bell & sons, 1955, p. 223. См. также: Сапронов Т.В. Статьи и доклады. М., 1920. С. 25, 29; Наше отечество: опыт политической истории / Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И. (ред.). М.: Терра, 1991. С. 78.

советов в декабре 1920 г., Зиновьев описывал «своеобразные резервные армии» служащих, «которые давят на наши учреждения, которые своим весом так или иначе прорывают наши сооружения, заграждения [...] и несут с собой этот бюрократизм». Зиновьев признавал, что дополнительными причинами «бюрократизма» являются управленческая неопытность пролетариата, упадок советской демократии и преобладание назначенчества в госаппарате. Децисты считали политическую централизацию частью проблемы, тогда как большинство руководителей видели в ней решение проблемы³⁶. Те партийцы, которые в конце 1920 г. объединятся в РО, в общем, разделяли мнение партийного руководства о том, что источником «бюрократизма» является мелкобуржуазный социальный состав госаппарата. В качестве решения проблемы они предлагали «орабочивание» аппарата и высших партийных комитетов на основе системы квот. Это предложение отличалось и от взглядов Ленина, считавшего, что рабочие должны сначала научиться управлять госаппаратом и лишь потом брать его в свои руки, и от призывов децистов к демократизации советских органов³⁷. Тем временем на практике ход событий оборачивался как против демократизации, так и против «орабочивания». Аппарат ЦК, который начнет играть такую важную роль после 1922 г., пока что находился в зачаточном состоянии: штат секретариата ЦК вырос с 30 чел. в феврале 1919 г. до 150 в марте 1920 г., а к марту 1921 г. составил 602 чел.)³⁸. Но на протяжении 1920 г. власть всё больше

---

³⁶ Доклады на VIII-м Всероссийском съезде советов. М.: МК РКП(б), 1921. С. 66–72.

³⁷ Девятый съезд РКП(б): стенографический отчет. М.: Гос. изд. полит. литературы, 1960. С. 60–61; Девятая конференция РКП(б), сентябрь 1920 г.: протоколы. – М.: Изд-во политической литературы, 1972. С. 176.

³⁸ Десятый съезд РКП(б): стенографический отчет. М.: Гос. изд. полит. литературы, 1963. С. 56; В.И. Ленин и строительство партии в первые годы советской власти / А.А. Тимофеевский (ред.). М.: Мысль, 1965. С. 139; Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. С. 42; Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. – М.: Институт истории РАН, 1998. С. 195; Easter G., *Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*, Cambridge: Cambridge University Press, 2000, p. 70.

сосредоточивалась в Совнаркоме и народных комиссариатах, подотчётных центральному партийному руководству, тогда как местные советские органы теряли позиции или распались. В промышленности к концу 1920 г. на 86% предприятий практиковалось единоличное управление³⁹.

В конце Гражданской войны партийная элита — вардинские «чиновники, рассеянные по комиссариатам и центрам» — была всё ещё очень малочисленна. Во время цитируемого выше опроса московских партийцев в 1920 г. 4191 чел. отнесли себя к «ответственным работникам» (3348 сотрудников советских учреждений и небольшое число представителей промышленности, транспортной отрасли и профсоюзов), а 1930 опрошенных назвали «выполняющими партработу». Многие из этих коммунистов, руководящих государственными учреждениями, и беспартийных служащих этих учреждений подошли бы под описание Вардина. То же касается 133 коммунистов из московского гарнизона Красной Армии, назвавших себя «политическими руководителями», 104 членов «высшего комсостава» и высокопоставленных сотрудников ЧК, не принимавших участия в опросе⁴⁰. Материальные надбавки элиты черпались как из легальных, так и из нелегальных источников. Легальные привилегии были скромными по сравнению с 1923 г., не говоря уж о 1930-х: кожаные куртки, хорошее жильё и улучшенное питание. Но в условиях всеобщей нищеты и это казалось несправедливым тем, кто был лишён этих благ. Большинство партийных лидеров, включая Ленина и Троцкого, в принципе одобряли наделение «ответственных работников» такими привилегиями на том основании, что те нуждаются в них для эффективной работы. Высокопоставленным большевикам, пытавшимся отказаться от надбавок, включая Бухарина, Александра Цюрупу и Виктора Ногина, было приказано их принимать⁴¹. Нелегальное же богатство

---

³⁹ *Daniels*, op. cit., pp. 110–113; *Smith S.A.*, *Red Petrograd*, Cambridge: Cambridge University Press, 1983, pp. 241–242 and 260; *Azrael J.R.*, *Managerial Power and Soviet Politics*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966, p. 46.

⁴⁰ Секретариат ЦК РКП(б). Указ. соч. С. 42–47. Таблица приведена в Прил. 5.

⁴¹ *Гимпельсон*. Указ. соч. С. 189–190, 199–207.

накапливалось, среди прочего, с помощью взяточничества. «Правда» перечисляла взятки, которые платит каждый частный предприниматель, нуждающийся в официальной бумаге, и предупреждала, что «весь аппарат в целости находится на услужении у спекуляции». Меншевик Фёдор Дан отмечал, что «чудовищное взяточничество [...] вошло во всеобщий обычай». Михаил Егоров, московский партиец, который в начале 1920 г. пытался изобличить коррупцию в органе, отвечавшем за снабжение топливом, за что другие коммунисты угрожали ему тюрьмой, так закончил своё возмущённое письмо о выходе из партии: «Да, коммунизм это великая вещь. Но немногие могут назваться истинными коммунистами»⁴². В сентябре 1920 г. партийная конференция, на которой обсуждение привилегий достигло апогея, признала, что злоупотребления начинаются с самой верхушки, т.е. с партийного руководства, в Кремле. Для проверки тамошних жилищных условий была создана комиссия-тройка, в которую вошли Игнатов, руководитель партийной ячейки завода «Динамо» Константин Уханов и сотрудник аппарата ЦК М. Муранов. К X съезду комиссия подготовила отчёт, в котором высокопоставленные большевики клеймились за такие злоупотребления, как получение нескольких пайков на одно лицо, шикарные квартиры и расточительное использование автомобилей. Этот отчёт был под шумок похоронен⁴³.

Дискуссию 1920 г. о «верхах и низах» распалили как эмоции, порождённые материальным неравенством, так и принципиальный диспут о политической власти, инициированный децистами. Эти вопросы стали доминировать в дебатах о «партистроительстве» — широкая тема, часто первый пункт в повестке дня партийных собраний, включавший в себя обсуждение внутренних проблем партии, её положения в советском государстве и её отношений с рабочими. В июле МК партии создал

---

⁴² Правда. 4 февраля 1921; Дан Ф. Два года скитаний 1919–1921. Берлин: склад изд. Russische Bucherzentrale Obrazowanje, 1922. С. 16; ЦАОПИМ, 63/1/62/38–39.

⁴³ Отчёт прочитали только несколько членов ЦК, но не распространяли среди делегатов X съезда. Бордюгов Г.А. (ред.). Как жили в Кремле в 1920 году: материалы Кремлевской комиссии ЦК РКП(б) // Неизвестная Россия. 1992. II. С. 261–271.

комиссию по вопросам бюрократизма, констатировавшую «глубокое, но далеко ещё не оформленное брожение» среди широких слоёв рядовых членов партии, направленное «против возмутительных привилегий советских и партийных верхов, а также против бюрократизма, образующего удобную почву для роста этих привилегий и для расцвета безответственности и карьеризма». Привилегии центральных государственных учреждений «перестали давно быть тайной не только для широких кругов партийных работников и членов партии вообще, но и для некоторых групп беспартийных рабочих». Речи, клеймящие по этому поводу «верхи», срывали на партийных собраниях «гром аплодисментов», а в Краснопресненском районе «товарищу, выступившему в защиту бюрократии, не давали говорить»⁴⁴. Такие же страсти раздирали партийные организации на фронте: в ноябре возмущение привилегиями красноармейских командиров достигло такой степени, что на каждом фронте были проведены специальные собрания коммунистических функционеров для обсуждения ситуации⁴⁵.

Глубина обиды по поводу привилегий была выражена в упомянутом выше письме Власова к Ленину. Он обвинял ряд высокопоставленных большевиков во взяточничестве и ссылался на историю деревенских имений, которые, согласно решению рабочих машиностроительного завода «Мотор», должны были стать детской колонией, но были присвоены главой московского гарнизона Александром Бурдуковым и другими командирами в качестве дач⁴⁶. Власов выражал солидарность с московскими протестами рядовых партийцев против неравенства. Бауманские

---

⁴⁴ РГАСПИ, 17/112/69/50–57.

⁴⁵ *Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 205–209.

⁴⁶ *Власов.* Указ. соч. Власов приводил убедительные подробности о взяточничестве чиновника среднего звена Бурдукова, но его жалобы на руководителей партии – Троцкого, Луначарского, Каменева, Виктора Таратуту и Эфраима Склянского – не были ничем подкреплены. Жан-Жак Мари предполагает, что им могли двигать антисемитские мотивы, но я нахожу это маловероятными. Обвинения Власова обсуждались МК партии, который нашёл их «на три четверти неправдивыми». ЦАОПИМ, 3/1a/6/42об; *Marie J.-J.*, Cronstadt, Paris: Fayard, 2005, p. 154.

оппозиционеры, «самые лучшие товарищи», были поставлены под наблюдение и наказаны «за то, что они осмелились высказать свое неудовольствие райкомом». Он открыто показал связь между авторитаризмом, бюрократией и привилегиями. Проводя параллели с упадком Французской революции, он заявлял Ленину: «Наша Коммунистическая Рабочая Партия накануне банкротства; никакого авторитета у партии нет, а если и есть, то только страх перед Чека. [...] наши партийные комитеты стали бюрократическими органами. Они совершенно оторвались от масс». Власов даже угрожал, что «если [девятая партийная] Конференция или Чека не изменят своей чиновничьей политики, если не укротят Бонапартов, то мы с оружием в руках этой же зимой будем добиваться выполнения заветов Революции», и добавлял, что копии этого письма он передал друзьям с просьбой распространить их в случае его ареста. Власов не один подумывал о революционных действиях против бюрократизма: Юренев ссылался (дистанцируясь от неё) на радикальную тенденцию «сторонников «борьбы с верхами», которые «договаривались о необходимости совершения «второй Октябрьской революции»⁴⁷.

Привилегии, особенно незаконные, тревожили и верных сторонников руководства. Когда на Казанском вокзале был арестован вагон, адресованный члену ЦК Авелю Енукидзе, «на который имелись документы, что он идёт с военным грузом» — но инспекция выявила в нём рис, сахар, табак, вино, коньяк и другие предметы роскоши — в ярость пришла даже верная аппаратчица Розалия Землячка⁴⁸. Она заявила оргбюро ЦК, что Енукидзе опорочил партию в глазах беспартийных рабочих. (Бюро сняло обвинения с Енукидзе, приняв его неубедительные объяснения, что вино направляли в наркомат здравоохранения⁴⁹). Землячка просто использовала возмущение беспартийных рабочих, чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, но

⁴⁷ Юренев. Указ. соч. С. 32–33.

⁴⁸ Землячка (Залкинд) (1876–1947) родилась в Киеве; в 1893 г. вступила в революционное движение; большевичка с 1904 г.; неоднократно находилась в заключении и ссылке; с 1915 г. работала в подпольной большевистской организации в Москве; в 1920 г. снискала сомнительную славу, участвуя в жестокой облаве и казнях сторонников белых в Крыму; с 1922 г. член бюро МК; с 1924 г. состоит в ЦКК; с 1939 г. — в Совнарком.

⁴⁹ РГАСПИ, 17/112/60/4, 50–50об.

не действовала с ними сообща. Не солидаризировалось с ними и большинство других коммунистов-диссидентов до тех пор, пока не начали покидать партию в 1921 г. В партийных рядах бытовало общее мнение, что беспартийные рабочие являются относительно несознательным резервуаром поддержки или же оппозиции. Тем не менее зарождающаяся элита стала общей мишенью для партийцев и беспартийных рабочих: «неравенство», ненавидимое коммунистами Гражданской войны, имело поразительное сходство с «неравенством» системы нормирования, против которого выступали беспартийные рабочие. Децисты полагали, что единственным мотивом протестов беспартийных рабочих был эгоистический интерес, и дистанцировались от такого «позорного казуса [...] полусознательных масс»⁵⁰. Но на тех заводах, где партийные ячейки были слабы, коммунисты разрывались между рабочими, чьи аргументы они частично поддерживали, и руководством, чьи действия они не могли полностью одобрить. Чекисты не только докладывали о том, как рабочие кричат, что «наши «товарищи» [в советских учреждениях] едят в три горла, а нас совсем кормить не хотят», но и предупреждали, что «даже со стороны коммунистов» в некоторых районах раздавались жалобы на злоупотребления «верхов»⁵¹. Безымянный участник Московской губернской партконференции в феврале 1921 г. жаловался с места, что «высказывались ораторы, которые говорят на всех собраниях, а из массы не говорил никто. [...] мы не можем провести своего мнения, которое мы слышим среди рабочей массы». Он был особенно разгневан тем, как Каменев высмеивал предложения децистов по политической платформе⁵².

Московские диссиденты

Волна низового недовольства по поводу иерархии и привилегий усилила две наиболее организованные оппозиционные группы в Москве: Бауманскую группу и сторонников Ефима Игнатова. Они действовали на районном и городском

⁵⁰ Юренев. Указ. соч. С. 14. См. также Десятый съезд... С. 250.

⁵¹ ЦАОПИМ, 3/1a/11/39, 43 об.

⁵² ЦАОПИМ, 3/2/2/46–47, 76.

уровнях соответственно, и несмотря на то, что эти группы имели много общего с децистами и РО, у каждой из них было своё политическое лицо. Бауманскую группу сплотило скорее негодование на «верхи», чем какая-либо зафиксированная на бумаге платформа. Её члены сошлись вместе в августе 1920 г., поставив себе целью взять в собственные руки руководство районным комитетом партии⁵³. В октябре они добились своего и удерживали контроль над райкомом на протяжении года. Насколько важен для формирования группы был опыт Гражданской войны, можно увидеть из биографий троих её руководителей: Василия Панюшкина, матроса Балтийского флота, служившего во время Гражданской войны членом коллегии ВЧК и чрезвычайным военным комиссаром; П.В. Заколупина, его старого товарища по флоту; и Демидова, который в октябре 1917 г. возглавлял Бауманский военревком, а теперь руководил заводским комитетом Мастерских тяжёлой артиллерии (Мастяжарта)⁵⁴. Ещё один представитель этой группы, Алексей Советов, вернулся с фронта больной туберкулёзом и был «прикреплён» к нескольким местным заводским ячейкам. («Прикрепление» партийцев, занимавших административные должности, к рабочим ячейкам было одной из процедур, с помощью которых боролись с их «бюрократизацией» и «отрывом от рабочих масс».) Главными оплотами группы были военные предприятия: Мастяжарт, где Демидов, К.В. Бурдаков, Антон Хотиневич, Самсонов и другие оппозиционеры управляли как администрацией, так и завкомом; авиационный завод «Гном и Рон», на котором руководящие должности занимали члены группы инженер Александр Баранов, Глагольев и Григорий Корзинов, освобождённый партийный функционер; и арматурный завод «Манометр»⁵⁵. Среди других членов группы

⁵³ ЦАОПИМ, 3/1а/6/27-29.

⁵⁴ О Демидове и Панюшкине см. Прил. 1. Заколупин вступил в партию в 1908 г. и, как и Панюшкин, был морским штурманом. ЦАОПИМ, 63/1/36/2.

⁵⁵ ЦАОПИМ, 3/1а/6/27об, 3/4/37/101, 63/1/61/38, 465/1/3/12-54, 465/1/4/15. Баранов вернулся с фронта в 1920 г. и стал заместителем руководителя технического бюро на «Гноме и Роне»; несмотря на то, что его технические познания были крайне востребованы, политические враги Баранова в МК пытались вновь отправить его на фронт, но он отказался

были партийные функционеры Бауманского района — такие, как Мария Берзина, Екатерина Куранова, агроном Михаил Розенштейн и М.Д. Шавтовалова, которая работала в аппарате районного совета. Бауманской группе сочувствовали такие выдающиеся большевики, как Кутузов и Никита Туляков, член исполкома Моссовета, «прикреплённый» к ячейке Мастяжарта⁵⁶.

Для многих из них сопротивление иерархии и коррупции, а также обеспечение господства рабочего класса в советском государстве, были важнейшими нравственными императивами. Некоторые, например Константин Островитянов⁵⁷, позже отrekliсь от оппозиции и сделали карьеру в партийном аппарате, но многие однозначно решили моральную дилемму, порождённую партийным вырождением: вышли из партии. В 1921 г. Панюшкин возглавил отколовшуюся группу, а Советова и Бурдакова исключили из партии; в начале 1922 г. из партии одновременно вышли трое оппозиционеров, состоявших в Басманной пожарной команде — С.Г. Береговой, В.Г. Герасимов и Иван Кузнецов⁵⁸; в 1923 г. четыре бывших лидера Бауманской оппозиции (Баранов, Берзина, Демидов и Ильин) были исключены, а ещё одному (Шавтоваловой) сделали выговор по

ухать; в 1923 г. он был исключён из партии за связь с Рабочей оппозицией и арестован. Плагольев остался руководить заводским комитетом на «Гноме и Роне», но был изгнан в 1924 г. Корзинов (1888—1926) был коренным московским рабочим-слесарем; в 1903 г. он вступил в рабочий кружок на заводе «Добровых и Набгольц»; побывал в ссылке, из которой вернулся в 1917 г.; работал освобождённым партийным функционером; с 1921 г. служил директором завода «Пролетарский труд».

⁵⁶ О Берзиной, Курановой и Тулякове см. Прил. 1. Отцом Розенштейна был доктор-еврей; он присоединился к революционному движению ещё студентом в 1905 г.; был членом оппозиции в 1920 и 1923 г.; в 1924 г. непродолжительное время работал в Московской контрольной комиссии; с 1925 г. работал агрономом в Узбекистане.

⁵⁷ Островитянов (1892—1969), член партии большевиков с 1914 г., был исключён на три месяца за оппозиционную деятельность; вновь вступив в партию в 1922 г., он работал преподавателем экономики. Сделав академическую карьеру, он стал членом Коммунистической академии (с 1930 г.), вице-президентом АН СССР (1953—1962 гг.) и кандидатом в члены ЦК партии (1952—1959 гг.).

⁵⁸ ЦАОПИМ, 3/3/34/66, 78

делу Рабочей группы⁵⁹. Они считали, что противостоят коррозии, разъедающей принципиальные основы партии. Когда бауманских оппозиционеров в сентябре 1920 г. вызвали в МК и обвинили в заговорщической деятельности, Демидов осудил стиль руководства партийных чиновников, требовавших беспрекословного подчинения. «Часто слышатся слова “молчать”, “не рассуждать”», — заявил он. На заседании делегатов Бауманского района в октябре, когда оппозиционеры установили контроль над райкомом, Советов выступил с разъярённой тирадой против коррупции: в Лефортовском участке был исключён бывший царский полковник Киндаржан, но районные организаторы почему-то снова приняли его в партию; хороший товарищ по фамилии Высоцкая была несправедливо исключена, вследствие чего покончила жизнь самоубийством; районный организатор Левит был обвинён в незаконном присвоении продовольствия из больницы, но по этому поводу ничего не было предпринято⁶⁰. Недовольство коррупцией у Бауманской группы сочеталось с узким, пуританским рабочизмом, согласно которому главным источником всех бед партии являются её мелкобуржуазные члены, а единственным эффективным противоядием — коммунисты с промышленных предприятий. Некоторые реплики Демидова на эту тему были зафиксированы в протоколах. В августе 1920 г. он возмущался, что «организатором участка назначена тов. Славина, не способная вести эту работу»; по его словам, Славина не пользовалась влиянием в массах, «т.к. она дочь мануфактурщика». В сентябре 1921 г. он обрушился на Гавриила Алиханова, бывшего студента, назначенного организатором в рамках кампании ЦК, стремившегося усилить своих сторонников в Бауманском районе: «Он [Алиханов] первый подкопался под рабочую психологию. [...] Нашу партию захлестнула мешанская интеллигентская психология»⁶¹. Бауманцы определённо были рабочистами, но они не обязательно выступали за «орбочивание» аппарата. Демидов и его товарищи на Мастязарте предпочитали оставаться на заводе вместо того, чтобы пытаться пролетаризировать государственную машину. В

---

⁵⁹ См. гл. 8.

⁶⁰ ЦАОПИМ, 3/1а/6/27-29; 63/1/7/18-19.

⁶¹ ЦАОПИМ, 3/1а/6/28; 63/1/45/40.

августе 1922 г., когда МК попросил бюро ячейки Мастяжарта выдвинуть добровольца для занятия должности в аппарате, многие заводские коммунисты обрадовались такому приглашению, но ячейка его отклонила, поскольку «мы, рабочие, тесно связаны с государственным производством, и как добровольно, так и иным путём отрываться от производства нежелательно»⁶².

Группа Игнатова была сформирована тогда же, когда и децисты, в преддверии VIII партсъезда в марте 1919 г. Две эти группы были политически близки. На московской городской партконференции в январе 1919 г. Игнатов, Н.В. Лисицын и другие добились принятия большинством голосов предложения, аналогичного упомянутой выше резолюции Осинского, принятой на VIII съезде партии: о передаче полномочий от Совнаркома к ЦИКу. Московские делегаты съезда тогда поддержали Осинского⁶³. Децисты и игнатовцы были едины в требованиях демократизации советских структур, но расходились по вопросу «орабочивания», который децисты считали, в лучшем случае, неуместным. В дискуссии о «партийном строительстве» накануне X съезда группа Игнатова выступала за «орабочивание» партии путём резервирования 2/3 мест для рабочих в каждом партийном комитете и перерегистрации всех членов партии, вступивших в неё после января 1919 г., а также «не рабочекрестьянских элементов», вступивших в партию после ноября 1917 г. Децисты, в свою очередь, сосредотачивались на требованиях расширения партийной демократии — например, открытии заседаний ЦК для всех членов партии в качестве наблюдателей, а также гарантии свободы самовыражения⁶⁴.

Платформа игнатовцев, как и децистов, ориентировалась на внутреннюю реформу партии и не предусматривала какой-либо активной роли беспартийных рабочих. Но Игнатов видел в движении беспартийных рабочих ключевую силу перемен; он единственный из ведущих оппозиционеров последовательно придерживался этой позиции. На Московской губернской

---

⁶² ЦАОПИМ, 465/1/5/7.

⁶³ Павлюченков. Военный коммунизм. С. 183–185; Sakwa R. Soviet Communists in Power: a Study of Moscow During the Civil War, London: Macmillan, 1988, p. 188.

⁶⁴ Десятый съезд... С. 644 и далее.

партконференции в феврале 1921 г. Игнатов подчеркнуто отверг общепринятое среди большевиков предположение, будто беспартийные забастовщики являются предателями или антисоветскими элементами. Проблема, по его словам, была в том, что «наша Партия, являясь авангардом пролетариата, часто не понимает массы». Рабочие «чуть ли не за шиворот вытаскивают свой авангард, когда дело касается вопроса, бастовать или не бастовать». На X партсъезде, когда всех охватила паника по поводу февральской волны забастовок и Кронштадтского восстания, многие оппозиционеры отступили под натиском ложных обвинений в сочувствии повстанцам; но Игнатов продолжал атаку. Партия отрывается от класса, утверждал он. «Доказательство этого мы можем видеть в целом ряде забастовок, когда рабочие выталкивают коммунистов с заводов», и всё это происходит на фоне «массового ухода рабочих из рядов нашей партии». Этот кризис представлялся непреодолимым «без самостоятельности коммунистических “низов” и пролетарских масс»⁶⁵.

В 1920 г. группа Игнатова обзавелась официальным названием — «группа активных работников районов города Москвы», установила контроль над райкомом Городского района и объединила усилия с другими диссидентами, пытавшимися захватить контроль над МК. Самым выдающимся членом этой группы был «старый большевик» Ангарский; другие были в основном освобождёнными партийными работниками районного уровня. Среди 17 подписантов игнатовской платформы по «партийному строительству» были секретарь Городского райкома И. Маслов; большевики-рабочие, вернувшиеся с Гражданской войны и занявшие организаторские должности — такие, как инженеры Александр Орехов и Иван Стефашкин; рабочий АМО Семён Смирнов; рабочий-железнодорожник Василий Фонченко. Платформу подписали также двое бауманцев (Корзинов и Куранова), тогда как Андрей Лидак, присланный в Бауманский район в ноябре 1920 г. для того, чтобы укрепить там позиции московского руководства, подписал игнатовскую платформу по профсоюзному вопросу⁶⁶.

---

⁶⁵ ЦАОПИМ, 3/2/2/50; Десятый съезд... С. 236–238.

⁶⁶ Коммунистический труд. 1921. №12, 13, 15. О Семёне Смирнове см. Прил. 1. Маслов (1891–1938) занимал управленческие должности в

У децистов организация была более сплочённой. В качестве «группы давления» в составе руководства партии они в сентябре 1920 г. выступили с набором тезисов, заявляя о «вопиющем разложении нравов» партийной верхушки («роскошный образ жизни на фоне общего голода и нищеты, обжорство, пьянство, разврат, широкое расточение народных средств в легальных оболочках»), об образовании аппаратных клик (таких как группировки Троцкого, Смилги и Сталина в Красной Армии) и о проблемах, вызванных тем, что окружение Ленина наводнили «так называемые “деловые” работники»⁶⁷. В МК децистов возглавляли зампреда Моссовета Богуславский, глава московского отдела образования Рафаил и Андрей Бубнов⁶⁸. В 1920 г. они участвовали в попытке смещения городского руководства. Но среди них самих не было единого мнения о том, как далеко позволено заходить рядовым оппозиционерам: Рафаил дважды заседал в составе комиссий, созданных для расследования действий бауманцев, и дважды

текстильной промышленности и служил помощником наркома почт, телеграфов и печати, занимая этот пост до самой смерти во время чисток. Орехов (1887–1951), токарь из тульской рабочей семьи и ветеран красноармеец, работал в управлении промышленностью на городском и всесоюзном уровне, а с 1923 г. – в ЦКК. Стефашкин (1883–1940) родился в бедной крестьянской семье, переехал в Москву и выучился на токаря; вступил в партию большевиков в 1905 г.; занимал административные должности в московском гарнизоне и районных советах в 1920-х и 1930-х гг. Фонченко (1887–1966) родился в семье железнодорожника в Брянске; начал работать в десятилетнем возрасте; вступил в партию большевиков в 1914 г.; всю жизнь проработал в железнодорожной отрасли, с 1930-х гг. – в качестве партработника. Лидак (1880–1937) родился в батрацкой семье в Латвии и работал на металлургических предприятиях; вступил в партию большевиков в 1905 г., в период военной службы; в 1917 г. один из ведущих деятелей Красной армии; позже – освобождённый партработник, а с 1925 г. – директор завода.

⁶⁷ РГАСПИ, 5/2/134.

⁶⁸ Бубнов (1883–1938) вступил в РСДРП в 1903 г., работал в ЦК в 1918–1919 гг. и позже, начиная с 1924 г.; принимал участие в деятельности «левых коммунистов» и децистов; подписался под оппозиционной «Платформой 46-ти» в 1923 г., но позже переметнулся на сторону Сталина и был назначен главой Политического управления Реввоенсовета (позже – Политуправления РККА) вместо оппозиционера Антона Антонова-Овсеенко.

призывал к терпимому отношению, выступая против изгнания оппозиционеров или приостановки их членства в партии, тогда как Бубнов требовал принятия таких жёстких мер⁶⁹.

Если в начале 1919 г. группа Игнатова была близка к децистам, то в 1920 г. она, как и Бауманская группа, считалась уже частью подлинной «рабочей оппозиции». Однако связи между этими группами и РО, организованной в масштабе страны Александром Шляпниковым и С.П. Медведевым, были неформальными и слабыми. Общероссийская РО, чётко оформившаяся только во время дискуссии о профсоюзах в декабре 1920 г., включала в себя профсоюзных и заводских служащих: среди подписавшихся под платформой РО по этому вопросу были девять членов центральных комитетов всероссийских профсоюзов, два члена московских комитетов профсоюзов, три директора главков и шесть членов правлений промышленных объединений. Между этими чиновниками (которые, прежде всего, были напуганы централизацией власти в руках ВСНХ) и рядовыми оппозиционерами существовали трения. Показательно, что в мае 1921 г. жалоба Мастязарта (оплота Бауманской группы) на «халатное отношение» Центрального правления артиллерийских заводов к проблемам рабочих была направлена конкретно против двух подписантов платформы РО — Генриха Бруно и А. Толоконцева⁷⁰.

Битва за Москву

IX съезд партии в марте 1920 г. открылся протестами децистов по поводу отказа партийного руководства в декабре 1919 г. выполнять решения партийных и советских органов о децентрализации. На съезде этот вопрос так и не был решён⁷¹. Волна протеста

---

⁶⁹ Бубнов (1883–1938) вступил в РСДРП в 1903 г., работал в ЦК в 1918–1919 гг. и позже, начиная с 1924 г.; принимал участие в деятельности «левых коммунистов» и децистов; подписался под оппозиционной «Платформой 46-ти» в 1923 г., но позже переметнулся на сторону Сталина и был назначен главой Политического управления Реввоенсовета (позже — Политуправления РККА) вместо оппозиционера Антона Антонова-Овсеенко.

⁷⁰ ЦАОПИМ, 465/1/4/37.

⁷¹ Девятый съезд... С. 12–86; *Daniels*, op. cit., p. 114.

против материальных привилегий, прокатившаяся по Москве и всей стране летом 1920 г., вынудила руководство партии признать масштаб проблемы «верхов» и «низов» и внести её в качестве главного вопроса в повестку дня готовящейся IX партконференции. В её преддверии Бауманская группа организовала закрытое собрание, чтобы разработать план атаки на райком; бюро МК назвало собрание «конспиративным» и 3 сентября выдворило ключевых активистов из Бауманского района; но это лишь продемонстрировало слабость МК, поскольку Кутузов и Корзинов отказались подчиниться⁷². На следующий день циркуляр ЦК признал, что вопрос о «верхах» и «низах» «становится жгучим вопросом». 16 сентября перед конференцией между Бухариным и оппозиционерами произошла стычка на заседании МК. Бухарин возложил вину за «неизбежное материальное неравенство» на «паразитические элементы» и заявил, что единственный путь вперёд лежит через «централизованную военно-пролетарскую диктатуру», которая сохранится на протяжении «длительного периода [до] окончательной победы международного пролетариата». Децист Бубнов, выступая от имени оппозиционной коалиции, настаивал на том, что изъяны в партии, включая неравенство, по большей части порождены «централизмом бюрократическим». Участники собрания сосредоточились на «ответственных работниках-коммунистах» в верхах: они должны выполнять на рабочем месте общеобязательную норму, в соответствии с решениями VIII съезда партии; сотрудники московских комиссариатов должны сменить место жительства; пайки их должны быть такими же, как у «низов» (хотя оставалась лазейка для «работающих неограниченное время»)⁷³. На всероссийской конференции 21 сентября Зиновьев

---

⁷² На IX партсъезде оппозиционеры жаловались, что при помощи административных назначений их изолируют от сторонников: децист Константин Юренев говорил «о том методе, который возведен в систему, это система ссылок, высылки под разными видами». В сентябре 1920 г. Зиновьев сообщил на IX партконференции, что в секретариате ЦК скопилось 500 жалоб на меры, принимаемые для того, чтобы заставить диссидентов замолчать. Девятая конференция... С. 149; Девятый съезд... С. 47. См. также: Gill G., *The Origins of the Stalinist Political System*, Cambridge: Cambridge University Press, 1990, p. 50.

⁷³ ЦАОПИМ, 3/1а/7/35, 51; 3/1а/6/22–23; Коммунистический труд. 17 сентября 1920; Известия ЦК. 4 сентября 1920. № 21. С. 1–3.

отступил дальше, чем готов был отступить Бухарин. Он согласился с оппозицией в основных пунктах: концентрация полномочий в главках («главкократия») как причина противоречий между «низами» и «верхами»; отрицательные последствия милитаризма, привившего некоторым коммунистам диктаторские замашки; вхождение некоторых коммунистов в круг спецов, с которыми они работают, и вытекающие отсюда коррупционные отношения; а также неспособность партии противостоять этим тенденциям. Кутузов саркастически предположил, что если бы эта речь была произнесена неделей раньше в каком-нибудь районе Москвы, Зиновьева бы исключили из партии. Меры, предложенные МК, были включены в итоговую резолюцию конференции⁷⁴.

Выбив из партийного руководства эти уступки, московские диссиденты сосредоточились на МК, надеясь установить над ним контроль на губернской партконференции в ноябре. По мере того как МК отступал, отклонив предложение об изгнании бауманских участников «конспиративного собрания», бауманские диссиденты наступали. В октябре они поддержали требование Богуславского распустить МК⁷⁵. Когда 20 ноября открылась конференция, Бухарин от имени ЦК заявил, что партия должна излечить московскую организацию и «положить конец склоке с той и другой стороны». Ангарский, отвечая от имени оппозиции, расширил популярную в те времена медицинскую метафору: «Бухарин этот вопрос решает очень просто — если это болезнь, то надо просто отсечь голову и все. Но надо все-таки разобраться, какая это болезнь, прежде чем делать хирургию». В 1917 г. рабочий класс «в лозунги Октябрьской революции вкладывал своё заветное содержание», но теперь его надежды натолкнулись на «огромное неравенство, огромный бюрократизм». Оппозиционная коалиция поддержала резолюцию Игнатова по вопросу «партийного строительства»; 154 голосами против 124 её забаллотировали в пользу текста Каменева, основанного на том, который был принят всероссийской партконференцией⁷⁶. Выборы в МК в конце конференции

---

⁷⁴ Девятая конференция... С. 31, 139–156, 186; *Daniels*, *op. cit.*, p. 115–117.

⁷⁵ ЦАОПИМ, 63/1/7/17, 19; 3/1а/6/29об.

⁷⁶ Правда. 16 ноября 1920. ЦАОПИМ 3/1а/2/34, 88–91;

поставили московскую организацию на грань раскола. Противоборствующие стороны представили альтернативные списки, и для того, чтобы попытаться согласовать единый список, был объявлен перерыв. Но сторонники ЦК — среди которых были Ленин и Артём, переведённый из Башкирии, чтобы возглавить МК — решили пойти на обострение конфликта. Из четырёх ведущих оппозиционеров, предложенных Игнатовым для включения в совместный список из 39 лиц, Ленин и его сторонники приняли только одного Богуславского. Они отвергли предложения о пропорциональном представительстве и при помощи небольшого численного перевеса привели к власти нерепрезентативный МК. Оппозиционеры были ошарашены такими brutальными методами: Игнатов и ещё 114 делегатов, явно поражённые, объявили, что оппозиция «снимает всякую ответственности за дальнейшую работу Московского комитета». Это, в свою очередь, побудило группу из 70 лоялистов требовать применения по отношению к ним дисциплинарных методов воздействия⁷⁷.

Дискуссия о профсоюзах

В пламя, разжигаемое снизу полемикой о «низах» и «верхах», сверху подлила масла дискуссия о профсоюзах, начавшаяся в ЦК 8 ноября 1920 г. и продолжавшаяся до X партсъезда в марте 1921 г.⁷⁸. Позиция рядовых партийцев, обсуждаемая здесь,

8654/1/309/127; Десятый съезд... С. 869.

⁷⁷ ЦАОПИМ, 3/1а/2/41–42, 98–105; РГАСПИ, 17/84/73; *Кориунова З.П.* (ред.) Очерки истории Московской организации КПСС, кн. II, ноябрь 1917–1945. М.: Московский рабочий, 1983. С. 179; *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений (5-е издание). М.: Госполитиздат, 1958–1965. Т. 42. С. 17–40.

⁷⁸ Об этой дискуссии см.: *Daniels*, op. cit., p. 119–136; *Tsuji Y.*, 'The Debate on the Trade Unions, 1920–21', *Revolutionary Russia* 2:1, 1989, p. 31–100; *Holmes L.*, *For The Revolution Redeemed: The Workers Opposition in the Bolshevik Party 1919–1921*, Carl Beck Papers no. 802, Pittsburgh: University of Pittsburgh, 1990; *Sakwa*, op. cit., pp. 247–253; *Rosenberg W.G.*, 'The Social Background to Tsektran', in *Koenker D.P., Rosenberg W.G. and Suny R.G.* (eds.), *Party, State and Society in Russian Civil War: Explorations in Social History*, Bloomington: Indiana University Press, 1989, pp. 349–373. Документы в: Дискуссия о профсоюзах: материалы и документы 1920–21 гг. М. –Л., 1927 и Десятый съезд... С. 633–690.

часто формировалась под влиянием дискуссий о централизации и привилегиях. Было широко распространено неприятие принудительных мер, содержащихся в предложениях Троцкого, а слева была массовая поддержка аргументов РО в пользу передачи большей политической власти профсоюзам. Децисты и другие считали эту дискуссию неуместной, поскольку она отвлекала внимание от вопросов централизации и привилегий. И в самом деле, X партсъезд намного больше времени посвятил этим вопросам — обсуждавшимся, наряду с вопросом кризиса в отношениях партии с рабочими и крестьянами, на огромном заседании по «партийному строительству», — чем дискуссии о профсоюзах, полагая, что её актуальность сошла на нет⁷⁹.

Непосредственным поводом для дискуссии послужил радикальный план Троцкого по выведению транспортного хозяйства из разрухи. Попытки Троцкого и его сторонников внедрить элементы принудительного труда — в частности, заставить профсоюз водного транспорта принять надзор со стороны партийных комиссаров, уже установленный на железных дорогах — наткнулись на сопротивление профсоюзных активистов. В ответ Троцкий заявил, что принудительный труд должен стать общей системой, распространиться на все отрасли. Это подразумевало новые формы управления и принятия решений в промышленности, основанные на слиянии профсоюзов с промышленными объединениями. Впоследствии придавалось большое значение энтузиазму Троцкого в этом «огосударствлении» профсоюзов, но до начала дискуссии это принималось как естественный порядок вещей при «военном коммунизме». Теперь же Ленин, Зиновьев и большинство ЦК, соглашаясь с тем, что принудительный труд останется ключевым элементом экономической политики, подумывали о партнёрстве профсоюзов (которые будут играть вспомогательную образовательную и пропагандистскую роль) и действующих промышленных объединений под эгидой ВСНХ. РО убеждала, что профсоюзы должны управлять экономикой, Советы — контролировать государственный

---

⁷⁹ Дискуссия о «партийном строительстве», самая длинная на съезде, заняла три заседания, включала в себя четыре доклада и 17 выступлений. Дискуссия о профсоюзах уложилась в одно заседание с тремя докладами и семью выступлениями.

аппарат, а партия — руководить теми и другими. Позднейшие поколения советских пропагандистов изображали дискуссию о профсоюзах в виде принципиального столкновения между Лениным и Троцким, однако не следует преувеличивать разницу между их позициями. Действительно, были затронуты многие принципиальные моменты. Но ограниченный характер их разногласий — о том, что делать с профсоюзами в условиях государственной монополии и подавления рынка — стал очевиден, когда эти разногласия, вместе со многими общими представлениями об экономической политике, были сметены НЭПом.

Обсуждение вопроса «верхов» и «низов» стало фоном, на котором рядовые рабочие рассматривали дискуссию о профсоюзах: они были обеспокоены тем уроном, который предложения Троцкого могли нанести рабочей демократии. К сообщениям о враждебности по отношению к Троцкому следует относиться осторожно. Часть их исходила от аппарата ЦК и из прессы, которую ленинско-зиновьевская группа активно мобилизовала для своих фракционных целей. Когда районные партийные организации голосовали по вопросу о платформах, сторонники ленинско-зиновьевской группы строили планы реванша там, где голосование шло не по их сценарию (в Сокольниках и Замоскворечье — против Троцкого, в Городском районе — против Игнатова). Тем не менее похоже, что свою роль сыграло и опасение масс по поводу антидемократических элементов в предложениях Троцкого. В Сокольниках, где Василий Котов возглавил сторонников Троцкого в железнодорожных депо, во время собрания нескольких тысяч партийцев Зиновьев активно играл на этих страхах; в результате жители района, ранее симпатизировавшие Троцкому, изменили свои позиции⁸⁰. Примечательно, что Бауманская районная организация и Мастяжарт, контролируемые бауманскими оппозиционерами, поддержали ленинско-зиновьевскую платформу. На собрании районных делегатов, посвящённом обсуждению этих вопросов, местный активист Желтов пожаловался: «Мы

⁸⁰ Правда. 26 января 1921. Котов (189? —1937) был рабочим-металлистом; вступил в партию большевиков в 1915 г.; с 1919 г. — освобождённый партийный работник в Москве; в 1928 г. поддержал правую оппозицию; член ЦК с 1930 г.

видели на деле предлагаемое Троцким сращивание Цектрана с Главполитпутём⁸¹. Почему мы не могли подойти к производству, потому что главки и центры вышибали наших представителей»⁸².

В данном случае ленинско-зиновьевская платформа считалась лучшим способом повысить степень участия масс в процессе принятия решений, но активисты Союза металлистов из аналогичных соображений поддержали РО. РО выступала за то, чтобы «поставить [профсоюзы] во главу угла каждой промышленности». «Этим мы приблизим желательный момент, когда профсоюзы сосредоточат промышленность в своих руках», — объяснил Шляпников на собрании делегатов московских металлистов в декабре 1920 г. Его поддержали как члены партии, так и беспартийные рабочие. Коммунист из АМО Гаврилин жаловался, что профсоюзы, сосредоточившись на вопросах оплаты труда и социального обеспечения, стали «няньками», тогда как другие учреждения «начали понемногу съедать и теперь почти съели» полномочия профсоюзов в процессе принятия решений⁸³. Беспартийный делегат Садовников призывал к «третьей революции в производстве» вслед за «двумя политическими революциями» 1917 г. Призывы к широкой демократии, озвученные беспартийными, выступавшими на собрании металлистов в феврале 1921 г., были одними из самых последовательных во всей дискуссии о профсоюзах. Собрание потребовало «переизбрания всех органов профсоюзов на основе строгой демократичности выборов», участие представителей, избранных на общезаводских собраниях, в работе всех управленческих органов, а также надзор и участие в работе главков со стороны профсоюзных делегатов. Один из выступающих, Тихомиров, предупредил, что, если профсоюзы перетянут на себя управление производством, последствия будут разрушительны, поскольку

⁸¹ Именно это сращивание, проталкиваемое Троцким, спровоцировало дебаты в ЦК в ноябре 1920 г.

⁸² ЦАОПИМ, 63/1/44, 2-5; 465/1/1/1.

⁸³ Платформа включала в себя статью Шляпникова «Рабочие союзы», написанную в декабре 1920 г. Дискуссия о профсоюзах. С. 175–187. ЦГАМО, 186/1/460/36об–38об. О месте «нянек» в большевистском дискурсе см. прим. 36 к гл. 4.

профсоюзы не подготовлены к этому организационно. Но большинство выступающих было убеждено, что нужно сделать такую попытку. Корфилин склонялся к тому, чтобы профсоюзы «реформировать, перетряхнуть корни, полагаясь на свободные перевыборы». Профсоюз не выполняет своих функций, «ибо он является пособником правительства». Авторы письменных предложений из зала высказывались за перестройку Союза металлистов «на основе строгой демократической выборности снизу доверху [...] без давления комячеек» и за равное тайное голосование⁸⁴.

Ещё одно важное течение в партии полагало, что вообще вся дискуссия о профсоюзах просто отвлекает от настоящих проблем. Это было сутью платформы децистов по данному вопросу, утверждавшей, что разделение между Лениным и Троцким — это разделение между «двумя течениями одной и той же группы бывших милитаризаторов хозяйства», а кризис профсоюзов — «только часть общего кризиса, переживаемого советским аппаратом». В январе 1921 г. ленинско-зиновьевская группа попыталась поднять накал страстей и превратить профсоюзную дискуссию в проверку на лояльность, обвиняя Троцкого в том, что тот ставит под угрозу революцию, и призывая избирать делегатов X партсъезда исходя из их позиции по вопросу профсоюзов. МК выступал против, и особенно страстно отреагировали децисты. На московской губернской партконференции в феврале Рафаил обрушился на Каменева, поддерживавшего ленинско-зиновьевскую группу, за то, что тот не выполнил принятых ранее решений по партийной демократии, а теперь хочет «в праздник устроить всероссийскую говорильню по вопросу о профсоюзах, а в повседневной работе чтобы осталось все по-старому»⁸⁵.

Скепсис децистов по поводу уместности дискуссии о профсоюзах на фоне самых насущных проблем партии разделялся повсеместно, и не только оппозиционерами. Многие заводские ячейки в Москве даже не включили этот вопрос в повестку дня, вместо этого обсуждая актуальные проблемы производства и снабжения, и Ленин, по слухам, смертельно

⁸⁴ ЦГАМО, см. выше, 38об–39; 180/1/236/45–48, 63; 180/1/237/114, 146.

⁸⁵ ЦАОПИМ, 3/2/2/67; ЦАОПИМ, 3/2/23/5–13.

заскучал на одной из таких дискуссий⁸⁶. В редакции «Правды» скепсиса хватило на то, чтобы разрешить публикацию статьи, в которой говорилось, что «честные рабочие, любящие революцию» и вступившие в партию в 1919–1920 гг., покидают её из-за распространения коррупции и авторитаризма, тогда как руководство продолжает невразумительную дискуссию о профсоюзах. «Правда» процитировала московского рабочего Евстигнеева, вступившего в партию в 1919 г., который заявил своей заводской ячейке, что теперь менее чем когда-либо, знает, кто и где принимает решения. По поводу дискуссии о профсоюзах он спросил: «Понимаете вы тут что-нибудь? Только не врите». Евстигнеев понял только то, что партийные вожди вцепились друг другу в глотки, но ничего не понимал в предмете спора; кроме того, он знал, что Зиновьев пообещал партийной конференции бороться с «безобразиями комиссаров», но так ничего и не сделал⁸⁷.

Дискуссия о профсоюзах пролила свет на противоречия в партийной стратегии управления промышленностью, помогла прояснить отношение каждого к принудительному труду и похоронила надежды РО на участие профсоюзов в управлении. Фракционные перегибы ленинско-зиновьевской группы стали важным шагом на пути превращения партии из политическо-военной организации в авторитарный инструмент администрирования. Тем не менее децисты, конечно, были правы, видя в этой дискуссии отвлекающий маневр и настаивая на том, что вопрос профсоюзов является частью более широкой проблемы: кому принадлежит власть и как она используется. Вопросы, занимавшие децистов в первую очередь, — централизация, аппарат и привилегии — совершенно очевидно, имели более важные последствия в долгосрочной перспективе, чем разногласия по поводу профсоюзов. Правда, это не значит, что

---

⁸⁶ Из пяти относительно полных подборок протоколов заводских ячеек за 1920–1921 гг., которые я прочёл, лишь на двух предприятиях (Гознак и Мاستяжарт) в повестке дня значилось краткое обсуждение дискуссии о профсоюзах. При этом на АМО были проведены три основательных, полностью запротоколированных дискуссии о партийном строительстве. О Ленине см.: *Avrich P., Kronstadt 1921*, Princeton: Princeton University Press, 1970, p. 177.

⁸⁷ Правда. 25 января 1921.

децисты, а тем более бауманцы или разочарованные бывшие партийцы вроде Евстигнеева разработали какую-либо стратегию противодействия вырождению государства. Центральная роль, которую это государство играет в воспроизводстве и укреплении иерархических общественных отношений, а также эксплуататорская природа этих отношений в экономике редко упоминалась участниками дискуссий 1920–1921 гг. Вскоре X съезд партии положит конец последним попыткам дискуссии и усилит авторитарные тенденции, которым пытались противостоять, хотя бы частично и непоследовательно, диссиденты 1920-х гг.

Глава 3.

РЕВОЛЮЦИЯ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО: РАБОЧИЕ И ПАРТИЯ В ЯНВАРЕ-МАРТЕ 1921 Г.

Начало весны 1921 г. было поворотным пунктом для Советского государства. Политика продразвёрстки, применявшаяся во время Гражданской войны, усугубила кризис в деревне. Ответом крестьянства стало повсеместное сокращение посевных площадей; крестьянские восстания распространились по всей европейской части России, Уралу и Сибири (самое организованное восстание произошло в Тамбовской губернии)¹. Разруха транспортной системы парализовала продовольственное снабжение Москвы, Петрограда и других крупных городов, что вызвало рабочие протесты. Кульминацией кризиса стало мартовское восстание матросов в Кронштадте, которое руководство большевиков восприняло как угрозу своему существованию. В нижеследующем обсуждении рабочих протестов в Москве особый акцент сделан на неоднородности этого движения. Многих рабочих раздражало то, что, хотя Гражданская война осталась позади, перебои с продовольствием не только не исчезли, но и усугубились. Но в этом движении имелись и политические мотивы. Монополизация политической власти большевиками вызывала повсеместное недовольство и требование восстановить независимость Советов пользовалось популярностью. Впрочем, те, кто призывал к «третьей революции» или выступал против системы Советов как таковой, составляли незначительное меньшинство. Даже об альтернативном правительстве

---

¹ Свежая литература об этих движениях: *Нарский И.* Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 271–327; *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1996. С. 250–258; *Brovkin V.N.*, Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia 1918–1922, Princeton: Princeton University Press, 1994.

заговаривали очень немногие. Неровный характер движения и отсутствие единства между Кронштадтом и другими крупными городами заставляют усомниться в правомерности утверждений, будто власть большевиков стояла перед революционной угрозой. Правда, это движение подтолкнуло партию к фундаментальному политическому сдвигу, ныне известному как НЭП. Десятый съезд, заседавший в первой неделе марта, в то время, когда в Кронштадте подавляли восстание, принял решение заменить продразвёрстку продналогом. Кроме того, было принято решение о ликвидации всех внутривнутрипартийных фракций и группировок и одобрена дальнейшая централизация аппарата; эти решения, вместе с подавлением Кронштадтского восстания и вторжением в Грузию, закрепили авторитарный курс, которым начинало двигаться Советское государство.

Проблемы с транспортом и снабжением нарастали на протяжении зимы. В Москве закрытие Сухаревского рынка и ужесточение мер ЧК в отношении мелких торговцев перекрыло многие источники продовольствия, на которые полагались рабочие, добывая прибавку к продпайку. Хлебные пайки распространялись с задержкой; к середине января задержка пайков, раздаваемых Моссоветом, достигла 51 дня. С наступлением зимы размер пайков был увеличен, и московское партийное руководство до последнего откладывало меры по урезанию их до прежнего размера. Но к началу января стало ясно, что дальше будет только хуже, поскольку транспортный кризис парализовал снабжение столицы. Президиум Моссовета и комитет, контролировавший снабжение продовольствием московских и петроградских рабочих, подняли тревогу в правительстве и 20 января совместно приняли решение о сокращении размера пайков. Второе урезание произошло 1 февраля². 31 января была создана специальная хлеб-

---

² В результате урезания 20 января хлебные пайки сократились до 1,5 фунтов (около 600 г) для группы «А» (рабочие, занятые на тяжёлой работе в промышленности), 1 фунта (около 400 г) для группы «Б» (большинство остальных рабочих и служащие) и 0,5 фунта (около 200 г) для группы «В» (рабочие моложе 18 лет и неработающие граждане). 1 февраля пайки групп «А» и «Б» были урезаны ещё на полфунта. *Алещенко Н.М.* Московский совет в 1917–1941 гг. М.: Наука, 1976. С. 298; Коммунистический труд. 14 января и 23 марта 1921; ЦГАМО, 66/12/879/206–107; *Patenaude B.M.*, *Bolshevism in Retreat: the Transition to NEP 1920–22* (PhD diss., Stanford University, 1987), p. 128.

ная комиссия во главе с Лениным, но она немногое могла сделать. Продовольствие было в пути, однако ускорить его движение было нельзя. В Москву направлялись 1266 составов с продуктами, но из-за нехватки топлива они двигались со скоростью 80–100 км в день. На железных дорогах были приняты чрезвычайные меры: некоторые линии были закрыты, для того чтобы ускорить продвижение продовольственных составов на других линиях; поезда, находившиеся в распоряжении партаппарата, тоже были брошены на перевозку еды. К концу февраля в Москву хлынуло продовольствие, но это было слишком поздно для того, чтобы погасить недовольство рабочих³.

Пытаясь завоевать поддержку, Моссовет запоздало признал принцип «равных пайков», за который выступали рабочие. Были приняты меры для сглаживания неравенства: упразднены некоторые академические пайки, а также «ударные» пайки для тех, кто не имел реальных прав на их получение. В середине февраля на встрече с членами Совнаркома представители Совета потребовали отмены всех привилегированных пайков, и Совнарком упразднил большинство из них. Но эта смена политики оказалась запоздалой. В конце января и в феврале по Москве прокатилась волна забастовок, спровоцированных вопросами нормирования пайков и оплаты труда. По продолжительности и масштабам эти забастовки превосходили стачки конца 1920 г. В Замоскворечье рабочие машиностроительного завода, ранее носившего название «Густав Лист», 18 января начали девятидневную сидячую забастовку, вызванную, по данным агентов ЧК, неравномерным распределением пайков. На государственном машиностроительном заводе №5 (бывший завод Грачёва) «была итальянская забастовка на почве невыдачи пайка». В последнюю неделю января бастовал станкостроительный завод (бывший «Бромлей»), и расположенный неподалёку завод «Русская машина» (бывший Михельсон) в знак солидарности тоже прекратил работу. В Хамовниках сидячие забастовки на Первом государственном заводе напильников и

---

³ Правда. 22 января 1921; *Алещенко*. Указ. соч. С. 297–299; *Генкина Е.Б.* Государственная деятельность В.И. Ленина 1921–1923 гг. М.: Наука, 1969. С. 62; *Павлюченков*. Указ. соч. С. 259–260; Широкая конференция фабзавкомов г. Москвы 29 окт. 1921. М., 1921. С. 55; *Patenaude*, op. cit., pp. 118–129.

в шорной мастерской были вызваны вопросами оплаты труда. В Рогожско-Симоновском районе агенты ЧК сообщали о «волне забастовок» по вопросам оплаты труда — в их числе была сидячая забастовка на кабельном заводе (бывш. Алексеева и Шамшина), а также непродолжительные остановки работы на Курских железнодорожных мастерских и кожевенно-обувной фабрике №3 «Меркурий». Двухдневная стачка на котельном заводе «Бари» 1–2 февраля перекинулась на близлежащие кожевенные предприятия и мастерские⁴. В некоторых случаях очевидным было влияние эсеров на бастующих: например, группа рабочих Хамовнического района направила председателю ВЦИК Михаилу Калинину резолюцию, в которой требовала созыва законодательного собрания, восстановления свободной торговли и изменения экономической политики, с тем чтобы прекратить провоцировать европейские державы. Но главным образом это были протесты по поводу перебоев с продовольствием: именно требование уравнивания пайков «проходит красной нитью по всем постановлениям и заявлениям беспартийных ораторов на любом рабочем собрании», заявил на X съезде профсоюзный вождь, большевик Соломон Лозовский. «Мы за время войны создали в смысле пайков — я говорю не относительно привилегий “верхов” — среди самих рабочих не меньше тринадцати разных категорий: сверхударных, полуударных и т.д.»; с окончанием войны эта проблема всплыла, утверждал он⁵.

Конференция металлистов

Ближе всего к созданию собственной политической программы рабочес движение подошло на конференции металлистов, проходившей в Москве 2–4 февраля. Срок полномочий Совета оканчивался, на его пленарных заседаниях царила скука, и конференция стала самым репрезентативным собранием рабочих той весной. Несмотря на то, что впоследствии

⁴ ГАРФ, 393/43а/1714/253; ЦГАМО, 66/12/879/26; ЦАОПИМ, 412/1/5/3.

⁵ Десятый съезд РКП(б): стенографический отчет. М.: Гос. изд. полит. литературы, 1963. С. 291; *Sakwa R., Soviet Communists in Power: A Study of Moscow During the Civil War*, London: Macmillan, 1988, p. 222; *Aves J., Workers Against Lenin*, London: Tauris, 1996, pp. 137–138.

«Правда» в своей передовице саркастически отзывалась о «знаменитой конференции беспартийных металлистов», делегаты избирались по обычной процедуре, принятой в Союзе металлургов. Эта отрасль, которая в 1917 г. была бастионом большевиков, менее всего пострадала от остановки производства во время Гражданской войны и могла похвастаться самыми активными заводскими организациями⁶. Партия была обеспокоена уровнем враждебных настроений среди рабочих, которых она считала своими твёрдыми сторонниками. В передовице «Правды» Андрей Вышинский, служивший тогда в Наркомпрод, рассказал: «Чувствовался полный разрыв между массой и партией, между массой и союзом. “Мы” и “вы”, “низы” и “верхи” — вот основной тон»⁷. Конференция призывала не только к «уравниванию продпайков», но и выдвигала ключевое требование замены продрозвёрстки продналогом. Она сыграла свою роль в пересмотре позиций партии по данному вопросу. Это мероприятие посетил Ленин и на протяжении недели набросал проект документа об отмене продрозвёрстки, который лёг в основу соответствующей резолюции ЦК РКП(б). Собрание ещё продолжалось, когда народный комиссар продовольствия Цюрупа, выполняя решение ЦК партии, объявил о приостановке продрозвёрстки в 13 губерниях центральной России, которым угрожал голод⁸.

Представлены были три более-менее чётко очерченные политические тенденции: собственно большевики; эсеры

---

⁶ На мероприятии присутствовало около тысячи делегатов — каждый пятидесятый член Союза металлистов. Протоколы см.: ЦГАМО, 180/1/236/6-66; 180/1/235; другие материалы: ЦГАМО, 180/1/237. Резолюции: Коммунистический труд. 8, 15 и 16 февраля 1921. См. также: Правда. 27 мая 1921; Aves, *op. cit.*, pp. 131–136; *Avrich P.*, Kronstadt 1921, Princeton: Princeton University Press, 1970, pp. 35–36; *Patenaude*, *op. cit.*, pp. 129–40; *Siegelbaum L.*, *Soviet State and Society Between Revolutions, 1918–1929*, Cambridge: Cambridge University Press, 1992, p. 76.

⁷ Правда. 8 февраля 1921. Вышинский, бывший меньшевик, который позже будет обвинителем на московских процессах, был «прикреплён» к партийной ячейке на заводе Бромлея.

⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 333; Шишкин В.А. Власть, политика, экономика: послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 168; Павлюченков. Указ. соч. С. 270–271.

и им симпатизирующие, выдвинувшие требование отмены продрозвёрстки; беспартийные социалисты и рабочисты, которые поддерживали большевиков в 1917 г., но со временем перестали им доверять. В последней группе были и такие, кто считал главным двигателем перемен индустриальный рабочий класс, действующий самостоятельно, без помощи интеллигенции и социалистических политических партий, или даже против них. Теоретические основы такого подхода были заложены Яном Махайским, активным участником дореволюционного рабочего движения в Польше, в его книге «Умственный рабочий»⁹. Лидеры большевиков обожали обвинять в «махаетвине» и «синдикализме» РО и других диссидентов-большевиков, но правильнее употреблять эти термины в отношении некоторых беспартийных рабочих. Многие из выступавших на конференции металлистов поддерживали захват власти в октябре 1917 г., но позже разочаровались и начали призывать вновь сместить центр притяжения в сторону рабочего движения, а не в сторону партии. Представитель Устинского металлического завода Колышкин заявил, что «лозунг равенства, которым нас повели коммунисты в 1917 году, в данное время совершенно подгнил» из-за политики снабжения, разделяющей верхи и низы. Представитель Электростали Кузьмин говорил: «Три года мы слышали разные разговоры. От всех этих завоеваний революции слёзы прошибают». (Развитие беспартийного социалистического движения детальнее рассматривается в гл. 4)

Беспартийные рабочие чувствовали себя обманутыми, и это обусловило раздражённый тон всего собрания. Ораторов-большевиков перебивали и иногда заглушали криком. Делегаты, по словам Вышинского, «даже своему президиуму не верили [...] хотя в президиуме было большинство беспартийных», настояли на том, чтобы комиссия по разработке проектов резолюций была избрана прямым голосованием зала. Вышинский утверждал, что звучали антисемитские заявления, но его категорически опроверг профсоюзный лидер Лозовский, также присутствовав-

---

⁹ См. *Махайский Я.* Умственный рабочий. Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1968; *D'Agostino A.*, *Marxism and the Russian Anarchists*, San Francisco: Germinal Press, 1977, pp. 115–138.

ший там; да и в стенографическом отчёте ничего похожего нет¹⁰. Помимо обсуждения кризиса заготовок, конференция, вопреки рекомендациям большевиков, решила провести широкую дискуссию на тему отношений с крестьянством. Результатом стал призыв к отмене продразвёрстки. Мельничанский сделал доклад о вопросах снабжения, подчеркнул последствия развала системы железнодорожного транспорта и сказал, что видел, как на складах в Сибири гниёт продовольствие, которое невозможно доставить. Другие выступающие — в частности, Христофоров с Пресненского механического завода и Портнов с Моторного завода — отметили, что проблема не столько в транспортной системе, сколько в методах реквизиции продовольствия. Казенков с 3-го машиностроительного завода (бывшего «Добровых и Набгольц»), сторонник эсеров, убеждал, что экономический марш-бросок зашёл в тупик: «Сколько мы таких кризисов переживали? [...] Такие заготовки, какие существуют, продолжаться не могут». Матросов с котельного завода «Бари», у которого родня жила в деревне под Тулой, говорил о крестьянстве от первого лица: «У нас отобрали всё. Нам, крестьянам, грозит голодная смерть». Решение VIII съезда Советов о создании посевных комитетов в деревне было резко раскритиковано. Каменеву не давали говорить; один из перебивавших сказал: «У нас страна промышленная или крестьянская? Это нужно принять во внимание, рабочий без крестьянина не проживёт. Вы это забываете так же, как вы устроили посевкомы, это ярмо для крестьян».

Сотрудник Народного комиссариата земледелия Василий Кураев защищал решения съезда Советов, утверждая, что «мы не можем отказаться от принудительной выкачки» продовольствия, и без хлебной монополии страна не сможет

---

¹⁰ Вышинский обвинил в антисемитизме Петрова, трактирщика из подмосковного городка Подольска. Лозовский написал в «Правду», что Вышинский несправедливо оклеветал Петрова, который является активистом рабочего движения с 18-летним стажем. См.: Правда. 8 февраля 1921; 17 февраля 1921. Единственное антисемитское высказывание, найденное мною в стенограмме, принадлежало Васильеву с оружейного завода — он говорил о «засилье в [организациях] главным образом евреев»: «В их бюллетенях так и пахнет жаргоном. [...] Я не против евреев, но [хотелось бы знать] кто их выбирал в союз».

себя прокормить. Но представители завода бывш. Ильина, где пользовались влиянием анархисты, заявили, что большевики разрушают союз рабочих и крестьян. Один из них, Соловьёв, сказал: «Если мы допустим посевкомы, то погибнут и крестьяне, и рабочие, а этого мы допустить не можем». Бегин из Крепосклада жаловался, что попытка организовать крестьянский профсоюз в Москве, инспирированная эсерами, была подавлена. Из зала были поданы проекты резолюции с требованием предоставить право на организацию профсоюза «нашему брату крестьянину». В итоговой резолюции было сказано, что продразвёрстка разрушает сельское хозяйство и противоречит интересам и крестьян, и рабочих. Документ призывал заменить её натуральным налогом, который «должен соответствовать местным условиям», чтобы его размер не мешал развитию сельского хозяйства путём производства излишка; администрировать этот налог должны местные кооперативы. Сильное влияние эсеров на ход конференции и их присутствие в рабочей комиссии заметно по призывам к организации крестьянских профсоюзов и установлению торговых отношений с Западной Европой для импорта сельскохозяйственного оборудования¹¹.

В дискуссии о заработной плате влияние эсеров проявилось в осуждении принудительного труда. В предложении, переданном представителями ГЭС «Электропередача», выдвигалось требование «раскрепощения рабочих — дать им возможность переходить в любое время на любой завод»¹². Но основное сопротивление политике правительства исходило от рабочих, мечтавших приструнить главки и специалистов. Киреев с автозавода АМО раскритиковал доклад Гольцмана по зарплатам, в котором «не указывалось на колоссальные ставки спецов, превышающие во много раз ставки рабочих» — они сохранялись вопреки решениям профсоюзов. Каменецкий с «Металлохимика» затронул вопрос, который впоследствии опять всплывёт в спорах 1922—1923 гг. о привилегиях элиты (см. гл. 7), пожаловавшись, что надбавки, которые, по идее, выплачивают специалистам за их незаменимые навыки, «получают

---

¹¹ ЦГАМО, 180/1/236/65-66.

¹² ЦГАМО, 180/1/236/77об; 180/1/237/136, 173.

и коммунисты, не имеющие специального познания». Фёдор Чуханов, руководитель беспартийной группы на АМО¹³, рассказал о злоупотреблениях системой дополнительных выплат за выполнение «боевых приказов»: в качестве примера он привёл выплату 600%-ной премии рабочим за обновление внутренней отделки автомобиля для командарма Каменева. Зарплату специалистов (и театральных актёров) он назвал завышенной и высказался в пользу системы регулируемых премий, за которую выступал союз металлистов. Проблема, по его словам, состоит в произвольных изменениях этой системы свыше. Василий Настасьян, ещё один представитель беспартийной группы АМО, подчеркнул, что, несмотря на обесценивание валюты, разрыв в денежных выплатах между специалистами и рабочими, «живущими как будто лошади», остаётся огромным, поскольку за деньги можно на чёрном рынке купить ряд товаров, которые в других местах не сыщешь. Автор письменного предложения «уничтожения денег» Додонов утверждал, что «они являются для рабочего бутафорией и его не удовлетворяют, а только плодят спекулянтов». Он выступал за переход к «натурализации заработной платы»¹⁴. Итоговая резолюция представляла собой компромисс между рабочистами и большевиками: она признавала необходимость сохранения «деления [рабочих] на тарифные разряды» до тех пор, пока остаются различия в уровнях квалификации, называла несправедливыми произвольные вознаграждения специалистов и требовала «подвести все без исключения группы трудящихся, не исключая и спецов, под тарифные разряды». Все натуральные премии нужно «распределить размерно между всеми фабриками и заводами в соответствии с количеством работающих на них» (то есть, не оказывая предпочтения «ударным» предприятиям). Резолюция поддерживала принцип регулирования против произвольных распоряжений главков, но в то же время выступала за отмену ограничений на размер премий для рабочих и за «неограниченный сдельный приработок» — другими словами, она выступала против тех аспектов госрегулирования, которые противоречили отраслевым интересам металлистов.

---

¹³ О Чуханове см. Прил. 1.

¹⁴ ЦГАМО, см. выше, 81.

Стачечное движение

Волна забастовок в Москве достигла своего пика во время трёхдневной серии стачек и митингов 23–25 февраля. Стачки происходили также в Петрограде (начиная с 24 февраля) и в других крупных городах. 28 февраля на линкоре «Петропавловск» в Кронштадте была принята первая антибольшевистская резолюция, которая стала началом вооружённого восстания матросов. Все эти события серьёзно угрожали правительству большевиков и окончательно подтолкнули его к принятию НЭПа. Но забастовки не были скоординированы, и к моменту начала Кронштадтского восстания московские заводы уже снова заработали. Не было и политического единства: эсеров, меньшевиков и других оппозиционеров сочувственно выслушивали, поддержка высказывалась также и политической программе кронштадтцев, выступавших за восстановление советской демократии образца 1917 г., но массового движения так и не возникло. Даже по главному вопросу продовольственного снабжения рабочие не были единодушны: крупнейшая стачка в Москве, на типографской фабрике «Гознак» в Хамовническом районе, была организована в поддержку требования введения как раз такого типа добавочных пайков, которые подрывали принцип «уравнения». Большевики устояли, устранив наиболее вопиющие проблемы со снабжением, пообещав дальнейшие улучшения и избирательно, но тщательно заткнув рот политическим оппонентам.

Фабрика Гознака была одним из крупнейших предприятий Москвы. 7 тыс. человек, преимущественно женщин, относительно молодых, работали на ней в плохих условиях. «Правда» опубликовала статью, в которой рассказывалось об 11-часовых трудовых сменах (с часовым перерывом) в задымленных, плохо проветриваемых цехах. В перечень продукции Гознака входили банкноты, в которых правительство отчаянно нуждалось ввиду гиперинфляции; возможно, из-за этого в 1920 г. фабрика была переведена на ударный паёк. Но в начале января началось брожение. Фабричный комитет получил «коллективные заявления» от разных цехов с «ультимативными требованиями» и угрозами прекратить работу. Когда 20 января Моссовет решил снять «ударный» статус с предприятий, в меньшей степени этого за-

служивающих, пострадал и Гознак. Большинство пайков было урезано на полфунта хлеба. 29 января работницы прекратили работу. На митинге потребовали до 10 февраля отменить решение о сокращении пайка; наладить оперативную доставку дров; исключить из режима сокращений семейные пайки; обеспечить снабжение картофелем, капустой и другими овощами; и «чтобы заведующий мастерской обращался бы как с рабочими и не читал нотации». Фабричный комитет согласился отменить сокращение пайков, но столкнулся с категорическим отказом чиновников, ответственных за снабжение. Это было логично: пайки урезали, идя навстречу повсеместным требованиям «уравнения», а значит, необходимо было игнорировать именно такие отдельные просьбы. 23 февраля Гознак забастовал; партийцы и остальные, кто пытался продолжать работу, были насильно сняты с рабочих мест. В основном требования были экономическими, но, как рассказывали позже на районном партийном собрании, «было требование освободить политических заключённых, и раздавались даже возгласы с требованием учредительного собрания». Трёхтысячная толпа прошла по улицам района, чтобы заручиться поддержкой, но попытки вывести на забастовку рабочих фабрики «Земпалатка», фабрик Гивардовского и Губнера не увенчались успехом. Резиновый завод «Каучук» тоже отказался присоединиться к стачке. Местная парторганизация пыталась рассеять толпу более увещеваниями, нежели силой. Но в Хамовнических казармах демонстранты схлестнулись с часовыми, которые опасались, что к протестам могут присоединиться 700 подлежащих демобилизации красноармейцев, по данным ЧК, «явно антисоветски настроенных»¹⁵. Во время стычки был смертельно ранен комсомолец Кузьменко, и одна женщина получила лёгкое ранение¹⁶. Вечером бастующие

---

¹⁵ Правда, 18 января 1921; ЦАГМ, 2626/1/70/10; 2626/1/77/9; ЦАО-ПИМ, 3/2/23/36; 1099/1/3/36, 40. РГАСПИ, 76/3/166/2–2об; 76/3/166/3, опубликовано в: *Наумов В.П., Косаковский А.А.* Кронштадт, 1921. М.: Международный фонд «Демократия», 1997. С. 27–29; *Maximoff G.*, *The Guillotine At Work*, vol. 1. *The Leninist Counter-Revolution*, Chicago: Cienfuegos press, 1979, p. 160. *Aves*, op. cit., p. 139.

¹⁶ Некоторые историки, опираясь на мемуары эсера С.С. Маслова, пишут, что были выведены войска, но они отказались стрелять в рабочих, и в дело вмешалось особое подразделение, которое убило и ранило не-

созвали открытый митинг в Хамовниках, куда пришло 5 тыс. рабочих. Станислав Мессинг, председатель Московской ЧК, сообщал, что в двух из трёх аудиторий, где большинство составляли рабочие других предприятий, были вынесены резолюции, «клеящие забастовщиков позором». В третьей аудитории, почти полностью занятой гознаковцами, Калинин успешно убедил их вернуться к работе.

Неудивительно, что другие фабрики отказались поддерживать работниц Гознака. Их претензии на «ударный» статус подрывали то самое «уравнение продпайков», которого так хотело большинство рабочих. Вероятно, свою роль сыграли и представления о превосходстве мужского труда. Как было показано в первой главе, металлисты считали оправданными дополнительные вознаграждения за их физический труд; но они были менее склонны поддерживать аналогичные доплаты для преимущественно женского контингента, выполняющего более лёгкую работу, какой бы тяжёлой она на самом деле ни была и какими нездоровыми ни были бы условия. Таким образом, не было выдвинуто никакой объединённой стратегии выхода из продовольственного кризиса. С другой стороны, повсеместными были разочарование и беспокойство в связи с вернувшейся угрозой перебоев со снабжением. Агенты ЧК сообщали, что 24 февраля, на следующий день после демонстрации гознаковцев, Москва погрузилась в «бесперывное митингование», включая несколько забастовок. 3 тыс. рабочих склада ВСНХ в Замоскворечье проводили «целый день бесперывные митинги». Митинг железнодорожников, на который имели влияние эсеры, принял резолюцию, порицающую партию за трату времени на дискуссию о профсоюзах. 25 февраля три кожевенных фабрики в Замоскворечье, где, по некоторым данным, были активны меньшевики, после ми-

---

скольких человек. *Aves*, op. cit., p. 139; *Sakwa*, op. cit., pp. 244–245. Доступные ныне архивы, включая переписку Мессинга с Дзержинским, заставляют усомниться в словах Маслова. Инцидент с убийством Кузьменко настолько заинтересовал Мессинга, что тот подробно его описал и позже ещё два раза к нему возвращался. Но он не упомянул о других жертвах. Мессинг упоминал опасные настроения демобилизованных солдат, но не писал о том, что им или каким-то другим отрядам приказали стрелять по толпе, или что те отказывались.

тингов объявили забастовку¹⁷. Мессинг докладывал: «Общий характер движения — экономический, пока с единичными политическими выступлениями».

Волна митингов вряд ли может считаться политическим движением, но она предоставила платформу оппозиционным политическим группам. В депо Рязанско-Уральской железной дороги эсеры Михайлов¹⁸ и Королёв дискутировали с Луначарским перед четырьмя тысячами рабочих и большинством голосов провели антибольшевистскую резолюцию, призывавшую к освобождению политических активистов, свободе печати, независимым профсоюзам, замене комиссаров «представителем народной власти», «изгнанию всех коммунистов из власти» и «созданию коалиционного правительства из всех соц[иалистических] партий /кроме коммунистов/». Этот призыв к устранению большевиков был исключением. Другие политические резолюции призывали к созданию коалиции — например, резолюция завода «Богатырь», требующая единства всех социалистических партий в борьбе с хозяйственной разрухой. На заводах «Сальмсон» и «Манометр» в Бауманском районе большевистские делегаты в местные Советы были отозваны и заменены беспартийным и меньшевиком соответственно. На авторемонтном заводе делегата-большевика обязали поддерживать в Совете резолюции меньшевиков¹⁹. Но это был голос меньшинства. Большинство митингов демонстрировали недовольство, но не активную политическую оппозицию. Например, Луначарский, выступавший перед митингом на заводе «Динамо», докладывал Ленину, что рабочие слушали его «в несколько угрюмом настроении», но «никаких протестов не было»²⁰.

Большевики-диссиденты и беспартийные социалистические тенденции — два течения, важность которых будет

---

¹⁷ РГАСПИ, 17/3/166/3/, 6, опубликовано в: *Наумов и Косаковский*. Указ. соч. С. 29, 34.

¹⁸ Михайлов, лидер рабочих-эсеров, активист со времён Гражданской войны, был арестован в мае 1921 г.

¹⁹ РГАСПИ, см. выше; ЦГАМО, 66/22/64/19; Социалистический вестник. 1921. №4. *Sakwa*, op. cit., p. 245.

²⁰ ЦАГМ, 100/5/84/16; Щербина и др. (ред.) В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М.: Наука, 1971. С. 253–254.

сохраняться — активно участвовали в движении, наряду с антибольшевистскими организациями. Лидер саратовских железнодорожников, инициировавший общегородскую стачку, был бывшим большевиком. В Москве на Гознаке 30 «бывших членов РКП вели массу» и противостояли своим бывшим товарищам на выборах в фабричный комитет. После забастовки бюро фабричной партиячейки долго обсуждало предложение их уволить, но не решилось это сделать, опасаясь, что друзья и родственники уволенных диссидентов развернут агитацию в их защиту²¹. На X съезде Шляпников рассказывал, что на заводах создаются беспартийные группы, которые вытесняют большевиков на выборных должностях: «Сейчас коммунистов из заводских комитетов вышибают. Основа наших союзов — фабрично-заводские комитеты становятся беспартийными»²².

Руководство большевиков встретило стачечное движение во всеоружии. Согласившись с требованиями по снабжению, оно организовало точечные, но жёсткие репрессии против политических оппонентов. 13 февраля, за десять дней до забастовки на Гознаке, московское руководство ЧК и военного ведомства письменно предупредили ЦК, что, если экономическое положение ухудшится, «рабочие неизбежно выйдут из-под влияния РКП» и «даже могут [...] выступить против Советской власти». Не все вожди приняли это так близко к сердцу: 20 февраля на московской губернской партконференции Каменев настаивал на том, что «кризиса в Советском государстве у нас нет, и с самой высокой колокольни кричать об этом на весь мир совершенно незачем»; есть лишь «болезнь» внутри самой партии, которую надо вылечить²³. Но он

²¹ Среди лидеров бывших большевиков на Гознаке был Соловьёв, бывший делегат в местный Совет. Отток членов партии после забастовки не прекратился: 8 марта известный активист ячейки Минюк вышел из партии, заявив: «Я разочаровался [...] мне больно делается смотреть на всё происходящее». ЦАОПИМ, 1099/1/3/5/7–8, 41–45. О Саратове см.: *Raleigh D.J., Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*, Princeton: Princeton University Press, 2002, p. 379.

²² Десятый съезд... С. 389.

²³ РГАСПИ, 17/84/265/1–2, опубликовано в: *Наумов и Косаковский*. Указ. соч. С. 24–25.

был в меньшинстве. 23 февраля, когда в Москве разразился кризис, на совместном заседании ЦК и МК партии был разработан троякий подход. Во-первых, были удвоены усилия, направленные на улучшение снабжения и искоренение самых вопиющих злоупотреблений: для надзора за снабжением Москвы и Петрограда была создана очередная комиссия, на этот раз во главе с Лозовским. Комиссия всеми силами пыталась погасить недовольство на протяжении ближайших недель, а тем временем исключения из принципа «уравнения» вскоре снова начали появляться – например, на Гознаке. К марту работниц вновь перевели на более сытный красноармейский паёк, и его специально исключили из дальнейших сокращений²⁴. Во-вторых, на заседании 23 февраля было постановлено пересмотреть решения о направлении на гражданские работы таких солдат, как красноармейцы из Хамовнических казарм, и при необходимости разогнать их, даже ценой закрытия некоторых заводов. В-третьих, для организации репрессий была создана комиссия в составе Мессинга и членов МК Яковлевой и Исаака Зеленского²⁵; им было приказано «ни в коем случае не арестовывать лиц пролетарского происхождения, связанных [с] предприятиями», и комиссия сосредоточилась на эсеровских, меньшевистских и анархистских активистах. Это соответствовало подходу, принятому ЧК повсеместно²⁶. 3 марта большевистские профсоюзные лидеры снова выразили озабоченность по поводу задержаний оппозиционно настроенных промышленных рабочих. Было заявлено, что все подобные аресты должны быть заранее санкционированы специальной комиссией, состоящей из представителей партии, профсоюза, Совета и ЧК, а всех уже арестованных

---

²⁴ ЦАГМ, 2626/1/70/16–16об.

²⁵ О Зеленском см. Прил. 1.

²⁶ РГАСПИ, 17/2/57/1-2, опубликовано в: *Виноградов В.К., Козлов В.П., Антифеева М.А., Кудрявцев И.И.* (ред.) *Кронштадтская трагедия 1921 года: документы* в двух книгах. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 2. С. 364–365; РГАСПИ, 76/3/167/24, опубликовано в: *Кудрявцев и др.* Указ. соч. Т. 1. С. 105; РГАСПИ, 76/3/166, опубликовано в: *Наумов и Косаковский.* Указ. соч. С. 28–29; *Двинов Б.* *Московский Совет Рабочих Депутатов, 1917–1922: воспоминания.* New York: Inter-university project on the history of the Menshevik movement, 1961, p. 100; Maximoff, op. cit., p. 160.

без такой санкции потребовали освободить²⁷. Это решение, похоже, было мгновенно воплощено в жизнь: двое членов беспартийной группы на АМО, Настасьян и Василий Давыдов, задержанные в два часа ночи того же числа, были немедленно освобождены. 4 марта участники митинга на заводе заявили, что «глубоко возмущены» арестом, который был нарушением неприкосновенности Настасьяна и Давыдова как делегатов Моссовета²⁸.

Москва и Кронштадт

К началу марта транспортный кризис сбавил обороты, и пайки московских рабочих были восстановлены, хотя зачастую и в урезанных объемах. Как обычно, снабжение подмосковных текстильных городков отставало, и в некоторых местах по поводу пайков прошли длительные забастовки: 5 тыс. работниц Глуховской мануфактуры Богородского района бастовали на протяжении пяти дней; 1 тыс. рабочих заводов Белова и Шипкова, расположенных неподалёку — два дня; 4 тыс. работниц Воскресенской мануфактуры в Нарофоминске — шесть дней²⁹. Политическая ситуация накалялась, газеты подтвердили слухи о том, что в Кронштадте матросы подняли восстание, которое было подавлено силой. Но политическая неопределённость, сопровождавшая февральские стачки, продолжалась и в марте. Большинство рабочих, несмотря на раздражение, не переходили в активную оппозицию к большевикам. Лишь небольшая часть была готова солидаризироваться с требованиями более широкой советской демократии, проходившими красной нитью через программу кронштадтских повстанцев³⁰. Колебания большинства были

²⁷ РГАСПИ, 95/1/22/44об.

²⁸ ЦАГМ, 415/16/262/14; 415/16/317/41.

²⁹ ГАРФ, 393/43а/1714/257.

³⁰ Главным программным документом Кронштадта была резолюция, принятая на линкоре «Петропавловск», с которого началось восстание. Она требовала переизбрания Советов тайным голосованием, с предварительной свободной агитацией; свободы слова для рабочих и крестьян, анархистов, левых социалистических партий; свободы собраний, профсоюзов и крестьянских организаций; созыва беспартийной конференции

зафиксированы партийными агитаторами, объезжавшими фабрики: они докладывали, что «рабочие [...] психологически были настроены с большим наклоном к анархизму», но не находились в активной оппозиции. ЧК назвала настроение рабочих «в связи с уменьшением пайки — обострённым», а их отношение к Советской власти — «удовлетворительное, но есть и нарекания и недовольство». Только «менее сознательные» верили «всяким нелепым слухам» о скором падении Советской власти³¹. На промышленных предприятиях большевики опасались, что намеченная «профсоюзная неделя» приведёт к обратным результатам, предоставив платформу для протеста. Руководство московского союза металлистов предупредило, что это мероприятие «может привести к совершенно нежелательным результатам», а фракция большевиков в Московском губернском совете профсоюзов (МГСПС) посоветовала полностью отменить его. Но московское партийное руководство лишь перенесло дату проведения «профсоюзной недели» с середины февраля на конец марта. Сторонники арестованного лидера пекарей-анархо-синдикалистов Павлова воспользовались возможностью, чтобы потребовать его освобождения³². На Рязанско-Уральской железной дороге, где пользовались влиянием эсеры, была проведена непродолжительная стачка, но большевистские лидеры Туляков и Виктор Ногин убедили рабочих вернуться на рабочие места³³.

Пиком прокронштадтских протестов в Москве стало принятие резолюции в поддержку повстанцев рабочими завода Бромлея 25 марта. Партия ответила массовыми увольнениями на заводе; рабочие организовали демонстрации в Замоскво-

---

Петроградской губернии; освобождения политических заключённых; избрания комиссии для пересмотра дел заключённых в тюрьмах и концлагерях; упразднения политотделов. Она требовала «дать полное право действия крестьянам над своей землёю», разрешить свободное кустарное производство и уравнивать пайки. *Наумов и Косаковский*. Указ. соч. С. 50–51; *Avrich*, *op. cit.*, pp. 72–76 and 157–192.

³¹ ГАРФ, 393/43а/1714/257, 259.

³² Правда. 19 января 1921; ГАРФ. 5469/5/29/126; ЦАОПИМ, 3/2/28/37; ЦГАМО, 201/1/266/1; *Щедров С. В.* (ред.) Профсоюзы Москвы: Очерки истории. М.: Политиздат, 1975. С. 146.

³³ ЦАОПИМ, 8654/1/1131/4-5.

речь и вдохновили несколько непродолжительных стачек солидарности. Инициаторами резолюции были левые эсеры и анархисты; бывшие и действующие члены РКП(б) поддерживали инициативу³⁴. На заводе Бромлея работало много недавних мигрантов из близлежащих сельских районов, особенно Можайского, ещё больше было рабочих, у которых там жила родня. На заводе, производившем и ремонтировавшем оборудование для армии во время Гражданской войны, работа продолжалась и в 1920 г. Политическую оппозицию возглавляли левый эсер, рабочий инструментальной мастерской И. Иванов, и анархист Круглов, работавший в цехе сборки дизелей. На митингах выступали лидер левых эсеров О.Л. Чижиков и анархист-универсалист Владимир Бармаш³⁵. Были на заводе и активные беспартийные социалисты. Аникеев, уволенный за участие в акции солидарности с Кронштадтом, припомнил, что один заслуженный активист, «который пользовался колоссальным авторитетом» и обычно «играл роль буфера» между эсерами и большевиками, выступил против правительства по вопросу продразвёрстки. Аникеев вспоминал повторяющийся сценарий трудовых конфликтов на протяжении месяцев, предшествующих марту 1921 г.: в цеху сборки дизелей проводились дискуссии; иногда устраивались короткие стачки, которые распространялись на весь завод; на переговорах с районными или иногда городскими профсоюзными деятелями достигался компромисс; и всё снова успокаивалось. 25 марта оппозиция перешла от экономических требований к политическим: был создан массовый митинг для обсуждения неподтверждённого слуха об аресте рабочего-диссидента Каляева. В принятой

³⁴ ГАРФ, 393/43а/1714/259–259об; 7952/3/95/141; 7952/3/96/14–15; 7952/3/98/1об–4об, 5; ЦАОПИМ, 412/1/5/6–8; ЦГАМО, 66/22/64/30–31; 186/1/585; *Maximoff*, *op. cit.*, p. 185.

³⁵ Чижиков входил в Центральное Организационное Бюро партии левых эсеров; в 1920–1922 гг. совместно со Штейнбергом редактировал журнал этого органа «Знамя»; разрабатывал экономическую политику левых эсеров; делегат Моссовета; арестован в 1923 г. (см. гл. 8). Бармаш был выдающимся интеллектуалом в Московской федерации анархистов и Чёрной гвардии в 1917–1918 гг.; в 1921 – делегат Моссовета; арестован в ноябре 1921 г. во время облавы на анархистские организации (см. гл. 4); вскоре после этого освобождён; вновь арестован в 1929 г.

резолуции участники митинга «чернили грязью РКП и Советскую власть и приветствовали кронштадтских мятежников», по словам агента ЧК. Иванов, выдвинувший резолюцию, посоветовал рабочим сохранять «выжидательное положение». Московское партийное руководство перешло в наступление: на заседании представителей партии, Совета, ЧК, профсоюзов и управленцев металлической отрасли было решено арестовать инициаторов резолюции, а всех рабочих завода — уволить и избирательно принять снова на работу. Постановление о закрытии завода было вывешено на воротах: партия часто отправляла на Бромлей переговорщиков по вопросам пайков и производства, но не имела никакого желания обсуждать с рабочими политические вопросы. Делегация рабочих обратилась в Союз металлистов, который принимал участие в массовом увольнении, но не получила никакого ответа³⁶. На следующий день рабочие прошли по улицам Замоскворечья маршем, призывая присоединиться к ним другие заводы. Более 3 тыс. рабочих, в основном на небольших заводах, провели стачки солидарности, и около тысячи из них присоединились к летучему пикету. Сытинские печатники, известные независимой политической активностью, были заперты руководством внутри типографии, и пикетчики не смогли до них достучаться³⁷. В ближайшие несколько дней после демонстрации большинство рабочих были вновь зачислены на работу. Они не жалели сил, защищая своих политических активистов: устроили две забастовки и два митинга с требованиями освободить арестованных, на протяжении недель скрывали Иванова от розыскных органов ЧК. По вопросам снабжения они тоже сохраняли активную позицию: забастовки снова прошли в мае, июле и августе³⁸.

Поддержав демократические требования кронштадтских мятежников, бромлейские рабочие раскололи заводскую ячейку большевиков на две половины. Заводской комитет, в котором преобладали большевики, выступал против массового

³⁶ ЦГАМО, 186/1/585/9; ГАРФ, 5469/5/29/131.

³⁷ ГАРФ, 7952/3/98/30об.

³⁸ ЦАОПИМ, 412/1/5/19; Социалистический вестник. 1922. №9. С. 12.

увольнения. Секретарь ячейки Е.Н. Сашилин вспоминал, что увольнение поддержало «очень мало» партийцев. По меньшей мере, один коммунист участвовал в демонстрации рабочих и выступал в поддержку их требований; ещё один, Колядов, был исключён из ячейки за выражение несогласия «в открытом выступлении». Есть и другие примеры подобной поддержки кронштадтских повстанцев рядовыми большевиками: в самом Кронштадте, по оценкам Троцкого и Смилги, 30% членов партии поддерживали восстание, а 40% сохраняли нейтралитет³⁹. И хотя в Москве большинство партийцев однозначно поддерживали действия против кронштадтцев, непокорное меньшинство могло бы с лёгкостью нарушить этот баланс. В конце марта на заводе «Каучук» партиец-диссидент Виктор на митинге выступил в поддержку рабочего движения и предложил принять резолюцию (что характерно, от имени «беспартийных») «самого анархического характера». Ячейка решила его исключить, но была вынуждена отметить, что другие коммунисты проявили «недостаточно серьезное отношение» к резолюции Викторова, «не осудив и не отвергнув её в категорической форме»⁴⁰. В парторганизации Хамовнического подрайона №3, где одной из крупнейших была ячейка «Каучука», неопределённость настроений была озвучена районным партийным деятелем Сазоновым, который был в отчаянии по поводу решения об отходе от форсированной экономической политики, но в то же время признавал оправданность призывов к более широкой советской демократии⁴¹. На подрайонном заседании 19 марта он сказал, что с переходом на продналог «у нас уходит коммунистическая почва под ногами. Мы сделали прыжок, и крутой, в пропасть. [...] я не знаю, как это все объяснить рабочим». Такие уступки — это дорога «на поклон мировому капиталу», добавил Сазонов. Неделю спустя, на следующем заседании парторганизации, была полностью зачитана платформа кронштадтских повстанцев — это было неявное признание ее обоснованности. После прочтения Сазонов выдвинул стандартные большевистские аргументы:

³⁹ Десятый съезд... С. 253; *Avrich*, op. cit., pp. 69, 183–186.

⁴⁰ ЦАОПИМ, 475/1/2/3–5, 33–34.

⁴¹ ЦАОПИМ, 88/1/65/6–6об.

кронштадтский гарнизон наводнён крестьянскими элементами, лидеры являются контрреволюционерами и т.д. — но добавил: «Есть пункты, против которых возражать нельзя, как перевыборы Совета, беспартийные конференции и пр. и пр.»⁴². Колебания Сазонова, впрочем, не спасли диссидента Викторова: комиссия в составе Сазонова, Анны Каспирович⁴³ и Тимофея Емельянова порекомендовала ячейке «Каучука» исключить Викторова из партии и уволить с работы.

Некоторые историки смешивают февральскую стачечную волну с Кронштадтским мятежом, представляя всё вместе как революционное восстание. Орlando Файджес предполагает, что «большевики столкнулись с революционной ситуацией. [...] Если предыдущие забастовки были инструментом торга с правящим режимом, то стачки 1921 г. были последней отчаянной попыткой его свергнуть». Ричард Пайпс признаёт, что политические цели кронштадтцев необязательно разделяли забастовщики в других местах, но, подобно Файджесу, проводит преувеличенные параллели с началом Февральской революции 1917 г. Пайпс пишет, что Ленин, столкнувшись с сопротивлением рабочих, «отреагировал в точности так же, как ранее — Николай II» и «обратился к военным», но если Николай «вскоре сдался», то Ленин был готов «зайти как угодно далеко ради того, чтоб остаться при власти»⁴⁴. Безусловно, нарастание недовольства среди рабочего класса на фоне повсеместных крестьянских бунтов в начале 1921 г. выглядело угрожающе для большевиков. Но очевидны и яркие отличия от февраля 1917 г.: а) участники этих движений объединились не с целью свержения правительства, да и вообще не были уверены, что его нужно свергать; б) правительство не было настолько парализовано, чтобы быть не в состоянии пойти на изменение

⁴² ЦАОПИМ, 88/1/65/3.

⁴³ Каспирович (1896-?) начала работать на заводе «Каучук» в Риге в 14 лет; вместе с заводом переехала в Москву; в 1917 г. вступила в партию большевиков и стала секретарём ячейки, сохраняя за собой эту должность и далее, с небольшими перерывами в конце 1920-х гг.; в 1923 г. поддерживала оппозицию.

⁴⁴ *Figes O. A People's Tragedy: the Russian Revolution 1891–1924*, London: Jonathan Cape, 1996, pp. 758–759; *Pipes R. Russia Under the Bolshevik Regime*, London: Harvill, 1994, p. 380.

политики (НЭП) и тем самым обеспечить себе выживание. Без этих составных частей констатация «революционной ситуации» выглядит, по меньшей мере, сомнительной.

В Москве имели место разрозненные проявления гнева по поводу наступления на демократию, но не было никакого организованного выдвижения требований реформы советской системы. В середине марта были стачки текстильщиц, упомянутые выше, а в середине апреля — несколько коротких забастовок в самой Москве. Но наблюдавшие за этими забастовками агенты ЧК, сверхчувствительные к каким-либо проявлениям политизации, настаивали, что забастовщиков волновали только задержки или недостаточный размер пайков. В Петрограде стачки были более длительные, чем в Москве, в них принимало участие больше рабочих, особенно на протяжении трёх недель, начиная с 14 февраля. Петроградские рабочие, кроме того, являлись более отчётливой политической угрозой, чем московские: помимо требований «уравнения продпайков» и отмены продразвёрстки, некоторые крупные предприятия призывали провести свободные выборы Советов тайным голосованием и дать политические права другим социалистическим партиям⁴⁵. В Саратове, по описанию Дональда Рэли, в первые дни марта рабочие избрали народную ассамблею, свободную от контроля большевиков, которая потребовала перевыборов Совета, освобождения политзаключённых, независимых профсоюзов и свободы слова, печати и собраний. Эти события сопровождались «почти всеобщей» общегородской забастовкой, подавить которую удалось только сотнями арестов⁴⁶. Но даже эти движения, более последовательные, чем московские стачки, не являлись организованным вызовом правительству, и хотя они разворачивались почти одновременно, но были, очевидно, нескоординированы. Действительно, когда началось Кронштадтское восстание, через несколько дней после того, как петроградское

---

⁴⁵ Яров С.В. Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб.: «Дмитрий Буланин». 1999. С. 63–78; McAuley M., Bread and Justice: State and Society in Petrograd 1917–1922, Oxford: Clarendon, 1991, pp. 403–411.

⁴⁶ Raleigh, *op. cit.*, pp. 387–389.

и московские стачечные движения пошли на спад, в обеих столицах кронштадтцы не нашли практически никакой активной поддержки. Это привело в смятение кронштадтских матросов, отмечает Мэри Маколи, и, по словам Сергея Ярова, очень явно продемонстрировало политическую слабость рабочего движения. Неготовность рабочих двух столиц действием поддержать Кронштадт спасла правительство большевиков. В Москве многие рабочие сочувствовали требованиям кронштадтцев, но не ощущали себя частью всероссийского политического восстания. Они аплодировали ораторам, выступавшим в поддержку Кронштадта на митингах, но эти настроения не перерастали в действия. Даже на заводе Бромлея дело не зашло дальше принятия резолюции; демонстрация была уже ответом на массовое увольнение. В Петрограде, как и в Москве, это движение было остановлено путём одновременного применения репрессий и уступок⁴⁷.

Кое в чём стачечное движение было политическим, но оно не было политически единым. Анархо-синдикалистский лидер Григорий Максимов⁴⁸ утверждал, что оно добивалось «изменения политики правительства, прекращения преследований и террора, восстановления свободы и свободных выборов в Советы»⁴⁹. Но в Москве эти темы поднимались в единичных случаях. Главные лозунги Кронштадта и Петрограда — за советскую демократию и политические права для небольшевистских партий — подразумевали вызов большевистской форме правления. Но многие рабочие надеялись достичь этих изменений посредством договорённости между большевиками, другими социалистическими партиями и рабочими организациями. В Москве одни только рабочие Рязанско—Уральской железной дороги призывали вообще устранить большевиков. Намного больше распространены были надежды на компромисс между рабочими партиями. Собрание металлистов, озвучившее наи-

---

⁴⁷ Яров. Указ. соч. С. 78; McAuley, *op. cit.*, p. 410.

⁴⁸ Максимов (1893—1950) присоединился к революционному движению в 1915 г., будучи студентом, и всю оставшуюся жизнь был анархо-синдикалистским организатором и публицистом; в 1925 г. эмигрировал через Париж в Чикаго.

⁴⁹ *Maximoff*, *op. cit.*, p. 160.

более отчётливое предупреждение правительству по поводу продрозвёрстки и нормирования, давало слово ораторам, требовавшим политических свобод и демократической реформы Советов. Но оно не приняло по этим вопросам таких резолюций, которые были приняты в Кронштадте. В Москве порыв к возрождению советской демократии был направлен не в сторону вооружённого восстания, а в сторону избирательных методов (участие в апрельско-майской кампании выборов в Советы) и переговоров с большевиками. Это также не позволяет интерпретировать весенние события как «революционную ситуацию».

Десятый съезд

X съезд партии — открывшийся 8 марта, когда большинство рабочих протестов уже стихло, а в Кронштадт направлялись особые подразделения — всеми течениями внутри большевизма рассматривался как ключевой поворотный пункт. Троцкий значительно позже написал, что он «завершает особую героическую историю большевизма и готовит его бюрократическое вырождение»⁵⁰. На съезде были приняты два главных решения: замена продрозвёрстки продналогом, которая стала началом движения к НЭПу, и запрещение внутрипартийных фракций, подтвердившее курс на авторитарное политическое правление. Но последнее решение — принятое после рекордно короткого обсуждения, на закрытом заседании, проведённом, когда многие делегаты уже покинули съезд, — само по себе не являлось крутым разворотом в жизни партии, которым запомнился съезд. Это была часть более широкого поворота, очевидного в большой дискуссии о «партийном строительстве»: от демократизма, под знаком которого прошла IX партконференция в сентябре 1920 г., к требованиям усиления централизма после Гражданской войны. Этот поворот обернулся поражением децистов и их федералистского видения ограниченной советской демократии и укрепил позиции тех, кто отождествлял

⁵⁰ Троцкий Л.Д. Фракции и Четвертый Интернационал // Фельштинский Ю.Г. (ред.-сост.) Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах. Т. 8 // http://lib.ru/TROCKIJ/Arhiv_Trotskogo_t8.txt

социализм с сильным государством, управляемым обширным централизованным аппаратом. Помехи для возникновения партийной элиты исчезли.

Доклад Бухарина о «партийном строительстве» ясно показал отход руководства от демократических лозунгов, провозглашённых под давлением рядовых партийцев на IX конференции. «Самым опасным» в контексте кронштадтских событий является не выступление контрреволюционного генерала Козловского, заявлял Бухарин, а забастовки в Петрограде и резолюции рабочих с призывами к свободной торговле. В ответ на это партия должна сомкнуть ряды, стать «единой партией, с единой психологией и единой идеологией». Во время Гражданской войны партия «разбилась на различные части, с различными психологиями, с различными уклонами»; теперь эти расколы должны прекратиться, заявил вчерашний лидер левых коммунистов. Партия должна «снова и снова поворачивать [...] в сторону большей централизации и милитаризации нашего аппарата». Предложения децистов по партийной демократии — которые были включены в тексты резолюций предыдущих съездов и, говоря формально, отражали политику партии — Бухарин назвал неприемлемым выражением «форм чуть ли не эсеровского трудовластия»⁵¹.

Призыв Бухарина к «большей централизации и милитаризации нашего аппарата» лишал смысла отсылки к внутрипартийной демократии и равенству, записанные в проекте резолюции ЦК. Вероятно, эти отсылки были подачкой децистам и другим оппозиционерам, тогда как практические меры, которые ЦК проталкивал на съезде, были выдержаны в духе

---

⁵¹ Отход ЦК от позиций 1920 г. начался перед кронштадтскими событиями. Его проект резолюции X партсъезда по «партийному строительству», в отличие от проекта децистов, не содержал ссылок на решения предыдущих съездов. Он утверждал, что бюрократизация является отрицательным последствием милитаризации и никоим образом не вызвана провалом попыток борьбы с нею, предпринимавшихся партией. Повторяя, что необходима более широкая внутрипартийная демократия, ЦК подчёркивал, что главной задачей является не борьба с бюрократизмом или неравенством, а борьба с политической несознательностью членов партии, то есть «поднятие уровня членов партии с одновременным привлечением их к активному участию в общепартийной жизни». Резолюция была принята. См. Десятый съезд... С. 217–231, 559–571.

требований, выдвинутых группой из сорока делегатов, известных централизаторов, лоббировавших с другой стороны. Эту группу возглавляли Ивар Смилга, начальник политического управления Реввоенсовета, который после съезда был назначен заместителем руководителя ВСНХ, и Карл Данишевский, секретарь Сибирского бюро ЦК РКП(б)⁵². Они утверждали, что озвучивают «голос окраины», где Советская власть не закрепились надёжно. Эта группа выступала против решений IX конференции, заявляя, что они невыполнимы, и призывала убрать из резолюции X съезда демократические лозунги, принятые на конференции. По поводу публичных выступлений оппозиций было сказано: «Дальше мы этого ни в коем случае терпеть не можем». Бухаринскую «либерально-розоватую» политику потворства оппозиционерам нужно прекратить, заявил Смилга на съезде. Проведя, по выражению представителя децистов Владимира Максимовского, «полицейский анализ», Смилга предложил полностью упразднить принцип выборности, который оппозиционеры стремились расширить. Он повёл лобовую атаку против тех, кто критиковал «верхи», и потребовал положить конец «недопустимому» отношению низов к членам партии, которые работают комиссарами и занимают другие официальные должности. В контексте последующих острых конфликтов между промышленными управленцами-коммунистами и членами заводских ячеек, описанных в седьмой главе, важно отметить, что Смилга призвал выбросить из резолюции съезда абзац, дававший заводским ячейкам право оспаривать решения, принятые коммунистами-администраторами. Позиции, занимаемые сторонниками Смилги, демонстрируют стиль мышления особенно авторитарной части партийной элиты. Мурахин уверял, что «так называемая фракционность» партийных диссидентов приводит только к кронштадтам, а Машатов призвал съезд, «чтобы он дал последний подзатыльник всем этим полемистам»⁵³. Максимовский, выступая после Бухарина с

⁵² О Данишевском см. Прил. 1.

⁵³ Десятый съезд... С. 252–261, 301–303, 306–309; *Смилга И.* На пороге: заметки к X-му съезду партии. М.: Гос. издательство, 1921. С. 6–7, 14–25; *Олех Г.Л.* Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск: Изд. Новосибирского университета, 1992. С. 62.

децистским контрдокладом, предупредил, что для расширения демократии и свёртывания бюрократизации партия должна «преодолеть это сопротивление [со стороны] заядлых бюрократов», как военных, так и гражданских, в своих собственных рядах. Московский децист Рафаил назвал Смилгу «наиболее ярким и типичным представителем этого бюрократизма в части нашей партии»; таким образом, «самым главным» на съезде был доклад Смилги. Когда Ленин выдвинул резолюцию, которая запрещала фракции, уполномочивала ЦК наказывать партийцев, участвующих во фракционной деятельности, и называла оппозиционные движения «анархо-синдикалистским уклоном», он осуществлял на практике именно такую авторитарную централизацию, за которую ратовал Смилга⁵⁴.

---

⁵⁴ Десятый съезд... С. 251–252, 274–275; *Daniels R.V. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960, pp. 150–152.

Глава 4.

НЭП И БЕСПАРТИЙНОСТЬ: РАБОЧИЕ В 1921 Г.

Окончание Гражданской войны, отход от политики продразвёрстки и возобновление легальной торговли с деревней проложили путь к экономическому оживлению. Сразу после X партсъезда закрытые ранее заводы начали открываться, а уровень промышленного производства — восстанавливаться. Стремясь к мирному строительству, партия реформировала и свои политические отношения с рабочим классом. Был выработан общественный договор, согласно которому рабочие должны соблюдать дисциплину и повышать производительность труда, а реальную власть уступить партии. Та, в свою очередь, обязывалась обеспечить последовательное повышение уровня жизни. Это требовало пересмотра политики — как в широком смысле (общественной, государственной), так и на уровне предприятия и рабочего места. На уровне общественной и государственной политики участие масс в процессе принятия решений подлежало жестким ограничениям, а это ограниченное участие должно было подаваться под видом власти рабочего класса. Стремление к коллективной, партисипаторной демократии, доминировавшее в 1917 г., было забыто, а функции площадок для политической активности рабочего класса — Советов и профсоюзов — были сведены к простому выполнению принятых кем-то решений. В то же время рабочих поощряли к участию в публичных демонстрациях поддержки нового строя; многие действительно поддерживали большевиков как альтернативу дореволюционному режиму. Но политически активные рабочие, не принимавшие этот общественный договор (такие как беспартийная группа в Моссовете, о которой см. ниже), были маргинализированы. Тех, кто активно сопротивлялся, включая оппозиционеров-социалистов, анархистов и

диссидентов-большевиков, заставили замолчать при помощи репрессий¹.

На предприятиях была выработана новая система трудовых отношений. Эксперименты с принудительным трудом и милитаризацией, практиковавшиеся во время Гражданской войны, остались в прошлом. Но плоды труда рабочих оставались в распоряжении государства; ярлык «рабочего государства» маскировал отчуждённый характер этого труда. Это «рабочее государство» навязывало трудовую дисциплину при помощи партии, профсоюзных деятелей и заводских руководителей, подчиненных ему; для повышения производительности широко использовалось материальное поощрение; остаточные стремления к участию рабочих в управлении были подавлены; а уделом «рабочей демократии» стало решение второстепенных вопросов. Управленцам-промышленникам, несмотря на серьёзные трения между ними и другими партийными группами, предоставили политическую и институциональную поддержку. Большинство рабочих принимали и до некоторой степени даже приветствовали новый порядок, позволявший надеяться на повышение уровня жизни. Комбинация навязанной государством трудовой дисциплины и политической проповеди, лежавшая в основе общественного договора, была шагом в сторону зрелого сталинизма, полагавшегося, по словам Майкла Буравого, на «использование «внеэкономического» принуждения для воспроизведения отношений в производстве и отношений эксплуатации»; примечательна эта система тем, что «государственные политические органы непосредственно занимаются регулированием производства»².

¹ Линда Кук и другие использовали термин «общественный договор» в контексте брежневского периода, описывая соглашение, по которому «за всеобъемлющее социальное и экономическое обеспечение советские рабочие платили режиму политической лояльностью и пассивностью». Между этим соглашением и договором середины 1920-х есть поверхностное сходство, но различия (в классовом составе советского общества этих периодов, социального и политического баланса сил и т.д.) более значительны, чем сходства. Поэтому я не провожу никаких сравнений. См.: Cook L., 'Brezhnev's "social contract" and Gorbachev's reforms', *Soviet Studies* 44: 1, 1992: 37–56.

² Буравой утверждает, что «приспособление партийных и профсоюзных структур для выполнения управленческих функций», которое он наблюдал в Венгрии и СССР в послевоенный период, «характеризует по-

Подчинённое положение, в которое партия поставила рабочий класс, отразилось в изменении значения слова «самодеятельность». В 1917 г. оно означало творческую политическую деятельность рабочего класса в рамках массовых организаций и на предприятиях. В первые послереволюционные годы левые критики большевиков поднимали это слово на шит, подразумевая принцип, от которого отказалась партия. В 1918 г. польский социалист-рабочист Ян Махайский жаловался, что «самоуправление, самодеятельность, выборное и федеративное начало признаются очень часто нежелательными, вызывающими всеобщую неразбериху и заменяются своею противоположностью — принципом диктаторским». Лидер децистов Тимофей Сапронов, возмущаясь доминированием исполнительных комитетов над Советами и преобладанием единоличного управления над коллегиальностью, на IX партсъезде в марте 1920 г. заявил: «Тогда зачем говорить о диктатуре пролетариата, о самодеятельности рабочих — никакой самодеятельности нет!»³. Но в терминологии самой партии значение слова «самодеятельность» было сужено до добровольного участия рабочих в выполнении задач, связанных с развитием экономики — задач, в постановке которых рабочие не играли никакой роли. Такой смысл предполагался в резолюции о профсоюзной

литику бюрократического деспотизма», в отличие от «рыночного деспотизма» капитализма. См.: *Burawoy M.*, *The Politics of Production: Factory Regimes Under Capitalism and Socialism*, London: Verso, 1985, p. 181. О рабочих отношениях при НЭПе см. *Filtzer D.* *Soviet Workers and Stalinist Industrialization: the Formation of Modern Soviet Production Relations 1928–1941*, London: Pluto, 1986, pp. 15–29. Некоторые историки описывают эти отношения в терминах «трудовой мотивации» — напр. *Маркевич А., А.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М.: РОССПЭН, 2005; *Chase W.J.*, *Workers, Society and the Soviet State: Labour and Life in Moscow 1918–1929*, Urbana: University of Illinois Press, 1990, pp. 35–38 and pp. 214–255; а также несколько статей в: *Бузалин А.В., Чураков Д.О., Шульце П.* (ред.) *Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. М.: «Экономическая демократия», 2001.*

³ *Махайский Ян.* Умственный рабочий. Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1968. С. 401; Девятый съезд РКП(б): стенографический отчет. М.: Гос. изд. полит. литературы, 1960. С. 52.

работе, принятой на X съезде⁴. «Разруха была побеждена [...] путем энергичной самодеятельности рабочих», — утверждалось в одной из партийных газет. Другая газета провозглашала идеальным примером самодеятельности решение машиностроителей Подольска массово отправиться в лес на рубку дров для возобновления работы котлов⁵. В этом смысле партия не только указывает путь, но и предписывает организационные формы. Новый общественный договор ещё сильнее изменил значение слова «самодеятельность». Джеймс фон Гелдерн в своём исследовании официальных большевистских торжеств отметил, что самодеятельность стала «противоречивым понятием», потому что от рабочих добивались участия в демонстрациях поддержки правительства, но при этом принимались меры для «ограничения инициативы масс». Самодеятельность стала бюрократической пародией, когда профсоюзный лидер Мельничанский в 1922 г. объявил, что для её осуществления всероссийская федерация профсоюзов должна предоставить региональным исполнительным органам «право работать как самостоятельное правление [...] с правом иметь свою печать [?!], издавать свою газету, иметь свою кассу, свои бланки», а те — передать это право районным органам⁶. Когда за «самодеятельностью» закрепилось это противоположное значение, деятельность рабочих, противоречившую партийной линии, стали описывать наречием «самовольно» — например, когда речь зашла о собрании, устроенном ткачихами Орехово-Зуева в ответ на объявление, что их коллектив в одностороннем порядке исключён из профсоюза⁷.

Общественный договор начал оформляться частично как реакция на всплеск политической активности беспартийных

⁴ Десятый съезд РКП(б): стенографический отчет. М.: Гос. изд. полит. литературы, 1963. С. 664.

⁵ Правда. 6 февраля 1921; Коммунистический труд. 6 марта 1921.

⁶ МГСПС. Отчет о деятельности Московского губпрофсовета 1921—22. М., 1922. С. 9; ЦАОПИМ, ф.3 оп.3 д.5, лл. 51—52; Geldern, J. Von, *Bolshevik Festivals, 1917—1920*, Berkeley: University of California Press, 1993, p. 209.

⁷ ЦАОПИМ, 3/3/34/225об. Собрание, которое были вынуждены созвать без санкции профсоюза, только что массово исключившего рабочих, в докладе ЧК было названо «самовольно устроенным». Об этой забастовке см. гл. 6.

рабочих после X съезда партии (этот всплеск будет основной темой данной главы). На выборах в Советы в апреле—мае 1921 г. беспартийные группы успешно выступили против большевиков, получив мандаты от большинства крупных предприятий Москвы. Нижеследующее рассмотрение заставляет поставить под сомнение предположения некоторых историков, будто беспартийные кандидаты являлись, как правило, бывшими (или действующими, но подпольными) меньшевиками и эсерами; описывается значительно более широкая политическая база, на которую опирались беспартийные группы. Предложения сотрудничества, выдвигавшиеся беспартийными группами, были отвергнуты большевиками, которые таким образом отсекали возможность оживить партисипаторную демократию, начавшую развиваться в 1917 г. Всё это, вместе с возобновлением репрессий против эсеров, меньшевиков и анархистов, а также использованием ЧК против диссидентов-большевиков, вышедших из партии в начале 1921 г., было равносильно решительному отказу от альтернатив однопартийному правлению. Это сужение политического пространства для рабочего движения происходило на фоне первых шагов экономического восстановления, о котором мы поговорим в последнем разделе этой главы.

Беспартийность

Группы рабочих, называвших себя в 1921 г. беспартийными, состояли из рабочистов и других людей, поддержавших большевиков в октябре 1917 г. (некоторые из них принципиально сторонились партийной политики); бывших большевиков; а также рабочих, смутно сочувствовавших меньшевикам и эсерам. Термины «беспартийный» и «беспартийность» будут здесь использоваться именно в этом смысле. Значения этих слов претерпели некоторые изменения во время революции и после неё. Некоторые историки отмечают важность фундаментального стремления к единству, которое в 1917 г. испытывали рабочие, впервые вступающие в политическую борьбу; это стремление было предтечей беспартийности. Оно преобладало в рабочих антимонархических выступлениях и, вероятно, достигло своего пика во время Февральской революции. В период между мартом

и ноябрём 1917 г. выборы в Советы перешли от своей первоначальной формы — прямого непосредственного голосования в рабочих, солдатских и крестьянских органах — к системе конкурирующих партийных списков. Израэль Гетцлер пришёл к выводу, что партийный принцип «вытеснял и ослаблял партиципаторную демократию рядовых рабочих и солдат». С другой стороны, Тимоти Макдэниел утверждает, что «неразрешённое противоречие между единством и партийностью» коренилось в двух базовых обстоятельствах, определявших рабочее движение: его потребности в солидарности и политическом руководстве. В незначительном меньшинстве Советов, например в Гельсингфорсе, беспартийный принцип проявлялся в запрете голосования по партийным спискам. Но так или иначе, по мере распространения партийности (в крупных городах быстрее, чем в провинции, и среди рабочих быстрее, чем среди солдат) росло и то, что Гетцлер назвал «сознательно беспартийной фракцией»⁸. В Кронштадтском совете, одном из наиболее политически развитых, беспартийные были крупнейшей из фракций, активных в период «Кронштадтской республики» в мае 1917 г., а после выборов в августе они разделили первенство с большевиками. Немного позже они объявили себя эсерами-максималистами. В Москве 1917 г. стремление к единству и непонимание разницы между партиями способствовали тому, что до лета в Совете вообще не было партийно-фракционной системы. Даже после того, как эту систему приняли в июне, а июльский кризис чётко проявил различие между партиями, беспартийность никуда не исчезла. Дайан Кёнкер, например, указывает, что объём пожертвований в Муниципальный фонд (политический фонд, равный доступ к которому имели все рабочие партии) в августе—сентябре по-прежнему в разы превышал пожертвования отдельным партиям⁹. Сказывалось и

⁸ Грунт А.Я. Москва 1917-й. Революция и контрреволюция. М.: «Наука», 1976. С. 226; Getzler I., 'Soviets as Agents of Democratization', in E.R. Frankel, J. Frankel and B. Knei-Paz (eds.), *Revolution in Russia: Reassessments of 1917*, Cambridge: Cambridge University Press, 1992, pp. 17--33; McDaniel T., *Autocracy, Capitalism and Revolution in Russia*, Berkeley: University of California Press, 1988, pp. 373--377.

⁹ Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917-м году. Л.: Лениздат, 1973. С. 364--370; Жуков А.Ф. Идеино-политический

влияние традиций крестьянской самоорганизации. Николай Михайлов утверждает, что в дореволюционный период создание Советов уполномоченных на заводах было, по сути, продолжением форм, истоки которых находятся в крестьянской общине. В 1921 г. на заводе «Богатырь», где сильны были беспартийные настроения, такой Совет был избран для надзора за работой заводского комитета¹⁰.

Осенью—зимой 1917 г. обстоятельства, породившие среди рабочих огромную волну поддержки большевиков — утрата рабочими доверия к Временному правительству, Корниловский мятеж и раскол в партии эсеров — подорвали также и ключевое допущение беспартийных о вторичности различий между рабочими партиями. Многие рабочие, ранее бывшие беспартийными или поддерживавшие меньшевистско-эсеровский блок, в октябре—ноябре начали разделять установки большевиков относительно советской власти. Тем не менее беспартийность в новой форме проявилась в первом же значительном рабочем движении уже при правительстве большевиков — во время волнений, вызванных перебоями с продовольствием в Петрограде весной 1918 г. Протесты начались с создания Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда, а окончились расстрелом бастующих в Колпино и арестами социалистов-оппозиционеров. Сергей Яров полагает, что политически эти протесты были связаны, с одной стороны, с разочарованием в Советах, которые более не были репрезентативными, а с другой — с «усилением «беспартийных» настроений, обычных для рабочей среды, но именно к весне 1918 г. приобретших отчётливую антибольшевистскую окраску». Меньшевики и эсеры, многие из которых вышли из Советов в конце 1917 г., а некоторые теперь подвергались

крах эсеровского максимализма. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1979. С. 48—49; *Getzler I.* Kronstadt 1917—1921: The Fate of a Soviet Democracy, Cambridge: Cambridge University Press, 1983, pp. 37—38, 55—56, 66 and 134—421 ; *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution, Princeton: Princeton University Press, 1981, pp. 189—192 and 290—291.

¹⁰ ЦАГМ, 337/2/39; *Mikhailov N.V.* 'The Collective Psychology of Russian Workers and Workplace Self-Organization in the Early Twentieth Century', in *M. Melancon and A.K. Pate* (eds.) *New Labor History: Worker Identity and Experience in Russia, 1840—1918*, Bloomington: Slavica, 2002, pp. 77—93.

репрессиям, стремились заручиться влиянием на несоветские рабочие органы, такие как Чрезвычайное собрание, и это ставит нас перед вопросом, который снова возникнет уже в 1921 г.: являлся ли ярлык «беспартийности» всего лишь прикрытием деятельности оппозиционеров-социалистов? Яров считает, что инициатива принадлежала меньшевикам и эсерам, они встречали «живейшее сочувствие» среди других рабочих. Владимир Бровкин пишет, что это движение выражало не столько сочувствие эсерам и меньшевикам, сколько «горькое разочарование» в надеждах, порождённых большевистским переворотом¹¹.

В петроградских протестных движениях участвовала «беспартийная» группа, называвшаяся Единой рабочей партией. Эта группа, возглавляемая двумя рабочими-путиловцами, занимавшими руководящие посты в Чрезвычайном собрании — Николаем Глебовым и Александром Розенштейном¹² — стремилась к освобождению от «гнёта партийности». На первом заседании Чрезвычайного собрания Глебов, процитировав

---

¹¹ Яров С.В. Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. С. 24; *Brovkin V.N.*, *The Mensheviks After October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship*, London: Cornell University Press, 1987, pp. 165–166. См. также: *McAuley M.* *Bread and Justice: State and Society in Petrograd 1917–1922*, Oxford: Clarendon, 1991, pp. 94–99; *Mandel D.*, *The Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power: from the July Days 1917 to July 1918*, London: Macmillan, 1984, pp. 379–383 and 390–413; *Rosenberg W.G.*, ‘Russian Labor and Bolshevik Power After October’, *Slavic Review* 44: 2, 1985, pp. 213–238, а также полемику с Моше Левиным и Владимиром Бровкиным, *ibid.*, pp. 239–256. Документы в: *Черняев Ю., Макаров Е.И.* (ред.) *Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929: экономические конфликты и политический протест*. СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. С. 55–113.

¹² Глебов, металлист, вступивший в РСДРП в 1901 г., был делегатом Санкт-Петербургского совета в 1905 г. и сотрудником Г. Плеханова в изгнании с 1906 г. Он вернулся в Петроград после Февральской революции 1917 г. и поступил на Путиловский завод. В большевистскую партию вступил в 1920 г. и оставался в её рядах до своей гибели во время чисток. Розенштейн, член Путиловского заводского комитета, в середине 1917 г. входивший в меньшевистскую фракцию Петроградского совета, был арестован в 1918 г. своим братом Михаилом Розенштейном, большевиком-путиловцем. См. *Черняев В.Ю., Макаров Е.И.* (ред.) *Питерские рабочие...* С. 66, 71.

афоризм из Устава I Интернационала о том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих», атаковал как большевистских, так и меньшевистских партийных бюрократов. На Путиловском заводе беспартийные заявления появлялись в резолюциях, написанных в поддержку советской власти; на Обуховском заводе, где также действовала группа Глебова, беспартийность была привязана к требованиям созыва Учредительного собрания. Резолюция, составленная Глебовым и принятая на массовом собрании путиловских рабочих на пике забастовочной волны 1919 г., требовала (расплывчато, без упоминания организационных форм) «создания единого социалистического фронта и привлечения к социалистическому строительству всей трудоспособной революционной демократии»¹³.

Петроградские движения также поспособствовали появлению в арсенале большевиков одного из самых эффективных способов медиации их отношений с рабочими — беспартийных конференций. Впервые, в начале 1918 г., подобные встречи созывались оппозиционерами-социалистами, но вскоре эту практику переняли большевики¹⁴. Во время Гражданской войны такие конференции иногда превращались в театр военных действий между большевиками и рабоче-крестьянскими группами, пытавшимися вновь закрепить за собой титул «беспартийных» — например, выдвигая своих кандидатов в президиум против кандидатов от большевиков¹⁵. После 1921 г., когда политическое пространство, остававшееся в распоряжении рабочих, стало сужаться, оппозиционным социалистическим партиям затыкали рот, а организованное движение беспартийных пошло на спад,

---

¹³ *Бернштам М.С.* Народное сопротивление коммунизму в России: независимое рабочее движение в 1918 году. Париж: YMCA Press, 1981; *Черняев и др.* (ред.). Указ. соч. С. 113–115; *Яров.* Указ соч. С. 28–29, 38–39; *Brovkin*, *op. cit.*, p. 167.

¹⁴ *Яров.* Указ. соч. С. 24.

¹⁵ *Helgesen M.M.*, The Origins of the Party-State Monolith in Soviet Russia: Relations Between the Soviets and Party Committees in the Central Provinces, October 1917 – March 1921 (PhD diss., State University of New York at Stony Brook, 1980), pp. 370–374; *Baker M.* 'Establishing Soviet Power in the Countryside: Kharkov Province 1918-21' (paper presented at the AAASS convention, Boston, December 2004).

характер этих собраний тоже изменился. Их созыв стал рутинным заданием для партячеек на предприятиях, и они стали пассивным инструментом для озвучивания взглядов беспартийных рабочих. Значение самого термина «беспартийность» снова изменилось: в соответствии с позицией большевиков, рассматривавших свою политическую силу как единственную легитимную просоветскую партию, все рабочие, не входящие в РКП(б), считались беспартийными.

Выборы в Советы

В 1918–1920 гг. наступления на советскую (в том числе, закрытие тех Советов, где большинство принадлежало оппозиционным партиям, аресты делегатов)¹⁶ и рабочую демократию (ограничения полномочий фабзавкомов и замена коллегиального управления единоличным)¹⁷ обычно объяснялись или оправдывались военным положением. И социалисты-небольшевики, и многие большевики надеялись, что движение в сторону диктатуры прекратится после Гражданской войны. Момент истины наступил весной 1921 г. на выборах в Советы и другие рабочие организации. На первый план вышли беспартийные кандидаты, бросившие новый вызов гегемонии большевиков. Их прекрасный результат на выборах в Москве, о котором будет подробнее рассказано далее, соответствовал тенденциям, проявившимся по всей стране. В Петрограде беспартийное собрание, созданное по инициативе большевиков, превратилось в место баталий между партией,

¹⁶ В июне 1918 г. ЦИК, в котором большинство было у большевиков, исключил из своего состава всех делегатов-меньшевиков и правых эсеров и отдал местным Советам указание поступить аналогично. В июле 1918 г., после того как левые эсеры предприняли попытку восстания, большинство представителей этой партии были исключены из Советов. Уровень толерантности большевиков к анархистам, эсерам-максималистам и другим мелким группам часто находился в зависимости от местных факторов. *Brovkin*, op. cit., pp. 126–160 and 220–293; *Anweiler O.* The Soviets: the Russian Workers', Peasants and Soldiers Councils, 1905–1921, New York: Pantheon Books, 1974, pp. 218–44; *Gill G.*, The Origins of the Stalinist Political System, Cambridge: Cambridge University Press, 1990, p. 23.

¹⁷ *Smith S.A.*, Red Petrograd, Cambridge: Cambridge University Press, 1983, pp. 230–252; *Mandel*, op. cit., pp. 379–413.

оппозиционерами-социалистами и беспартийными. На Юге, по словам журналиста-меньшевика, беспартийные группы получили большинство мест на городских рабочих конференциях в Ростове (в январе) и Харькове (в феврале), а также большинство мандатов от промышленных рабочих в Киевский совет (в апреле). В Смоленске, по сообщению меньшевистской газеты, выборы в Совет в феврале принесли абсолютное большинство беспартийным делегатам в рабочих округах¹⁸.

Политическое содержание беспартийности изменилось: теперь главным импульсом служило не стремление к единству (как в 1917 г.) и не раскол (как в 1918 г.), а надежды на восстановление партисипаторной демократии, с одной стороны, и активные репрессии против оппозиционных социалистических партий — с другой. Беспартийные группы 1921 г. представляли собой размытые коалиции, объединявшие рабочих, поддержавших большевиков в Октябре, но позже разочаровавшихся; рабочистов, в том числе и по-махаевски враждебных по отношению к партиям и интеллигенции; бывших эсеров (особенно левых) и носителей смутных народнических идей; а также бывших меньшевиков. Эти выходцы из эсеров и меньшевиков, как правило, были низовыми активистами, занимавшимися политикой на рабочем месте, среди сотрудников, и почти не имели связей с московскими организациями своих партий, на которые пришёлся главный удар репрессий ЧК. Беспартийные действовали на том политическом поле, с которого были вытеснены социалисты-оппозиционеры, и это давало большевикам повод постоянно называть их подпольными меньшевиками и эсерами. Некоторые историки считают так же. Д.Б. Павлов утверждает, что угроза репрессий отбивала у рабочих охоту голосовать за меньшевистско-эсеровских кандидатов или соответствующие резолюции, и беспартийность служила для них прикрытием. Но есть и убедительные доказательства обратного. Во-первых, репрессии ЧК не были тотальными, и кое-где оппозиционные партии по-прежнему открыто действовали (например, меньшевики — среди рабочих хмпредприятий, анархисты и левые эсеры — среди пекарей).

---

¹⁸ Яров. Указ. соч. С. 79–82, 86–88; Социалистический вестник. №5. 1921. С. 15; №17. 1921. С. 9.

Во-вторых, московские меньшевики из принципа старались действовать максимально легально до 1922 г. и отчётливо дистанцировались от беспартийных. Борис Двинов, депутат Совета от меньшевиков, писал, что беспартийные депутаты глубоко уважали группу меньшевиков, но сами тайными меньшевиками не являлись: «Если бы сотни депутатов-беспартийных действительно были меньшевиками, то мы бы были, конечно, очень счастливы. К сожалению, этого не было». У левых эсеров и анархистов тоже были свои собственные крошечные фракции. Когда московская организация меньшевиков, невзирая на риск репрессий, весной 1921 г. организовала серию лекций, одна из них называлась «Почему нельзя быть беспартийным?». Меншевистский профсоюзный активист Д. Чижевский назвал беспартийность «новым препятствием» на пути возрождения рабочего движения, «ещё одной иллюзией», от которой надо избавиться¹⁹.

Московские выборы в Советы в апреле 1921 г. стали первой возможностью проявить политическую активность после Кронштадта, и беспартийные использовали этот шанс. Несмотря на то, что их фракция в Совете объединила всего лишь около четверти депутатов, в неё вошли представители большинства крупных предприятий. Московское руководство большевиков расценило это как провал. Из 2115 депутатов 1543 были коммунистами, 533 — беспартийными, 28 — членами других партий (6 левых эсеров, 4 эсера-максималиста, 12 меньшевиков, 2 анархиста, 2 анархо-универсалиста, 2 анархо-синдикалиста и 1 правый эсер) и 11 человек с неопределённой партийной принадлежностью. На заседании МК РКП(б), посвящённом разбору результатов выборов, Зеленский, ставший секретарём горкома в 1921 г., заявил, что «в некоторых отраслях [наше влияние] настолько слабо, что не даёт нам большинство. [...] некоторые группы, не представляющие для нас интереса, дали нам большинство». Имелись в виду служащие. Богославский, заместитель председателя Совета,

---

¹⁹ Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов: 1917 — середина 1950 годов. М.: РОССПЭН, 1999. С. 59–60; Двинов Б. От легальности к подполью: 1921–22. Stanford: Hoover Institution, 1968, р. 47; Социалистический вестник. 2. 1921. С. 15; Социалистический вестник. 17. 1921. С. 9–10.

саркастически отметил, что служащие внезапно стали поголовно «архикоммунистами»²⁰. Этот анализ подтверждается цифрами: заручившись поддержкой служащих, большевики вполне могли завоевать то большинство, которое у них и получилось (73% депутатов Совета), тогда как в рабочей среде поддержка рухнула.

Наибольшие потери большевики понесли, судя по докладу ЧК, на крупнейших предприятиях. Зеленский отметил, что потери были более значительными среди мужчин-рабочих, которые были склонны вообще не голосовать, чем среди женщин. В Замоскворечье большевики потерпели поражение на всех крупных заводах; ЧК рапортовала, что там симпатизируют другим партиям. На небольших заводах была «тяга к беспартийности»; «наше большинство [...] состоит из избранных мелких предприятий и объединений». В типографии Сытина, считавшейся оплотом большевиков и меньшевиков, и тех, и других обошли беспартийные; «девиз их: надоели нам партии и их грызня, рабочие должны сами взять власть». Они выступали за «привлечение рабочих к советскому строительству» (орабочивание Советов) и передачу промышленности под управление профсоюзов. В

---

²⁰ Избирательная система определяла равные нормы представительства для рабочих, служащих и солдат: они избирали по одному депутату от 100 до 500 чел.; предприятия и учреждения, имевшие менее 100 работающих, объединялись в один коллектив избирателей. Некоторые другие группы (пенсионеры, домохозяйки, прислуга) посылали в Моссовет по одному представителю от 500 чел. Одновременно профсоюзы делегировали одного депутата от каждых 5 тыс. членов: в результате голос рабочего, состоявшего в профсоюзе, «весил» на 10% больше. Право голоса имели 671 927 чел., воспользовались им 340 061 чел. (50,5%). Согласно данным переписи, на конец 1920 г. в Москве было 205 427 рабочих и 233 375 служащих; вместе с гарнизонными солдатами они составляли подавляющее большинство избирателей. Поражение большевиков на этих выборах, которое так откровенно признал Зеленский, стало «белым пятном» в истории партии: две официальные хроники Моссовета (Московский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1917–27. М.: изд. Московского совета, 1927; *Алещенко Н.М.* Московский совет в 1917–1941 гг. М.: Наука, 1976) и одна – московской парторганизации (*Коршунова З.П. и др.* (ред.) Очерки истории Московской организации КПСС, кн. II, ноябрь 1917–1945. М.: Московский рабочий, 1983) об этом не упоминают. ЦГАМО, 66/12/814/82; ЦАОПИМ, 3/2/23/51–53; *Алещенко*. Указ. соч. С. 248–249; *Chase*, *op. cit.*, p. 311.

Краснопресненском районе коммунисты получили 83% мандатов на выборах в Моссовет и 67% — на выборах в местные Советы, но крупные трудовые коллективы голосовали против них. ЧК докладывала, что на заводе бывш. Густава Листа «дважды сорваны были выборы», на заводе бывш. Ильина были избраны трое анархистов, а в Краснопресненском трамвайном депо «был отвергнут список коммунистов и проведены 3 беспартийных из числа крикунов». В Бауманском районе, по сообщению ЧК, беспартийные составили 42% депутатов от металлистов, 71% — от кожевников и 66% — от рабочих пищевой промышленности. Лишь рабочие-текстильщики и военный гарнизон отдали большинство голосов большевикам. Рабочие-химики, ранее поддерживавшие меньшевиков, 50% мандатов отдали коммунистам. В Рогожско-Симоновском районе большевики завоевали абсолютное большинство, но не на крупнейших предприятиях, таких как ремонтное депо на Курском вокзале (давнишняя вотчина левых эсеров), завод «Динамо», металлургический завод Гужона и автозавод АМО²¹. Организационный уровень беспартийных широко варьировался. Группа на АМО проводила собрания и издавала листовки; в феврале 1921 г. она убедила участников общезаводского митинга отклонить список кандидатов в Совет, предложенный тогдашним районным организатором большевиков Дорофеевым, и провести тайное голосование. 277 голосами против 136 были избраны четверо беспартийных, не входивших в большевистский список: Давыдов и Настасьян, побывавшие под арестом после Кронштадта (см. гл. 3), Чуханов и Киреев. В других местах беспартийность была спонтанной. В Замоскворечье, по сообщению ЧК, лихорадочно искали хоть кого-нибудь не из коммунистов, кто был бы готов работать в Совете. Мелкие предприятия, не принимавшие участия в предыдущих выборах, теперь объединялись для проведения кампаний по выдвижению кандидатов, и «почти на всех выборных собраниях» игнорировалась норма, согласно которой голосовать можно только за тех кандидатов, которые заблаговременно (за 24 часа) зарегистрировались в районной избирательной комиссии²².

²¹ *Двинов*. От легальности... С. 42; ЦАОПИМ, 3/2/48/15об—18; ЦАОПИМ, 432/1/7/27; Социалистический вестник. 9. 1921. С. 5.

²² ЦГАМО, 186/1/598/3об и 10; ЦАГМ, 415/16/318/9.

Очевидно, беспартийные получили какое-то число голосов, которые при других обстоятельствах отошли бы к оппозиционным партиям. Это было делом рук большевистского руководства, отвергнувшего аргументы в пользу свободных выборов. 11 апреля децист Вардин написал в ЦК РКП(б), считая «целесообразным» разрешить выдвигать кандидатов и издавать газеты оппозиционным партиям, которые не вели вооружённой борьбы против советской власти. «Я не понимаю, какую опасность мог бы представлять для нас мартовский «Соц. вестник», если бы он выходил в Москве, а не в Берлине», — писал он. Секретариат ЦК по рекомендации Ленина отклонил предложение Вардина. В МК Давид Рязанов выступал против арестов меньшевиков во время выборов: «этим создаётся для них ореол мучеников». Рязанов утверждал, что аресты оскорбляют чувства избирателей: «сажать в тюрьму нужно, но не нужно излишней жестокости, бессердечности и глупости». Кроме того, он сетовал на «недопустимую тактику», применяемую некоторыми производственными партийками: длительные задержки выплаты зарплаты и выплата суммы сразу за несколько месяцев прямо накануне голосования²³.

Но ничто не указывает на то, что беспартийные и те, кто за них голосовал, в массе своей были потенциальными меньшевиками и эсерами. Напротив, результаты выборов, похоже, отразили социалистические устремления рабочих, сторонившихся партийных дел. Зеленский сообщил МК, что, несмотря на наличие некоторых ограниченных избирательных свобод, «подавляющее число меньшевиков сидело в Бутырках. Анархической прессы также не было. По сравнению с другими партиями мы были поставлены в более благоприятные условия. Затем проявилась большая активность масс и *стремление самим стать у власти* [курсив мой — С.П.]. Рабочие не верят меньшевикам и с-р-ам и перестают выбирать коммунистов».

Богуславский докладывал: «Перед выборами стал лозунг о беспартийных советах, и измученные рабочие, не считая его контрреволюционным, не выбирали популярных, преданных и даже любимых коммунистов, а выбрали «на пробу» бес-

---

²³ Павлов. Большевистская диктатура... С. 195–197; ЦАОПИМ, 3/2/23/52.

партийных. [...] Наряду с падением нашего влияния, доверие к другим партиям абсолютно исчерпано».

Несколько членов МК возложили часть вины на тяжёлое состояние, в котором пребывали, на заводские ячейки. Лозовский жаловался на членов ячеек, «которые считают, что они помазаны Богом» и не прислушиваются к рабочим. Туляков утверждал, что многие комячейки «превратились в «ком-ишейки» и теряют среди масс свой авторитет»²⁴. Московские большевики так глубоко ощущали свою изолированность, что МК принял коллективное решение отказаться от созыва беспартийных конференций. Через три месяца после выборов, 21 июля, П.С. Заславский заявил бюро МК, что конференции нужны для того, чтобы разъяснить НЭП массам, которые «питаются слухами и сплетнями», но его предложение было встречено шквалом критики. Работник МК Исаак Минков уверял, что члены партии сами слишком плохо понимают НЭП, чтобы что-то объяснять беспартийным рабочим²⁵.

Партийное руководство не смущала такая дезориентированность рядовых большевиков. Было решено не делиться политической властью с другими рабочими, а разделить беспартийных активистов на тех, кто поможет проводить большевистскую политику, и тех, кто подлежит вытеснению из советской системы. МК допускал присутствие в исполкомах Советов только таких беспартийных депутатов, которые поддерживают партию (?!)²⁶. Такое ужесточение позиций по отношению к политической активности совмещалось с кампанией по привлечению беспартийных активистов к «советской работе» в качестве исполнителей принятых другими решений: 300 «честных беспартийных рабочих» приглашались на административные посты, главным образом в производстве и социальном обеспечении. Такой подход соответствовал политике партии в масштабах всей страны: ЦК распространил пред-

²⁴ ЦАОПИМ, 3/2/23/51–53.

²⁵ Заславский рассказал об этом эпизоде в тревожном письме секретарю ЦК Вячеславу Молотову. Заславский, член партии с 1905 г., тогда занимал должность секретаря Городской райорганизации в центре Москвы. *А.В.Квашонкин и др.* (ред.) *Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927.* М.: РОССПЭН, 1996. С. 207–208.

²⁶ ЦАОПИМ, см. выше; ЦГАМО, 3/2/28/38, 46.

писание «нащупать наиболее ценных и стойких беспартийных рабочих и работниц» для выполнения советской работы и не допускать «использования беспартийных конференций для контрреволюционных эсеро-меньшевистских целей»²⁷.

Новоизбранный Моссовет впервые собрался 13 мая. Разочарование в большевиках, проявленное во время выборов, беспартийные делегаты попытались превратить в конструктивную оппозицию в рамках исполнительных органов Совета, но натолкнулись на глухую стену. Беспартийная фракция собралась перед пленарным заседанием. Двинов описывает презрение, с которым участники собрания встречали бывших меньшевиков (покинувших, как считалось, свою партию в тяжелый час), и аплодисменты, которыми приветствовали бывших большевиков (не пошедших по пути наименьшего сопротивления). На собрание не были допущены действующие члены какой-либо партии. Своим представителем беспартийные избрали металлиста Сергея Михайлова, председателя заводского комитета на «Богатыре», никогда не входившего ни в одну партию²⁸. Совет заседал в помещении Большого театра, где присутствовали 2 тыс. беспартийных; депутатов Совета поддерживали наблюдатели от районных советов и фабзавкомов²⁹. Как только Каменев, как председатель Совета, открыл заседание, беспартийные поддержали протесты крошечной меньшевистской фракции против нарушения большевиками демократической процедуры. Во время дискуссии по поводу подлинности мандатов некоторых депутатов представители меньшевиков заявили, что мандатная комиссия должна вынести решение и «об общей атмосфере выборов». Когда депутаты от РКП(б), составлявшие большинство, начали их перекрикивать, Михайлов высмеял большевиков за нежелание слушать тех, с кем они не согласны, и сказал, что мандатная комиссия должна рассмотреть заявление меньшевиков. Он

²⁷ Правда. — 7 мая 1921; ЦАОПИМ, 3/2/23/51—53.

²⁸ О Михайлове см. Прил. 1. Коммунистический труд. 13 мая 1921; Двинов. От легальности... С. 42—43.

²⁹ ЦГАМО, 66/12/814/4—5. См. также Двинов Б. Московский Совет Рабочих Депутатов, 1917—1922: воспоминания. — New York: Inter-university project on the history of the Menshevik movement, 1961. С. 104.

продолжил: «Мы собрались сюда не для того, чтобы болтать и шуметь, но для совместной, дружной, тесной работы [...] Вы не должны затыкать глотку каждому желающему высказать свое мнение. [...] [Мы должны] объявить свободу слова всем членам М[осковского] С[овета]».

После этого меньшевики предложили внести в повестку дня вопрос об избииении политических заключённых в Бутырской тюрьме 25–26 апреля. Большевики проголосовали за то, чтобы расследование провёл президиум Совета, полностью состоящий из членов РКП(б). Каменев позволил однопартийцам заглушить криками представителей меньшинства. Беспартийный Озеров, рекомендовавший себя так: «Я старый работник, я долго был партийным, а теперь я беспартийный», – заявил, что «презирает» «позорное поведение» Каменева. Беспартийные, меньшевики и левые эсеры также совместно осудили попытку большевиков вести пленарные заседания Совета в стиле публичного митинга. Согласно процедуре, общепринятой в 1917 г., на собрании обсуждался доклад, избиралась комиссия, которая готовила проект резолюции, потом на общем собрании в проект вносили поправки и окончательно утверждали. Теперь же большевики дали Леониду Красину выступить с длинным докладом о «внутреннем и внешнем положении» и представить заготовленные загодя тексты обращений к российскому и мировому пролетариату. Первое обращение было принято единогласно. Когда было вынесено на голосование второе, беспартийный депутат сказал, что он совершенно ничего не имеет против обращения, подготовленного коммунистами, к которым он «преисполнен глубочайшего уважения», но желает знать, «как мы можем призывать в этой резолюции, когда вы, товарищи, заткнули рот нам и не разрешаете сказать, кто же мы такие?» Лидер левых эсеров Исаак Штейнберг высмеял «школьный, педантичный, ненужный доклад» Красина и предложил процедуру, предусматривающую большую степень участия со стороны рядовых депутатов. Его предложение не было принято³⁰.

Конфликт между беспартийными и большевиками достиг апогея во время выборов в исполком Совета. Перед пленар-

---

³⁰ О Штейнберге см. Прил. 1. ЦГАМО, 66/12/814/40–44.

ным заседанием стороны договорились, что большевистская фракция проведёт в исполком 20 беспартийных, которые будут работать вместе с большинством РКП(б). Фракция беспартийных 339 голосами против 20 утвердила список из 20 чел., но большевики его отклонили, заявив, что художников и правоведов в нём больше, чем рабочих. Это утверждение ожесточённо оспаривал от имени беспартийных рабочий-строитель. После ожесточённого конфликта большевики проигнорировали список фракции беспартийных и вместо этого избрали 17 беспартийных, чьи кандидатуры были утверждены РКП(б). Каменев дал понять, что беспартийность – не более приемлемая для большевиков тенденция в Советах, чем меньшевизм или анархизм. Он оспорил право Михайлова выступать от имени беспартийных, утверждая, что они не могут занимать коллективных политических позиций: «беспартийные объединяются тем, что у них нет определённой программы, и они друг за друга не отвечают».

Стычки по поводу демократической процедуры продолжились на втором и третьем пленарных заседаниях (31 мая и 20 июня соответственно). На втором заседании беспартийный Бретан³¹ присоединился к Штейнбергу и бывшему большевику Панюшкину, недавно исключённому из партии, в требовании предоставить депутатам неприкосновенность, снять которую сможет только санкция на арест, одобренная пленарным заседанием Совета. Большинство депутатов, состоящее из членов РКП(б), обрुбило эту инициативу, разрешив арестовывать депутатов при условии, что президиум Совета будет уведомлён и постарается постфактум получить санкцию на пленарном заседании. Сразу же после этого Панюшкин и анархо-синдикалист Павлов были задержаны³². Кроме того, Бретан также предложил зафиксировать, что «член Совета пользуется свободой слова [...] и не может быть привлечен ни к административной, ни к судебной, ни к дисциплинар-

---

³¹ Единственная дополнительная информация о Бретане содержится в заметке меньшевистской газеты, датированной январём 1922 г., о том, что он помещён в лагерь в Архангельске и что исполком Совета не подал запрос о его аресте.

³² ЦГАМО, 66/12/815/42–50; РГАСПИ, 564/1/13/3.

ной ответственности за все, сказанное им с трибуны Совета или в собрании», а также что депутаты «вправе собираться в любом количестве» для обсуждения своей деятельности. Он объяснил, что это нужно беспартийным: «Их ругают за неорганизованность, а прийти к чему-нибудь цельному и создать аппарат, а может, создать и партию /смех/ для того, чтобы нам отмежеваться от переодетых эсеров, меньшевиков и от переодетых коммунистов (их очень много), не дают».

Требования более широкой советской демократии со стороны беспартийных вызвали глубокий отклик не только среди меньшевиков и левых эсеров, но и среди диссидентов, покидающих РКП(б). (Подробнее о них – в гл. 5). Во время избирательной кампании «группа активных революционных рабочих Москвы» издала листовку³³ с призывом не голосовать за меньшевиков, эсеров, анархистов и «коммунистов — обанкротившихся плутократов» (то есть большевиков), а выбирать только «истинно революционных рабочих, не состоящих в рядах названных партий, не запятнавших себя изменой делу пролетариата и помнящих великие заветы Октября». Ссылка на заветы Октября и явствующее из текста презрение к Учредительному собранию 1918 г., несомненно, имели большевистское происхождение — хотя большевиков авторы листовки клеймили как «превратившихся в мелкобуржуазную клику государственных капиталистов». Но практические призывы по голосованию были чисто рабочистскими. Эта группа (или другая, близкая ей) на нескольких заводах издавала прокламации, подписанные «группой московских рабочих», с призывом выбирать «честных рабочих-коммунистов, которые увидели всё безобразие и вышли из партии»³⁴. Они особенно предостерегали рабочих от голосования за *любого* из членов РКП(б), каким бы честным он ни был, поскольку в Совете он будет вынужден следовать линии ЦК.

Своё обращение к беспартийным депутатам Совета направила наиболее организованная группа бывших большевикодиссидентов — панюшкинская Рабоче-крестьянская социалистическая партия (РКСП). Эта группа ставила перед

³³ ЦАОПИМ, 3/4/49/50; Правда. 17 апреля 1921.

³⁴ ЦГАМО, 66/22/64/67.

собой задачу бороться с идеологическим и организационным вырождением большевизма вследствие «засилья чуждого рабочим элемента» и установить подлинную советскую власть. В обращении к депутатам³⁵ они осуждали трансформацию, в результате которой Советы «превратились из носителей и выразителей воли пролетариата в ширму и слепое оружие в руках опекунов-коммунистов»³⁶. Они утверждали, что во время выборов всё, за что боролся пролетариат, «безжалостно и цинично попирается этими опекунами». Неудивительно, что в Совете так мало настоящих представителей рабочих — ведь сам Совет выродился в «исполкомовщину» и должен быть возрождён в том виде, в котором он действовал в 1917 г. В обращении предлагалось сделать так, чтобы Совет и исполком возглавляли разные люди — чтоб разделение «законодательной» и исполнительной функций соблюдалось, а закулисное вмешательство было невозможным. Кроме того, авторы требовали предоставить политические права просоветским, антибольшевистским партиям, «не запятнавшим себя изменой делу пролетариата», под которыми, судя по процитированным выше словам Панюшкина, имелись в виду левые эсеры, левые меньшевики, анархисты, беспартийные и такие бывшие большевики, как он сам. В обращении был призыв к освобождению заключённых членов этих партий и значительным ограничениям применения смертной казни. Свою кампанию за реформирование Советов РКСП вела и на предприятиях. На массовом собрании служащих Москомгосора члены РКСП успешно провели резолюцию, «объявляющую позор» Каменеву за его поведение в отношении беспартийных³⁷.

Все эти протесты игнорировались. К концу 1921 г. Совет уже практически и не притворялся площадкой для парти-

---

³⁵ ЦАОПИМ, 3/2/18/2-3.

³⁶ «Опекуны-коммунисты», относящиеся к рабочим, как к несмысленным детям, были общей темой для оппозиционеров. Например, Ефим Игнатов призывал партийных вождей на X съезде «отбросить мелочную опеку». Десятый съезд... С. 238. Татарский коммунист С.Г. Саид-Галиев (не путать с более известным Мирсаидом Султан-Галиевым) в письме Ленину протестовал против того, что русские коммунисты выступают перед татарскими рабочими в роли «педагогов и нянек». *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 661.

³⁷ ЦАОПИМ, 3/2/48/366б.

сипаторного принятия решений. Политические решения принимались партийными органами, а Совет превращался в надзорный орган муниципального управления. Многие даже партийные депутаты перестали ходить на пленарные заседания. «Московский Совет умирал от скуки, — писал Двинов. — Политика была изгнана с порядка дня, обсуждались так называемые «деловые вопросы», в большинстве неинтересные и малопонятные»³⁸. Агент ЧК в Краснопресненском районе зафиксировал слухи о том, что Советы вообще ликвидируют и выберут президента республики. И действительно, на IX Съезде Советов в декабре 1921 г. было решено, что отныне выборы в Советы будут проводиться лишь один раз в год. Левые эсеры утверждали, что это ещё более укрепит позиции «правящей [...] бюрократической касты». Перед МК РКП(б) стояла более практическая проблема: он предупредил партийное руководство, что в Москве выборы отложить нельзя, поскольку «значительное число» депутатов вышло из состава Совета, а 200 из 1543 членов фракции большевиков были исключены во время чистки 1921 г. Новые выборы состоялись в январе 1922 г. Конкурентов у большевиков было немного; число беспартийных депутатов сократилось более чем вдвое — до 251 чел., плюс трое меньшевиков и один левый эсер³⁹.

В то время, как беспартийных выматывала борьба в Совете, оппозиционные социалистические партии столкнулись с безжалостным преследованием ЧК. К концу 1921 г. они не оказывали практически никакого влияния на политическую жизнь рабочего класса. Рабочие, проголосовавшие или другому поддержавшие членов небольшевицких партий, то и дело оказывались перед выбором: бастовать в их защиту, рискуя мгновенным увольнением, или не высовываться. На Рязано-Уральской железной дороге в начале мая был арестован эсер Михайлов, а также другие активисты; рабочие, устроившие кратковременную забастовку с требованием освободить их, были массово уволены, после чего обратно на работу приняли не всех. Листовки с протестами против этих арестов распространялись

---

³⁸ Двинов. Московский Совет.. С. 107.

³⁹ Двинов. Указ. соч.; ЦАОПИМ, 3/2/48/244; 3/3/5/1; РГАСПИ, 564/1/13/31; Социалистический вестник. 1922. №7. С. 8.

на заводе Густава Листа, где в это время шла забастовка по поводу продпайков, но попытки организовать стачку солидарности провалились и там, и на заводе Бромлея. Меншевистские активисты на электростанции 1886 г. посоветовали рабочим, во избежание массовых увольнений, протестовать против арестов *без забастовок*⁴⁰. Московская организация меньшевиков вследствие постоянных арестов была вынуждена приостановить деятельность; последней её значительной акцией была голодовка, устроенная в январе 1922 г. 44 меньшевиками, заключёнными в Бутырке⁴¹. Московская организация левых эсеров, в которую влилась группа эсеров-максималистов, была лишь немногим более легальна. Штейнберг и Чижиков по-прежнему выступали перед заводскими собраниями. Но к концу 1921 г. 65 членов организации сидели в тюрьме, 42 из них устроили голодовку в марте 1922 г.⁴². Анархические группы Москвы тоже попали под удар, например группа Павлова (см. гл. 3). Даже «советским анархистам», работавшим во время Гражданской войны в советских учреждениях, не было пощады: в ноябре 1921 г. ЧК арестовала членов анархо-универсалистской группы, возглавляемой Александром Шапиро и Германом Аскарковым, тогда как анархо-коммунистической группе Аполлона Карелина удалось протянуть на легальном положении до конца 1922 г.⁴³

⁴⁰ ЦАОПИМ, 3/2/48/27–27об.

⁴¹ *Двинов*. От легальности... С. 67–97; ЦАОПИМ, 3/3/33/15; 3/3/34/7; *Павлов*. Большевистская диктатура... С. 64–72.

⁴² РГАСПИ, 17/84/296/10-11; 17/84/454/39–40; 564/1/13/6, 16–17, 22; ЦГАМО, 186/1/598/37; ЦАОПИМ, 3/2/48/19; *Павлов Д.* (ред.) Союз эсеров-максималистов. Документы, публицистика. 1906–1924 гг. М.: РОССПЭН, 2002. С. 342–362; Кремль за решёткой (подпольная Россия). Берлин: изд. «Скифы», 1922. С. 199–204.

⁴³ ЦАОПИМ, 3/2/48/36об, 87; 3/3/34/214об; *Павлов*. Большевистская диктатура... С. 67. Анархо-универсалистская группа Аскарова и Всероссийская федерация анархистов-коммунистов Карелина считались «советскими анархистами», поскольку они тесно сотрудничали с большевиками во время Гражданской войны. Оба руководителя служили в ВСНХ, а Аскарков — ещё и в Московском Совете. Группа Карелина просуществовала до его смерти в 1926 г., хотя большинство её активных членов были арестованы и высланы. Шапиро входил в анархо-синдикалистскую группу «Голос труда»; в 1920 г. он работал в Наркоминделе под руководством Чичерина, где читал и переводил депеши.

Беспартийная политика

Во введении к этой книге было сказано об особой форме образования рабочего класса в ранние годы Советской России: этот процесс протекал в отношениях с государством, претендовавшим на выражение его, рабочего класса, интересов. Рабочему классу приходилось артикулировать свои интересы перед этим государством. История беспартийных в 1921 г. стала миниатюрным зеркалом этой широкой проблемы. Беспартийные пытались артикулировать устремления рабочих к более демократической политике, что означало конфронтацию с большевиками, но в то же время работать с ними вместе над восстановлением экономики. Они пытались одновременно быть и за, и против своего этатистского альтер эго. Это завело беспартийных на путь компромиссов с меньшевиками, что считалось неприемлемым, но в конце концов они всё равно потерпели поражение: «рабочее государство» не потерпело участия рабочего класса в политике. Беспартийный Бретан заявлял, что Совет должен осуществлять «ту формулу, которая объединяет беспартийных и коммунистов: чтобы все трудящиеся властвовали и властвующие трудились»⁴⁴. Упоминание «трудящихся» в формулировке отсылало к народничеству. И хотя стремление к обобществлению функций «властвования» разделяли как Маркс, так и Чернышевский — большевикам оно было чуждо.

Динамика отношений между беспартийными и большевиками на уровне предприятия зафиксирована в документах автозавода АМО, где рабочие организации на протяжении большей части 1921 г. контролировала сильная беспартийная группа⁴⁵. АМО тогда возрождался в качестве центра российского автомобилестроения. Административные должности занимали вернувшиеся с фронта лидеры партячейки, такие как Семён Смирнов, Николай Коробицын, Лидак и Гаврилин, и группа американских автомобилестроителей-коммунистов

---

⁴⁴ ЦГАМО, 66/12/815/46.

⁴⁵ Помимо документов профсоюза и партийной ячейки, я опираюсь на интервью, взятые в рамках проекта «История фабрик и заводов» — особенно ЦГАМ, 415/16/20, 39, 47, 110, 148, 167, 171, 171а, 217, 262, 657.

во главе с Э. Адамсом — некоторые из них были выходцами из русских эмигрантских семей, переехавшими в Россию, чтобы участвовать в восстановлении автомобильной промышленности⁴⁶. В марте 1921 г. советское правительство заключило соглашение с американской группой, согласно которому её члены заступали на работу на АМО с тем, чтобы внедрить технологии массового производства, изученные ими в США.

Беспартийная группа оформилась в конце 1920 г., а в феврале—апреле 1921 г. она уже сорвала банк на выборах в заводской комитет, Московский совет и Рогожско-Симоновский районный совет. Большинство её членов были старыми опытными рабочими. У одного из них, Ивана Володина, младший брат был большевиком. В ряды беспартийных входила часть рабочих, прибывшая на завод в поисках работы из Нижнего Новгорода в 1920 г., и иногда всех беспартийных называли «нижегородцами». Среди них был Настасьян и ещё два сторонника эсеров, Василий Давыдов и Сивков. Последний, по воспоминаниям одного из товарищей, провозглашал лозунги «вся земля крестьянам, уравнительное пользование». Ещё одна важная фигура, Кузнецов, до и во время Первой мировой войны был активным членом партии эсеров. Беспартийная группа представляла собой альянс между этими сторонни-

---

⁴⁶ Адамс был назначен директором АМО в мае 1921 г.; в марте 1923 г. он увяз в конфликте между ячейкой АМО и автомобильным трестом и был смещён на административную должность в ВСНХ; в июне 1924 г. его, отказавшегося от относительно стабильной жизни американского рабочего ради участия в советском строительстве, исключили из партии как «примазавшегося»; ячейка АМО поддержала его апелляцию против этого решения. Группа, состоявшая из 165 рабочих, которые прибыли в 1920 г., и ещё 47, прибывших в 1922 г., была организована Л.К. Мартенсом, русским социалистом, жившим в изгнании в США и с 1919 г. исполнявшим обязанности неофициального представителя Советской республики: *Чуряев А.П., Адфельдт Н.В., Баевский Д.А.* (ред.) История Московского автозавода им. И.А. Лихачева. М.: изд. «Мысль», 1966. С. 96; *Святенко Ф.* Завод «АМО». М.: Гос. изд., 1929. С. 13–14. Группа АМО входила в число 20 тыс. рабочих, иммигрировавших или вернувшихся в Россию из других промышленных стран на протяжении 20 лет после 1917 г.; часто ими двигали социалистические симпатии. См. *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х — 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 29–35.

ками эсеров, симпатизирующими меньшевикам (такими, как Василий Тихонов) и рабочистами (в числе которых были Чуханов, Киреев и Афанасий Лысенков)⁴⁷. Чуханов, председатель заводского комитета АМО в 1920—1922 гг., был опытным профсоюзным вожаком: за способность успокаивать разъярённых участников массовых собраний он получил прозвище «Валерьянка». Чуханов вспоминал, как Давыдов предложил ему вступить в беспартийную группу, и они договорились побороться с большевиками за контроль над заводским комитетом. В честь договорённости была устроена «вечеринка [...] мы выпивали и плясали». Сам Чуханов приехал из Петрограда и до 1918 г. работал на Обуховском заводе, где, вероятно, был знаком с представителями Единой рабочей партии Глебова. Несмотря на то, что позже он утверждал, что «был такого демократически меньшевистского мнения», в его выступлениях на конференции металлистов в феврале 1921 г. были элементы рабочизма и большевизма. Он утверждал, что экономический кризис в России вызван тем, что рабочие в Западной Европе не следуют революционным путём большевиков, и поддерживал борьбу против «элементов старой буржуазной закваски» внутри РКП(б). В их ряды он зачислял даже американского автомобилестроителя Адамса, который, дескать, «вышел чуть ли не из дворянского звания».

Смесь народничества и рабочизма в мировоззрении этой группы отражена в протоколе «общего собрания квалифицированных рабочих» АМО в апреле 1921 г., участники которого призвали разрешить свободное перемещение рабочей силы, без которого производительность не будет расти, а также «здоровую критику» главков. Лысенков, вспоминая о взглядах группы в 1932 г., говорил словами, надёжно вычеркнутыми из стандартного этатистского вокабуляра того времени: рабочие «переживали тогда трудные моменты», «те трудности пережиты нами с большими переживаниями» — и всё «для того, чтобы [...] лучше осуществить свободную независимую жизнь,

---

⁴⁷ О Кузнецове, Чуханове и Лысенкове см. Прил. 1. Информация о 13 членах беспартийной группы, занимавших должности в Совете или заводском комитете, раскрывает их политические симпатии: 3 эсера-центриста, 2 левых эсера, 1 меньшевик, 4 принципиально беспартийных, и ещё о трёх нет данных.

независимую от какого-то ни было гнёта и влияния»⁴⁸. В 1930-е годы было обычным делом говорить о «свободной» жизни, но не о «независимой»: это диссонировало с большевистской идеологией, подчёркивавшей классовый характер любого угнетения и с подозрением относившейся к любым проявлениям «независимости».

Будучи избраны в заводской комитет, беспартийные взяли на себя равные с членами партии обязанности по восстановлению экономики: Чуханов отвечал за трудовую дисциплину, а Сивков — за закупочные поездки за продовольствием⁴⁹. Но партячейка АМО руководствовалась идеологически мотивированным отказом партии сотрудничать с беспартийными, и приняла решение вытеснить их из заводского комитета. Первая попытка, во время выборов в августе 1921 г., оказалась неудачной, но результат выборов был аннулирован губернским комитетом союза металлистов, в котором доминировали большевики, но во время повторных выборов ячейка добилась своего. С фронта вернулась большая часть членов партячейки; кроме того, серия сокращений штатов, проведённых в ноябре, послужила удобным предлогом для увольнения некоторых беспартийных активистов. К январю 1922 г. большинство беспартийных было смещено с выборных постов; оставался только Чуханов, занимавший должность председателя заводского комитета до сентября⁵⁰.

Готовность беспартийных сотрудничать с большевиками в деле восстановления экономики вызвала критику со стороны меньшевиков. Их газета сообщала, что на московской городской конференции коммунальных рабочих в апреле 1921 г. беспартийные и большевики в рамках комиссии, составившей проект основной резолюции, договорились вообще выкинуть из текста политику. Делегат от меньшевиков набрал почти половину всех голосов в пользу политической резолюции — и едва избежал ареста. Другой пример, расстраивавший меньшевиков, — Сытинская типография. Накануне

⁴⁸ ЦАГМ, 415/16/171a/2–3.

⁴⁹ ЦГАМО, 186/1/598/3об; ЦАГМ, 415/16/110/9 и 415/16/167/59–60.

⁵⁰ ЦГАМО, 186/1/598/33, 40; ЦАГМ, 415/16/167/95-96; 415/16/262, 25–27; 415/16/590/98, 105.

выборов в Советы в январе 1922 г. большевики, опасаясь поражения в трёхстороннем противостоянии с беспартийными и меньшевиками, вынудили беспартийных войти в блок с ними. Беспартийный В. Федотов, принципиально выступавший против меньшевиков, напомнив участникам собрания, как они поддержали репрессии против рабочих при Керенском, под нажимом согласился. Созданный таким образом блок с небольшим перевесом победил меньшевиков. Но эта политическая уступка не спасла Федотова и его беспартийного товарища Николая Амелина от увольнения в марте 1922 г., во время конфликта по поводу сокращений. Противоречия начались, когда заводской комитет, опасаясь, что увольнения послужат управленцам-большевикам поводом избавиться от негодных рабочих, потребовал, чтобы процедуру выбора кандидатов на сокращение обсуждали с ним. За этим мгновенно последовало «очень бурное» массовое собрание, забастовка, тотчас же — увольнение всех бастующих и 10-дневный локаут. Среди тех, кого не приняли назад на работу, были как меньшевики, так и беспартийные⁵¹.

Подобные истории ярко показывали дилемму, перед которой стояли беспартийные. Они хотели сотрудничать с властями в развитии экономики, но демократия, к которой они стремились, была несовместима с большевистским однопартийным режимом. Большевики поставили их перед выбором, и это раскололо беспартийное движение. Когда большевики в Моссовете выдвинули отчёт, в котором «выгораживалось» избиение политических заключённых в Бутырке, Бретан выступил против, но другие беспартийные депутаты его не поддержали⁵². Для Бретана и меньшевиков такой компромисс был уже недопустимым. На кого-то из пошедших на него наверняка повлияла явная неготовность выступить против большевиков, продемонстрированная рабочим большинством

---

⁵¹ ЦГАМО, 699/1/269/48, 49, 55, 72; ЦАОПИМ 3/3/33/67, 80; 3/3/34/60, 65, 67-68, 70, 73, 74; *Двинов*. От легальности... С. 106–107. Я выражаю благодарность Дайан Кёнкер, которая любезно поделилась со мной некоторыми исследовательскими заметками. См. также: Социалистический вестник. 1921. №7. С. 13; 1922. №4. С. 12; 1922. №8. С. 11. Редакторы «Социалистического вестника» Федотова называли Фёдоровым.

⁵² ЦГАМО, 66/12/816/31–48.

весной 1921 г. А по мере повышения уровня жизни (вплоть до того, что рабочие — часто впервые за последние семь-восемь лет — могли отвлечься от ежедневной борьбы за физическое выживание) эта неготовность проявлялась всё более отчётливо. Наряду с репрессиями, такая пассивность лишала рабочие организации энергии и напора. Это было важным элементом общественного договора.

Восстановление экономики

Этот общественный договор не являлся циничным подкупом. Он основывался на восстановлении хозяйства, в особенности обрабатывающей промышленности, в чём были заинтересованы как партия, так и рабочие. На протяжении нескольких месяцев после X съезда партия сделала громадные шаги в деле запуска закрытых ранее заводов, объединения их в тресты и отхода от политики нормирования к политике денежного вознаграждения⁵³. К концу марта 1921 г. было воплощено в жизнь решение партсъезда о замене продразвёрстки продналогом, а большинство ограничений на торговлю были сняты. С 28 марта Московский совет разрешил свободную куплю-продажу сельскохозяйственной продукции в Московской губернии⁵⁴. Большинству рабочих всё ещё платили пайками, которые по-прежнему доставлялись с задержками, но их выручило ослабление ограничений на торговлю: рабочие теперь могли ездить в деревни и выменивать там продовольствие; вскоре повсеместно начали устраивать коллективные вылазки за едой. 6–7 апреля Совнарком снял ряд ограничений на перемещение рабочей силы, отменил лимиты по премиям и сдельной оплате, а также предусмотрел процедуру создания рабочих кооперативов. Кроме того, он формализовал систему натурпремии, по которой часть своей продукции предприятия откладывали в специальный обменный фонд; таким образом,

⁵³ Carr E.H., *The Bolshevik Revolution 1917–1923*, London: Macmillan, 1978, vol. II, pp. 280–359; Орлов И.Б. Восстановление промышленности // Павлюченков С.А. и др. (ред.) Россия нэповская. М.: Новый хронограф, 2002. С. 121–149, особенно С. 121–131.

⁵⁴ Коммунистический труд. 30 марта 1921; Горинов М. Москва в 20-х годах // Отечественная история. №5. 1996. С. 3–17.

СНК легализировал широко распространённую практику обмена произведённой продукции на продовольствие и потребительские товары⁵⁵.

В области производственных отношений всё по-прежнему вращалось вокруг продовольственного обеспечения. В середине мая, когда рабочие вернулись после праздников, с доставкой хлеба возникли перебои, и пайки были временно урезаны на треть⁵⁶. Наиболее тяжёлое положение опять сложилось в текстильных городках: из Богородского и Орехово-Зуева докладывали о «голоде». В Орехово-Зуеве однажды помещение местного комиссариата продовольствия штурмовала толпа из тысячи детей⁵⁷. В Москве рабочие ответили на перебои волной стачек. По подсчётам партийных функционеров, за 24 майских дня работа прекращалась на 66 крупных предприятиях: 9–14 мая была сидячая забастовка на заводе Гужона, одном из крупнейших в Москве; примеру бастующих последовали рабочие машиностроительных заводов Краснопресненского района; а агенты ЧК докладывали, что и в Бауманском районе было «брожение, вылившееся в забастовку и в «итальянку»⁵⁸.

Число поездок за продовольствием резко выросло. Похоже, что декреты Совнаркома о свободной торговле были восприняты рабочими как сигнал: сесть в ближайший поезд и отправиться в деревню за хлебом. Например, по сообщению агентов ЧК, рабочие Нарофоминской текстильной фабрики, не ожидая разрешения, сорвались с места и отправились «до Киева и дальше». Другие группы московских рабочих добрались до Харькова и Белгорода, но там были задержаны местными властями, которые не пустили их ехать дальше. Докладчики на X партконференции в мае сообщали о крупномасштабном

---

⁵⁵ Коммунистический труд. 9 апреля 1921; *Carr*, op. cit., vol. II, pp. 280–283 and 318–320; *Матюгин А.А.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства, 1921–1925. М.: изд. Академии наук СССР, 1962. С. 128–129; *Ashin P.*, 'Wage Policy in the Transition to NEP', *Russian Review* 47, 1988: 293–313, here 297–298.

⁵⁶ Халатов доложил Моссовету, что 10 мая основной рабочий хлебный паёк был урезан с одного фунта до 2/3 фунта. ЦГАМО, 66/12/815/23–34.

⁵⁷ ЦАОПИМ, 3/2/48/28, 62.

⁵⁸ ЦАОПИМ, 3/2/9/34; 3/2/48/25–27, 33–33об, 60, 76, 156, 160, 244; 63/1/44/40; ЦГАМО, 186/1/585/39об.

воровстве с заводских складов потребительских товаров, которые можно обменять на еду. По сообщению одного из агентов ЧК, «более всего рабочих интересует» именно организация отгулов для коллективных поездок за хлебом. Другой чекист утверждал, что главным источником недовольства является «удручающее впечатление» от взяточничества и коррупции на железных дорогах. Третий приводил ужасающий пример того, «как не следует поступать рабочим в деле снабжения»: экспедиция, состоящая из 13 тыс. человек, на девяти поездах отправилась из подмосковного Орехово-Зуевского района в Ташкент, но так и не добралась до пункта назначения, а по дороге домой съела основную часть продовольствия, которое удалось раздобыть. Некоторые участники этой поездки умерли, другие серьёзно заболели⁵⁹. Вокруг того, как организовать поездки за продовольствием, бушевали споры: в июне это стало *главной* причиной трудовых конфликтов в Рогожско-Симоновском районе. На кабельном заводе разработали предложения: стандартизировать расстояния, обеспечить каждого участника поездки стандартным количеством муки и выдать компенсации тем, чья поездка была неудачной. Другие предприятия эти требования «усвоили, как особого рода платформу». Поездки за хлебом, исключительно иррациональная форма обмена, начали сходить на нет в 1922 г., когда положение с поставками продовольствия стабилизировалось, а денежный обмен заменил собою бартер.

В то время как снятие ограничений на торговлю уменьшило проблемы со снабжением, отмена некоторых ценовых потолков стала серьёзным ударом. Повышение железнодорожных тарифов в июне произвело, по словам агентов ЧК, «ошеломляющее впечатление», поставив «почти непреодолимую преграду» перед рабочими, собиравшимися в поездки за продовольствием, и спровоцировав рост цен на стихийных рынках в Москве в три–четыре раза. Рабочих смутило также введение арендной платы и платы за коммунальные услуги. Районные парторганизации в докладах о настроениях рабочих (куда они, вероятно, вписывали и свои

---

⁵⁹ ЦГАМО, 66/22/64/71; ЦАОПИМ, 3/2/48/18, 40, 46, 49, 128; РГАСПИ, 46/1/2/152, 186–187.

собственные опасения) отмечали страх перед возвращением элементов старого режима, выразившийся в таких вопросах, как «удастся ли государству [...] обеспечить их, рабочих», «сумеет ли потом Сов[етская] власть помешать возрождению капитализма»⁶⁰.

Реорганизации промышленности в Москве формально дал старт III губернский съезд Советов в июне 1921 г. Опасения рабочих, что НЭП повлечёт за собой возвращение дореволюционных хозяев заводов, оказались, в целом, беспочвенными: основная часть предприятий осталась в руках государства. Большинство промышленных предприятий были сгруппированы в государственные тресты⁶¹. Начать с того, что чуть более чем две трети рабочих этих трестов по-прежнему получали зарплаты, гарантированные государством, и по-прежнему в основном в форме пайков. Оставшаяся треть работала на хозрасчётных предприятиях, и доля таких предприятий постепенно росла на протяжении всего 1922 г. Декреты Совнаркома сделали возможным сдачу заводов в аренду (в основном, иностранцам) и разрешили частную собственность на предприятия, где работает меньше 20 чел. Но эти формы собственности не играли значительной роли в Москве: в пиковом 1922 г. на арендованных заводах работала всего лишь 1/20 часть рабочих города, а на частных предприятиях — 1/30⁶². В единственном случае, когда сдача завода в аренду вызвала значительные

---

⁶⁰ МГСПС. Отчет о деятельности МГСПС, губотделов и упробфюро (май—август 1921). М.: МГСПС, 1921. С. 5; ЦАОПИМ, 3/2/48/60, 76; РГАСПИ, 17/65/228/27, 38.

⁶¹ МК РКП(б). К отчету Московской губернской конференции РКП (25–28 июня 1921) и III съезда советов. М.: Гос. издательство, 1921. С. 10–11; Московская губернская конференция профсоюзов, 14–15 сент. 1921. М.: МГСПС, 1921. С. 6; *Алещенко*. Указ. соч. С. 263; *Матюгин*. Указ. соч. С. 101–106.

⁶² К сентябрю 1922 г. внаём были сданы 640 предприятий, на которых в общей сумме работало 11 тыс. чел. В Московской губернии в 1923–1924 финансовом году на государственный сектор приходилось 92,6% рабочих мест и 91,1% производственных мощностей; остальное между собой разделили кооперативы, частные и арендованные предприятия. *Алещенко*. Указ. соч. — С. 263–265; *Горин*ов. Указ. соч. С. 5; Статистический отдел Московского совета. Статистический атлас гор. Москвы и Московской губ. Вып. 3. Промышленность и торговля. М., 1925. С. 29.

протесты (завод автомобильных запчастей в Замоскворечье), она была отменена⁶³.

Восстановление промышленности только начиналось: пройдет ещё три года перед тем, как объёмы производства на заводах достигнут довоенных уровней. Для большинства московских заводов НЭП означал, прежде всего, возобновление поставок сырья и, соответственно, производства. Тяжёлое машиностроение мгновенно стало отставать от отраслей, производящих потребительские товары; тресты завалили рынок товарами, пытаясь бороться с силами рынка⁶⁴. Но к концу 1921 г. большинство заводов возобновили производство, хотя и в небольших объёмах. В текстильной промышленности объём производства между первой и второй половиной 1921 г. вырос в пять раз. Рабочие начали возвращаться из деревень, их ряды пополнялись беженцами из голодающего Поволжья, и численность промышленных рабочих на протяжении года выросла с 200 тыс. до 240 тыс. чел.⁶⁵ Система вознаграждения за труд тоже изменилась. Большинство рабочих по-прежнему снабжались государством напрямую. Но были и эксперименты с коллективным снабжением (то есть продовольствие и деньги поступали на завод, их количество определялось общим объёмом производства, а распределять их был уполномочен директор) и системой натурпремий, а также с ограниченной приватизацией. Лейтмотивом новой зарплатной политики было материальное вознаграждение за более высокую производительность, а ограничения на выдачу премий и сдельную оплату были сняты. Уровень зарплат оставался крайне низким на протяжении всего 1921 г., к концу года он достиг лишь половины показателя 1913 г. Но качественное повышение уровня жизни маячило на горизонте — и это было фактором, определявшим дальнейшее развитие отношений между большевиками и рабочими в не меньшей степени, чем кастрация Советов.

---

⁶³ Отчет седьмой Московской губпартконференции РКП 29–31 октября 1921 г. М., 1921. С. 14, 16–17; ЦАОПИМ, 3/2/48/128; ЦГАМО, 186/1/598/131–33; Рабочая Москва. 11 мая 1922.

⁶⁴ Carr, *op. cit.*, vol. 2. pp. 309–315.

⁶⁵ Коровина М.Н., Козан Т.Ф. Борьба за улучшение благосостояния рабочего класса (1921–25 гг.) // Вопросы истории. №9. 1961. С. 42–55.

Глава 5.

РЕНЕГАТЫ, ОППОЗИЦИОНЕРЫ, САМОУБИЙЦЫ И УПРАВЛЕНЦЫ: ПАРТИЯ В 1921 Г.

На протяжении первого года НЭПа в среде большевиков многое радикально изменилось. Весомое меньшинство коммунистов Гражданской войны оказались отчуждены от партии — часто из-за того, что они считали, что партия «сдаёт» рабочий класс, а в войне с бюрократизмом близится поражение. Их попытки артикулировать оппозиционные настроения, будь то внутри партии или за её пределами, наталкивались на репрессии. Другие, те, кто в 1920 г. питали слишком смелые надежды на скорые перемены, теперь разочаровались. Но для большинства коммунистов Гражданской войны экономическое восстановление означало переход на административные должности в государственном аппарате, к чему они часто не были готовы. К концу 1921 г. такие рабочие, ставшие управленцами, составляли большинство в партии — наряду с красноармейцами, ставшими управленцами, и управленцами, ставшими большевиками. Новая партийная элита начала искать поддержку в этой среде. По мере того как партия всё более укрепляла свои позиции в государстве, её база в рабочей среде ослаблялась. Работники заводов стали меньшинством в партии, а те, кто работал «у станка», а не в администрации — меньшинством в составе этого меньшинства. Дискуссии об альтернативных формах организации политической власти и государства, бушевавшие в 1920 г., отошли на второй план. Согласно господствующей идеологии, все беды партии происходили от влияния мелкобуржуазных элементов. Спасти положение должно было обучение рабочих партийцев искусству управления, а также увеличение доли выходцев из рабочего класса в рядах партии. Этими соображениями было обосновано проведение чистки рядов в конце 1921 г. Но в ходе её проведения обнаружилось отсутствие единого подхода к от-

ношениям партии и государства: кто-то пытался использовать антибюрократическую риторику чистки в качестве оружия против привилегий аппарата, тогда как другие рассматривали её как возможность заставить несогласных замолчать.

С началом НЭПа над партией сгустилось облако политической неопределённости. Осинский проехал по центральным губерниям России в апреле—мае 1921 г. и по возвращении докладывал ЦК РКП(б), что НЭП был «не понят» членами партии. По его предложению на 26—28 мая была созвана специальная партийная конференция¹. Протоколы конференции, так нигде и не опубликованные, демонстрируют глубокие разногласия. Энтузиазм Ленина, высказывавшегося за свободную торговлю излишками сельскохозяйственной продукции, не разделяли снабженцы, опасавшиеся последствий такого шага, который выпустит на волю рыночные силы; снабженцев, в свою очередь, обвиняли в том, что они продолжают реквизировать зерно, как будто продразвёрстку никто не отменял; представители деревенских партийных организаций истолковали призыв Ленина к проявлению инициативы на местах как сигнал к взятию аппарата продовольственного снабжения под свой контроль. Городские коммунисты, в том числе и москвичи, выражали опасения, что в результате чрезмерных компромиссов с крестьянством промышленность будет заброшена, а позиции рабочего класса ухудшатся. Ларин, журналист Лев Сосновский² и другие предупреждали, что, если предлагаемая Лениным инициатива по оживлению мелкой промышленности не будет надлежащим образом сбалансирована, она может повредить крупной промышленности, а значит, и рабочему классу, а также рабочему государству. Докладчики на конференции напоминали также о вопиющих

¹ Квашонкин А.В. и др. (ред.) Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927. М.: РОССПЭН, 1996. С. 204—205; Цакунов С.В. В лабиринте доктрины: из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М.: Россия молодая, 1994. С. 52—53.

² Сосновский (1886—1937) вступил в РСДРП в 1905 г., после чего стал профессиональным революционером и публиковался в большевистских изданиях; в 1918—1924 гг. он работал в «Правде», а также основал и редактировал газету «Беднота»; в 1920 г. поддерживал Троцкого в дискуссии о профсоюзах; был членом оппозиции в 1923 и 1927 гг.

масштабах непонимания НЭПа среди рядовых партийцев³. В не меньшем замешательстве пребывали и члены московской городской парторганизации. Изменение системы оплаты труда, сдача заводов в аренду бывшим владельцам и провал (на тот момент) плана по восстановлению крупной промышленности — «всё это создает сумятицу, которую усиливает голод [в Поволжье]», — докладывал Молотову Заславский. «Члены партии из среды массовки, середняков, а очень часто и ответственных работников берут совершенно недопустимый тон по отношению последних декретов [о введении НЭПа]»; на общих собраниях членов партии «стала резко выделяться черта несвоевременности и оппозиционности»; и, что ещё хуже, со стороны центрального руководства не поступало вразумительной информации⁴.

Отчуждение коммунистов Гражданской войны

Непрерывный поток заявлений о выходе из партии, в том числе и от ценных рабочих-коммунистов, усилился в начале 1921 г. В целом число членов партии падало: численность московской губернской организации сократилась с 52 254 чел. в июле 1920 г. до 50 836 чел. в июне 1921 г., 40 767 чел. в сентябре 1921 г. и 34 436 чел. в феврале 1922 г. после всероссийской перерегистрации членов партии⁵. Большинство из тех, кто вышел из партии сам, а не был исключён, ссылались на «личные поводы» или вообще не объясняли своё решение. Но определённая часть покинула партию по политическим мотивам. Секретарь ЦК Молотов списал эти «частные или групповые выходы из партии» на «колебания» после политического поворота, произошедшего на X съезде⁶. Но это был более глубокий

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 43. С. 205–245; РГАСПИ 46/1/2, особенно 61–81, 113–115, 118, 127–129, 140–145, 156–158, 160–162, 164–167, 180–186, 191–195.

⁴ Квашонкин и др. (ред.). Указ. соч. С. 207–208. Заславский в том же письме докладывал, что МК отказался от организации беспартийных конференций. См. гл. 4.

⁵ О статистике партийного членства: см. Прил. 4.

⁶ РГАСПИ, 17/65/223/46, цит. по Цакунов. Указ. соч. С. 52; Справочник партийного работника 2. С. 78–79, цит. по Rigby T.H., Communist Party

процесс. Исход из партии начался ещё до съезда, частично он был вызван беспокойством по поводу растущих привилегий и иерархии. Партячейка Гознака приняла заявления о выходе из партии от шести активных коммунистов на протяжении ноября 1920 г. — марта 1921 г. В этот же период происходил значительный отток членов из заводской ячейки АМО (см. гл. 1). Игнатов заявил на X съезде, что «массовый уход рабочих» доказывает, что партия, «по сути дела являясь авангардом этого рабочего класса, перестаёт быть связанной с ним»⁷. В апреле 1921 г. партийный функционер Городского района Г. Лебедев, подписавший манифест Игнатова в феврале 1921 г., но прекративший оппозиционную деятельность после съезда, в письме Ленину связал исход из партии с тревогой рядовых коммунистов по поводу «бюрократизма»⁸. Лебедев предупреждал «о выходе из партии не только отдельных рабочих, но и целых рабочих ячеек» и приводил Ленину пример группы коммунистов в типографии Региступра, чей коллективный выход из партии Лебедев должен был предотвратить⁹. Он передал позицию лидера группы, наборщика Ермолаева, «достаточно вдумчивого, самостоятельного» коммуниста, недавно повышенного в должности до руководителя типографии. Написать заявление Ермолаева заставил «отрыв партии от пролетарских масс», «эксплуатация верхами партии низов и вообще пролетариата» и преобладающие «кумовство, сватовство, но только не братство и равенство». Намного большую близость к партии Ермолаев ощущал во время «партийной недели» в октябре 1919 г., когда он в неё вступил, чем в апреле 1921 г. На протяжении этих 18 месяцев партия последовательно

Membership in the USSR 1917–1967, Princeton: Princeton University Press, 1968, p. 105; *Gorsuch A.E.*, *Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents*, Bloomington: Indiana University Press, 2000, pp. 81–88.

⁷ ЦАГМ, 415/16/590/50; ЦАОПИМ, 1099/1/2/38, 42; 1099/1/3/5, 7об, 8, 41, 43; Десятый съезд РКП(б): стенографический отчет. М.: Гос. изд. полит. литературы, 1963. С. 236–238.

⁸ Коммунистический труд. 16 февраля 1921; *Мчедлов М.П.*, *Совокин А.М.* В.И. Ленин: биографическая хроника, 1870–1924. М.: Гос. изд. полит. литературы, 1985. Т. 10. С. 300.

⁹ РГАСПИ, 2/1/18135/1–3. 11 коммунистов из типографии входили в партячейку Региступра, насчитывавшую 132 чел.

отдалялась от рабочего класса; «она давно перестала быть рабочей», и Ермолаев как рабочий больше не хотел своим пребыванием в её рядах поддерживать эту иллюзию. Он призвал «образовать свою рабочую коммунистическую партию», отличную от большевиков. Лебедев рассказал Ленину, что эти и другие люди, покидающие партию, поддерживают между собой связь, и поделился своими подозрениями: «У меня лично нет никакой уверенности в том, что в настоящее время не готовится возможность образования параллельной ком. партии». Основания для подобных страхов имелись.

Наиболее успешную попытку построить такую партию предпринял Панюшкин, чья Рабоче-крестьянская социалистическая партия (РКСП) заручилась симпатиями коммунистов-диссидентов в Городском и Бауманском районах¹⁰. Первый манифест этой группы клеймил идеологическое и организационное разложение РКП(б) вследствие «засилья чуждого рабочим элемента», ответственного за «зло, вакханалию прожектёрства, протекционизма и просто жульничества, хлестаковщину всех сортов и видов». Всё это вынудило покинуть партию «многих честных товарищей рабочих, не пожелавших с этим мириться». Введение НЭПа привело Панюшкина к выводу, что руководство партии передало власть, завоёванную рабочими в октябре 1917 г., «в замаскированном виде» обратно в руки буржуазии, и в марте 1921 г., накануне своего выхода из партии, он осудил «декреты в пользу капиталистов, помещиков и буржуазии», имея в виду решения Совнаркома о продовольственном налоге и снятии некоторых торговых ограничений. Но РКСП не являлась простой рефлекторной реакцией на НЭП. В политике она стремилась к восстановлению советской демократии образца 1917 г., как явствовало из её обращения к беспартийным депутатам Совета. В экономике она поддерживала идею «производственных союзов», выдвинутую Рабочей оппозицией (РО) во время дискуссии о профсоюзах, и предложила все административные назначения проводить

---

¹⁰ ЦАОПИМ, 3/2/48/43; 5/1/2572/52; «О «Народной социалистической рабоче-крестьянской партии», архив листовок, Библиотека социальной и политической истории в Москве.

через такие союзы. На такие назначения не должно распространяться право вето ВСНХ и связанных с ним органов, зато назначенных таким образом управленцев могли бы непосредственно отзывать профсоюзы¹¹. РКСП стремительно завоёвывала поддержку на протяжении короткого периода своего активного существования в апреле—июне 1921 г. Она набрала 200—300 членов и обзавелась помещением в центре Москвы, где проводились собрания партийцев, в которых участвовали в среднем около 80 чел. Она направляла агитаторов на предприятия и организовывала большие конференции с участием рабочих и солдат, на которых стремилась вовлечь в дискуссию большевиков¹². 7 июня в помещении РКСП была проведена облава. По меньшей мере, 18 человек было арестовано, Панюшкин и другие попали в тюрьму или были сосланы в административную ссылку. Вероятно, из-за того, что пострадали коммунисты, хоть и диссиденты, ЧК посчитала нужным оправдать свои действия тем, что РКСП предприняла «две неудачные попытки экспроприации типографических машин» и намеревалась заняться «шантажированием руководящих работников». Но в МК РКП(б) Зеленский признал: «Перед нами встал вопрос о ликвидации [прекращении активной деятельности, не убийстве. — С.П.] большинства активных сторонников Панюшкина». Панюшкина выпустили на поруки в декабре

¹¹ ЦГАМО, 3/2/28/36об; ЦАОПИМ, 3/2/18/2—3.

¹² Павлюченков, исследовав архивы ЧК, показал, что Панюшкин участвовал в дискуссиях с антиправительственными заговорщиками в Академии Генерального штаба в Москве, которые, в свою очередь, были связаны с крупной организацией, симпатизировавшей эсерам — «Донской повстанческой армией». Заговорщиков привлекли аргументы Панюшкина, но он отклонил их предложение создать военные ячейки РКСП как преждевременное. *Павлюченков*. Экономический либерализм в пределах политического монополизма // *Павлюченков С.А. и др.* Россия нэповская: исследования. М.: Новый хронограф, 2002. С. 15—57, 23—24. См. также ЦАОПИМ 3/2/48/36; *Documents of the 1923 Opposition*, London: New Park Publications, 1975, p. 19; *Сольц*. Партия в борьбе с рабочей оппозицией // *Борьба классов*. №5. 1935. С. 25; *Sakwa R.*, 'The Soviet State, Civil Society and Moscow Politics: Stability and Order in Early NEP 1921—1924', in *Cooper, J., Perrie, M. and Rees, E.A.* (eds), *Soviet History, 1917—53*, Birmingham: Macmillan, 1995, pp. 42—77, here p. 47.

1921 г., он встретился с Лениным, «признал свои ошибки» и был снова принят в РКП(б)¹³.

Ещё одна группа диссидентов, порвавшая с партией в 1921 г., состояла из «революционных левых коммунистов», осуждавших руководство большевиков за «возвращение к капиталу». Они призывали голосовать на выборах в Советы за «коммунистов из низов рабочих, из профсоюзов, из рабочей оппозиции и левых коммунистов», а не за тех, кто «по своей лености, бюрократизму, шкурничеству и под политическим давлением верхов покинут и забудут наши интересы». Члены группы жаловались, что за попытку реформировать московскую партийную организацию и противостоять «каменевской демагогии» группа была «загнана в подполье». Они приводили те же аргументы, которыми пользовались левые коммунисты во всех странах, осуждая коминтерновскую политику «единого фронта» как помеху в борьбе немецких и английских рабочих¹⁴.

Между этими оппозиционерами, покинувшими партию для того, чтобы вести политическую борьбу, и другими коммунистами, которые вышли из партии, разочаровавшись в ней, есть существенная разница. Для панюшкиных и ермолаевых — как и для оппозиционеров, остававшихся в партии, — марксизм был методом познания мира и его изменения, средством, которое должно быть обращено против вождей партии, в рядах которой они его обрели. Эти диссиденты принимали необходимость отступления, заложенного в НЭПе, но отвергали тот способ, каким образом оно совершается, а также форму сопутствующего политического режима. Для других — тех, чьё отношение к партии основывалось скорее на эмоциях, чем на политических соображениях, и в частности на адреналине, обеспечивавшем заряд оптимизма во время Гражданской войны, — для них НЭП был болезненным ударом. У тех, кто рассматривал «военный коммунизм» как путь к некоему государственному социализму, НЭП отобрал многое из того, за что они боролись — вне зависимости от того, видели ли они какую-либо серьёзную альтернативу новой политике. На АМО

---

¹³ ЦАОПИМ, 3/2/18/4а; 3/2/48/43; Социалистический вестник. №14–15. 1921. С. 14.

¹⁴ РГАСПИ, 5/1/2572/73; 17/84/454/3; 17/84/455/8.

молодой коммунист Дворецкий вернулся из Кронштадта, где участвовал в подавлении восстания и был ранен, и немедленно вышел из партии. «Я не мог установить, чем, собственно, он был недоволен, но видел, что у него совсем другие настроения», — вспоминал его товарищ. В других мемуарах с АМО описывается, как Вигант Земляк, латышский коммунист, участник уличных боёв в 1917 г., вышел из партии в 1921 г. «Он пришёл на завод в рваных ботинках и заплакал: за что мы боролись?». Грислин, «довольно хороший партиец», работавший за соседним станком, сказал ему: «Мы сразу всё не можем сделать. Нужно выждать». Земляк в ответ закричал, что руководители ячейки во время Гражданской войны «дома сидели, а я с женой ходил и дрался». Честный большевик, вернувшийся с фронта и разочарованный НЭПом, был популярным фольклорным персонажем того времени, часто появлявшимся в литературе. Например, в рассказе Либединского «Комиссары» есть диалоги, содержащие все те же элементы, что и этот реальный разговор на АМО: нищие герои Гражданской войны; партийные функционеры, сидевшие дома, пока другие воевали; сомнения по поводу НЭПа. Так что авторы мемуаров с АМО, пересказывавшие подобные эпизоды десять лет спустя, вполне возможно, находились под влиянием услышанного и прочитанного ими с тех пор. Но сила разочарования, наступившего после Гражданской войны, отражена и в других свидетельствах современников¹⁵.

Разочарование НЭПом было ярко продемонстрировано некоторыми ведущими российскими рабочими поэтами, покинувшими партию в 1921 г. Из шести рабочих поэтов, избранных в ЦК Пролеткульта на его учредительном съезде в сентябре 1918 г., один (Фёдор Калинин) умер в 1920 г., а ещё четверо — москвичи Михаил Герасимов и Илья Садофьев, а также петроградцы Владимир Кириллов и Алексей Маширов — вышли из партии в 1921 г.¹⁶ Двое московских поэтов,

¹⁵ ЦАГМ, 415/16/170/7; 415/16/657/8; *Либединский Ю.* Неделя. Комиссары. Повести. М.: Военное изд., 1968. С. 200–203.

¹⁶ В ЦК, насчитывавший 8 членов, входили, помимо 5 упомянутых, также поэт Карл Озел-Преднек, актёр Василий Игнатов и профсоюзный вожак Владимир Косиор. *Mally, L.*, *Culture of the Future: the Proletkult Movement in Revolutionary Russia*, Berkeley: California University Press, 1990, pp. 41–50 and 96.

вместе с Герасимовым основавших в 1920 г. литературное объединение «Кузница», также вышли из партии в 1921 г. (Сергей Обрадович и, вероятно, Василий Александровский), тогда как Григорий Санников и Василий Казин остались в партийных рядах¹⁷. В названии поэтического протеста Герасимова «Чёрная пена», написанного в 1921 г., содержится анти-нэповская игра слов (пена—нэпа)¹⁸. Поэт противопоставляет «голодного, с лицом свинцовым» человека, дрожащего под мостом, «белым глыбам придворно совбурских [советская буржуазия, нэповский неологизм] дам», «нагромождённых» в театральном партере. Взбешённый «искрящимися шелками» этих дам, Герасимов пишет:

Кричу синеглазый и грубый, —
 Зубами лягнув
 И током напряжив вены:
 — Забинтуйте карминные губы, —
 Они, как язвы,
 Пошло сочатся прошлым!

Герасимов представлял традицию демонизации жён коммунистических функционеров, хорошо разработанную мужчинами-коммунистами и рабочими, осуждающими привилегии. Тому есть много примеров. В письме Власова Ленину, процитированном во второй главе, осуждаются жёны партийных вождей, которые «едут на дачи в трёхаршинных, с перьями райских птиц, шляпах». Во время дискуссии о «верхах и низах» одна из партячеек на Московско-Нижегородской железной дороге, призвав партию «очиститься от примазавшегося под флагом коммунизма элемента», разгневанно добавила, что «если рядовой коммунист самоотверженно жертвует своей жизнью и приносит своих детей в жертву голодной смерти, другой [т.е. женщина] в это время не хочет отказаться даже от золотых украшений»¹⁹. Со временем

¹⁷ Об образовании «Кузницы» см. прим. 9 к гл. 2. Биографические очерки см.: *Steinberg, M. D.*, *Proletarian Imagination: Self, Modernity and the Sacred in Russia, 1910–1925*, Ithaca: Cornell University Press, 2002, pp. 287–312.

¹⁸ Кузница. №9. 1922. С. 6-8.

¹⁹ *Власов А.* Мы всё видим и всё знаем: крик души красного командира // *Источник*. №1. 1998. С. 85–88; ЦАОПИМ, 80/1/37/6–7.

жена привилегированного чиновника заняла место в литературе: например, в 1930 г. она появилась под именем «супруги товарища Пашкина» в повести Андрея Платонова «Котлован», мрачной пародии на насильственную коллективизацию.

Сексизм, присущий этим жалобам, а также тот факт, что они отражали маскулинную культуру рабочего движения, не означает, что они никогда не имели под собой оснований. Более того, в контексте излияний Герасимова они выражали социальное и политическое бессилие, которое ощущали некоторые коммунисты—герои Гражданской войны, вернувшись домой, на грешную землю. В «Чёрной пене» символы, означавшие во время Гражданской войны жизненную энергию пролетарской революции, подвергаются разложению. «В подмосковные болота / Вытекла светлая сила». Яркое майское солнце, которое ещё год назад у товарища Герасимова, Василия Казина, «ввысь вздымало огонь разгорячённых плеч»²⁰, теперь названо «ущербным».

Темой стихотворения «Будни», написанного Василием Александровским в июне 1921 г.²¹, стала пропасть между аппаратчиками и рядовыми коммунистами. «О, как мораль им новая знакома», — саркастически пишет он о функционерах. Они считают, что могут декретом Совнаркома уничтожить раскол и отчуждение в советском обществе, но эта порочная жизнь «ползёт в Правление, в Местком, / Вцепившись в подол барыньки румяной». Ярость автора главным образом направлена против «такой сволочи за столом» в типичном советском учреждении: «Ее прием “от трех до четырех” / И как войти вы смели без доклада?»; в четыре часа он садится в автомобиль, а посетитель стоит «молча от испуга». Александровский противопоставляет аппаратчика подлинным коммунистическим активистам:

Я знаю, есть другая жизнь и люди,
Животворящие великую мечту,
У них чахоткой выгладаны груди,
Они, как часовые на посту.

²⁰ Казин. Силится солнце мая... // Кузница. №1. 1920. С. 4.

²¹ Кузница. №9. 1922. С. 8–9.

Есть люди с поразительным терпением,
 Без кражи, Сухаревки и пайка,
 Они, уверовав в свое преображение,
 Не отрываются от ржавого станка.

Поражает полный переворот в оценке пролетарскими поэтами преобразовательной силы своей деятельности. Во время Гражданской войны они сметали перед собой все помехи, но в середине 1921 г. остро ощущали собственную беспомощность. В «Чёрной пене» Герасимов представляет, как его одинокое буйство в театре возымеет эффект: «Этот я — синеглазник профсоюза / Кричу с галерки, / И кто заглушит крик железный?». От этого крика глыбы совбурских дам «проваливаются в чёрную бездну». Но на ночной улице видно, что «пошлое клеймо», выжженное прошлым, вновь появляется на лбах, а рабочих поэтов «распяли на фонарных столбах». На этом стихотворение оканчивается. И это тот же Герасимов, чьи гиперболизированные утверждения о преобразовательной силе своего искусства годом ранее прогремели на всё пролеткультовское движение! Лояльные члены партии тоже раскисли. Семён Родов в своём коротком стихотворении «Песня»²² идёт один, ночью, и поёт революционную песню.

Было время — близкое
 — Где оно? —
 Шли рядами тесными,
 К звену звено,
 Сердце миллионное —
 Как одно,
 И полнеба песнею
 Потрясено.

Но теперь он не может своей «песней одинокою» созвать тех, кто ослабел. Антон Пришелец, молодой автор «Кузницы», в своём стихотворении «Поэт»²³ сетует на однообразную работу в редакции (типичное место работы для начинающего литератора во время НЭПа):

²² Горн. №7. 1922. С. 9.

²³ Кузница. №8. 1921. С. 11.

На стенах — Зиновьев, Троцкий, Ленин,
На полу — окурки, пыль, пакеты.

Как далеки эти строчки от декламаций о завоевании всего мира времён Гражданской войны!

Марк Стайнберг в своём исследовании пролетарских литераторов подчеркнул, что «в этой истории значительные роли играют сомнения, метания и неразрешённая двусмысленность»²⁴. Он показывает, что даже во время революции и Гражданской войны рабочие поэты и писатели иногда выражали сомнения по поводу революции, коллектива, технического прогресса, по поводу города и модерна — даже демонстрируя при этом твёрдые взгляды, основанные на этих модернистских темах. Эти сомнения и вопросы, несомненно, присутствовали и во время Гражданской войны: эти люди серьёзно относились к идеям и чувствам, стараясь продумать до конца их последствия. Тем не менее во время Гражданской войны господствовало настроение коллективной силы; в 1921 г. оно быстро испарилось.

Разочарование 1921—1922 гг. стояло и за волной самоубийств среди коммунистов. Для оценки масштаба этого явления имеется слишком мало статистических данных — но оно существовало, особенно в высших учебных заведениях и в Красной армии. Крупнейшая волна суицидов среди коммунистов ещё придёт в 1924—1926 гг., но уже в начале 1922 г. М. Рейснер написал: «Тяжелее всего сейчас романтикам революции. Так близко от них вспыхнуло видение золотого века. Обожгло их сердца. [...] И уже ходят печальные слухи. Там застрелился, придя домой, один из героев войны. Не выдержал мелкой и гнусной придирки. Лишняя капля переполнила чашу. [...] А там говорят о преждевременной смерти молодого рабочего, члена союза молодёжи. И тоже из-за пустяков»²⁵.

²⁴ Steinberg, *op. cit.*, pp. 19–20.

²⁵ *Рейснер М.* Старое и новое // Красная новь. №2. 1922. С. 284. Нелегко отделить историческую действительность от дискурса, сформировавшегося вокруг трагического образа романтических коммунистов Гражданской войны, совершающих самоубийство, находясь в смятении от нэповского отступления. В советские времена предпринимались попытки скрыть или уничтожить информацию на эту тему. Виктория Тяжельникова, исследовав самоубийства среди коммунистов, пришла к выводу, что крупнейшая волна была в 1924—1926 гг. В 1925 г. число суицидов в обществе в целом достигло

Оппозиция внутри партии

Х съезд принёс резкие перемены тем оппозиционерам, которые действовали, находясь в рядах партии. Ленинские заверения, что запрет фракций не помешает свободной дискуссии, оказались ничего не стоящими. Представители окружения Ленина (Молотов, Ярославский и В.М. Михайлов) сменили Преображенского и сторонников Троцкого (Крестинского и Серебрякова) в секретариате ЦК, и в мае 1921 г. этот секретариат начал громить фракции в большевистских профсоюзах²⁶. Он навязал новое руководство Союзу металлистов, который являлся вотчиной РО, и удалил умеренных большевиков Томского, Рязанова и Рудзутака из руководства Всероссийского центрального совета профсоюзов (ВЦСПС) за невыполнение

пика, превысив уровень 1922 г. более чем вдвое. Частота самоубийств среди коммунистов превышала среднюю по стране в 7 раз, а среди коммунистов-красноармейцев – в 15 раз. Но волна самоубийств коммунистов, имеющих отношение к НЭПу, началась в 1921 г., как показал Рейснер. В 1922 г. покончил с собой Пётр Белоусов, высокопоставленный партийный деятель на Украине. «Правда» писала о Бердоносове, рабочем текстильной фабрики в подмосковном Серпуховском районе, которому «стыдно стало, что исключили его из партии за выпивку, и решил лучше умереть», перерезав себе лезвием горло. Мотивы, стоящие за самоубийствами, среди коммунистов определить было не легче, чем в других слоях. Например, И.И. Литвинов в своём дневнике рассказывает о суициде своего соседа по комнате Месежникова, который покончил с собой в 1922 г. после хронической депрессии. Он оставил письмо, в котором извещал «о решении покончить жизнь самоубийством, так как нет сил тянуть дальше ляжку». Литвинов, который был одним из немногих друзей Месежникова, утверждал, что тот «был у врача по нервным болезням», проявлял «мнительность и недоверие к своим способностям». В середине 1920-х гг. среди коммунистов-оппозиционеров был ряд самоубийств, очевидно, политически мотивированных. Среди покончивших с собой были Юрий Литвинов и Евгения Бош. *Serge, V., Memoirs of a Revolutionary*, New York: Writers & Readers, 1977, pp. 193–195; *Тяжельникова В.С.* Самоубийство коммунистов в 1920-е годы // Отечественная история. №6. 1998. С. 158–173; *Pinnow, K., Making Suicide Soviet: Medicine, Moral Statistics and the Politics of Social Science in Soviet Russia, 1920–1930* (PhD diss., Columbia University, 1988); *Pirani, S., The Changing Political Relationship Between Moscow Workers and the Bolsheviks, 1920–24* (PhD diss., University of Essex, 2006), pp. 361–363.

²⁶ *Daniels, R.V., The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960, pp. 149–151.

секретного распоряжения по формулированию резолюции съезда²⁷. Если децисты, будучи относительно сплочённой группой давления, могли перейти на полуполегалное положение, то РО, которая имела значительную поддержку среди рядовых партийцев, встала перед выбором: бороться, рискуя членством в партии, или подчиниться. Эти альтернативы обсуждались на собраниях в феврале 1922 г. Среди участников этих встреч были московские профсоюзники и промышленники, в том числе Генрих Бруно, Ф.Д. Будняк и Михаил Михайлов, занимавшие ведущие позиции, соответственно, в артиллерийском, автомобильном и авиационном трестах, а также Григорий Деуленков, функционер Союза металлистов, выходец из рабочих завода «Динамо». Некоторые сторонники РО призывали повести наступательную кампанию и превратить группу в организационный центр против мелкобуржуазных тенденций, вдохновляемых НЭПом. Это, вероятно, означало бы разрыв с партией, и большинство членов группы не могли на такое решиться. Вместо этого усилия были сосредоточены на обращении Шляпникова, Медведева и других лидеров РО в Коминтерн против дисциплинарных мер, навязываемых большевистским руководством. Обращение не достигло цели, на XI съезде партии эти меры ещё более ужесточили, а оппозицию бесповоротно вытолкнули в глухую оборону²⁸.

Московские оппозиционные группы, из-за которых городская партийная организация приобрела репутацию диссидентской, оказались перед такой же дилеммой. Группа Игнатова официально самораспустилась. Но Бауманская группа перешла в наступление: она выступала против тех

---

²⁷ РГАСПИ, 17/65/224/205-8; 17/84/219/4-7; *Daniels*, op. cit., pp. 157–158; 'The Evolution of Communist Party control over the trade unions', *Revolutionary Russia*, 15:2, 2002: С.72–105.

²⁸ В письме одного из бывших оппозиционеров, скорее всего Ивана Перепечко, было сказано, что наступление ЦК на профсоюзы вынудило некоторых членов РО «поставить перед собой вопрос: быть или не быть в партии», а других — «заниматься самобичеванием». РГАСПИ, 17/71/77. См. Также: *Allen, B.C.*, 'Alexander Shliapnikov and the Letter of the Twenty Two: A Critical Episode in the Russian Communist Party's Internal Debate over Criticism and Party Discipline' (paper presented at the mid-Atlantic Slavic conference, March 2003).

аспектов НЭПа, которые, по её мнению, вредили рабочему классу, и призывала к выполнению резолюций X съезда о внутривнутрипартийной демократии. В июле 1921 г. Шляпников заявил на районном собрании, что советская власть не сумела использовать материальные блага, экспроприированные у буржуазии, для укрепления диктатуры пролетариата или для улучшения положения рабочих, «распределяя эти блага бесплатно даже среди групп, не дающих взамен этого государственных ценностей». Советов выдвинул резолюцию, принимавшую НЭП в принципе, но призывавшую проводить «линию экономической политики, способствующую сохранению и укреплению пролетариата», использовать его «силы коллективного творчества» — например, передавать предприятия в аренду трудовым коллективам, а не «чисто предпринимательским спекулятивным арендаторам»²⁹. Аргументы Бауманской группы по вопросам внутривнутрипартийной демократии были представлены в письме делегатам московской губернской партконференции в октябре 1921 г. Его авторы призывали МК «решительно порвать с практикой назначения во всех партийных учреждениях снизу доверху, с безотчетностью и с бесконтрольностью, неизбежно порождающими прислужничество, подхалимство и особые кадры облечённых особым доверием верхов, исполнительных карьеристов — покрывающих сплошь и рядом подобной послушностью свою коммунистическую ненадёжность». Подлинного единства и коллективного принятия решений партии можно достичь лишь в том случае, если вопросы будут обсуждаться «с полной свободой внутривнутрипартийной критики». В письме был протест против установившейся практики «беспрерывных перемещений партработников из одной отрасли в другую, с одного места на другое»³⁰.

Аргументы Бауманской группы имели сильный эффект, поскольку привилегии партаппарата и наступление на внутривнутрипартийную демократию по-прежнему вызывали среди коммунистов шквал эмоций. В июне губернская партконференция признала, что «курс к уравнительности в материальном положении членов

---

²⁹ ЦАОПИМ, 63/1/44/28.

³⁰ ЦАОПИМ, 3/2/18/18.

партии, намеченный X съездом партии, до сих пор осуществляется слабо», и призвала к принятию действенных мер в этом направлении. Партячейка «Каучука», не поддержавшая оппозицию в 1920 г., предупредила, что моральный авторитет партии зависит от того, прекратят ли отдельные члены партии пользоваться «особыми привилегиями, связанными с их служебными обязанностями». Снова был поднят вызвавший взрывную реакцию в 1920 г. вопрос о привилегиях Кремля: в ноябре 1921 г. бюро МК решило закрыть кооперативный магазин в Кремле, потребовать от ЦК ответа на вопрос, «на каком основании Кремлёвский кооператив пользовался исключительными правами в области заготовки», и передать полномочия по администрации продовольственного снабжения Кремля местным организациям, обслуживавшим остальное население³¹. МК был действительно весьма разгневан относительным комфортом, которым обеспечивались жители Кремля. Но он также был убеждён в необходимости заставить замолчать таких открытых критиков, как бауманцы, и развернул против них весь арсенал дисциплинарных методов: перенаправление кадров, «высылку» неугодных элементов за пределы Москвы и наводнение собраний своими людьми. В августе—сентябре в ходе реорганизации ряды лояльных партийцев выросли за счёт завоза молодых функционеров из других мест, а диссидентов из райкома выгнали. Позже начались карательные меры. Советов, вернувшийся с Гражданской войны с туберкулёзом и переживавший рецидив в сентябре 1921 г., неоднократно получал указание отправиться в деревню за продовольствием. На первый раз МК удовлетворил его просьбу и отменил этот приказ о самоубийстве, но на второй раз, в декабре, заявление Советова с вопросом, «не являются ли все эти мобилизации сведением счётов за смелость иметь собственное мнение», было проигнорировано. Бюро МК поддержало решение о его исключении³². Куранову и Берзину

---

³¹ К отчету Московской губернской конференции РКП (25–28 июня 1921 г.). М., 1921. С. 8; ЦАОПИМ, 3/2/28/161об; 475/1/2/24.

³² Советов был не единственным большевиком-диссидентом, которого отправляли в сельскую местность, несмотря на его непригодность. Когда в 1922 г. на заводе «Каучук» группа коммунистов схлестнулась с администрацией (см. гл. 7), они заявили, что одного из их сторонников, ветерана Компартии латыша Бенцеля, говорившего по-русски очень плохо, «скоро откомандировали на посевную кампанию для работ среди

выслали за пределы района, а рабочего Мастяжарта Бурдакова исключили «за расхождение с новой экономической политикой»³³. Репрессии были направлены и против лидеров самораспустившейся группы Игнатова: самого Игнатова отправили руководить парторганизацией в Витебске (что в данном контексте было, по сути, ссылкой), а Ангарского направили работать в советскую торговую миссию в Берлин³⁴.

Вольнодумство находило благодарную публику в высших учебных заведениях, созданных для того, чтобы заложить основы новой «красной интеллигенции». В Москве был основан Коммунистический университет им. Свердлова, представлявший высшее образование рабочим-коммунистам; Институт красной профессуры — аналогичное заведение последипломного образования; и рабфаки других университетов. Но не успели в этих вузах собраться в достаточном количестве учащиеся, как они превратились в рассадник оппозиции³⁵. «Красные» вузы стали оплотом подпольной группы «Рабочая правда», утверждавшей, что партийное руководство представляет «техническую организаторскую интеллигенцию», занимающуюся восстановлением капитализма. Две выдающихся активистки этой группы, Полина Ласс-Козлова и Фаня Шуцкевер, были учащимися-коммунистками³⁶. В платформе

крестьян, которые, как известно, к не владеющим русским языком относятся недоверчиво». ЦАОПИМ, 3/2/28/177—177об, 182; Рабочая Москва. 28 мая 1922.

³³ ЦАОПИМ, 465/1/4/18; 3/2/18/2; 467/1/5/32.

³⁴ *Луначарский А.В., Троцкий Л., Радек К.* Силуэты: политические портреты. — М.: Изд. политической литературы. 1991. С. 431; ЦАОПИМ, 3/2/28/88.

³⁵ ЦАОПИМ, ф.685, оп. д.23. См. также *David-Fox M., Revolution of the Mind: Higher Learning Among the Bolsheviks 1918–1929*, Ithaca: Cornell University Press, 1997, pp. 42–52, 57–62 and 113–114.

³⁶ О Ласс-Козловой и Шуцкевер см. Прил. 1. Платформа «Рабочей правды», распространявшаяся в машинописных копиях и в 1922 г. опубликованная в меньшевистской газете, является единственным документом, который мне удалось найти. В Москве были напечатаны и разосланы фабзавкомам по почте два номера газеты «Рабочая правда». См. РГАСПИ, 17/71/81; *В.Ю. Черняев и Е.И. Макаров* (ред.) *Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»*. Октябрь 1917–1929: экономические конфликты и политический протест. СПб.: Русско-балтийский информационный

группы утверждается, что НЭП является «восстановлением нормальных капиталистических отношений». Октябрьская революция была «крупнейшим и героическим событием в истории борьбы российского пролетариата», но, покончив с властью помещиков, паразитической царской бюрократии и буржуазии, она лишь открыла «широкие перспективы быстрого превращения в страну передового капитализма». После революции и Гражданской войны буржуазия была расколота, а рабочий класс «был ещё не подготовлен к организации общества на новых началах». На передний план выходит «техническая организаторская интеллигенция»; по мере её слияния со старыми буржуазными элементами сформируется новая буржуазия. РКП(б), которая в 1917 г. была рабочей партией, стала партией этой организаторской интеллигенции, и пропасть, отделяющая её от рабочих, всё больше углублялась. «Рост классовой активности у передовых беспартийных рабочих и классово мыслящих элементов внутри РКП создаёт необходимую предпосылку для создания партии российского пролетариата»; эта партия будет призывать к укреплению связей с США и Германией и «к бойкоту реакционной Франции»; она будет отстаивать «свободу печати и коалиции для революционных элементов пролетариата», против «административного произвола» и бороться с фетишистским подходом, по которому право голоса предоставляется исключительно трудящимся.

В дневнике Иосифа Литвинова³⁷, который после службы в Красной Армии учился в Институте красной профессуры и знал Шуцкевер, даётся яркое описание обстоятельств, в которых работала группа «Рабочая правда». Литвинов видел,

---

центр БЛИЦ, 2000. С. 305–312; Социалистический вестник. №3. 1923. С. 12–13. См. также: ЦАОПИМ, 3/3/34/329, 364, 365; Ярославский Е. «Рабочая оппозиция», «Рабочая группа», «Рабочая правда». М.: Молодая гвардия, 1927. С. 56–80; Социалистический вестник. №19. 1923. С. 3–4.

³⁷ Литвинов И.И. «Птицегонство надоело до смерти». Из дневника И.И. Литвинова // Неизвестная Россия. – IV. 1993. С. 81–139, со ссылкой на РГАСПИ, 589/3/1509/16–52. Литвинов (1896-?), возглавлявший еврейскую секцию Латвийской социал-демократической рабочей партии во время Гражданской войны и работавший на административных должностях в промышленности и экономике на протяжении 1920-х–1930-х гг., в 1933 г. бежал в Великобританию.

как разложение новой коммунистической элиты и удушение внутрипартийной дискуссии приводило в отчаяние многих студентов-коммунистов, живших в нищете. В январе 1922 г. он записал свой разговор с Шуцкевер о «злых шутках судьбы» над партией и её идеалами. В то время, как Россия страдает от голода, а «спекуляция, проституция и всякая мразь процветает открыто», коммунисты вырождаются, констатировали они. «Люди, поставившие себе целью изменить мир, бороться со всеми предрассудками, должны сами быть смелы, революционны, бесстрашны и в своих действиях, и в своих словах, и в мыслях. И таковыми некогда были большевики. А теперь? [...] Стадо баранов, не имеющих своего суждения, старающихся всем влиятельным лицам угождать, боящихся самостоятельный шаг сделать. Коммунисты выработали свои кастовые предрассудки — свои уставы, свои катехизисы».

«Пахнет казёнщиной, мертвечиной, катехизмом и склокой». Обращение 22-х лидеров РО к Коминтерну «вызвало большие толки» и сочувствие. Но многие студенты чувствовали себя беспомощными, и росло число добровольных выходов из партии. В марте 1922 г. Литвинов написал: «Уход из партии в последнее время принял характер эпидемий. Уходят наиболее честные пролетарские элементы. Если это так долго продержится, то у нас скоро трудно будет найти рядового коммуниста-пролетария».

Историки, работавшие до открытия советских архивов, предполагали, что члены «Рабочей правды» были последователями Александра Богданова, теоретика «пролетарской культуры» и старого фракционного оппонента Ленина. Безусловно, в чём-то «Рабочая правда» действительно сходилась с Богдановым: она считала культуру центральным полем боя с «организаторской интеллигенцией», «пленившей» рабочих буржуазной идеологией, и призывала «к резкому отграничению от официальной советской литературы и искусства» и поддержке пролетарских культурных организаций³⁸. Но

³⁸ *Sochor, Z.A.*, *Revolution and Culture: The Bogdanov–Lenin controversy*, Ithaca: Cornell University Press, 1988, pp. 179–180; *Daniels*, *op. cit.*, pp. 159–161. См. также: *Антонова Н.С. и Дроздова Н.В.* (ред.) *Неизвестный Богданов в 3-х книгах*. М.: АИРО, 1995. кн. 1. С. 204–222; *Карев Н.* О группе «Рабочая правда» // *Большевик*. №7–8. 1924. С. 27–43.

откровенно принимала богдановские теории и стремилась их применить в условиях НЭПа другая оппозиционная группа — «коллективисты». Их манифест, распространённый на съезде Пролеткульта в Москве в ноябре 1921 г., осуждал «отвлеченно-религиозный» марксизм Плеханова и Ленина и называл Богданова вождём их теоретической школы. Ленин призывал составить ответ, но это так и не было сделано³⁹.

В манифесте «коллективистов» больше философии, чем политики. В нём развивается идея «коллективизма познания, мышления», разработанная в дореволюционных сочинениях Богданова: идеология в целом, а также наука и искусство в частности, это «собранный, приведенный в порядок, организованный, коллективно-трудоуловый опыт», который является орудием усиления коллектива и организации коллективного труда. Лишь постольку, поскольку «коллективисты» считают борьбу за «классовую чистоту культуры пролетариата, его идеологии» первичной, а политику — неотъемлемой частью культуры, лишь задекларировав своё стремление освободить пролетарскую идеологию от «авторитарно-религиозных и индивидуалистических-отвлечённых элементов», они переходят к политическим вопросам. В 1920 г. они поддерживали РО, наблюдая за превращением РКП(б) из пролетарской партии в партию рабочих и интеллигенции. Они считают раскол неизбежным, но намерены остаться в рядах партии и продолжать борьбу изнутри. Они считают советское государство рабоче-крестьянской диктатурой с государственно-капиталистической экономикой; для того, чтобы «перейти к доподлинному коммунизму, или, вернее, коллективизму», и предотвратить подъём «техническо-бюрократической интеллигенции, так сказать новой буржуазии», необходима новая, политическая революция. Впрочем, это их конечная цель, а не актуальный политический лозунг. Непосредственными задачами является «оздоровление промышленности»; научная организация труда; и «оздоровление пролеткульта», очищенных от непролетарских элементов, для развития пролетарской культуры. (К сожалению, пока что нет доступной информации

---

³⁹ РГАСПИ, 17/60/43/20—28. См. также *Sochor*, op. cit., pp. 179—180; *Ленин*. Указ. соч. Т. 44. С. 266.

о сторонниках этого манифеста и о какой-либо дальнейшей деятельности его авторов).

Оппозиционеры, почти что завоевавшие большинство в московском комитете партии в ноябре 1920 г., год спустя были расколоты и побеждены. Их сторонники вышли из партии сами или были исключены, вынуждены замолчать, дисциплинарными мерами были загнаны в подполье или же политически примирились, прекратили критику и начали выполнять решения X партсъезда.

С заводов в аппарат

Опасения оппозиционеров, что партия идеологически отходит от рабочего класса, подкреплялись, когда они видели, как она удаляется от него физически. Рабочие-партийцы перемещались из цехов в администрацию и на советские управленческие должности. Возвращающиеся красноармейцы с большей вероятностью попадали на госслужбу, чем на заводы. Руководство партии разрывалось: оно хотело поставить коммунистов, особенно рабочих, во главе тех отраслей государственного и промышленного аппарата, которые оно, по собственным ощущениям, не контролировало, но эти же самые люди нужны были ему для посредничества в отношениях с рабочими и особенно с крестьянами. Оно отклонило все предложения политической реформы советского государства; это, в свою очередь, затормозило дискуссию о том, что же делать с госаппаратом. Для контроля над государственным аппаратом приходилось использовать аппарат партийный, и при этом он же отвечал за поддержание или восстановление нормальных отношений с населением. При таком подходе члены партии представляли особую ценность, поскольку лишь они считались подходящими кандидатурами на важнейшие административные и политические посты. Перемещению их с одной должности на другую уделяли огромное внимание и тратили на этот процесс множество энергии. Первой реакцией бесчисленных комитетов на любую проблему была перестановка кадров. Так появились феномены «переброски» и «движения членов», предтечи системы распределения кадров, установленной в середине

1920-х гг. В 1922 г., первом году, для которого есть статистика, около 40% московских членов партии были переброшены из одного района в другой, не говоря уж о тех, кто менял место работы в рамках одного района⁴⁰.

В Москве жестокую борьбу вели МК, для которого приоритетом являлась эффективная работа производственных ячеек, и административные учреждения – которых в столице было более чем достаточно. С февраля 1921 г. МК и всероссийское партийное руководство «мобилизовали» на заводы коммунистов-служащих, многие из которых сопротивлялись или жаловались⁴¹. В октябре Зеленский докладывал на губпартконференции, что «огромная масса» московских коммунистов работает в советских учреждениях. По его словам, из 30 тыс. с лишним коммунистов 15 тыс. работало в административных учреждениях, а ещё 6,5 тыс. – в Красной Армии (включая многих, занимавших канцелярские должности в штабе). Лишь 2 тыс. коммунистов работали на транспорте и 4 тыс. на заводах – и, как будет сказано ниже, большинство из них занимали управленческие посты. С сентября 1920 г. число партийцев в административных учреждениях выросло едва ли не в полтора раза, тогда как на заводах их численность сократилась вдвое. За последние 4 года, на протяжении которых партия находилась у власти, она «представляла из себя насос, который беспрерывно качал партийные массы и высасывал их в советские учреждения», в отчаянии восклицал Зеленский: «Как только рабочий коммунист оперивается, вылезает на бой, он моментально попадает на советскую работу. Немудрено, что мы при таком положении начинаем терять свое влияние среди рабочих». На заводах «нет тех дрожжей, которые будут давать брожение, которые будут группировать, давать работников, усиливать их и т.д.». Зеленский требовал, чтобы насос «начал качать понемножку обратно», чтобы членов партии отправляли обратно на заводы, и обвинял тех, кто считает заводские

---

⁴⁰ Pirani, op. cit., p. 355.

⁴¹ Правда. 4 мая и 10 мая 1921; Коршунова З.П. (ред.) Очерки истории Московской организации КПСС, кн. II, ноябрь 1917–1945. М.: Московский рабочий, 1983. С. 207–209; Шкартан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М.: «Мысль», 1970. С. 240.

должности ниже своего достоинства, в «чиновничестве»⁴². Ко времени проведения следующей губпартконференции в марте 1922 г. положение немного исправилось. Зеленский сообщил, что из приблизительно 26 тыс. партийцев 6 тыс. работают в промышленности, тогда как «остальные заняты на военной службе, администрируют, хозяйствуют, учатся и т.д.»⁴³ Но попытки мобилизации коммунистов-служащих на заводы провалились. На протяжении 4 месяцев после октябрьской конференции, на которой прозвучал призыв к мобилизации, районные парторганизации предложили 1300 коммунистам заполнить конкретные вакансии на заводах, и 850 из них в результате получили назначения. Но после всех просьб и апелляций на новую работу были направлены лишь 250 чел. Зеленский заключил, что многие служащие-партийцы были бы на заводах «просто балластом», будучи «не приспособлены к заводской жизни». Усилить заводские ячейки можно, лишь упростив вступление в партию для рабочих⁴⁴.

В ячейках советских учреждений, в которых состояло большинство московских членов партии, администраторы-выходцы из рабочих и крестьян-красноармейцев тесно общались с партийцами, которые до революции были чиновниками и студентами⁴⁵. Были трения. Пётр Коротков, служащий московского торгового учреждения, покинул ряды кандидатов в члены партии

---

⁴² Отчет седьмой Московской губпартконференции РКП 29–31 октября 1921 г. М., 1921. С. 24–25.

⁴³ Восьмая губернская конференция Московской организации РКП (23–25 марта 1922 г.). М.: МК РКП, 1922. С. 39.

⁴⁴ Там же. С. 41; Известия МК РКП(б). №1. 1922. С. 22–23.

⁴⁵ Эту категорию – тех, кто работал в царской бюрократической системе и вступил в партию после 1917 г., – сложно определить. Группа советских исследователей проанализировала результаты переписи служащих 1922 г. и показала, что партийцы, занимавшие высокие административные посты, как правило, утверждали, что до революции были «инженерно-техническими работниками», «учащимися», «лицами свободных профессий» или «военнослужащими». Менее 10% смогли отыскать основания для того, чтоб отнести себя к наиболее политически желанной категории – «рабочим». *Васлев В.И., Дробижев В.З., Закс Л.Б., Пивовар Б.И., Устинов В.А., Ушакова Т.А.* Данные переписи служащих 1922 г. о составе кадров наркоматов РСФСР. М.: Изд. Московского университета, 1972. С. 148–152; *Pirani*, op. cit., p. 160.

в марте 1921 г., жалуясь на то, что ячейка состоит из «сынков и пасынков». «Сынками» были рабочие, пришедшие на административные должности после 1917 г., ставшие «большими и малыми руководителями в многочисленных коллегиях губерний и уездов», имеющие дополнительные источники дохода. «Пасынки» — это «старые служащие-профессионалы», которые подвергаются материальной и политической дискриминации⁴⁶.

В отличие от вертикально мобильных рабочих-коммунистов, носящих свой пролетарский статус как знак превосходства, некоторые рабочие-партийцы чувствовали себя неготовыми принять навязанные им обязательства. М.А. Матехин, рабочий из Сокольников, который после февраля 1917 г. сменял административные должности одну за другой, в 1921 г. умолял, чтобы его не назначали главой исполкома сельского райсовета: «Я и много подобных мне товарищей вышли непосредственно из заводской массы, мы без образований», — написал он. Государственный аппарат «усложняется», и чтобы в нём работать, «нужно определённое пополнение знаний». Он просил разрешения вернуться на свой завод или перейти на работу в Союз металлистов⁴⁷.

Впрочем, те, кто из скромности просился обратно на заводы, а также те, кто из принципа их не покидал (о них см. гл. 2), являлись незначительным меньшинством. В октябре 1921 г. Зеленский подсчитал, что заводские партийчики в Москве насчитывали в среднем по 14 членов, тогда как на 24 ячейки в центральных административных учреждениях приходилось в общей сложности 5400 чел. К тому же большинство коммунистов на промышленных предприятиях были управленцами: в докладе, подготовленном ЦК в начале 1922 г., было сказано, что из 5424 коммунистов на московских промпредприятиях лишь 1819 работали «у станка», тогда как 3605 исполняли другие, в основном административные обязанности. Ячейка завода Бромлея представляет собой типичный пример: после чистки 1921 г. в ней осталось 26 членов, 15 из которых были металлистами средней

---

⁴⁶ ЦАОПИМ, 63/1/62/43–44.

⁴⁷ Назначения в сельскую местность были особенно непопулярны, и Матехин, возможно, надеялся остаться в Москве — но это не значит, что его опасения по поводу собственной необразованности были неискренни. Подробнее этот вопрос обсуждается в гл. 7. ЦАОПИМ, 3/2/28/176.

и высокой квалификации — но лишь 10 из них по-прежнему работали по своей специальности. По меньшей мере, 12 членов ячейки занимали административные посты на заводе или за его пределами. В общероссийском масштабе в заводских ячейках состояли 10,5% членов партии, а в ячейках транспортных предприятий — 7,1%; более половины из этих 17,6% занимали управленческие должности. Перепись 14 750 коммунистов, входивших в ячейки промпредприятий 22 самых индустриализированных губерний России, показала, что лишь 4255 из них работали у станка; остальные (71%) занимались администрированием или были откомандированы на другие должности — например, в профсоюзную или кооперативную организацию⁴⁸.

Партийная чистка

Чистка конца 1921 г., в рамках которой из партии по всей стране исключили пятую часть всех членов, проходила в контексте строительства однопартийной политической системы. Отбросив проекты расширения советских структур, предлагаемые децистами, побрезговав попытками беспартийных наладить сотрудничество и забрав на себя все полномочия по принятию политических решений не только на общероссийском уровне, но и в местных и заводских органах, партия более чем когда-либо полагалась на своих членов, которые должны были ответственно распоряжаться такой властью. Чем больше власти сосредоточивалось в руках партии, тем большей была моральная ответственность её членов. Объясняя политику исключений из партии, Сольц утверждал: «Мы находимся в таком благоприятном положении, когда можем не только для себя решать вопросы, но и устанавливать, так сказать, моду, норму, по которой должно жить общество. Мы являемся господствующим классом здесь, в нашей стране, и жизнь строится по нас»⁴⁹. Из моральных

---

⁴⁸ ЦАОПИМ, 412/1/14; ЦК РКП(б). Итоги партийной работы за год 1922–23. М.: Красная новь, 1923. С. 146–147.

⁴⁹ Сольц А. Коммунистическая этика // Е. Ярославский (ред.) Каким должен быть коммунист: старая и новая мораль. М.: Молодая гвардия, 1925. С. 84–98.

императивов вытекали организационные задачи. Одной из них было очистить партию от элементов, считающихся коррумпированными. Другой — продолжить борьбу против «бюрократизма» (в одномерном смысле: имея в виду авторитаризм и неэффективность советских учреждений, но не обсуждая того, как партия намерена распоряжаться властью). Честные партийцы-пролетарии были объявлены гарантами надлежащего управления, а нечестные и/или мелкобуржуазные члены партии считались источником «бюрократизма». Энтузиазм по поводу чистки в массе своей разделяли и партийные лидеры, и те, кто в 1920 г. находился в оппозиции. Но в рамках этого «антибюрократического» дискурса левые целились в привилегии «верхов», тогда как последователи Ленина и Смилги стремились при помощи чистки заткнуть рот оппозиционерам-рабочистам.

Первоначальное объявление ЦК о чистке было направлено против отдельных членов партии непролетарского происхождения: было сказано, что за годы, прошедшие после революции, когда пролетариат привлек крестьянство и городские средние слои на свою сторону, представители этих чуждых классов проникли в пролетарскую во всех других отношениях партию и принесли с собой бюрократизм и коррупцию. Теперь их нужно исключить. Московская губернская комиссия по чистке объявила своей главной мишенью «господ, ставящих своею целью не борьбу за коммунизм, а исключительно свои шкурнические, корыстные побуждения: получить ответственную должность, сытное и тёплое местечко». Эти коммунисты-в-кавычках «своею деятельностью стали практиковать старые приёмы самодержавных чиновников-бюрократов», тем самым дискредитируя партию и отпугивая от неё рабочих⁵⁰. Комиссии по чисткам часто приглашали беспартийных рабочих, чтобы те высказали своё мнение о том, достойны ли состоять в партии те или иные коммунисты, и рабочие использовали эту возможность выразить свои опасения по поводу заводских управленцев. В одной из военных частей, расположенных в Москве, 400 беспартийных солдат выставили с такого собрания 36 членов

⁵⁰ Правда. 16 августа 1921; Известия ЦК РКП(б). №33. 1921. С. 38–41.

партии и сами решили, кого нужно вычистить (!), хотя потом их решения и отменила комиссия по чистке⁵¹.

Чистка началась в августе 1921 г.; в Москве она по-настоящему развернулась в ноябре. Всего из губернской организации было исключено 7270 человек. Крупнейшие группы исключённых (почти треть от общего числа) — «чуждые элементы» и «пассивные члены»⁵². Запрет использовать чистку для сведения счётов с диссидентами часто игнорировался. Хотя за «несогласие с новой экономической политикой» были исключены всего 10 партийцев, против диссидентов и других неудобных лиц использовались такие универсальные пункты обвинения, как «отказ от выполнения партдиректив» или «неустойчивый колеблющийся элемент»; всего по таким пунктам было вычищено более 1300 чел. За чисткой последовала всероссийская перерегистрация членов РКП(б) в феврале 1922 г, по материалам которой были изданы официальные данные о социальном составе партии.

Большое значение, придаваемое социальному происхождению членов партии, и желание увеличить долю партийцев с пролетарским происхождением ставили в очень выгодное положение того, кто мог доказать наличие у себя пролетарских корней. Преувеличения и фальсификации в этом деле стали распространённой практикой. После перерегистрации, по данным статистики, в масштабах всей страны партия на 44,4%

---

⁵¹ Известия МК РКП(б). №1. 1922. С. 6.

⁵² Ниже приведён список категорий вычищенных и число исключённых из партии по соответствующим мотивам. Чуждый элемент — 1340; пассивное членство — 976; добровольно вышедшие и механически выбывшие — 906; отказ от выполнения партийных директив — 706; неустойчивый колеблющийся элемент — 607; карьеризм, шкурничество — 600; дискредитация партии — 374; пьянство, грубое обращение — 364; партийный балласт — 361; исполнение религиозных обрядов — 179; злоупотребление властью — 159; сомнительный элемент — 104; воровство, хищение — 123; неусвоение партийной программы — 121; уклонение от воинской повинности — 95; спекуляция — 62; уголовная подсудимость — 59; взяточничество — 45; уклонение от трудовой повинности — 30; бывшие полицейские — 30; вымогательство, шантаж — 22; игра в карты — 19; агитация, подрыв советской власти — 15; неподача рекомендаций — 15; буржуазный образ жизни — 11; несогласие с новой экономической политикой — 10; вошедшие с контрреволюционной целью — 4; антисемитизм — 3. Известия МК РКП(б). №1. 1922. С. 5–18.

состояла из пролетариев, а остаток почти поровну был разделён между служащими и крестьянами. В московской организации 49,1% партийцев были пролетариями, 35,5% — служащие, а оставшаяся часть — крестьяне и «другие»⁵³. Но к этим цифрам нужно подходить критично. В докладе комиссии ЦК по чистке на XI партсъезде М.Ф. Шкирятов объяснял: «У нас есть явление, что человек рабочий, а иногда бывает, что двадцать лет прошло, как он напильник держал в руках, а иногда и хуже того: он напильника совсем не держал, а числился пролетарием, или его дед был рабочим, и он ставил себя в рубрику рабочих». Антипов, председатель московской комиссии по чистке, рассказал, что из партии были исключены 27 бывших полицейских, но только после того, как были пойманы на горячем: «Многие выписывали себя за пролетариев и под этим скрывали своё уголовное прошлое»⁵⁴. Других псевдо-пролетариев, вероятно, вычислить так и не удалось. Проблема усугубилась после съезда, когда заняться пролетаризацией предписали всем партийным органам, и перед ними встал соблазн подправить на бумаге данные о социальном происхождении личного состава.

До какой степени чистка была отражением нерешённых внутривнутрипартийных дискуссий и двойственного отношения партии к аппарату, хорошо видно в результате сравнения работы комиссий по чистке в Хамовническом и Бауманском районах. В первом случае комиссия яростно набросилась на партячейки в Совете и военных частях района и попыталась исключить из партии двух высокопоставленных большевиков за коррупцию и антирабочее поведение. Во втором же случае комиссия осторожно прочесала партячейки в аппарате и попыталась исключить из партии одного из лидеров оппозиционной Бауманской группы (игнорируя чёткое указание: не вычищать людей за политическое несогласие). Хамовническую комиссию возглавлял Шубин, бывший сторонник РО. Кроме

⁵³ Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. М.: изд. отдел ЦК РКП, 1922. С. 20–21. См. также: *Иванович С.* ВКП: десять лет коммунистической монополии. Париж: биб. демократического социализма, 1928. С. 65; *Rigby*, *op. cit.*, p. 85.

⁵⁴ Одиннадцатый съезд РКП(б): стенографический отчет. М.: Гос. изд. политической литературы, 1961. С. 376; ЦАОПИМ, 3/2/18/39.

него, в комиссию входили Кочетков — ещё один симпатик РО, член партии с 1913 г.; Николай Мизикин, сильно склонный к рабочизму; Гурвич; и Григорий Беленький, лояльный к партийному руководству⁵⁵. Комиссия рассматривала чистку как шанс добраться до верхушки аппарата и буквально воспринимала публичную риторику, призывавшую к строгости в отношении бывших рабочих, «которых справедливо прозвали «закомиссарившимися», и «сановников, [...] которые успели потерять все хорошие черты пролетариев и приобрести все плохие черты бюрократов»⁵⁶. Среди партийцев, исключённых хамовнической комиссией, было двое высокопоставленных большевиков: Данишевский, во время Гражданской войны входивший в Реввоенсовет, и Трифон Енукидзе, союзник Сталина и брат члена ЦК Авеля Енукидзе⁵⁷. Оба они позже были восстановлены в партии, при не вполне ясных обстоятельствах.

Данишевскому, который теперь возглавлял Североглавлес, комиссия по чистке предъявила обвинение в том, что он уволил работницу, которая пожаловалась на «безобразия и роскошествование» руководства Североглавлеса. Когда профсоюз потребовал восстановить эту женщину, Данишевский попросил агентов ЧК арестовать двух профсоюзных активистов. Кроме того, он занял роскошный дом и начал плести сложные интриги, чтобы отменить решения целого ряда органов, вплоть до Совнаркома, обязывавших его вернуть дом в государственную собственность. Он присваивал и другие

---

⁵⁵ ЦАОПИМ, 88/1/101/46; ЦАОПИМ, 685/1/36, особенно 261. Беленький (1885–1938) присоединился к революционному движению в 14 лет и входил в большевистскую фракцию со времени её основания в 1903 г.; в 1917–1925 гг. входил в МК; в 1927 г. исключён из партии за поддержку объединённой оппозиции. Мизикин (1886–1958) родился в семье безземельных крестьян и в 11 лет переехал в Москву, где начал работать на складе; вступил в РСДРП (б) в 1911 г.; ветеран Гражданской войны. В дискуссии о революционной легальности в 1918 г. якобы заявил: «К чему даже эти вопросы? Я пройду к нему в кухню и загляну в горшок: если есть мясо — враг народа! К стенке!». *Сосновский Л.* Дела и Люди. Кн. 1. М., 1924. С. 53–54.

⁵⁶ Известия ЦК РКП(б). №33. 1921. С. 38–40.

⁵⁷ О Данишевском и Енукидзе см. Прил. 1.

объекты госсобственности (поместье, два автомобиля, дорогие продукты питания и т.д.) для нужд своей семьи⁵⁸. Енукидзе, руководивший Гознаком, обвинялся в «грубом обращении с рабочими», представителями партийных и профсоюзных организаций. Комиссия по чистке выяснила, что он отверг все примиренческие инициативы и назвал фабзавкомы «язвой на здоровом теле Сов[етской] власти». По словам обвинителей, Енукидзе был настолько непопулярен среди рабочих Гознака, что «при одном его появлении начинают свистки, ругань и т.д.». Несомненно, против него в какой-то мере работало предубеждение против «спецов», царившее на фабрике. Например, депутат Гознака в районном совете Иван Богданов так завершил свой доклад о столкновениях с Енукидзе: «9-ый съезд дал власть всем спецам, надо снова устроить революцию 25-го октября, чтобы вырвать от них власть». Тем не менее, обвинения в чванливом отношении Енукидзе к партячейке и фабзавкому подкреплялись свидетельствами. Конфликт продолжался до 1922 г., когда рабочие и профсоюзные деятели пожаловались, что администрация разделила между собой крупный денежный премиальный фонд. Московская арбитражная комиссия в Москве решила дело в пользу профсоюза, но всероссийская комиссия отменила это решение⁵⁹.

Хамовническая комиссия по чистке пошла наперекор руководству московского гарнизона, пытавшемуся противостоять зачистке местными комиссиями коммунистов-красноармейцев, и разгромила 10 ячеек, в которые входили сотрудники военного командования. Комиссия осудила царившие там «кумовство, подхалимство» и порекомендовала реорганизовать эти ячейки⁶⁰. Она пошла и на дальнейшее обострение конфликта с районным партийным руководством, нелицеприятно раскритиковав ячейку, в которую входили сотрудники местного Совета, и распорядившись, чтобы «старый большевик» Борис Бреслав и ещё двое работников райкома

⁵⁸ ЦАОПИМ, 685/1/36/95–95об.

⁵⁹ ЦАОПИМ, 3/2/28/135; 3/3/34/178; 1099/1/2/35; 685/1/36/107об; РГАСПИ, 17/84/151/15, 21об; 17/84/378/15–16. О дальнейшем развитии конфликта между Енукидзе и партийной ячейкой см. гл. 7.

⁶⁰ Известия МК РКП(б). №1. 1922. С. 6; ЦАОПИМ, 685/1/36/256.

были переведены в ячейки на промышленных предприятиях. Секретарь райкома Александр Мандельштам категорически отказался выполнять эти решения; во время последующей перепалки он назвал Кочеткова «уголовным типом»⁶¹.

Секретарь Бауманской комиссии по чистке Ганс Лемберг был союзником Сталина и рассматривал себя как агента центрального аппарата партии. Кроме него, в комиссию входили: Иван Камков, рабочий, член партии с 1902 г., работавший в органах снабжения; Георгий Благодоров, член партии с 1917 г. и сотрудник ЧК с 1918 г.; и Гадареин⁶². Эти люди нанесли удар в сторону, противоположную той, куда били их коллеги из Хамовников — то есть, не по партийной элите, а по самым сильным своим оппонентам. Лидеры районной оппозиционной группы, основанной в 1920 г., Мария Берзина и Сергей Масленников, жаловались на предубеждение комиссии против их сторонников. Баранова, заводского активиста как раз такого типа, которого не хватало большевикам, комиссия предложила исключить из партии «как недостаточно дисциплинированного в выдержке своей парт. деятельности». Он подал апелляцию, утверждая, что был вычищен в отместку за поддержку оппозиции; апелляцию удовлетворили⁶³. С другой стороны, Бауманская комиссия воздерживалась от критики аппаратных ячеек, в которой преуспели их коллеги в Хамовническом районе. Комиссия снисходительно отнеслась к бывшим

---

⁶¹ ЦАОПИМ, 685/1/36/251–261; 88/1/101/2, 50. Бреслав (1882–1938) родился в рабочей семье под Витебском, выучился на сапожника; в 1899 г. вступил в РСДРП; неоднократно подвергался арестам и высылке; в 1918 г. недолго работал секретарём МК; ветеран Гражданской войны; в 1923 г. был одним из трёх первых подписантов «платформы сорока шести». Мандельштам (1878–1929) коренной москвич; в 1902 г. вступил в партию большевиков; в 1905 г. и позже — член МК большевиков; неоднократно подвергался арестам и высылке; после 1917 г. работал на многочисленных партийных и административных должностях.

⁶² ЦАОПИМ, 685/1/2. О Лемберге см. Прил. 1.

⁶³ ЦАОПИМ, 3/2/13/150; 63/1/50/6; 685/1/2/133. О Берзиной см. Прил. 1. Масленников родился в Твери, в семье приказчика мебельного магазина, вступил в революционное движение в реальном училище в 1906 г.; занимался подпольной профсоюзной работой; вступил в партию большевиков в 1911 г.; ветеран Гражданской войны; в 1917–1924 гг. член Моссовета.

членам других партий в этих ячейках, тогда как против них официальные директивы предписывали вести самую жёсткую линию. Она доложила, что 30 из 154 членов ячейки Цектрана ранее входили в другие партии, но ни одного из них не вычистила. Очевидно, Бауманская комиссия разделяла ленинскую точку зрения о том, что несмотря на всю публичную риторику, выходцы из других партий в аппарате делают важную для экономики работу и их нельзя ослаблять⁶⁴.

Чистка и перерегистрация проводились с целью сделать партию более пролетарской по социальному составу. Когда были объявлены результаты кампании и трудности, связанные с выполнением этих задач, стали видны всем, среди партийного руководства завязалась дискуссия о том, куда двигаться дальше. Ленин, будучи убеждён, что партийцы непролетарского происхождения являются главным источником реакционного общественного давления на партию, призвал ужесточить критерии приёма в РКП(б). Ключевым его предложением было ограничение приёма в партию заводских рабочих «мелкобуржуазного» происхождения — то есть, прежде всего, переселенцев из деревни в первом поколении, составлявших значительную часть трудовых коллективов на многих заводах. Ленин предложил Политбюро ужесточить ограничения на приём в партию представителей рабочего класса с промышленным стажем менее десяти лет, аргументируя это тем, что «у нас постоянно считаются за рабочих такие лица, которые ни малейшей серьёзной школы, в смысле крупной промышленности, не прошли». Многие партийные вожди разделяли политическое недоверие Ленина к рабочему классу, но считали непрактичным ужесточение критериев приёма в партию. Калинин и другие просили Ленина смягчить свои предложения. ЦК подготовил проект документа, который позволил бы рабочим и красноармейцам пролетарского и крестьянского происхождения вступать в партию после шестимесячного кандидатского

---

⁶⁴ В сентябре 1921 г. Ленин публично призывал оставить в партии «примерно не более одной сотой доли» из меньшевиков, вступивших в неё позже начала 1918 г., но позже он вместе с другими высокопоставленными партийцами просил Московскую комиссию по чистке о снисхождении к отдельным бывшим меньшевикам, таким как Л.Г. Шапиро, утверждая, что промышленность очень нуждается в его опыте. *Ленин*. Указ. соч. Т. 44. С. 122–124; Т. 54. С. 52–55. О Цектране см. ЦАОПИМ, 685/1/2/63.

срока и при наличии рекомендаций со стороны трёх коммунистов с трёхлетним партийным стажем. Для других рабочих, крестьян и красноармейцев предполагались немного более жёсткие условия. Служащим и другим категориям требовалось пять рекомендаций от партийцев со стажем, превышающим пять лет, а кандидатский срок для них составлял два года. ЦК отклонил самое радикальное предложение Ленина — оставить «скоростной» шестимесячный кандидатский срок только для рабочих, простоявших у станка 10 лет⁶⁵. Руководители московской парторганизации, которые ежедневно сталкивались со слабостью заводских ячеек и пытались заполнить пробелы, оставшиеся на месте коммунистов, ушедших на административные посты, выступали против планов Ленина. Московская губернская партконференция, проведенная в марте в преддверии XI съезда, расценила предложения ЦК как препятствие для приёма рабочих, «стоящих вне партии, а на деле поддерживающих партию в её работе и проводящих линию партии». Альтернативный проект москвичей поддерживал согласованные усилия по привлечению людей в заводские ячейки с использованием действующих критериев. Зеленский, представляя документ, сказал, что на крупнейших предприятиях среднее количество членов партии не дотягивает и до 4% общего числа работников. Опыт говорил ему, что единственной реальной альтернативой более широкому привлечению заводских рабочих является переброска на заводы низовых членов партии, работавших на административных должностях. А это уже делалось, и безуспешно. Партийцы из аппаратных ячеек не будут иметь «авторитета в массах», и их перевод на заводы приведёт только к тому, что госаппарат останется в руках бывших царских чиновников. Зеленский приводил пример Богородского уезда Московской губернии: там было 45 тыс. текстильных рабочих, 490 из них — члены партии; но лишь 150 из них возможно было освободить от административных обязанностей и направить на работу в промышленность⁶⁶.

На XI съезде тезисы ЦК представил Зиновьев, говоривший в том же ключе, что и Ленин, об опасности того, что партию

---

⁶⁵ Одиннадцатый съезд... С. 10–44, 554, 680–687, 734–735; *Квашонкин и др.* (ред.) Указ. соч. С. 239.

⁶⁶ Известия МК РКП(б). №1. 1922. С. 56–61; Восьмая губернская конференция... С. 41.

захлестнёт «молодой мелкий обыватель, городской собственник, деклассированный рабочий». Ричард Пикель, бывший работник Коминтерна, а в будущем — левый оппозиционер, возразил, что даже если принять утверждение Зиновьева, что рабочий класс «на 90% деклассирован», остаётся ещё 10%, а на данный момент в партии состоит всего 1% рабочих. Предложения ЦК были приняты съездом лишь с небольшой уступкой Зеленскому: было добавлено утверждение, что при переводе членов партии из административных в промышленные ячейки нужно учитывать не количество, а качество⁶⁷. В Москве набор новых членов в заводские ячейки оставался на крайне низком уровне до конца 1922 г.; во всей губернии и по стране в целом промышленные ячейки начали заметно расширяться только в 1924 г., когда все ленинские ограничения были сняты и рабочих начали туда массово записывать.

---

⁶⁷ Одиннадцатый съезд... С. 380–410, особенно с. 392; С. 442–445, 453–456, 545–554.

Глава 6.

МАССОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ИЛИ МАССОВОЕ УЧАСТИЕ? РАБОЧИЕ В 1922 Г.

Политическая экспроприация рабочего класса не была простой кражей. Соперники большевиков в рабочем движении — беспартийные, другие социалистические партии и коммунисты-диссиденты — к началу 1922 г. были изолированы или вынуждены замолчать. Разработка новых методов посредничества между партией и большинством рабочего класса осталась прерогативой самой партии. Формы демократического массового участия, которые начали приобретать очертания в 1917 г., теперь сворачивались, заменялись формами массовой мобилизации — в частности, масштабными кампаниями против церкви и против эсеров. Форумам, на которых могла бы развиваться партисипаторная демократия, — Советам и профсоюзам — навязали ограниченный круг полномочий, сводившийся к выполнению решений, принятых партией (и всё больше — элитой, которая перебирала на себя контроль над партией). Были усовершенствованы механизмы изолирования лидеров забастовок, как политических, так и экономических — как правило, путём исключения их из профсоюзов. Стремительный экономический рост, начавшийся в 1922 г., открыл возможности для повышения уровня жизни рабочих, благодаря чему большинство рабочих приняли эти новации. Безработные, которых невозможно было включить в общественный договор, были оттеснены на политические задворки.

Повышение уровня жизни

Восстановление экономики играло важную роль не только потому, что оно сразу же принесло стабильность, но и потому, что обещало повышение уровня жизни. Оно началось

в конце 1921 г., несмотря на ряд сбоев и перекосов — таких, как слабость тяжёлой промышленности и обрушение промышленных цен. В 1922 г. уже стали заметны результаты. В Москве объём промышленного производства вырос примерно вдвое в годовом измерении. Он всё ещё составлял лишь около трети от уровня 1913 г., но спад уже сменился противоположной тенденцией¹. Меняться начали и материальные условия жизни рабочих. В середине 1921 г. от угрозы голода спасала только бартерная торговля. Но в 1922 г. рабочим начали регулярно платить, обычно наличными деньгами, имевшими определённую ценность. С этого момента зарплаты росли на протяжении первых пяти лет действия системы трудовых отношений, внедрённой после XI партсъезда (с середины 1922 г. до середины 1927 г.)². Экономике угрожал высокий уровень безработицы и дикие скачки инфляции, но восстановление промышленности укрепляло уверенность в завтрашнем дне, и рабочие часто входили в трудовые конфликты, чтобы защитить достигнутое. Важную роль играли и оптимистические ожидания рабочих (как оказалось позже, оправданные), что улучшения будут продолжаться.

Зарплаты росли поразительными темпами. В Московской губернии средняя месячная зарплата промышленного рабочего (включая денежную ставку и продовольственный паёк), составлявшая в январе 1920 г. около 2,4 руб., выросла к январю 1921 г. до 3–3,5 руб., к январю 1922 г. — до 11,5 руб., а в мае–июне 1922 г. составила 14 руб.³ Таким образом, в середине 1922 г., когда появился смысл в подсчёте зарплат, они в несколько раз превышали зарплаты времён Гражданской войны и росли далее. Начала исчезать оплата натурой: в Москве «натуральная» составляющая зарплат, в январе 1922 г. превышавшая 75%, к декабрю

---

¹ Совокупный объём продукции предприятий, подконтрольных МСНХ, в золотых рублях составлял 167,6 млрд. в 1921 г., 319,7 млрд. в 1922 г. и 420,4 млрд. в 1923 г. — против 1069 млрд. в 1913 г. Уровень 1913 г. был превзойдён в 1926 г. Статистический отдел Московского совета. Статистический атлас гор. Москвы и Московской губ. Вып. 3. Промышленность и торговля. М., 1925. С. 21–23, 29.

² *Рахин А.Г.* Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР 1922/23–1936/27 гг. М.: Госиздат, 1928. С. 6.

³ Статистика зарплат приведена в Прил. 3.

сократилась до 13,6%, а к февралю 1923 г. — до 3%. В масштабе всей страны она сократилась с 86,2% в 1921 г. до 21,7% в январе 1923 г. В конце 1922 г. партия призвала заморозить рост зарплат наиболее высокооплачиваемых работников, но со стороны государственных и профсоюзных деятелей эти призывы сопровождались публичными признаниями того, что зарплаты должны догнать и перегнать показатели 1913 г., с которыми постоянно проводились статистические сравнения. Москва достигла уровня 1913 г. быстрее, чем остальная Россия: средний размер зарплаты промышленного рабочего в столице в четвёртом квартале 1922 г. дошёл до 67% от уровня 1913 г., а в третьем квартале 1923 г. — 83,4%. К этому моменту печатники уже обошли показатели 1913 г., а металлисты и швейники к этим показателям приближались, тогда как текстильщики плелись позади⁴.

Восьмичасовой рабочий день, считавшийся ключевым завоеванием революции 1917 г., был сохранён почти везде; меньшевик Давид Далин, суровый критик трудовой политики большевиков, считал этот факт настолько важным, что в 1923 г. ссылаясь на него, доказывая, что Россия не является «буржуазным государством»⁵. На фабрике Гознака попытки администрации сохранить более длинный рабочий день встретили яростный отпор, а вопрос о том, какой должна быть длительность обеденного перерыва — 30 или 60 минут — очень долго обсуждался. Работающие в тяжёлых условиях могли выторговать себе ещё более короткий рабочий день: на заводе «Серп и молот» рабочие проволочно-волочильного цеха даже устроили забастовку, требуя шестичасового рабочего дня⁶. (В 1927 г. в советской промышленности был установлен семичасовой рабочий день, но от этой нормы в большинстве мест отказались во время первой пятилетки, а в 1940 г. её полностью отменили.)

---

⁴ Матюгин А.А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства; Коган Т.Ф. Борьба за улучшение благосостояния рабочего класса (1921–25 гг.) // Вопросы истории. №9. 1961. С. 48; Carr E.H., The Interregnum 1923–1924, London: Macmillan, 1978, p. 68.

⁵ Социалистический вестник. №19. 1923. С. 3–4.

⁶ Murphy K., Revolution and Counterrevolution: Class Struggle in a Moscow Metal Factory, Oxford: Berghahn Books, 2005, p. 97; ЦАГМ, 2626/1/70/10об; 2626/1/77/5об; ЦАОПИМ, 1099/1/4/19; 1099/1/5/37.

Данные о потреблении продовольствия, главный критерий измерения реального уровня жизни, показывают, что низшую точку в потреблении калорий рабочие домохозяйства Москвы прошли в начале 1919 г., а потом этот показатель постепенно рос вплоть до 1924 г. В начале 1919 г. он составлял 58% от уровня 1924—1925 гг.; между серединой 1919 г. и началом 1922 г. он колебался между 70% и 80%, с одним непонятным скачком вверх в начале 1920 г.; он достиг 91% в октябре 1922 г., 97% в феврале 1923 г. и 100% в октябре 1924 г. Потребление мяса и животных жиров, практически исчезнувших из рациона рабочего класса во время Гражданской войны, нормализовалось в сентябре 1921 г.⁷ На протяжении 1922 г. доля дохода, которую домохозяйства тратили на еду, резко упала, отразив переход от еженедельной борьбы за выживание к расширению диапазона покупок: до середины 1922 г. более 95% доходов тратились на еду; к декабрю 1922 г. этот показатель составлял менее 50% и продолжал снижаться⁸. Улучшались и другие показатели уровня жизни: обеспечение рабочих жильём оставалось ужасным, но в рабочих пригородах появлялась такая необходимая инфраструктура, как больницы, водопровод и канализация, электричество и общественный транспорт⁹.

Перемены в промышленности изменили и характер трудовых конфликтов. Переходу от оплаты натурой к денежной оплате труда предшествовало введение в ноябре 1921 г. «товарного рубля» — единицы измерения, основанной на ценовой корзине 1913 г., относительно которой устанавливались цены и зарплаты, рассчитываемые в советских рублях (включая и те, что выплачивались натурой). В марте 1922 г. был введён новый золотой рубль, но промышленные управленцы и профсоюзы, с подозрением относившиеся к любым мерам, которые могли

---

⁷ *Wheatcroft S.*, 'Famine and Food Consumption Records in Early Soviet History, 1917–25', in *Geissler, C. and Oddy, D.* (eds.), *Food, Diet and Economic Change Past and Present*, Leicester; Leicester University Press, 1993, pp. 151–174.

⁸ *Chase W.J.*, *Workers, Society and the Soviet State: Labor and Life in Moscow 1918–1929*, Urbana: University of Illinois Press, 1990, pp. 178–179.

⁹ *Алещенко Н.М.* Московский совет в 1917–1941 гг. М.: Наука, 1976. С. 293, 311–314; Chase, *op. cit.*, pp. 184–185 and 188–189; *Colton T.J.*, *Moscow: Governing the Socialist Metropolis*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995, pp. 164–171 and 796.

бы подорвать реальную стоимость зарплат, по-прежнему использовали «товарный рубль»¹⁰. На заводах всё внимание было приковано к изменяющимся обменным курсам. В докладе ЧК Московскому комитету РКП(б) в январе 1922 г. говорилось: «Предприятия [...] сильно страдают от недостатка денежных знаков, чем задерживается своевременная выплата жалованья рабочим, и так как дороговизна за последнее время растёт не по дням, а по часам, то такое явление сильно отражается на жизни рабочих и установленный прожиточный минимум почти не достигает цели»¹¹.

Проблемы в области снабжения отнюдь не исчезли. В январе исполком Моссовета купил за границей дополнительную партию зерна и сократил пайки служащих после того, как имеющиеся запасы истощили засуха, неурожай и голод в Поволжье¹². Задержки с раздачей пайков тоже оставались проблемой. Но главное внимание сосредоточивалось на графике выплаты зарплат и на обменном курсе. Эти вопросы стали причиной 95% всех забастовок в первой половине 1922 г. Рабочие постоянно повышали требования: не только немедленно выплатить задолженности, но и определить вину ответственных за задержки, резко поднять зарплату или выплатить её авансом для предотвращения задержек в будущем¹³. Ко второму полугодю предмет беспокойства рабочих снова сменился. Многие предприятия перешли на систему хозрасчёта; возымили некоторый эффект меры по стабилизации валюты; а профсоюзы начали составлять коллективные договора. Эти признаки улучшения стимулировали появление более амбициозных требований. Когда на Глуховской текстильной фабрике в Богородском (см. ниже) 10 тыс. рабочих бастовали, требуя повышения зарплат, «Правда» писала: «Вся масса признавала, что в нынешнем

---

¹⁰ Об изменениях советской валюты см. Прил. 3.

¹¹ ЦАОПИМ, 3/3/33/13.

¹² *Алеценко*. Указ. соч. С. 303–304.

¹³ ВК. Годовой опыт профессиональной работы в новых условиях // Вестник труда. №2–3. 1923. С. 7; *Pirani S.*, *The Changing Political Relationship Between Moscow Workers and the Bolsheviks, 1920–24* (PhD diss., University of Essex, 2006), pp. 321–326.

году живется значительно лучше, чем в прошлом. Но всё-таки она хочет жить ещё лучше». Бюро партячейки Гознака, обсуждая требования рабочих повысить им зарплату на 100% и отменить разницу в оплате труда, запротоколировало своё коллективное мнение: «относительное улучшение положения быта рабочих», которое обеспечил «переход на хозяйственное строительство на основе н.э.п., изобилие продуктов на рынках и в магазинах», «вызвало рост потребности и стремление достичь более обеспеченной /сытой/ жизни»¹⁴.

Массовая мобилизация или массовое участие?

Разобравшись со своими политическими оппонентами в Советах, большевики принялись внедрять техники массовой мобилизации в качестве альтернативы массовому участию в принятии решений. В истории социалистической мысли партисипаторная демократия (в несовершенном виде расцветшая в 1917 г.) поддерживалась традицией «социализма снизу», представленной, по классификации Хэла Дрэпера, Томасом Мюнцером против Томаса Мора, Марксом против государственных социалистов XIX в. и Уильямом Моррисом против Сидни Уэбба¹⁵. Массовая мобилизация, в которой партия определяет параметры и цели кампании, призывает народные массы эту кампанию поддержать и оценивает сознательность масс по уровню участия в ней, явно принадлежит к традиции «социализма сверху». Она отгораживает массы от процесса принятия решений и предписывает им ограниченную роль — выполнять действия под руководством ответственных представителей партии. На этом аспекте заострилось внимание в манифесте Рабочей группы, опубликованном в начале 1923 г. и посвящённом требованию возродить Советы на предприятиях. Авторы документа спрашивали: «А что нам говорят? «Сиди смирно, выходи на демонстрации по приглашению, пой интернационал, когда нужно, а остальное без тебя

¹⁴ ЦАОПИМ, 1099/1/5/70; Правда. 14 июня 1922.

¹⁵ *Draper H.*, 'The Two Souls of Socialism', *New Politics* 5:1, Winter 1966: 57–84; *Draper H.*, *Karl Marx's Theory of Revolution. Volume II: The Politics of Social Classes*, New York: Monthly Review Press, 1978, vol. II, pp. 147–165.

сделается хорошими ребятами, почти такими же рабочими, как и ты, но умнее тебя.» [...] [А] надо практику, опирающуюся на самодеятельность рабочего класса, а не на боязнь его со стороны партии»¹⁶.

Историки, писавшие о большевистских техниках массовой мобилизации, подчёркивали её связь с государственным строительством: от Роберта Такера — который описывал большевистское государство как режим, позаимствовавший кое-что у движения «Молодая Италия», основанного Мадзини: «революционный режим массового движения под покровительством одной партии» — до Томаса Ремингтона и Дэвида Пристленда, чьи труды упоминались во введении к этой книге, и Льюиса Сигельбаума, в его работе о стахановском движении¹⁷. Пристленд и Венди Голдман также писали об использовании мобилизационных техник во время чисток¹⁸. Другие исследования сосредоточивались на Китае, где массовая мобилизация служила для опосредования отношений, в которых, как правило, отсутствовал рабочий класс с его традициями организации и партисипаторной демократии: прежде всего, между маоистской партией/армией и крестьянским населением Китайской Советской Республики (1931–1934) и Яньани (1940–1945)¹⁹. В отличие от Пристленда, для которого мобилизация — это, прежде всего, продукт идеологии, нижеследующее рассмотрение помещает использование мобилизационных техник, наряду с наступлением на парти-

---

¹⁶ РГАСПИ, 17/71/4/71.

¹⁷ *Tucker, R.C.*, 'Towards a Comparative Politics of Movement-Regimes', *American Political Science Review*, 55:2, 1961: 281–289; *Siegelbaum, L.*, *Stakhanovism and the Politics of Productivity*, Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

¹⁸ *Priestland, D.*, *Stalinism and the Politics of Mobilization: ideas, power and terror in inter-war Russia*, New York: Oxford University Press, 2007, pp. 304–403; *Goldman, W.*, 'Stalinist Terror and Democracy: the 1937 union campaign', *American Historical Review* 110:5, 2005: 1427–1453.

¹⁹ *Bennett, G.*, *Yundong: Mass Campaigns in Chinese Communist Leadership*, Berkeley, Centre for Chinese Studies, 1976, especially pp. 20–32; *Cell, C.P.*, *Revolution at Work: Mobilization Campaigns in China*, New York: Academic Press, 1977, especially pp. 8–21, 38–40 and 44–46. См. также дискуссию в *Priestland*, *op. cit.*, pp. 416–429.

сипаторную демократию, в контекст классовых отношений, которые оформлялись в ранний период Советской России.

Эрозия партисипаторной демократии и использование техник массовой мобилизации начались вскоре после взятия власти большевиками. Одновременно с упадком Советов, в апреле 1919 г., на Московско-Казанской железной дороге началась кампания субботников, 1 мая 1920 г. достигшая всероссийских масштабов. Были военные мобилизации, например, «партийная неделя» в октябре 1919 г., когда тысячи рабочих были приняты в партию и отправлены на фронт; последовавшая сразу за нею «неделя обороны», когда людей мобилизовали на строительство баррикад; и «неделя сбора» в сентябре 1920 г., в поддержку польской наступательной кампании. Отправка заводских отрядов в деревню за продовольствием, порождённая необходимостью во время Гражданской войны и сразу после неё, тоже имела некоторые характеристики мобилизационных кампаний. В 1920 г. проводилась мобилизация заводских рабочих на нарезку торфа для обогрева зданий, на восстановление железнодорожных путей и на очистку улиц после весеннего таяния снегов, и даже санитарная неделя (некоторые называли её «банной неделей») для борьбы с инфекциями и проблемами гигиены²⁰. Имея политическое обоснование, эти кампании времён Гражданской войны всё же были направлены на достижение конкретных практических целей, связанных с победой над белыми и развитием экономики. А вот кампании 1922 г. были в основном символическими публичными мероприятиями, призванными продемонстрировать поддержку большевиков со стороны рабочих и возбудить в обществе антипатию по отношению к главным политическим врагам партии, то есть к церквям и к эсерам.

---

²⁰ *Алещенко*. Указ. соч. С. 137–140, 169–171; *Мазаев А.И.* Праздник как социально-художественное явление. М.: Наука, 1968. С. 301–304; *Синицын А.М. и др.* (ред.) История рабочих Москвы 1917–1945 гг. – М.: Наука, 1983. С. 63, 98–99; *Поляков Ю.А.* Московские трудящиеся в обороне советской столицы в 1919 году. М.: Изд. Академии наук СССР, 1958. С. 137; Отчет седьмой Московской губпартконференции РКП 29–31 октября 1921 г. М., 1921. С. 19; ЦАОПИМ, 3/2/48/18, 40, 46, 49, 128; *Borrero, M.*, *Hungry Moscow: scarcity and urban society in the Russian civil war, 1917–1921*, New York: Peter Lang, 2003, pp. 89–99.

Кампания по изъятию церковных ценностей

На протяжении 1921 г., пока в крупных городах партия была занята восстановлением производства и внедрением НЭПа, в Поволжье и некоторых других аграрных районах нарастал продовольственный кризис²¹. Ближе к концу года партийная пресса стала уделять всё больше внимания кампании помощи голодающим. В январе 1922 г. руководство РКП(б) приняло предложение Троцкого обратить эту кампанию против церкви. Статьи в партийных изданиях осуждали церковь за то, что она хранит свои ценности, в то время как люди голодают, и 23 февраля ВЦИК распорядился конфисковать все церковные ценности для помощи голодающим. Глава Русской православной церкви патриарх Тихон в ответ заявил, что все ценности, не имеющие богослужебного употребления, должны быть пожертвованы на нужды голодающих, но изъятие священных предметов является святотатством²². Большевики изменили принципу, принятому ими после декрета, который в январе 1918 г. отделил церковь от государства;

²¹ Голод, эта масштабная трагедия, затронувшая территории с населением более 30 млн. чел. и унёсшая до 5 млн. жизней, является одним из ключевых событий периода после Гражданской войны. Она ещё ожидает более пристального исследования, чем проведено на сегодня. *Edmondson, C.*, 'The Politics of Hunger: the Soviet Response to Famine, 1921', *Soviet Studies* 29:4, 1977: 506–518 – в этой статье оценивается реакция большевиков. Недавняя историографическая дискуссия была омрачена заявлениями в духе «холодной войны» о том, что голод организовали большевики, а потом держали его в тайне до тех пор, пока это было возможно – особенно: *Pipes, R.*, *Russia Under the Bolshevik Regime*, London: Harvill, 1994, pp. 410–419. *Patenaude, B.M.*, *The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*, Stanford: Stanford University Press, 2002 сосредотачивается на помощи со стороны США.

²² *Husband, W.B.* 'Godless Communists': atheism and society in Soviet Russia 1917–1937, DeKalb: Northern Illinois University Press, 2000, pp. 54–59; *Luukkanen, A.* The Party of Unbelief: the Religious Policy of the Bolshevik Party 1917–1929, Helsinki: SHS, 1994, pp. 107–117; *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь и советская власть в 1917–27 годах // Вопросы истории. №8. 1993. С. 40–54; *Meijer, J.* (ed.), *The Trotsky Papers 1917–1922*, The Hague: Mouton, 1964, vol. II, pp. 670–672; *Покровский Н.Н., Петров С.Г.* (ред.). *Архив Кремля: Политбюро и церковь 1922–1925 гг.* М.: РОССПЭН, 1997. Кн. 1. С. 113–115.

реализация этого декрета сопровождалась антирелигиозной пропагандой и просвещением. Кампания 1922 г. являлась наступлением, опиравшимся на государственные репрессии²³. В деревнях кульминацией ожесточённых конфликтов между конфискационными отрядами и толпами крестьян, возглавляемыми священниками, стало кровавое столкновение в Шуге, текстильном городке в Иваново-Вознесенской губернии; два крупных судебных процесса над священниками; расстрелы (в пользу которых особенно активно выступал Ленин) и тюремные сроки. Кампания координировалась на общенациональном уровне; партия и ГПУ (как теперь называлась ЧК) контролировали её ход так, как не контролировали ни одну предыдущую кампанию. Парторганизации выдвигали стандартные резолюции на собраниях рабочих, районное партийное руководство проверяло, делают ли они это, а результаты собраний систематически изучали агенты ГПУ²⁴. Эта координация и контроль привели к тому, что из кампании были выхолощены все элементы партисипаторной демократии, которые там могли бы быть.

Кампания по изъятию церковных ценностей была предложена рабочему классу, религиозность которого в процессе урбанизации претерпела значительные изменения. Для многих верующих их вера стала во многих отношениях более совместима со светской культурой. Сергей Фирсов заключает, что на протяжении десятилетия, предшествовавшего 1917 г., многие религиозные рабочие «начали рассматривать религию и официальную церковь сквозь призму идеи социальной справедливости, очевидно, идущей в социалистическом «пакете». Несмотря на то, что многие рабочие оставались «традиционными» верующими, церковь рассматривала их как наименее религиозную часть общества²⁵. С другой стороны,

²³ *Husband*, op. cit., pp. 47–54; *Luukkanen*, op. cit., p. 100.

²⁴ *Daly, J.W.*, “Storming the Last Citadel”: The Bolshevik Assault on the Church, 1922’ in *Brovkin, V.* (ed.), *The Bolsheviks in Russian Society: the revolution and civil wars*, New Haven: Yale University Press, 1997, pp.252–259; *Husband*, op. cit., pp. 57–58; *Покровский, Петров* (ред.). Указ. соч. Кн. 1. С. 42–54; Кн. 2. С. 45–50.

²⁵ *Firsov, S.* ‘Workers and the Orthodox Church in early twentieth-century Russia’, in *Melancon, M. and Pate, A.K.* (eds), *New Labor History: Worker*

городские религиозные рабочие решительно отстаивали своё право отмечать религиозные праздники, и в период после Гражданской войны это стало причиной многочисленных трудовых конфликтов. Рабочие угрожали забастовкой, если им не позволят праздновать, требовали дополнительных продуктов на праздник и договаривались с начальством о том, чтобы не выходить на работу в день церковного праздника вместо коммунистического — или ещё каким-то образом получить отгул²⁶. Когда встал вопрос о помощи голодающим, многие верующие были готовы поддержать кампанию — но не таким путём, как этого хотели большевики. Примером может служить Трёхгорная текстильная фабрика в Краснопресненском районе, где и религия, и народничество сохраняли своё влияние на работниц, многие из которых недавно переехали из деревни. В феврале 1922 г., перед тем как был дан старт кампании по изъятию церковных ценностей, на массовом собрании на фабрике был заслушан доклад участников поездки за хлебом в Чувашию о том, что зерно там держат на складах, а не раздают голодающему населению. Собрание поручило председателю фабричного комитета направить протест во Всесоветский комитет помощи голодающим (Помгол)²⁷.

Кампания по изъятию ценностей по-настоящему началась в марте — заводскими собраниями, собраниями верующих и кинопоказами, за которыми последовала конфискация, проводимая силами специальных отрядов и красноармейских частей. Доступные нам источники свидетельствуют о том, что большинство московских рабочих кампанию поддерживали, но пассивно. Комиссия МК по вопросам агитпропа сообщала,

---

Identity and Experience in Russia, 1840–1918 Bloomington: Slavica, 2002, pp. 65–76. См. также *Herrlinger, P.*, 'Orthodoxy and the experience of factory life in St Petersburg 1881-1905', in *Melancon, M. and Pate, A.K.* (eds), *op. cit.*, pp. 35–64; *Кабо Е.* Очерки рабочего быта: опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. М.: ВЦСПС, 1928. С. 199–201.

²⁶ ЦАОПИМ, 3/3/34/46, 98, 100; 3/2/48/17об; 3/1а/11/57об; ГАРФ, 393/43а/1714/255, 261, 263об. См. также: *Raleigh, D.J.*, *Experiencing Russia's Civil War: politics, society and revolutionary culture in Saratov, 1917–1922*, Princeton: Princeton University Press, 2002, p. 217; *Murphy*, *op. cit.*, p. 137.

²⁷ ЦАГМ, 425/1/100/1; *Лапицкая С.* Быт рабочих трехгорной мануфактуры. М.: ОГИЗ, 1935. С. 128, 137–140.

что на предприятиях было проведено 550 собраний, и приблизительно в 10% случаев зарегистрированы протесты или колебания²⁸. Даже если учесть страх репрессий, преувеличение успехов в докладах активистов и тот факт, что большинство оппозиционных рабочих было сосредоточено на относительно крупных предприятиях, — всё равно получается, что большинство выражало поддержку. Партия организовывала собрания верующих в церквах, чтобы заручиться их поддержкой. На таких собраниях часто принимались решения передать некоторые ценности, но не самые важные — например, не священные сосуды и не кресты — и иногда избирались представители для переговоров с комиссией по изъятию. Когда начались конфискации, в некоторых московских церквях собрались толпы. Кое-где были ожесточённые столкновения с работниками комиссий, но нигде они не достигли таких масштабов, которые были в сельской местности²⁹.

Стремление помочь голодающим вновь сочеталось с недоверием к большевикам на заводских собраниях, где присутствовали как верующие, так и атеисты. Оппозицию методам большевиков озвучивали активисты-социалисты, то есть нерелигиозные. На автозаводе АМО беспартийная группа высказывалась за «общественный контроль» над кампанией помощи голодающим, «в целях действительного направления ценностей по назначению». Для проверки был избран представитель рабочих, Соловьёв. Василий Тихонов, беспартийный, заявил на массовом собрании, что конфискации нужно было начать ещё раньше, и поддержал избрание Соловьёва, ссылаясь на сообщения о «случае неправильного изъятия ценностей» — вероятно, с нарушениями инструкций, запрещающих «эксцессы» и ненужную конфронтацию, — в Тамбове. На других предприятиях, где оставались активными социалисты-небольшевики, большевистские резолюции об изъятии церковных ценностей не отклонялись, а подвергались правкам: на электростанции 1886 г. собрание под председа-

²⁸ РГАСПИ, 17/60/336/74–82, цит. по: *Покровский, Петров*. Указ. соч. Кн. 2. С. 207–216.

²⁹ ЦАОПИМ, 3/3/34/53, 58об, 60об, 76об, 78, 78об, 79; ЦГАМО, 66/22/71/9, 14, 15, 45; *Покровский, Петров*. Указ. соч. Кн. 2. С. 135.

тельством Епифанова решило пожертвовать 500 пудов (8,2 т.) зерновых излишков из собственных запасов электростанции, пополняемых добровольными взносами. На хлебопекарне в Городском районе меньшевики подняли вопрос о «необходимости контроля» над изъятиями, связав его с проблемой свободы слова. На одном собрании в Краснопресненском районе выступающий заявил комитету по изъятиям: «Много не доверяют, дойдет ли до голодных собранное. Хорошо бы было, если бы знали определённо, кому дают, т.е. приписка какой деревни к учреждению или же сколько человек могут кормить, чтоб точно знать губернии, уезды, деревни и имена»³⁰.

Некоторые рабочие использовали собрания по вопросу изъятия церковных ценностей для того, чтобы вновь поднять вопрос привилегий элиты. На одном собрании в Краснопресненском районе закричали с места: «Товарищи, неужели мы до того дошли, чтобы снимать украшения с храмов, [...] а лучше дайте свой излишек, который нажили при Советском строе. Снимем буржуйские пальто, которые сняты с буржуев, и поделимся с голодными детьми, [...] и пускай идейных коммунистов жёны поработают в пользу голодающих»³¹.

Похожие пункты были вписаны в резолюции на металлургическом заводе «Коса», вотчине беспартийной организации, где рабочие проголосовали за то, чтобы «приветствовать декрет ВЦИК с добавлением, чтобы изъять также все ценности у граждан Советской республики»; а также на литейном заводе «Вартс Макгилл», который проголосовал за то, чтобы сначала золото изъять у коммунистов, их жён, у торговцев, а уж потом у церкви³². Возможно, эти рабочие не знали, что московские партийные руководители летом 1921 г. сами призывали членов партии сдавать ценные вещи на помощь голодающим³³, или,

³⁰ ЦАОПИМ, 3/3/34/85, 85об; 433/1/14/10; ЦАГМ, 415/16/318/37; *Покровский, Петров*. Указ. соч. Кн. 2. С. 210; ГАРФ, 1235/140/59/68об, цит. по: *Покровский, Петров*. Указ. соч. Кн. 2. С. 110–113.

³¹ О важности протеста против жён большевиков см. гл. 5. Эта реплика с места — одна из нескольких сходных по содержанию, процитированных Виноградовым в: *Покровский, Петров*. Указ. соч. Кн. 2. С. 220.

³² ЦАОПИМ, 3/3/34/78об, 80; *Pospielovsky, A.*, 'Strikes During the NEP', *Revolutionary Russia* 10:1, 1997: 14–15.

³³ ЦАОПИМ, 3/2/28/92; 63/1/50/4.

возможно, это решение так и не было претворено в жизнь. Некоторые рабочие, протестуя против того, как большевики забирают на себя полномочия по принятию решений, отказывались постфактум одобрять решение, в принятии которого они не участвовали. На заводе «Геофизика» в Сокольническом районе в пользу резолюции, поддерживающей изъятия, удалось набрать только 18 голосов; представитель большинства выкрикнул: «Издали декрет и исполняйте, нас спрашивать нечего». В Миусском трамвайном парке в Краснопресненском районе и на трёх предприятиях в Замоскворецком районе — типографии Сытина, Голутвинской текстильной фабрике и на протезном заводе — работники отказались голосовать за резолюции в поддержку изъятий по тем же причинам³⁴. По общему мнению историков, кампания по изъятию церковных ценностей мало чем помогла голодающим³⁵. Но она сместила акцент в антирелигиозной деятельности большевиков с пропаганды на наступательную кампанию, координируемую партийными и государственными органами и опирающуюся на государственные репрессии. Следующими жертвами подобных методов стали светские противники партии.

Суд над эсерами

В июне 1922 г. группа членов ЦК партии эсеров (ПСР) предстала перед судом в Москве по обвинению в заговоре с целью организации террористических актов против большевиков³⁶. Для того чтобы заручиться поддержкой общественности в отношении судебного процесса, была организована вторая крупная мобилизационная кампания в этом году. Она являла собой ещё больший уход от традиций 1917 г., чем кампания по изъятию церковных ценностей, и оппозиция со стороны политически активных рабочих была сильнее. Во время мо-

³⁴ *Покровский, Петров*. Указ. соч. Кн. 2. С. 209; ЦАОПИМ, 3/3/3/70.

³⁵ *Daly*, op. cit., p.258; *Husband*, op. cit., pp. 56 and 58.

³⁶ О самом судебном процессе см. *Jansen, M.*, *A Show Trial Under Lenin*, The Hague: Martinus Nijhoff, 1982; *Красильников С.А., Морозов К.Н., Чубыкин И.В.* (ред.) *Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.)*. Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2002.

билизации по вопросу церковных ценностей эти рабочие, многие из которых в ходе урбанизационных процессов и революции стали грамотными и политически сознательными, выступали скорее против того, как проводилась кампания, а не против изъятий как таковых. Но суд над эсерами поставил более важные дилеммы. Во-первых, эсеры, которые считались носителями народнической традиции, всё ещё пользовались некоторой поддержкой. Конечно, эсеровских лидеров не поддерживали в вопросе о советской власти, что явствует из того факта, что в конце 1917 г. большевики завоевали большинство голосов в среде политически активных рабочих. А участие многих руководителей эсеров в правительстве Комуча во время Гражданской войны поставило на них крест в глазах многих левых рабочих. Но для других вопрос не был закрыт. После падения правительства Комуча руководство ПСР раскололось по вопросам о том, нужно ли продолжать вооружённую борьбу против большевиков и бороться ли против белых³⁷. В Москве рядовые эсеры сохраняли активность в железнодорожных мастерских и на текстильных фабриках, а также среди работников почты и телеграфа, и представляли социалистическую альтернативу большевикам во время разрухи 1920–1921 гг. Ещё одну дилемму перед рабочими поставило требование большевиков казнить подсудимых эсеров. Это означало отказ от принципиального неприятия смертной казни – формально большевики до сих пор поддерживали этот демократический принцип 1917 г.³⁸

³⁷ См., например, Jansen, *op. cit.*, pp. 1–21.

³⁸ На протяжении Гражданской войны большевики неоднократно выражали своё принципиальное неприятие смертной казни, а внесудебные казни ЧК относили на счёт издержек военного времени. В широко распространённом популярном изложении партийной программы, изданном в 1920 г., говорилось: «Отмена смертной казни невозможна, пока длится гражданская война. Но чисто объективное сравнение пролетарского суда с судом буржуазной контрреволюции обнаруживает чрезвычайную мягкость рабочих судей в сравнении с палачами буржуазной юстиции. Смертные приговоры выносятся в самом крайнем случае». Бухарин Н., *Преображенский Е.* Азбука коммунизма. М.: Терра, 1994. Это напоминало о позиции, занятой 2-м съездом Советов в 1917 г., который поддержал захват власти большевиками и отменил смертную казнь на фронте, которую ввело Временное правительство. Современный исто-

ЦК РКП(б) принял решение организовать суд над руководителями партии эсеров в декабре 1921 г. и обнародовал своё намерение в феврале 1922 г. Пропагандистская кампания открылась публичной дискуссией с лидерами 2-го Интернационала, в которой Ленин озвучил призыв к смертной казни. В столице под наблюдением МК в мае—июне прошла серия собраний на предприятиях, принимавших соответствующие резолюции. Эту деятельность координировала «техническая тройка» сотрудников ГПУ, возглавляемой Тимофеем Самсоновым³⁹ — бывшим анархистом, ставшим большевиком, который в апреле организовывал облаву на московскую организацию меньшевиков, а в конце мая перешёл к арестам всех известных эсеровских активистов, начиная с тех, которые работали на московских железных дорогах. Партийные органы и ГПУ также координировали деятельность по отслеживанию реакции рабочих на принимаемые резолюции⁴⁰. Уличные демонстрации начались митингом на вокзале 25 мая в знак протеста против приезда бельгийского социал-демократа Эмиля Вандервельде, который на суде должен был защищать обвиняемых. Кульминацией стала огромная демонстрация 20 июня, приуроченная к 4-й годовщине покушения на большевика Моисея Володарского⁴¹.

рик смертной казни пишет, что это решение соответствовало взглядам, господствовавшим в 1917 г. — что отмена смертной казни, как было сказано в одной из стандартных советских резолюций, это «одно из наиболее ценных завоеваний Великой русской революции». *Жильцов С.* Смертная казнь в истории России. М.: Зерцало-М, 2002. С. 213—227. О введении нового кодекса накануне судебного процесса над эсерами см.: *Gill, G.*, *The Origins of the Stalinist political system*, Cambridge: Cambridge University Press, 1990, p. 31 and p. 333.

³⁹ О Самсонове см. Прил. 1.

⁴⁰ *Красильников, Морозов.* Предисловие // *Красильников, Морозов, Чубыкин* (ред.). Указ. соч. — С. 61—63.

⁴¹ Володарский был убит членом ПСР Сергеевым. Обвинение на суде ссылалось не только на роль эсеров в наращивании вооружённого сопротивления большевикам во время Гражданской войны, но и на утверждения, что лидеры эсеров вступили в заговор с целью убийства Володарского и проведения других терактов против большевиков. Эти последние обвинения в своих ключевых пунктах основывались на ненадёжных показаниях информаторов. Судебная процедура постоянно нарушалась, и

На заводах завоевать поддержку в отношении суда большевикам оказалось труднее, чем в отношении антицерковной мобилизации. Согласно предварительной сводке настроений среди рабочего класса, подготовленной ГПУ 1 июня, три пятых (60%) высказывались в поддержку суда, более одной десятой (10%) озвучивали «определённое отрицательное отношение», а у остальных было «сомнительное» или «пассивное отношение»⁴². Наиболее яростный отпор вызвал арест сторонников эсеров на Трёхгорной текстильной фабрике. 25 мая Луначарский выступил там на собрании, после чего была принята резолюция с осуждением эсеров как «партии убийц и изменников трудящихся» — с одним голосом против и пятью воздержавшимися. ГПУ приняло решение утихомирить эту оппозицию, и 4 июня «по подозрению в эсеровской агитации по поводу процесса эсеров» были арестованы 6 ткачей. 6 июня в ткацком цеху забастовали 600 работниц дневной смены, требуя выпустить арестованных и увеличить зарплату. Администрация пригрозила закрыть цех и уволить всех работниц. На этом забастовка прекратилась, и с приходом ночной смены работа возобновилась. 19 июня, за день до большой демонстрации, Луначарский выступил ещё на одном массовом собрании, на котором снова был поднят вопрос о судьбе арестованных⁴³. Поддержка эсерам высказывалась и на других предприятиях — например, на Алексеевской насосной станции в Сокольническом районе эсеры и беспартийные схлестнулись с большевистской ячейкой по поводу

прокурор Николай Крыленко ясно дал понять, что вердикт должен быть политическим. Руководители эсеров осудили судебный процесс и отвергли все обвинения. Сфабрикованных грандиозных заговоров и абсурдных признаний, которые были ключевыми элементами дальнейших показательных судов, на этот раз не было.

⁴² ЦАОПИМ, 3/3/33/71. Исследование было проведено ГПУ на 31 заводском собрании, которые в общей сложности посетили 10,6 тыс. рабочих. 6400 из них были засчитаны в ряды сторонников суда, 1400 проявляли «определённое негативное отношение», 2300 — «сомнительное», ещё 500 — «пассивное».

⁴³ ЦАОПИМ, 3/3/34/149, 150, 166об; *Красильников, Морозов*. Указ. соч. С. 64, 67; *Jansen*, op. cit., pp. 147–148, со ссылкой на Голос России. 22 сентября 1922.

вопиющего спецедействия, практиковавшегося последней (см. гл. 7). Резолюции по поводу процесса, подготовленные большевиками, не проходили на тех предприятиях, где сохраняли активность меньшевики и левые эсеры — например, в 27-й типографии в Хамовническом районе и в трамвайном депо им. Русакова⁴⁴. Левые эсеры, чьё руководство по большей части уже находилось в изгнании за границей, возобновили общественную деятельность в Москве, протестуя как против суда над лидерами правых эсеров, так и против процесса над рядом их собственных товарищей. Левый эсер К.Н. Прокопович — который, наряду с анархистами, пользовался некоторой поддержкой на автозаводе Ильина — 1 июня был исключён из состава депутатов Краснопресненского районного совета после того, как выступил против большевистской кампании вокруг эсеровского процесса. На заводе беспартийные и левые эсеры призывали рабочих не присоединяться к антиэсеровской демонстрации⁴⁵.

Среди более широких слоёв рабочих, т.е. не только среди тех, кто так или иначе политически идентифицировал себя с эсерами, вызвало беспокойство настойчивое требование смертной казни со стороны большевиков. ГПУ отметило, что рабочие, сочувствовавшие или жалевшие обвиняемых, принимали резолюции «смягчённого характера», то есть без призыва к высшей мере наказания. На демонстрации 20 июня три группы людей несли транспаранты с лозунгами, направленными против смертной казни. В Московском высшем техническом училище участники собрания по поводу эсеровского процесса раскололись на три группы: одна поддержала резолюцию большевиков, другая (предположительно, сочувствующие эсерам) отказалась голосовать за суд «ввиду того, что он ведётся односторонне», а третья группа утверждала, «что ввиду надёжности положения в настоящее время РСФСР и РКП, нет надобности подвергать эсеров суровому наказанию и надо их простить»⁴⁶. Некоторые

---

⁴⁴ ЦАОПИМ, 3/3/34/148; 3/3/33/81.

⁴⁵ ЦАОПИМ, 3/3/34/147; *Красильников, Морозов*. Указ. соч. С. 65; Правда. 30 июня 1922.

⁴⁶ ЦАОПИМ, 3/3/34/166; *Красильников, Морозов*. Указ. соч. С. 66; Социалистический вестник. №15. 1922. С. 7–9.

рабочие оспаривали мобилизацию, утверждая, что она является вмешательством в судебный процесс. На одном из заводов Бауманского района большевистская резолюция была отклонена после того, как двое рабочих заявили, что «выносить всякие постановления, касающиеся суда, дело не рабочих, а самого суда». Группа рабочих Подольского машиностроительного завода аналогичным образом обосновала свой отказ голосовать. На типографии в Бауманском районе и на заводе Шапова было «недовольство тем, что защитники эсеров в лице Вандервельде и К^о были встречены плохо» — вероятно, рабочие считали, что этот судебный процесс вредил репутации советского государства в Европе⁴⁷. На центральной телеграфной станции беспартийная «группа механиков» во главе с Иконниковым совместно с отдельной группой эсеров предложила удалить из большевистской резолюции призыв к высшей мере наказания для обвиняемых; обе эти группы на протяжении всего года будут устраивать стычки с большевистским руководством профсоюзного комитета⁴⁸.

Беспокойство рабочего класса по поводу изменения формата массовых собраний — от партисипаторной демократии к одобрению стандартных резолюций — привело к массовому воздержанию при голосовании. Будучи процедурно лишены возможности принимать решения, рабочие молчали и только под давлением высказывали своё мнение. Так что когда на литейном заводе «Вартс Макгилл» на собрании, в котором участвовали 150 чел., поставили на голосование стандартную большевистскую резолюцию, она получила 40 голосов «за» и два воздержавшихся, а подавляющее большинство даже не захотело зарегистрировать своё воздержание. На вопрос о причинах такого поведения один из представителей большинства ответил: «Почему мы судим эсеров, а не тех, кто стрелял, бил и грабил, когда мы ехали за картошкой и хлебом?» На типографии в Бауманском районе партийная резолюция получила 25 голосов и более 800 воздержавшихся; на Уваровском трам-

⁴⁷ ЦАОПИМ, 3/3/34/147, 161; Правда. 23 июня 1922.

⁴⁸ Группа Иконникова была отдельной группой, находящейся в дружественных отношениях с группой эсеров, во главе которой стояли Уваров и двое братьев Лаврентьевых. В сентябре 1922 г. был арестован член фабзавкома, вероятно, входивший в одну из этих двух групп. ЦАОПИМ, 3/3/34/210, 213, 214, 217, 261, 264, 351.

вайнном парке в Хамовническом районе партийную резолюцию приняли на собрании, где присутствовали 100 чел., 35 голосами против 18, тогда как остальные не голосовали. Спротивление вызывала ещё одна техника массовой мобилизации: рабочих просили лично подписать резолюцию с поддержкой смертной казни. В Миусском трамвайном парке в Краснопресненском районе 600 рабочих проголосовали за резолюцию с поддержкой процесса, но подписали её лишь 50 чел.⁴⁹

Внутри партии тоже была оппозиция стилю проведения этой кампании. В Коммунистическом университете им. Свердлова, где студенчество в основном состояло из рядовых большевиков, отправили делегацию на демонстрацию против Вандервельде, но потом «ярко отрицательное и враждебное отношение» к эсерам сменилось «несколько покаянным настроением», если верить докладу агента ГПУ. Студенты начали «с некоторым осуждением высказываться по поводу своего выступления», а прочитав в прессе письма заключённых эсеров, начали относиться к кампании «критически». На Московской губпартконференции 25–26 июня вечный диссидент Давид Рязанов заявлял, что партия не должна была призывать казнить конкретных эсеровских руководителей. Лидер московских большевиков Каменев ответил оскорбительной тирадой и заявил Рязанову, что он «не имеет права ... защищать и создавать настроение против смертной казни». ЦК принял предложение Каменева «принять меры» против Рязанова, которого отправили работать за границу на год, дав ему поручения исключительно исследовательского характера⁵⁰.

20 июня и другие демонстрации

Несмотря на все перечисленные выше формы оппозиции мобилизационной кампании, 20 июня на демонстрацию вышло огромное количество народу: 200–300 тыс. чел., при

---

⁴⁹ ЦАОПИМ, 3/3/34/147об, 161, 161об; *Красильников, Морозов*. Указ. соч. С. 66.

⁵⁰ ЦАОПИМ, 3/3/34/148; *Красильников, Морозов, Чубыкин* (ред.). Указ. соч. С. 494–499; РГАСПИ 17/3/1394/1-2, цит. по *Красильников, Морозов, Чубыкин* (ред.). Указ. соч. С. 756–757; *Рокитянский Я., Мюллер Р.* Красный диссидент: академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. М.: Академия, 1996. С. 202–204.

численности населения всей Москвы около 1,28 млн. чел.⁵¹ Это была победа массовой мобилизации над партисипаторной демократией, и в этом смысле меньшевик Борис Двинов был прав, утверждая, что зрелище рабочих, марширующих под красными знамёнами и призывающих к смертной казни, стало «поворотным пунктом» русской революции.

Двинов писал: «Боязнь умереть от голода водила рукой рабочего, когда он голосовал за резолюцию комячейки, когда он подписывал петицию о казни — и толкала его в ряды демонстрантов поневоле»⁵². Но это представляется недостаточным объяснением такой высокой явки. Пик перебоев с продовольствием был пройден весной 1921 г. Увольнение могло означать верную смерть от голода в 1919–1920 гг., но к 1922 г. возможность вернуться в деревню, а также зачаточная система социальных пособий гарантировали выживание. Один из подсудимых эсеров, Михаил Гендельман, упомянул в суде аресты на Трёхгорной мануфактуре и заявил, что демонстранты вышли на улицу в результате угроз ГПУ⁵³. Это тоже сложно принять: арестовано было очень мало людей, и хотя наступление на эсеров и могло возбудить страх перед репрессиями и возвращением к ужасам Гражданской войны, это не может быть достаточным объяснением такой огромной мобилизации. И уж точно не могут её объяснить шаблонные, разыгранные по ролям речи рабочих депутатов революционного трибунала. В отчёте «Правды» на фоне тревожных призывов казнить подсудимых выделяются лишь два жизненных момента. Первый — мать троих детей, называющая эсеров убийцами её мужа, погибшего на фронте. Второй — рабочий, представлявший московских работников почты и телеграфа (где эсеры сохраняли сильное влияние), который заявил, что перешёл на сторону большевиков по самой прозаической

---

⁵¹ Численность демонстрации относительно населения города сравнима с крупной демонстрацией против вторжения в Ирак, состоявшейся в Лондоне в феврале 2003 г. (1,5 млн. чел. при населении Лондона 7,6 млн.) — крупнейшей в современной истории города. Правда. 22 июня 1922; *Jansen*, *op. cit.*, pp. 146, 208.

⁵² *Двинов Б.* От легальности к подполью 1921–22. — Stanford: Hoover Institution, 1968, pp. 136–137.

⁵³ Правда. 24 июня 1922; *Jansen*, *op. cit.*, pp. 147.

причине: «Советская власть даёт нам все, что можно [...] Она дала нам, работникам почты и телеграфа, большой дом Высоцкого. [...] Если бы у власти стали Гоц и К^о, то я уверен, что они выгнали бы нас из этого дома». Если на одном полюсе были те, кем двигал страх или дурные предчувствия, а на другом — те, кто искренне считал эсеров врагами революции и её завоеваний, то большинство, располагавшееся между этими полюсами, вероятно, просто двигались по пути наименьшего сопротивления. Они воспользовались возможностью солнечным летним днём уйти с завода на полдня раньше, скорее всего с разрешения начальства и без сокращения зарплаты⁵⁴.

Демонстрация 20 июня стала срезом социальных контрастов. Некоторые политически сознательные рабочие относились с подозрением, скепсисом или явно враждебно к «социализму», требовавшему массового одобрения смертной казни для расправы над политическими врагами. Но за такое отношение, высказанное вслух, можно было многим поплатиться, и цена возрастала. А для большинства рабочих главным вопросом было возвращение к довоенному уровню жизни, и они видели, что большевики могут это сделать. Справедливость передачи особняка Высоцкого бывшим жителям трущоб была вполне осязаема. Многие рабочие ассоциировали большевиков с уничтожением старых эксплуататорских классов и относили на их счёт возрождение промышленности. Более того, они видели, как на разные формы организации рабочего класса накладываются ограничения, и слабо верили в политическую оппозицию. Демократия в Советах и на предприятиях была ограничена, а вот возможности роста промышленности, похоже, ограничений не имели. В ноябре 1922 г. секретарь МК Зеленский, как правило, не склонный преувеличивать достижения партии, сказал, что отношения с беспартийными

---

⁵⁴ Работники предприятий собирались в своих районах на два часа дня, стояла хорошая погода. В единственном подробном описании заводской делегации было сказано, что двигалась она «во главе с администрацией». Учитывая, что на мероприятие обязаны были явиться коммунисты-управленцы, логично предположить, что так было повсеместно. Правда, 22 июня 1922 г. Кевин Мёрфи обнаружил, что рабочие завода «Серп и молот» участвовали в демонстрации «с сохранением обычного размера заработной платы её участникам». *Murphy*, op. cit., p. 162.

рабочими налаживаются, поскольку «улучшились жизненные условия рабочего. Отпала кошмарная забота о куске хлеба на сегодня и завтра, необходимость изворачиваться, спекулировать и т.п., поднялся интерес к политике»⁵⁵.

Демонстрацию 20 июня можно рассматривать также в контексте систематизации большевистской пропагандистской программы общественных мероприятий в честь 1 мая, годовщины Октябрьской революции и аналогичных. Некоторые историки отмечали, что эти мероприятия, во время Гражданской войны славившиеся спонтанностью и изобретательностью, теперь стали официозными и шаблонными. До 1922 г. они были «не подчинены ещё жёсткой структуре», но после уже сформировался «канон», оставшийся неизменным на протяжении десятилетий (В. Глебкин); на предприятиях праздники отмечались в «чисто семейном заводском» духе, но потом были удушены официозом (Виктория Тяжельникова); революционное содержание сменилось «кондовым инструментализмом» (Ричард Стайтс)⁵⁶. Насколько важную роль в достижении высокой явки на такие мероприятия играли разные факторы — запугивание, патерналистское выкручивание рук, распределение дополнительных пайков, симпатии рабочих к режиму, надежды на поддержание традиций 1917 г. — это требует дальнейшего исследования. Конечно, ко времени празднования пятой годовщины Октябрьской революции в 1922 г. торжества уже режиссировались более тщательно. Явка была высока (более 250 тыс. чел.), и на откровенной встрече за закрытыми дверями большевики-организаторы в Краснопресненском районе отмечали бодрое настроение рабочих — они были настроены настолько благодушно, что, по

---

⁵⁵ Известия МК РКП(б). №3. 1922. С. 5–13.

⁵⁶ Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М.: Инус-К, 1998. С. 98–99; Stites R., *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*, Oxford: Oxford University Press, 1989, p. 50; Тяжельникова В. Повседневность и революционные преобразования советской власти // Севостьянов Г.Н. (ред.) *Россия в XX веке: Реформа и революция*. М.: «Наука», 2002. Т. 2. С. 89–94. См. также von Geldern, J., *Bolshevik Festivals, 1917–1920*, Berkeley: University of California Press, 1993, pp. 208–219; Lane, C., *The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society — the Soviet case*, Cambridge: Cambridge University Press, 1981, pp. 162–169.

словам одного из организаторов по фамилии Шапиро, «даже несвоевременная выплата жалованья не помешала выходу на демонстрацию». Лихачёв сделал красноречивую оговорку, что «демонстрация на этот раз не была казённой», тем самым неявно признав, что предыдущие были-таки казёнными⁵⁷. Ключевым элементом в процессе закрепления за рабочими роли пассивных последователей мудрого авангарда была иконизация большевистских лидеров. В пятую годовщину революции заводы переименовывали уже не только в честь таких высокопоставленных фигур, как Ленин и Троцкий, но и в честь менее выдающихся «старых большевиков», например Виктора Таратуты и Яна Рудзутака⁵⁸. В декабре 1922 г. Луначарский, который давно выдвигал идею «богостроительства», благоговейно говорил о Ленине во время массового собрания на Трёхгорной мануфактуре, этом оплоте крестьянской религиозности, расположенном в паре сотен метров от Кремля. Собрание направило Ленину приветствие, обращаясь к нему так: «Шлём тебе, великий вождь рабочего класса, наш горячий привет»⁵⁹.

Советы и профсоюзы

Чем более совершенствовались партийные механизмы массовой мобилизации, тем сильнее урезались полномочия Советов и профсоюзов, то есть тех форумов, на которых могла бы развиваться коллективная политическая деятельность рабочего класса. Превращение пленума Моссовета из партисипаторного органа в безжизненный лекторий принесло свои плоды в 1922 г. в виде апатии рабочих. Во время избирательных кампаний рабочие или молча отбывали собрания и отказывались голосовать, как во время антиэсеровской кампании, или

⁵⁷ ЦАОПИМ, 69/1/93/130.

⁵⁸ Предприятия называли также в честь Бухарина, Чичерина, Калинина и Каменева, а также погибших Свердлова, Володарского и Урицкого. Троцкий поощрял эту тенденцию, после Первой 1922 г. призывая Моссовет переименовать заводы «по-советски». РГАСПИ, 17/84/347/38.

⁵⁹ Правда. 15 декабря 1922; *Родионова Н.И.* Годы напряжённого труда: из истории Московской партийной организации 1921–1925 гг. М.: Московский рабочий, 1963. С. 68.

же вообще не являлись. Во время выборов в Советы в декабре 1922 г. в листовке, изданной практически подпольной группой левых эсеров-максималистов, указывалось, что единогласную поддержку кандидатам-большевикам часто выражают по итогам собраний, во время которых вообще не было дискуссий — «глухонемые выбирали коммунистов». «На первом месте, судя по газетам, оказались рабочие МПО [Московского потребительского общества]»: 2500 чел. на протяжении часа слушали доклад о внутренней и международной обстановке и без единого слова проголосовали за список кандидатов во главе с Лениным. Авторы листовки утверждали, что, учитывая плотный надзор ГПУ, обязательное использование процедуры открытого, а не тайного голосования является нарушением демократии. Приводились примеры массового воздержания от голосования, в том числе на металлургическом заводе Гужона, где список кандидатов в Совет от большевиков был поддержан 100 голосами против 2, тогда как около 1900 чел. воздержались⁶⁰.

Если Совет стал органом муниципального администрирования, то у профсоюзов тоже появилась новая, подчинённая роль: учреждение, которое внедряет в области трудовых отношений политику, разрабатываемую партийными органами. X съезд партии возложил на профсоюзы ответственность по мобилизации рабочих на производственные задания; на практике это означало, главным образом, борьбу за трудовую дисциплину. XI съезд в марте—апреле 1922 г. принял резолюцию, основанную на проекте Ленина, которая раз и навсегда отметала любые рассуждения об участии профсоюзов в управлении предприятиями. Согласно резолюции, роль профсоюзов заключается в том, чтобы «защищать интересы трудящихся» — но с важными оговорками относительно государственных предприятий, где они должны действовать «без вреда для развития рабочего государства и его хозяйства в целом». На трудовые конфликты можно было идти, только «постоянно поправляя ошибки и преувеличения хозяйственных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения госаппарата», и тут же уточнялось, что профсоюзы должны

---

⁶⁰ ЦАОПИМ, 3/11/76.

служить посредниками между рабочими и администрацией при улаживании конфликтов⁶¹. Во время обсуждения проекта резолюции в руководстве партии, именно большевистские профсоюзные лидеры Андрей Андреев и Александр Догадов выступили против предложений разрешить забастовки на государственных предприятиях. В Москве это поставило большевистских профсоюзных деятелей низшего звена (а они все были большевиками, поскольку после удаления меньшевистского руководства Союза химиков в ноябре 1921 г. небольшевистские партии сохраняли активность только на уровне предприятий) в невозможное положение. Как объяснил МК председатель Московского губернского совета профсоюзов Григорий Мельничанский, такие чиновники, как он, «связаны по рукам и по ногам» верой в свои обязательства перед советской системой; забастовки и угрозы забастовок они считают «политически нецелесообразными», и поэтому «мы целиком зависим от партии и от нашего государства если не юридически, то фактически» в разрешении конфликтов⁶². Переговоры велись между большевиками, назначенными представлять рабочих, и большевиками, назначенными на административные посты, причём обе стороны главной задачей считали улучшение производственных показателей и обсуждали трудовые отношения только с этой точки зрения.

Политическая зависимость профсоюзов от партии проявлялась в двух связанных между собой аспектах: во-первых, они помогали дисциплинировать рабочих, которые выходили за рамки предписанной процедуры переговоров и использовали стачки как дополнительный аргумент; во-вторых, их аппарат более тесно интегрировался в организационном и финансовом плане с аппаратом государственным. Во время трудовых конфликтов профсоюзы почти всегда действовали как союзники администрации, и именно так их воспринимали рабочие. Примером могут служить три конфликта в

---

⁶¹ Одиннадцатый съезд РКП(б): стенографический отчет. М.: Гос. изд. политической литературы, 1961. С. 528–537; *Квашонкин А.В. и др.* (ред.). Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М.: РОССПЭН, 1996. С. 234–235.

⁶² ЦАОПИМ, 3/3/5/55–59.

текстильных городах Подмосковья. Первый из них, на Воскресенской фабрике в Наро-Фоминске, вспыхнул в середине января 1922 г. среди ткачих, когда спор по поводу предоставления выходного дня на старый Новый год наложился на волнения, вызванные объявлением, что фабрику выведут из системы государственных пайков и переведут на хозрасчёт, с выплатой зарплаты деньгами. Была проведена короткая забастовка. Гнев ткачих был направлен, прежде всего, против особенно непопулярного начальника, Сергея Сельдякова. Его безоговорочно поддержало районное профсоюзное бюро и менее последовательно — фабричный комитет. Неделию спустя масла в огонь подлили обыски на фабрике; массовое собрание осудило «грубое отношение с народом» районного профбюро и потребовало уволить Сельдякова. Снова волнения вспыхнули в июне, когда Сельдяков уволил прядильщиц, требовавших 50%-ной прибавки к зарплате. Губернское профсоюзное руководство предложило на 2 месяца закрыть всю фабрику, но это предложение отклонил фабричный комитет⁶³. В марте на Глуховской фабрике в Богородском из-за высокомерного отношения профсоюзных чиновников спор по поводу зарплаты перерос в забастовку, в которой участвовали все 10 тыс. работниц, как сообщила «Правда»⁶⁴. В августе работницы снова столкнулись с агрессией профсоюзных деятелей во время стачки на текстильных фабриках Орехово-Зуево — крупнейшей в Московской губернии за весь 1922 г. Забастовка с требованием повышения зарплаты длилась несколько дней, и на пике в ней участвовали 19 тыс. чел. Профсоюз в ответ на это исключил из своих рядов ткачих, инициировавших стачку, а администрация пообещала их уволить навсегда и прекратить выдачу им хлебных пайков. Когда к забастовке присоединились другие работницы, они избрали делегацию из рядовых своих представителей для переговоров с губернским профсоюзным руководством, которое, как считалось, представляло противоположную сторону⁶⁵. В начале НЭПа

---

⁶³ ЦАОПИМ, 3/3/34/12, 17, 147, 164об, 165.

⁶⁴ Правда. 14 июня 1922.

⁶⁵ ЦАОПИМ, 3/3/34/218, 225об, 226об, 229об, 230, 233об, 242об, 244; Социалистический вестник. №19. 1922. С. 14–15.

избрание рабочими делегатов для переговоров со «своими» профсоюзами и даже фабзавкомаами во время трудовых споров стало обычной практикой. Московские профсоюзы препятствовали не только кампании текстильщиц за повышение зарплаты, но и кампаниям трамвайных работников (которые стремились, как в 1920 г., укрепить солидарность между разными депо) и учителей (которые устраивали стачки и митинги протеста против задержки зарплаты на несколько месяцев)⁶⁶.

Решение профсоюза текстильщиц исключить орехово-зубовских ткачих тоже не было чем-то из ряда вон выходящим. В марте 1922 г. руководство московского губернского профсоюза учителей призвало уволить руководителя районного профсоюза и распустить районный профком, поддержавший требования по зарплате. В июне 1923 г. организаторы одной из крупнейших забастовок в Москве в том году, в которой участвовали 13 тыс. сезонных рабочих, занятых на торфяниках, были исключены из профсоюза и уволены⁶⁷. Впрочем, такой остракизм в отношении активистов не имел особенного влияния на предрасположенность рабочих к забастовкам. Опубликованное в партийном журнале исследование забастовок и конфликтов на госпредприятиях в 1923 г., большинство которых было вызвано задержками зарплаты, выявило, что 96,5% этих мероприятий было организовано рабочими «без ведома и даже вопреки решению профсоюзов»⁶⁸.

В финансовом и организационном плане профсоюзы предприняли несмелую и безуспешную попытку уменьшить свою зависимость от государства, установившуюся во время Гражданской войны. До 1921 г. профсоюзы почти целиком финансировались Наркомтрудом. В 1922 г. им сократили штаты, в соответствии с политикой хозрасчёта. В рамках централизации и стандартизации структур некоторые профсоюзы были объединены, а другие реорганизованы. Как до

---

⁶⁶ Pirani, op. cit., pp. 328–332.

⁶⁷ ЦАОПИМ, 3/3/33/74/75; 3/3/34/55, 56, 61; 3/4/49/99-101; Труд. 12 июля 1923.

⁶⁸ Большевик. №13-14. 1925. С. 77; цит. по: Орлов И.Б. Проблемы единой экономики // Павлюченков и др. (ред.). Россия нэповская. М.: Новый хронограф, 2002. С. 156.

сокращений, так и после них профсоюзные штаты были заполнены вездесущими партийными «кадрами», которые свободно перемещались из одной отрасли госслужбы в другую. И на всех уровнях назначаемые чиновники превосходили по численности выборных; например, из 33 старших работников Московского губернского совета профсоюзов лишь восьмеро были избраны на свои должности. После перехода на хозрасчёт прямая помощь государства центральным комитетам профсоюзов должна была прекратиться, но она продолжалась. Губернские отделения профсоюзов тоже по-прежнему получали эту помощь. По состоянию на конец 1922 г. государство всё ещё оставалось прямым работодателем для более чем 40% из 1500 профсоюзных работников Московской губернии и обеспечивало весь профсоюзный аппарат бесплатным жильём, электричеством и продовольствием⁶⁹.

Большевистские профсоюзы признавали необходимость организационной независимости от государства и от администрации на предприятиях, но не могли её достичь. Их проблемы стали очевидны после провала кампании по переходу от отчисления профсоюзных взносов из зарплаты перед выплатой рабочим (средства перечисляла администрация, наряду со страховыми взносами) к системе добровольной уплаты взносов активистам, проводившейся в 1922–1923 гг. Система принудительного отчисления взносов исторически ассоциировалась, как в России, так и в Западной Европе и Северной Америке, с зависимыми от администрации «жёлтыми» профсоюзами, а добровольная уплата – с боевой профсоюзной организацией. XI съезд партии принял решение о перерегистрации всех членов профсоюзов на добровольной основе. Поначалу профсоюзные работники опасались, что добровольный принцип членства подорвёт способность профсоюзов принуждать к трудовой дисциплине. На заседании в Москве

---

⁶⁹ *Шедров С. В.* (ред.). Профсоюзы Москвы: Очерки истории. М.: Профиздат, 1975. С. 148–149; МГСПС. Резолюции и постановления IV-го Московского губернского съезда профсоюзов (5–8 сент. 1922). М., 1922. С. 4; Социалистический вестник. №19. 1922. С. 12; Отчёт о деятельности Московского губпрофсовета 1921–22. М., 1922. С. 60–61; *Мельничанский Г.* Московские профессиональные союзы. М.: Главлит, 1923. С. 14; Перепись служащих советских учреждений г. Москвы 1922 г. М., 1922. С. 122.

Мельничанский утверждал, что членами профсоюза должны считаться все рабочие, и администрации нужно разрешить увольнять тех, кто захочет из профсоюза выйти. Гудков, предлагавший «непосредственно пойти на фабрики и поставить вопрос о членстве: угодно или не угодно», чтобы это было «решением масс», оказался в оппозиции ко всем остальным⁷⁰. Впрочем, решение партсъезда о добровольном членстве было продиктовано не столько заботой о боевом духе рабочих, сколько осознанием необходимости в целях противодействия наводнению рабочего класса «непролетарскими элементами» исключить из профсоюзов такие «полупролетарские элементы», как кустари, сезонные рабочие и те, кто потерял работу во время первой волны нэповских сокращений штатов. Союз металлистов принял решение, что те, кто вдобавок к основной работе подрабатывает в мастерской на дому, не может претендовать на членство; один чиновник утверждал, что если жена квалифицированного рабочего торгует на базаре или продаёт квас и платит жалованье домашней прислуге, то на вопрос, исключать ли такого рабочего из профсоюза, «ответ ясен»⁷¹.

За перерегистрацией должен был последовать отход от взимания взносов до выплаты зарплаты к сбору взносов активистами, но эти узы зависимости профсоюзов от администрации порвать не удалось. На подавляющем большинстве предприятий переход к «добровольной» оплате был совершён путём принятия одного коллективного решения на массовом собрании, после которого взносы по-прежнему отчисляла администрация из зарплаты рабочего. (Такая процедура была возможна благодаря формулировке резолюции XI съезда, где говорилось о «добровольном членстве как в отношении индивидуального, так и коллективного вступления в союзы».) Несостоятельность таких решений с точки зрения рабочей активности и неспособность при помощи кампании добровольного членства оживить первичные профсоюзные ячейки,

⁷⁰ ЦАОПИМ, 3/2/27/3–22.

⁷¹ В результате кампании перерегистрации численность Московской губернской профсоюзной организации на протяжении января–декабря 1922 г. упала с 728 906 до 653 274 чел. О Союзе металлистов см.: Металлист. №2. 1923. ст. 17–20.

повсеместно признавалась в профсоюзных журналах, и начиная с 1923 г. предпринимались по большей части безуспешные попытки увеличить долю взносов, собираемых независимо от заводской администрации⁷². К ноябрю 1923 г. практически никаких успехов достигнуть не удалось: в московской промышленности процент рабочих, платящих взносы самостоятельно, «в среднем окажется все же небольшим, около 10%». Хуже всего индивидуальные взносы приживались на крупных предприятиях, и профсоюзные деятели жаловались, что задержки зарплаты и выплата крупными купюрами ещё больше усложняют сбор взносов⁷³. Зависимость профсоюзов, как политическая, так и организационная, стала свершившимся фактом.

Безработные

Противоречия во взгляде партии на рабочий класс отражались и на её отношении к безработным, число которых взлетело в 1922–1923 гг., когда возобновлённая миграция в Москву наводнила город работниками, а хозрасчёт заставил предприятия избавляться от рабочих и сократил скрытую безработицу (когда рабочие ходят на завод, где для них нет занятия). Некоторые большевики поощряли самоорганизацию безработных, но это противоречило господствующей в партии точке зрения, согласно которой многие безработные – например, женщины, молодые рабочие и недавние мигранты – являются в меньшей степени пролетариями, чем другие, и такая организация допустима лишь в строго определённых рамках.

Число официально зарегистрированных безработных в Москве, в январе 1922 г. составлявшее чуть больше 14 тыс. чел.,

---

⁷² *Томский М.* Первые результаты новой союзной политики // Вестник труда. №8–9. 1922. С. 3–11; ЦАОПИМ, 3/3/5/30; *Брискин М.* Переход к индивидуальному членству // Вестник труда. №1. 1923. С. 3–14; *Гуревич А.* Добровольное членство в союзах // Вестник труда. №2. 1922. С. 38–40; Социалистический вестник. №11. 1922. С. 10–11; №16. 1922. С. 8–9; Одиннадцатый съезд... С. 531.

⁷³ МГСПС. Пятый губернский съезд московских профсоюзов. Итоги, резолюция, постановления. М.: Мосгублит, 1923. С. 13; ЦГАМО, 609/1/183/46–49, 184; Труд. 4 сентября 1923; Металлист. №8. 1923. ст. 47–48.

к середине 1923 г. превысило 100 тыс. чел. По мере того как в Москву возвращались демобилизованные красноармейцы, и возобновился приток людей из деревни, женщины, молодые и неквалифицированные рабочие вытеснялись с рынка труда, уступая мужчинам и квалифицированным рабочим. К середине 1922 г. женщины составляли чуть меньше трёх четвертей всего безработных Москвы. Статистические данные за 1922 и 1923 гг. показывают, что крупнейшей группой зарегистрированных безработных (более 1/3 от общего числа) были «советские работники», по большей части служащие, а не промышленные рабочие. Второй по величине группой (1/5 в 1922 г., более 1/4 в 1923 г.) были неквалифицированные рабочие. К 1923 г. появилось также значительное число безработных швейников, кожевников и даже металлистов, хотя отдельные отрасли по-прежнему испытывали нехватку кадров⁷⁴.

В отношении партии к процессу организации безработных быстро обнаружились принципиальные различия. Комсомол организовывал клубы для безработных молодых рабочих, а заводские ячейки поддерживали фонды взаимопомощи для безработных членов профсоюза⁷⁵. Но на предприятиях, откуда работники ЧК отправляли рапорты о том, что тревожит рабочих, и начиная с сентября 1921 г. появилась угроза увольнения, акценту расставлялись по-другому⁷⁶. В частности, профсоюзные работники откровенно отходили от этой проблемы, утверждая, что главными её жертвами являются непролетарские элементы. В одном докладе на Московской губернской профсоюзной конференции в 1922 г. подчёркивалось, что «членов профессиональных союзов среди безработных небольшой процент»; большинство — служащие или неквалифицированные рабочие, а 20–30% безработных, по словам докладчика, состоит из «фиктивных, имеющих заработок или занимаю-

⁷⁴ Статистика взята из Отчет МГСПС 1921–22. — С. 22 и *Chase*, op. cit., p. 139, собрано из ряда советских источников. См. также: *Chase*, op. cit., pp. 141–143 and 149–150; *Маркузон Ф.Д.* (ред.). Положение труда в Московской губернии в 1922–1923 гг.: сборник материалов бюро статистики труда. М.: МГСПС, 1923. С. 8, 18, 38–40; *Матюгин*. Указ. соч. С. 195; Правда. 4 ноября 1921.

⁷⁵ ЦАОПМ, 634/1/10/38; ЦАГМ, 415/16/318/71.

⁷⁶ ЦАОПМ, 3/2/48/156–158; 3/3/33/9.

шихся торговлей, не работавших раньше на предприятиях». В ещё одном докладе, подготовленном МГСПС, было сказано, что безработные в массе своей представляют «пришлый, случайный в производстве элемент», «имеющий прочную связь с деревней, торговлей, и т.д.»⁷⁷. Партия стремилась там, где возможно, защитить своих членов от сокращений — в августе 1922 г. бюро МК издало об этом специальную директиву, обращённую к профсоюзным ячейкам⁷⁸ — и было широко известно, что безработных коммунистов продвигают вперёд в очереди на рабочее место. Это вызывало негодование, и в начале 1922 г. дало политическим врагам большевиков несколько остающихся ещё возможностей превратить протест против экономических трудностей в политическую оппозицию.

Процедуры отбора сокращаемых и утверждения, что их используют против меньшевиков и других рабочих, которые не нравятся администрации, стали причиной самого ожесточённого трудового конфликта в Москве весной 1922 г., в Сытинской типографии (см. гл.4). В профсоюзе пекарей ветеран партии эсеров-максималистов Пётр Камышев⁷⁹ попытался возглавить безработных; в марте 1922 г. на собрании он заявил 500 безработным, что «рабочие должны сами принять чрезвычайные меры в деле помощи безработным, так как от государства дожидаться нечего». Камышев призывал урезать госаппарат и уволить паразитов-«чиновников, получающих высокие оклады за счет рабочих», сообщил агент ЧК. Присутствовавший при этом председатель ЦК профсоюза пекарей, коммунист Самуил Кроль, выдвинул резолюцию о том, что работающие пекари должны еженедельно передавать однодневный заработок своим безработным коллегам⁸⁰. Перспектива независимой организации безработных беспокоила некоторых агентов ЧК. В июне 1922 г. один из них докладывал о безработных, «которые гуляют по Замоскворечью и сидят около предприятий», причём среди них «ведутся толки [...]

---

⁷⁷ МГСПС. Пятый съезд... С. 38; МГСПС. Отчет о деятельности 1921–22. С. 5.

⁷⁸ ЦАОПИМ, 3/2/28/90об.

⁷⁹ О Камышеве см. Прил. 1.

⁸⁰ ЦАОПИМ, 3/3/34/65.

о необходимости [...] борьбы с сов[етской] властью, ввиду, якобы, её неспособности восстановить хозяйство и устранить безработицу»⁸¹.

Враждебность большинства партийных деятелей к чему угодно с малейшим привкусом самоорганизации рабочего класса яснее всего проявилась в начале 1923 г. во время дискуссии о том, какую позицию партийные женотделы должны занять по отношению к женщинам, уволенным с заводов. Вера Голубева, заместительница заведующей женотдела при ЦК, выступала за создание ассоциаций нового типа, чтобы организовать женщин, пострадавших от НЭПа, который не только стал причиной «массового ухода женщин с фабрик и заводов», но и положил конец государственному финансированию детских садов, коммунальных кухонь и других учреждений, предназначенных для облегчения бремени домашней работы. Собрания депутаток женотделов, теоретически открытые для безработных и домохозяйек, на практике не смогли сохранить организации среди «этой уходящей в болото обывательщины, вчера еще трудовой женщины». Необходимы «особые общества, ставящие своей задачей полное экономическое, правовое и бытовое раскрепощение женщины», заявила Голубева. Эта попытка поощрить организацию среди тех, кому приходится тяжелее всего, вызвала бурю протестов. Одна из особо резких выступающих, Павловская, сказала, что партии «нечего сказать» безработным женщинам и что организация должна «ограничиться узким кругом женщин, связанных с производством». Ф. Нюрина сказала, что задача партии не в том, чтобы «запустить свои щупальца глубже в гущу отсталых женских масс», безуспешно пытаясь найти ««самодеятельных» [в кавычках] женщин», а в том, чтобы сосредоточиться на таких учреждениях при предприятиях, как заводские клубы и кооперативы. Предложения Голубевой были категорически отвергнуты на всероссийском собрании руководительниц женотделов в апреле 1923 г., и она была беспощадно раскритикована на высших уровнях. К нападкам на неё присоединилась Клара Цеткин, ветеран немецкого коммунистического движения. Александра Коллонтай, которая к тому времени

---

⁸¹ ЦАОПИМ, 3/3/34/150. См. также: *Chase*, op. cit., p. 158.

уже находилась в почётной ссылке в качестве советского посла в Норвегии и вмешалась с тем, чтобы поддержать Голубеву, тоже была раскритикована⁸².

Рабочий класс, идеальный и реальный

Кампании вокруг конфискации церковных ценностей и суда над эсерами поместили в центр политической жизни методы массовой мобилизации в более сознательно управляемой и систематически контролируемой форме, чем когда-либо прежде. Эти кампании, наряду с выхолащиванием Советов и профсоюзов как органов массового политического участия, были важными шагами в процессе политической экспроприации рабочего класса, проведённой большевиками. А наверху партийная элита становилась ядром, вокруг которого оформлялся новый советский правящий класс, концентрируя в своих руках политическую власть и материальные привилегии. Могли ли российские рабочие оказать заметное сопротивление этому процессу — спорный вопрос. Все надежды на распространение революции на Западную Европу давно уже были перечёркнуты; Россия стояла лишь в самом начале пути индустриализации и урбанизации. Часто говорят, что ставя превыше всего индустриальное развитие, большевики всего лишь признавали исторические реалии. Но их авангардизм и презрение к партисипаторной демократии — в сочетании с их монополией на политическую власть — уничтожили потенциал развития рабочего класса как творческой исторической силы, которой он себя показал в 1917 г.

Положение партии как хозяина государства оказало влияние на её идеологию. X съезд, по сути, предал анафеме инакомыслие. К XI съезду были разработаны оправдания монополии большевиков на политическую власть во время НЭПа. «Рабочее государство», сколь угодно несовершенное, является средством осуществления индустриализации и модернизации. «Пролетарский» характер ему обеспечивает

---

⁸² Wood, E., *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*, Bloomington: Indiana University Press, 1997, pp. 188–191, 261–262; Правда. 1 февраля, 9, 10 и 20 марта, 5 и 14 апреля 1923.

партия, чей «пролетарский мандат» основывается на позиции, которую она заняла в 1917 г. А вот сам рабочий класс как раз является весьма непролетарским, «разбавленный» женщинами, недавними переселенцами из деревни и прочими. Политика заключается не в том, чтобы привлечь рабочих к процессу принятия решений, а в том, чтобы заставить их по возможности понимать решения, принятые от их имени партией, а также повышать производительность и соблюдать трудовую дисциплину.

Карикатурность социалистических идей в таком мышлении была ясна для многих, как в рядах партии, так и за её пределами. Это явствует из реакции на утверждение партийного руководства, озвученное Лениным в его известной речи на XI съезде, что экономическое «отступление», предусмотренное НЭПом, должно сопровождаться политическим наступлением в форме репрессий против политических оппонентов и жёстких мер против инакомыслящих большевиков. В той части своей речи, которая заслуживает большего внимания, Ленин отдельно подчеркнул невозможность возрождения в новых условиях массового участия рабочего класса в политике. Он в очередной раз озвучил своё убеждение в необходимости более жёстких ограничений на вступление в партию для предотвращения наплыва мелкобуржуазных элементов. Он упрекнул тех, кто заявлял, что восстановление экономики, за которым последовало возвращение многих рабочих на заводы, создаёт новый резервуар рабочих активистов и возможности ренессанса классового сознания рабочих, которыми должна воспользоваться партия. Ленин утверждал, что российский рабочий класс не может считаться по-настоящему пролетарским. «Очень часто, когда говорят: «рабочие», думают, что значит это фабрично-заводский пролетариат. Вовсе не значит», — говорил он. Рабочего класса, о котором писал Маркс, в России не существует, утверждал Ленин. «Сплошь да рядом идущие на фабрики — это не пролетарии, а всяческий случайный элемент»⁸³. Практическое следствие этого заключается в том, что процесс принятия политических решений должен быть сосредоточен в руках партии, и она должна объяснить рабочему классу своё превосходство

---

⁸³ Одиннадцатый съезд... С. 10-44.

над своими политическими врагами. Очевидно, какое место в такой логике отводится кампаниям по церкви и по эсерам.

Бывший лидер РО Шляпников считал ленинское переопределение рабочего класса более серьёзной угрозой социалистической идеологии, чем любые аргументы, которые использовали против РО годом ранее. Дискуссия 1920 г. касалась «тактических» вопросов, тогда как отвержение Лениным заново урбанизирующегося рабочего класса таит в себе «опасность появления ... принципиальных расхождений», заявил на съезде Шляпников. Партийные вожди занимаются самообманом, например, обвиняя в организации забастовок, вызванных экономическими трудностями, «монархистов». Каменев утверждал, что даже передовые московские рабочие «выражают интересы крестьянских хозяев». Шляпников боялся, что «изображая пролетариат несвойственными ему красками, товарищи ищут оправдания политическим маневрам, поискам опоры в других общественных слоях [в которых задним числом можно опознать те слои, которые объединила новая партийная элита]. Нужно раз навсегда запомнить, что другого и «лучшего» рабочего класса мы иметь не будем и нужно удовлетвориться тем, что есть»⁸⁴.

Тревогу Шляпникова разделяли другие оппозиционеры. «Анонимная платформа» в конце 1922 г. предупреждала, что в этом фрагменте ленинской речи содержатся «весьма опасные выступления». И.Н. Смирнов, представлявший левое крыло оппозиции 1923 г., вернулся к этой теме во время партийной дискуссии 1923–1924 гг. Зиновьев утверждал, что решения X съезда о внутрипартийной демократии воплотить в жизнь невозможно из-за «объективных условий» и разложения рабочего класса. В ответ Смирнов указал на «огромный подъём наших хозяйственных возможностей» в 1921–1922 гг. Пародией являются попытки объяснить отсутствие партийной демократии разложением рабочего класса, тогда как именно после X съезда рабочие вновь нахлынули в города, заявлял он⁸⁵.

Последствия большевистского авангардизма-при-власти были очевидны также и политически активным беспартийным

---

⁸⁴ Там же. С. 101–109.

⁸⁵ РГАСПИ, 324/1/35/164; ЦАОПИМ, 3/4/36/61–62.

рабочим, маргинализированным этой политикой. В январе 1923 г., на открытом собрании (т.е. таком, куда допускались не только члены партийной ячейки) на заводе «Красный пролетарий» (как переименовали завод Бромлея)⁸⁶, дискуссия на эту тему вспыхнула, когда Столенцева, члена партии, раскритиковали за недостаточно сознательную просветительскую работу среди беспартийных рабочих. Защищаясь, он выпалил: «Все рабочие сознательны, бывали на фронтах, и работу вести среди них нечего, я столько же понимаю, сколько и они». Это противоречило стандартным положениям большевиков о том, что сознательность определяется, прежде всего, отношением человека к партии — и Величенко, беспартийный коммунист, подхватил тему. Он сказал, что партия принижает интеллект рабочих, и немного иронически поразмышлял об абсентеизме беспартийных рабочих:

«т. Величенко /бесп./: Напрасно присутствующих называют бесп[артийными]. Мы политические лентяи. Мелочами домашними занимаемся и на собр[ания] ленимся ходить. Если нужно будет бороться с белогвардейцами, то мы все пойдем на фронт. [...] Я бы сказал, что в душе мы коммунисты, а по натуре политические лентяи, потому и не в компартии».

Беляков, очевидно, симпатизировавший левым эсерам, отрезал, что Величенко неправ, называя сознательных рабочих политическими лентяями. Проблема заключается в фальшивой политике большевиков:

«т. Беляков /бесп./: т. Величенко неправ. Компартия является узурпатором социалистических партий и свобод раб[очи]х. Потому нельзя говорить, что мы сознательные рабочие, только политические лентяи. Позор нашей стране, что до сих пор у нас социалисты сидят в тюрьме.

т. Величенко /реплика/: И курят сигары [имея в виду, что лидеры эсеров и меньшевиков — буржуа. — С.П.].

т. Беляков: Коммунисты захватили власть и царствуют, не считаясь с рабочими».

Другой беспартийный рабочий, Александров, заявил, что большевики не смогли бы захватить и удержать власть без поддержки рабочего класса. Беляков ответил, что в 1917 г. рабочие не имели понятия, чего хотят коммунисты.

⁸⁶ ГАРФ, 7952/3/76/177–183.

«т. Беляков. [...] Мы каждый день катимся все далее и далее от октябрьских завоеваний. В России коммунизма нет. Даже коммунистов у власти нет. Коммунисты только подписывают декрет[ы], а пишут их не коммунисты. Декреты бьют рабочих».

Политика большевиков маргинализировала, а потом и вовсе заставила смолкнуть такие дискуссии среди рабочих социалистов, которые могли бы только помочь оживить демократические и социалистические элементы революции.

Глава 7.

ПАРТИЙНАЯ ЭЛИТА, ПРОМЫШЛЕННЫЕ УПРАВЛЕНЦЫ И ПАРТЯЧЕЙКИ: ПАРТИЯ В 1922 Г.

Малочисленная элита, на которую в 1920 г. был направлен гнев рядовых коммунистов, в первые годы НЭПа расширилась, а объём её привилегий, изначально весьма скудный, стремительно разбух. По мере того как консолидировалось государство, элита аккумулировала в своих руках всё большую политическую власть. По мере того как восстанавливалась экономика, становилось возможным изымать значительные ресурсы. Отступление революции внесло коррективы в классовые отношения: вокруг навязывания трудовой дисциплины оформились заводские и отраслевые административные структуры; нарастали противоречия между рабочими, с одной стороны, и промышленными управленцами, техническими специалистами («спецами») и партийными ячейками — с другой. Несмотря на все трения между этими группами, которые со временем образуют новый советский правящий класс, партийная элита через партаппарат поддерживала их всех против рабочих. В этой главе будет рассмотрено молчаливое согласие партии в целом с возвышением элиты, появление промышленных управленцев-коммунистов и их роль в дисциплинировании рабочих, а также отношения между этими управленцами, спецами и партийными ячейками на предприятиях. В западной историографии роль политики в формировании советского бюрократического класса ранее была рассмотрена Грэмом Джиллом. Он описал возвышение «олигархии» высокопоставленных партийных вождей, от которых зависели те, кто работал на нижних уровнях аппарата. Джилл опирался на работу Томаса Ригби, определившего роль сетей личных знакомств и узких групп в партийной элите. Исследование Джеральда Истера о региональных лидерах тоже развивало эту тему. Социологическое определение нового

бюрократического класса дал Стивен Стернхаймер. Дон Роуни определил бюрократический класс как «технократию», возвышение которой было вызвано, прежде всего, потребностью в технических навыках; на мой взгляд, этот подход отводит слишком далеко на задний план классовые отношения между рабочими и государственной бюрократией¹.

Социалистическая теория столкнулась с рядом затруднений, устанавливая рамки для изучения советского бюрократического класса. Маркс не разработал теории бюрократии. Но в дискуссиях по этому вопросу он утверждал, что упразднение бюрократической иерархии и назначение чиновникам оклада в размере зарплаты квалифицированного рабочего — меры, которые, как он (возможно, ошибочно) считал, были предприняты Парижской коммуной — будут необходимы для «политической формы социального освобождения»². В большевизме этот аспект Марксовой мысли был почти полностью предан забвению. В бесконечных партийных дискуссиях о необходимости контролировать госаппарат и бороться с бюрократизмом (в узком смысле, т.е. с авторитаризмом чиновников, их коррумпированностью и неэффективностью) эти проблемы рассматривались всего лишь как дефекты рабочего государства. Поставленные Марксом цели упразднения бю-

---

¹ Gill, G., *The Origins of the Stalinist political system*, Cambridge: Cambridge University Press, 1990, pp. 51–112; Rigby, T. H., 'The Soviet Political Elite', *British Journal of Political Science* 1:4, 1971: 415–436; Rigby, T. H., 'Early provincial cliques and the rise of Stalin', *Soviet Studies* 33, 1981: 3–28; Easter, G., *Reconstructing the state: personal networks and elite identity in Soviet Russia*, Cambridge: Cambridge University Press, 2000; Sternheimer, S., 'Administration for Development: the emerging bureaucratic elite, 1920–1930' in Pintner, W. and Rowney, D.K. (eds), *Russian officialdom: the bureaucratization of Russian society from the seventeenth to the twentieth century*, London: Macmillan, 1980, pp. 316–354; Rowney, D.K., *Transition to technocracy: the structural origins of the Soviet administrative state*, Ithaca: Cornell University Press, 1989. См. также: Lopher, M., *Power Restructuring in Russia and China*, Oxford: Westview Press, 1996.

² Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т.1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 414–429; Маркс К. Гражданская война во Франции // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т.17. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 317–370.

рократической иерархии и выплаты чиновникам зарплаты квалифицированного рабочего, в лучшем случае переносились в отдалённую перспективу. Тем, кто пытался анализировать бюрократию как эксплуататорскую прослойку или как класс, и тем, кто приписывал партийной элите роль эксплуататорского слоя в советской экономике, затыкали рот так, как описано в предыдущих главах. Левая оппозиция 1923 г. осуждала подавление внутривнутрипартийной демократии, поскольку оно, помимо прочего, ограничивало возможности критики бюрократии (см. гл. 9) — но не оспаривала предположение, что партия и её элита являются инструментами «диктатуры пролетариата», пусть и несовершенными. В конце 1920-х гг. самые выдающиеся большевики-оппоненты Сталина, находясь в ссылке, по-прежнему анализировали бюрократию как враждебный организм внутри прогрессивного в своей основе рабочего государства. Даже Христиан Раковский, — который признавал, что бюрократия «не только объективно, но и субъективно, не только материально, но и морально» перестала быть частью рабочего класса, — рассматривал её всего лишь как своенравного «агента» временно пассивного пролетариата, находящегося у власти. Самый влиятельный социалистический анализ СССР, принадлежащий перу Троцкого, рассматривал бюрократию как «паразита» на теле пролетарского государства и не допускал, что она может играть независимую историческую роль. Его исследование происхождения бюрократии в большой мере опирается на старые большевистские рассуждения о «чуждых классовых элементах» и не рассматривает политическую экспроприацию рабочего класса партией³. Средство преодоления этих противоречий было предложено Корнелиусом Касториадисом, приписавшим бюрократии способность «подменять ... собою буржуазию как социальную прослойку, выполняющую задачу первоначального накопления» и выполнять такие функции, как «управляющий централизованным капиталом». Центральным фактором восхождения бюрократии Касториа-

³ Письмо Х.Г. Раковского о причинах перерождения партии и государственного аппарата // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). №6. Октябрь 1929. Париж. С. 14–20. Теория Троцкого наиболее полно представлена в *Троцкий Л. Преданная революция*. М.: НИИ культуры, 1991.

дис считает низведение рабочего класса партийей до положения «восторженных и пассивных граждан». Из этой отправной точки Клод Лефор развил анализ, согласно которому советский бюрократический класс стал господствующим не как буржуазия, «в силу профессиональной деятельности, которая наделяет их индивидуальной властью», а «при помощи зависимости от государственной власти, которая является основанием и опорой социальной иерархии». Отталкиваясь от Вебера, Лефор утверждал, что «классовое единство» бюрократии, которое проявляется в ряде государственных и негосударственных институтов, «не вырастает «естественным» путём; оно требует постоянного единения». Более того: «Соперничество бюрократических аппаратов, усиленное борьбой межбюрократических кланов, может быть поставлено под контроль лишь путём вмешательства собственно политического принципа на всех уровнях и во всех отраслях общественной жизни»⁴. Ниже партийная элита рассматривается как агент этого принципа и движущая сила этой «постоянной деятельности, направленной на унификацию», как во время Гражданской войны, когда она закладывала основания советского государства, так и во время экономического восстановления на заре НЭПа.

Возвышение партийной элиты

В 1920 г. зародыш партийной элиты в Москве объединял несколько тысяч высокопоставленных большевиков, пытавшихся контролировать неуправляемые комиссариаты и

⁴ *Castoriadis, C.*, 'The role of Bolshevik ideology in the birth of the bureaucracy' (1964) <<http://www.geocities.com/cordobakaf/castbolsh.html>> (accessed 2 May 2007); *Castoriadis, C.*, 'On the content of socialism' in *Curtis, D.A.* (ed. and trans.), *The Castoriadis Reader*, Oxford: Blackwell, 1997, pp. 40–105; *Castoriadis, C.*, 'The social regime in Russia' in *Curtis, D. A.* (ed. and trans.), *The Castoriadis Reader* (Oxford, Blackwell, 1997), pp. 218–238; *Lefort, C.*, *The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Democracy, Totalitarianism*, Cambridge: Polity Press, 1986, pp. 89–120; *Weber, M.*, *Essays in Sociology* (tr. and ed. by H.H. Gerth and C.W. Mills), London: Routledge and Kegan Paul, 1970, pp. 196–244. Социалистические оценки советской элиты см. также в *Farber, S.*, *Before Stalinism: the rise and fall of soviet democracy*, Oxford: Polity Press, 1990; *Podshchekoldin, A.M.*, 'The Origins of the Stalinist Bureaucracy – Some New Historical Facts' <<http://www.revolutionary-history.co.uk/supplem/podsheld.htm>>.

часто становившихся жертвами бюрократических пороков. На обширных российских просторах партийные чиновники пытались заложить надёжный фундамент советской власти. Партийная элита контролировала экономику, но эта экономика была обескровлена. Привилегии элиты были мизерны — дача или один-два автомобиля, хорошая еда, комфортабельное жильё — вызывали гнев рядовых коммунистов не своими масштабами, а тем, что в условиях всеобщей бедности они были явным попранием принципов, во имя которых, по убеждению народа, была совершена революция. В 1921—1923 гг., когда был надёжно установлен однопартийный режим, политическая власть и, в частности, способность управлять административной машиной государства, стремительно сосредоточивалась в руках партийной элиты. Используя эту власть, элита накапливала и легитимизировала материальные привилегии своих и других группировок, образовавших бюрократический класс, в том числе промышленных управленцев и технических специалистов. Контуры этого процесса в западной историографии были очерчены в 1950-х и 1960-х гг.; российские историки, изначально в контексте дискуссий горбачёвской эпохи, исследовали многие аспекты более подробно⁵.

⁵ Среди российских монографий и статей последних 20 лет следует отметить следующие, в порядке выхода в свет: *Лельчук В.С.* (ред.). Историки спорят: тринадцать бесед. М.: Изд. полит. литературы, 1988; *Поляков Ю.А.* 20-е годы: настроение партийного авангарда // Вопросы истории КПСС. №10. 1989. С. 25—38; *Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Б.И.* (ред.). Наше отечество: опыт политической истории. М.: Терра, 1991; *Симонов Н.С.* Реформа политического строя: замыслы и реальность (1921—23 гг.) // Вопросы истории КПСС. №1. 1991. С. 42—45; *Павлова И.В.* Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993; *Коржихина Т.П., Фигнатер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы, действия // Вопросы истории. №7. 1993. С. 25—38; *Трукан Г.А.* Путь к тоталитаризму, 1917—1929 гг. М.: Наука, 1994; *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы 1917—1923 гг. М.: Наука, 1995; *Журавлёв В.В. и др.* (ред.). Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М.: РОССПЭН, 1995; *Шишкина В.А.* Власть, политика, экономика: послереволюционная Россия (1917—1928 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997; *Леонов С.В.* Рождение советской империи: государство и идеология 1917—1922 гг. М.: Диалог-МГУ, 1997; *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы 1917—1920 гг. М.: Институт истории РАН, 1998; *Ненин А.Б.* Совнарком и Новая Экономическая

Историки сосредотачивают внимание на разрастании в рамках секретариата ЦК РКП(б) централизованной системы партийных функционеров, по сути, назначаемых и подотчётных этому секретариату и его аппарату. Эта система отняла властные полномочия не только у советских органов, которым они принадлежали по закону, но и у местных партийных органов⁶. Секретариат ЦК, в котором ключевую роль играл Сталин, после того как был назначен генеральным секретарём партии в апреле 1922 г., объединял разные направления партийной организации. Ему были подчинены органы, управляющие местным чиновничеством, учётно-распределительный и организационно-инструкторский отделы. Уже перед XI съездом, прошедшим в марте—апреле 1922 г., 7 тыс. чиновников национального и регионального уровней были прямо подотчётны учётно-распределительному отделу секретариата ЦК; накануне съезда отдел подготовил списки 33 тыс. чиновников и начал перебирать на себя управление ими. В 1922—1923 гг. был систематизирован процесс назначения чиновников; в конце 1923 г. были составлены первые списки («номенклатуры») партийных и государственных должностей, для заполнения которых требовалось одобрение из центра; в 1924 г. во всех

Политика (1921—23 гг.). Нижний Новгород: Изд. Волго-Вятской академии государственной службы, 1999; *Гимпельсон Е.Г.* Новая экономическая политика и политическая система: 20-е годы. М.: Институт истории РАН, 2000; *Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск: изд. СО РАН, 2001.

⁶ Это утверждение основывается на *Pirani, S.*, 'The party elite, the industrial managers and the cells: early stages in the formation of the Soviet ruling class in Moscow, 1922—23', *Revolutionary Russia* 19:2, 2006: 197—228; *Гимпельсон.* НЭП и политическая система... С. 124—125, 131, 160, 348—350; *Daniels, R.V.*, *The Conscience of the Revolution: communist opposition in Soviet Russia*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960, pp. 166—167; *Павлова.* Сталинизм... С. 66—67, 70—73, 75, 85—93; *Павлюченков С.А.* «Новый класс» и становление системы государственного абсолютизма // *Павлюченков и др.* (ред.) Россия нэповская: исследования. М.: Новый хронограф, 2002. С. 169—207, 174. См. также Одиннадцатый съезд РКП(б): стенографический отчет. М.: Гос. изд. политической литературы, 1961. С. 46—47; Известия ЦК РКП(б). №3. 1922. С. 27—28; №3. 1923. С. 39—40; РКП(б). Учет и распределение работников (к совещанию секретарей и заведующих орготделами губкомов). М.: Изд. отделение ЦК РКП(б), 1923. С. 3—6; Отчет о работе МК РКП(б) за 1922—23 г. М.: МК РКП(б), 1923. С. 31—33.

основных ответвлениях госаппарата были созданы учётно-распределительные отделы, подотчётные своей центральной материнской структуре. Учётно-распределительный отдел в московском комитете был учреждён в июле 1922 г., одновременно с созданием соответствующих отделов на районном уровне; на протяжении первых 7 месяцев своей деятельности он назначил 5863 партийцев (т. е., около 20% от общего числа членов партии в губернии) на разнообразные должности, в основном в центральные и местные партийные или советские органы. Назначенство, начавшееся во время Гражданской войны, расцвело и вскоре стало господствующей формой заполнения должностей. X съезд, реагируя на дискуссии 1920 г., осудил это явление, но в последующие годы оно распространилось, приобретя всеобъемлющий характер в 1924–1925 гг. Главным поворотным пунктом стала XII партконференция в августе 1922 г., принявшая предложенную комиссией Молотова поправку к партийному уставу, согласно которой секретари губернских и уездных партийных комитетов должны иметь дореволюционный стаж членства в партии, а избрание их должно быть «утверждено» на всероссийском уровне — т. е., по сути, становилось назначением. На протяжении 3 лет после X съезда партийный аппарат усиливал контроль над партией, а через неё и над государственным аппаратом, множеством других способов: он использовал каналы назначения и управления для решения исхода выборов делегатов на партийные съезды; он установил жёсткий контроль над распространением не только информации о политическом и экономическом положении, но и полных сведений о своих собственных инструкциях и правилах; он систематизировал восходящий поток информации, идущей в секретариат; и обеспечил членам партии, а особенно чиновникам, определённую степень иммунитета от судебного преследования.

Ирина Павлова утверждает, что ускорение этих процессов в середине 1922 г. являлось «секретной парт-государственной реформой»⁷. Наряду с централизацией подконтрольных ей кадров, партийная элита в этом же году в ускоренном порядке возлагала на себя ответственность за повседневное

---

⁷ Павлова. Сталинизм... С. 66-95.

функционирование государства и промышленного аппарата. Несмотря на регулярные предостережения со стороны вождей партии о том, что «смешение партийных функций с советскими» и «решение партийными органами вопросов, относящихся к компетенции советских органов [...] дискредитирует Советскую власть как систему»⁸, партаппарат неумолимо проникал во все сферы деятельности государства. XII съезд партии в апреле 1923 г. вновь подчеркнул принцип, согласно которому государственные органы должны функционировать отдельно от партийных, и последние должны обеспечивать лишь политическое руководство; а год спустя Зиновьев с гордостью заявил: «Наше Политбюро есть основной орган государства»⁹. Контроль над ГПУ и военным аппаратом оформлялся другими путями, но к 1923 г. ГПУ вернуло себе статус, которым пользовалась ЧК во время Гражданской войны, — статус структуры, прямо подотчётной только высшим партийным органам и свободной от надзора со стороны Наркомюста и судов¹⁰. На губернском и районном уровнях МК РКП(б) и районные комитеты получили такой же всеобъемлющий контроль над Советами, профсоюзами и промышленными административными органами, какой ЦК имел на всероссийском уровне.

Давая партийной элите социологическое определение, во второй главе я начал с «ответственных работников» в 1920 г., и здесь для 1922—1923 гг. будет применён такой же метод. Ин-

---

⁸ Цитаты взяты из отчёта ЦК перед XI съездом в марте 1922 г. Съезд принял резолюцию, призывающую партийные организации не вмешиваться в повседневную работу советских и хозяйственных органов. Но это разделение так и не было воплощено на практике. Часть коммунистов на X съезде Советов в 1922 г. призвала ЦК разработать конкретные меры в этом направлении, но ЦК не счёл нужным обсуждать этот вопрос. *Симонов*. Указ. соч. С. 47.

⁹ Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 года: стенографический отчет. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1963. С. 73, 247.

¹⁰ *Павлюченков С.А.* Экономический либерализм // Павлюченков и др. (ред.). Россия нэповская. С. 53; *Леонов*. Указ. соч. С. 297; *Олех Г.Л.* Кровные узы: РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. Новосибирск: Новосибирская государственная академия водного транспорта, 1999.

формацию о социальном происхождении чиновников приходится собирать из разрозненных источников. В верхушке элиты, среди 101 секретаря губернских парторганизаций, были широко представлены коммунисты Гражданской войны (35 чел. вступили в партию в период между мартом 1917 г. и декабрём 1919 г.) и большая группа дореволюционных ветеранов партии (10 вступивших в партию до 1905 г., и 53 — в 1905—1917 гг.); 14 чел. имели университетское, а ещё 35 — среднее образование. Но на эту дореволюционную «старую гвардию» уже велось наступление сталинского секретариата ЦК. Отчёт ЦК о распределении кадров от 1922 г., в котором появилась эта информация, содержит также филиппики против этих «стариков» и утверждения, что большевики, вступившие в партию во время и даже после Гражданской войны, податливы и потому более предпочтительны: «Молодой активный работник, выбранный на какой-нибудь Всероссийский съезд, совещание, конференцию, побывавший там, почерпнувший там кое-что, уже имеет громадное преимущество перед авторитетным, уважаемым организацией старым работником»¹¹. Роль, которую сыграла в становлении элиты культура бездумного повиновения, отражённая в этом отчёте, и часто упоминаемое в мемуарах презрение к старым большевикам, чьё независимое мышление заставляло их конфликтовать со Сталиным, заслуживает дальнейшего исследования. Имеется множество свидетельств того, что сталинский секретариат стремился через головы «стариков» подчинить себе 33 тыс. «ответственных работников», подсчитанных на XI съезде. Это были, в массе своей, бывшие рабочие и красноармейцы. Но ближе к верхушке располагался менее пролетарский слой. Статистические данные о членах партии, работавших в 1922 г. высокопоставленными служащими в народных комиссариатах, показывают, что бывшие рабочие составляли там явное меньшинство (12,3%), а остальные происходили из разнообразных групп среднего класса; по роду деятельности до революции указаны учащиеся (17,3%), военнослужащие (16,7%), «лица свободных профессий» (12,9%), «младший техперсонал» или «инженерно-технический персонал» (12,3%),

---

¹¹ РКП(б). Учет и распределение... С. 17.

старорежимная «государственная административная служба» (11,2%)¹².

По мере централизации своей политической власти, элита также стремилась легитимизировать свои материальные привилегии, порывая с большевистской традицией и прокладывая путь для развития бюрократического правящего класса в целом. Соответствующие возможности были открыты XI партсъездом, поручившим ЦК рассмотреть «материальное положение рядовых членов партии, а в особенности тех, которые активно ведут партработу [т.е., освобождённых работников]», и «принять все меры, чтобы поставить в удовлетворительные условия существования эту основную группу работников»¹³. Комиссия ЦК, возглавляемая Молотовым, выдвинула на XII партконференции в августе 1922 г. резолюцию, обеспечивавшую 15 325 партийным работникам: а) жалованье, эквивалентное полутора ставкам управленцев средних и высших (12–17) разрядов; б) жильё и медицинскую помощь; в) воспитание и образование детей. В проекте резолюции было сказано, что члены партии, месячный заработок которых выше полуторной ставки 17 разряда, должны часть разницы отчислять в партийный фонд взаимопомощи, но этот абзац, в котором и так была оговорка, позволяющая ЦК отменять это требование, был полностью удалён. Делегаты конференции, большинство из которых соответствовали требованиям для получения этой помощи, проголосовали также за выдачу аналогичного содержания (в немного меньшем размере) комсомольским работникам и призвали ЦК выработать аналогичную систему для некоторых категорий

---

¹² Эти партийные шишки контрастируют, например, с коммунистами — «техническими служащими», среди которых в том же 1922 г. значительно больший удельный вес имели бывшие солдаты (43,8%), так же скромно представлен был бывший техперсонал (9,7%) и практически не было выходцев ни из царских чиновников (3,6%), ни из рабочих (3%). *Васяев В.И., Дробижев В.З., Закс Л.Б., Пивовар Б.И., Устинов В.А., Ушакова Т.А.* Данные переписи служащих 1922 г. о составе кадров наркоматов РСФСР. М.: Изд. Московского университета, 1972. С. 148–152.

¹³ Одиннадцатый съезд... С. 551–552, 685–686; Всероссийская конференция РКП(большевик) 4–7 августа 1922 г. М.: Изд. МК РКП(б), 1922. С. 98–99.

партработников (в сельских уездных комитетах), не охваченных данной резолюцией¹⁴.

Всего лишь годом ранее «старый большевик» Иван Скворцов-Степанов, посетив партийные организации Поволжья и Урала, просил ЦК утвердить норму, по которой уровень жизни «ответственных работников» не должен падать ниже благосостояния квалифицированных рабочих, как бы плохо ни шли дела. В то время московских коммунистов, которые «буквально валились с ног», отправляли в деревню за хлебом, чтобы они могли прокормить свои семьи¹⁵. Но в условиях экономического восстановления представители партийной элиты, занимающие должности в советских и хозяйственных учреждениях, где уровень жалования высокопоставленных управленцев рос семимильными скачками, теперь могли законно получать зарплаты, в десятки раз превышающие заработок рабочих — обстоятельства круто переменялись по сравнению с трудностями в Поволжье годом ранее. Даже при всём этом привилегии, принятые на XII партконференции, в определённом отношении были довольно скромны: они обещали партработникам уровень жизни, сравнимый, например, с чиновниками местных органов власти в Западной Европе. Но решение о предоставлении материальной помощи исходя из занимаемой должности явилось открытым наступлением на принцип равенства среди коммунистов. Это был сигнал партийным работникам: они могут получить свою долю богатств, которые начал производить НЭП. В 1919 г., на пике дискуссии о дополнительных выплатах специалистам, профсоюзы установили официальное соотношение между самой низкой и самой высокой зарплатой на уровне 1:5, а в 1922 г. эту норму изменили, с тем чтобы некоторые зарплаты могли превышать официальный минимум в восемь раз. Теперь эти лимиты были отменены — как решением партконференции, так и решением Совета труда и обороны (СТО), санкционировавшим выплату персонального жалования специалистам

---

¹⁴ Всероссийская конференция... С. 98–102, 136–139; Павлова. Сталинизм... С. 68.

¹⁵ РГАСПИ, 17/65/228/12; Отчет седьмой Московской губпартконференции РКП 29–31 октября 1921 г. М., 1921. С. 19.

и «тантъемы» (премиальные выплаты) некоторым промышленным управленцам. В декабре 1922 г. официальный размер минимальной и максимальной зарплат начали устанавливать в форме декретов; в этом месяце соотношение составило 1:80, а к июню 1923 г. сократилось до 1:40¹⁶. В 1924 г. М. Вовси, статистик профсоюза служащих, был ошеломлен своим открытием: 13,8% опрошенных служащих признали, что их заработок превышает официальный минимум более чем в восемь раз, а у некоторых — более чем в 30 раз. Он писал: «В начале 1922 года, когда еще господствовал уравнительный принцип оплаты труда, не встречались ставки свыше пятикратного минимума», но через год, несмотря на официальное расширение зазора, были очевидны повсеместные нарушения закона. Вовси выяснил, что в советских, промышленных, торговых, банковских и кооперативных учреждениях более 800 тыс. чел. зарабатывали больше восьмикратного минимума; из них 15 400 чел. получали суммы, превышающие минимум в 15–30 раз, а около 1500 чел. — более чем в 30 раз. Несомненно, многие из этих людей были представителями партийной элиты и их приятелями, и вознаграждалась их должность, а не их умения. В конце 1923 г., когда профсоюзы громогласно протестовали против чересчур высокой зарплаты промышленных управленцев, они указывали на «очень сомнительных «спецов», получающих неоправданно высокие доходы¹⁷. Партийцы, занятые в промышленной администрации, кроме того, чаще остальных уличались в вопиющем совместительстве жаловалась Сталину комиссия секретариата ЦК в 1923 г.¹⁸ Впрочем, чрезмерно высокая зарплата была уделом не одних

---

¹⁶ Профсоюзный лидер А. Андреев утверждал, что большинство предприятий выплачивает самым низкооплачиваемым работникам зарплату, вдвое превышающую официальный минимум; в таком случае реальный разрыв сократился с 1:40 до 1:20. См. *Dewar, M., Labour Policy in the USSR, 1917–1928*, London: Royal Institute of International Affairs, 1956, p. 94; *Carr, E.H., The Interregnum 1923–1924*, London: Macmillan, 1978, pp. 41–42.

¹⁷ *Вовси М.* (ред.). Положение труда служащих, объединенных профсоюзом административно-советских, общественных и торговых работников в 1923/24 г. (Статистический сборник) Вып. 3. М.: ЦК ВСАСОТР, 1924. С. 97–98; Труд. 1 декабря 1923.

¹⁸ РГАСПИ, 17/84/480/20–21.

только промышленных управленцев. Исследование на заводе «Красный пролетарий» в октябре 1923 г. показало, что больше всего зарабатывают политработники, «прикреплённые» к ячейке: работник Всероссийского союза металлистов Алексей Гуревич, получавший, по меньшей мере, 12-кратный минимум, и венгерский коммунист Бела Кун, живущий в изгнании в Москве, которому платили, по меньшей мере, в 25 раз больше минимума¹⁹. Естественно, в этих цифрах не учитывались ни нелегальные доходы, ни «натуральное» содержание (например, жильё, образование и здравоохранение, о которых шла речь на XII партконференции), ни, к примеру, золотые часы, подаренные партийцам-промышленным управленцам, о чём пожаловался Сталину один провинциальный партийный работник²⁰.

Как партия уступила

Вопрос материальных привилегий может служить показателем не только возвышения партийной элиты, но и молчаливого согласия всей партии на это. Низы, в 1920 г. так гневно осуждавшие весьма скромные привилегии «верхов», в 1922 г. вели себя сравнительно осторожно. В марте 1922 г. на Московской губернской партконференции обсуждалась разительная пропасть между теми членами партии, которые получают свыше доходов 17 разряда, и теми, у которых нет работы. Было решено создать фонд взаимопомощи; партийцы, чья зарплата превышает 17 разряд, должны вносить туда разницу; большой разнице в оплате труда коммунистов «необходимо решительно положить конец»; нужно принять меры для «помощи нуждающимся коммунистам, инвалидам, демобилизованным и т.д., потерявшим свое здоровье и силы на партийной и революционной работе». Позднее в том же месяце Бубнов заявил на XI съезде: «Вопрос о материальном неравенстве [...] стоит в более грозной форме, чем это было раньше». Но он плыл против течения: в принятой резолюции было включено пред-

¹⁹ ЦАОПМ, 412/1/14/3–4, 9.

²⁰ Квашонкин А. В. и др. (ред.). Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М.: РОССПЭН, 1996. С. 285.

ложение москвичей о партийной взаимопомощи, но уплата взносов в эти фонды объявлялась добровольной. А четыре месяца спустя XII партконференция узаконила неравенство, вызвавшее эти нарекания²¹. Призывы к добровольной взаимопомощи не имели особого эффекта. В сентябре 1922 г. на собрании коммунистов-служащих и промышленных управленцев Краснопресненского района был заслушан доклад о том, что открыта мешочная фабрика, на которой должны были трудоустроиться 620 безработных коммунистов, но там не хватает оборудования и нет крыши. Докладчик Соколов пожаловался, что из нескольких дюжин партийных ячеек района лишь 9 передают взносы высокооплачиваемых «ответственных работников» в фонд взаимопомощи²². Перемена настроений отразилась в докладе секретаря МК Зеленского в феврале 1923 г., в котором среди главных пороков региональных организаций была перечислена «погоня за житейским благополучием» партработников нижнего звена. Следствием этого являлось «усиление карьеризма, подсиживание других, стремление продвинуться вперед за счет своих товарищей или чаще за счет беспартийных»²³.

Оставались такие коммунисты Гражданской войны, для которых неравенство в партийных рядах представляло серьёзную моральную дилемму — например, Владимир Петржек, член партийной ячейки на АМО, в июне 1922 г. объявивший о своём выходе из партии в документе, вопрошавшем: «Что такое коммунизм?» Он утверждал: коммунизма в партии нет. На специальном собрании партийцев с АМО и близлежащих заводов²⁴ Петржек признал, что бедность Советской России делает невозможным внедрение эгалитарных принципов во всё общество, но заявлял — вслед за многими большевиками 1920 г., — что члены действительно коммунистической партии могут и должны стремиться к равенству *между собой*. Петржек

---

²¹ ЦАОПИМ, 3/3/2/141; Восьмая губернская конференция Московской организации РКП (23–25 марта 1922 г.). М.: МК РКП, 1922. С. 53; Одиннадцатый съезд... С. 434–435, 459, 552.

²² ЦАОПИМ, 69/1/93/134.

²³ ЦАОПИМ, 3/11/90/201–2.

²⁴ ЦАОПИМ, 433/1/14/11–12.

отвергал утверждение, что неравенство между коммунистами — объективная реальность, которую партия изменить не в силах. Он «надеялся найти в компартии осуществление своей мечты о коммунизме, но коммунизма не нашёл, а увидел только, что в среде коммунистов сильно развиты инстинкты частной собственности». Когда ведущие члены ячейки ответили, что всему виной объективные обстоятельства, Петржек сказал, что «он разочарован не в идее коммунизма и понимает, что коммунизм вообще далеко, но для него тяжело отсутствие солидарности и равенства среди самих членов партии». Лиде и Коробицын обвинили Петржека в утопизме. «Тов[арищ] П[етржек] неправильно понимает, что среди коммунистов должен быть коммунизм», — заявил Лиде; коммунистическая партия — это «не секта и не община», а её члены — не «отшельники»; коммунизм — это общественный уклад, который может быть реализован лишь в масштабе «целого государства» или всего мира, но не в изолированной общине. Н.М. Талайко, сам оставшийся в рядах партии, поддержал Петржека, заявив, что «один [партиец] идёт босиком, а другой едет в карете». Собрание завершилось необычайно благосклонным принятием заявления Петржека о выходе из партии — вместо стандартного осуждения «дезертирства». Лидеры ячейки предположили, что Петржек — герой Гражданской войны, который стал отцом-одиночкой после внезапной смерти жены в 1918 г., но тем не менее «самоотверженно» пошёл на фронт, а в апреле 1919 г. вступил в партию — просто выгорел. Но он настаивал на том, что выходит из партии по идеологическим мотивам. Петржек и Талайко вернулись к вопросам, которые затрагивали некоторые оппозиционеры в 1920 г.: учитывая, что в период перехода к социализму неравенство является неизбежным, на коммунистическую партию, облечённую государственной властью, возложена особая обязанность бороться с неравенством в собственных рядах; партия не может вести общество к преодолению классовых различий, не конструируя внутреннюю солидарность, основанную на отказе от привилегий; неспособность партии решить этот вопрос превращает её в активного творца неравенства. Это было рудиментарное, но важное возражение против использования догмы «диктатуры пролетариата» в качестве оправдания неравенства и автори-

тарного правления. Такое оправдание было отшлифовано и усовершенствовано лишь в середине 1920-х, но уже тогда оно просматривалось в попытках лидеров партийных ячеек оправдать статус-кво.

Впрочем, эти вопросы отодвигались на обочину партийной дискуссии. По мере роста богатства партийных и государственных чиновников протест против такого положения вещей выродился в несмелые жалобы. На Московской партконференции в апреле 1923 г. работник райкома Гуров упомянул «большое несоответствие в материальном положении» некоторых чиновников и большинства коммунистов лишь в качестве «маленького момента» в конце своей речи. «Может быть, не стоило бы об этом на конференции говорить», — добавил он, как бы извиняясь²⁵. Партийные вожди периодически выступали против «излишеств»: например, в циркуляре «по борьбе с излишествами и с преступным использованием служебного положения», изданным Молотовым в октябре 1923 г., подчёркивался негативный эффект ношения драгоценностей жёнами партийцев²⁶. Но в контексте легализации привилегий партийных и государственных чиновников такие декларации выглядят как демагогия. Об этом говорилось в письме секретаря райкома РКП(б) из Полтавской губернии Бориса Магидова Сталину: он предупреждал, что в связи с молотовским циркуляром «снова вполне естественно могут и подымутся вопросы о «верхах» и «низах», о «спецах», о высоких ставках, о всякого рода премиях и танъемах и т.д., и т.п.»²⁷.

Промышленные управленцы

Управленцы-большевики²⁸, выдвинувшиеся непосредственно в период после Гражданской войны, были одной из главных группировок, опосредовавших отношения между

---

²⁵ ЦАОПИМ, 3/4/1/61.

²⁶ РГАСПИ, 17/84/467/58. О жёнах коммунистов см. гл. 5.

²⁷ О Магидове см. в *Квашонкин и др.* (ред.). Указ. соч. С. 282–286.

²⁸ Я избегаю термина «красные директора», который иногда применялся конкретно по отношению к управленцам-коммунистам, а иногда ко всем управленцам, подразумевая их работу на советское государство.

партией и рабочим классом. Такие историки, как Эдвард Карр и Дайан Кёнкер, отмечают: быстрое восхождение промышленных управленцев, важнейшими целями которых стали рост производства и повышение производительности; простоту, с которой они опустились до антирабочих практик; противодействие со стороны членов партии, которые расценивали их поведение как антисоциалистическое²⁹. Более того, мандат директора имел политический аспект. На практике партия поощряла авторитарную реакцию на организацию независимых рабочих — в основном по политическим причинам, имевшим мало отношения к производству. В политически важных случаях, когда директора-коммунисты, как считалось, нарушали фундаментальные принципы рабочего движения, первичные, районные и общенациональные партийные организации могли поддержать директоров с гораздо большей вероятностью, чем рабочих, противостоящих им (в том числе и рабочих-коммунистов). Как и другие партийные работники, управленцы-коммунисты помогли заложить основы общественного договора с рабочими, который допускал, хоть и с ограничениями, переговоры об условиях труда, но не позволял рабочим вмешиваться в политическую сферу или оспаривать право директора принимать политические решения. Публично партия требовала от управленцев учитывать интересы рабочих и иногда выступала против тех, кто этого не делал³⁰, но институциональные механизмы поддерживали директоров в противостоянии рабочим и подкрепляли их право принимать антирабочие решения. Обязанность директоров уважать права рабочих формулировалась в терминах их отношений с «рабочими организациями», т.е. с партийными ячейками, фабзавкомками и профсоюзными органами, и часто должностные лица этих организаций были членами партии,

---

²⁹ Carr, *op. cit.*, pp. 40–46; Koenker, D.P., 'Factory Tales: Narratives of Industrial Relations in the Transition to NEP', *The Russian Review* 55:3, 1996: 384–411; Baines, K.E., *Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia 1917-1941*, Princeton: Princeton University Press, 1978, pp. 63–64; Beissinger, M.R., *Scientific Management, Socialist Discipline and Soviet Power*, London: Tauris, 1988, pp. 45–49.

³⁰ Например, в дискуссии на страницах партийной прессы, исследованной Кёнкер, указ. соч.

для которых верность государству была важнее обязанностей перед рабочим классом. В приведённом ниже примере московского Резинотреста партийные органы выступили в поддержку управленцев-коммунистов, настроенных против рабочих. Тяжело сказать, насколько типичен этот случай, но похоже, что предоставление такой поддержки было «позицией по умолчанию» для партийных органов. На это жаловался Гусев, делегат партконференции Бауманского района в январе 1924 г. Если директор доводит дело до исключения рабочего из партии, то «назначают комиссию, от районного к(омитет) а присылают двух директоров, и в комиссии не желают при этом выслушать, как смотрят сами рабочие», — говорил он. С другой стороны, предложение исключить из партии директора не будет рассматриваться³¹.

Управленцы-коммунисты были привлечены в промышленность во время Гражданской войны и после неё для того, чтобы усилить контроль партии и разбавить градус влияния старых управленцев и спецов. У нас недостаточно информации об их социальном происхождении, но многие были выходцами из рабочих. Среди них было значительное число большевиков с дореволюционным стажем: по результатам исследования, проведённого в середине 1922 г. в одном из московских районов, директора заводов-коммунисты в среднем были членами партии с 1915 г., их средний возраст составлял 32 года, а шестеро из семи были выходцами из рабочих³². К середине 1922 г., всего лишь год спустя после начала восстановления промышленности, налицо были не только растущая пропасть между этими управленцами и рабочими-коммунистами, но и беспокойство по поводу чрезмерного влияния управленцев на партийные организации. На Московской губпартконференции в июне 1922 г. Зеленский предупреждал не только об

---

³¹ ЦАОПИМ, 63/1/144/78.

³² Правда. 25 июня 1922. В 1923 г. Зиновьев указал, что в общенациональном масштабе 28–30% управленцев-коммунистов являются большевиками с дореволюционным стажем, а 68–70% — большевики Гражданской войны. 12% имеют высшее образование, 10% полное среднее, а остальные — начальное образование. Тринадцатый съезд... С. 243; цит. по: *Azrael, J.R., Managerial Power and Soviet Politics, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966, p. 67.*

«очень глубоких, очень значительных разногласиях» между управленцами-коммунистами и профсоюзными деятелями-коммунистами, в которых хозяйственник «опирается на методы, на которые опирались старые предприниматели — на локаут», но и о «стремлении части хозяйственников захватить местные партийные органы себе» — например, баллотировавшись в бюро партячеек, в результате чего получается «довольно любопытное сращивание ячейки с хозяйственником»³³. (Зеленский не сделал очевидного вывода, что такое развитие дел заставляет серьезно усомниться в идеологически мотивированных партийных постулатах о том, что антирабочие характеристики аппарата являются производными от мелкобуржуазного социального происхождения некоторых его членов.)

Журналист-меньшевик Г. Шварц утверждал, что к середине 1922 г. завершилась «кристаллизация нового общественного слоя — это директора и члены правлений трестов и директора промышленных предприятий» и представители этой социальной группы, которые, заняв высокие должности в трестах, затмили важность дореволюционных управленцев, так называемых спецов³⁴. Карр предполагает, что в 1922–1923 гг. большое число нерабочих управленцев, ранее не являвшихся коммунистами, вступило в партию, что могло изменить общий состав этой группы, но для прояснения данного вопроса требуется дальнейшее исследование³⁵. Управленцы, сами себя

³³ Зеленский. Девятая конференция Московской организации РКП. М.: МК РКП, 1922. С. 80–82.

³⁴ Социалистический вестник. №3. 1923. С. 8–10.

³⁵ Карр ссылается на статистику главных трестов и синдикатов, показывая, что удельный вес промышленных управленцев, указавших свое социальное происхождение как нерабочее, вырос с 35% в 1922 г. до 64% в 1923 г. Из этих нерабочих членами партии являлась 1/7 часть в 1922 г. и почти половина в 1923 г. Карр делает вывод, что «управление промышленностью возвращалось в руки бывших буржуазных управленцев и специалистов, и большая часть последних обрела достоинство и безопасность, вступая в партию». Этот вывод нуждается в дальнейшей проверке. Например, Бэйлс, цитируя советского историка Федюкина, утверждает, что в 1922 г. 70% управленцев Центрального экономического района, в который входила Москва, были спецами, а начиная с 1923 г. их доля начала резко снижаться; это говорит об уравнивающей тенденции. На XII партсъезде было сказано, что членами партии являются всего 23–29%

считавшие отдельной группой и рассматриваемые остальными в качестве таковой, начали организовываться политически; в этот процесс был активно вовлечён Смилга. В сентябре 1922 г. они учредили «временное бюро» для координации политических действий. В декабре оно превратилось в постоянно действующий совет съездов промышленников, издававший свой журнал. В 1923 г. был учреждён московский «клуб красных директоров» как часть всероссийской организации, в него входило 146 чел. Он выступал за более смелое использование рыночных механизмов, заявляя, что поверхностное и «примитивное» внедрение политики перехода на хозрасчёт в исполнении промышленных трестов было одной из причин кризиса «ножниц цен» в 1923 г.³⁶

События в Резинотресте

Одним из управленцев-коммунистов, приобретших исключительно авторитарную репутацию, был Валериан Мюрат³⁷, вскоре после X съезда переведенный из Красной Армии и поставленный во главе крупнейшего в стране на тот момент завода резиновых изделий «Богатырь». Он прославился как усердный борец со старыми спецами и управленцами, а также с меньшевиками и беспартийными, из-под контроля которых с его помощью был выведен Московский союз химиков. Но в 1922 г., когда политическая оппозиция была разгромлена и Мюрат пошёл на повышение, возглавив недавно созданный Резинотрест, его диктаторские замашки встретили сопротивление со стороны не только обычных рабочих, но и коммунистов, входящих в заводские ячейки и профсоюз. В этих стычках институциональные механизмы партии работали на Мюрата. Только в конце 1923 г. он внезапно и без внятных публичных объяснений впал в немилость. Причины, по которым

членов правлений трестов, а это заставляет усомниться в утверждении Карра, будто спецы вступали в партию. *Carr.*, op. cit., p. 40; *Bailes*, op. cit., p. 65; *Azrael*, op. cit., p. 46.

³⁶ Предприятие. №3. 1923. С. 7; №4–5. 1923. С. 3–4; №1. 1924. С. 106; Экономическая жизнь. 2 августа 1923; *Carr.*, op. cit., pp. 40–46.

³⁷ О Мюрате см. Прил. 1.

Мюрат получал эту институциональную поддержку, следует рассматривать совместно с причинами его падения. Среди последних главной, вероятно, была развязанная правящей партийной кликой кампания по дискредитации промышленных управленцев, а заодно и оппозиции 1923 г.

В конце Гражданской войны резиновая промышленность почти полностью остановилась из-за дефицита сырья. В Главрезине, управляющем этой отраслью комитете, первую скрипку играли старорежимные управленцы и спецы, которых сложно было заменить — необходим был высокий уровень технической подготовки новых специалистов. В 1920 г. руководство партии подвергло Главрезин ожесточённой критике: Николай Крыленко, один из самых высокопоставленных большевиков, разразился публичной тирадой против членов партии, входящих в эту организацию, утверждая, что они безнадёжно скомпрометированы связями со спецами. Весной 1921 г. в Главрезин пришла новая команда, в том числе и Мюрат — новый директор «Богатыря». Главные заводы Главрезина — «Треугольник» в Петрограде, «Богатырь», «Каучук» и «Проводник» в Москве, а также ещё два в Московской и Ярославской губерниях — во время первой мировой и Гражданской войн работали на военные нужды: «Богатырь» производил шины и другие комплектующие для военной техники, а также непромокаемую одежду и обувь для армии. Весь каучук, главное сырьё для этой отрасли, приходилось импортировать, и к 1920 г., когда поставки из-за рубежа прекратились, уровень производства сократился до минимума. Первоочередной целью новой команды управленцев, достижению которой в немалой степени способствовало возобновление импорта каучука в августе, было восстановление производства главной продукции мирного времени — галош³⁸. Новички обосновались в Москве, политиче-

---

³⁸ *Dune, E.*, Notes of a Red Guard (ed. and trans. D.P. Koenker and S.A. Smith), Urbana: Illinois University Press, 1993, pp. 5–6; *Панфилова А.М.* История завода «Красный богатырь». М.: Изд. Московского университета, 1958. С. 74–75; *Пролетарский М.Я.* Завод «Красный богатырь» (1887–1932). М.: гос. хим.-тех. изд., 1933. С. 39–43; *Кравец В.П.* (ред.). Резиновая промышленность. Кн. 2. М.—Л.: центр упр. печати ВСНХ СССР, 1926. С. 5–6; *Давыдов Г.М., Кноп Е.Я.* Завод на Усачевке. М.: Московский рабочий, 1980. С. 30, 32. *Крыленко Н.В.* Производственная демократия в циф-

скую поддержку им предоставлял Сосновский; а часть старого руководства Главрезина, располагавшаяся в Петрограде, в т.ч. директор завода «Треугольник» Шевченко, находилась под опекой Зиновьева. Сосновский расхваливал новую команду как «боевых коммунистов, фронтовиков, научившихся работать со спецами и бороться с более сильным противником»; Мюрат был рекомендован как «военный работник, человек достаточно энергичный и опытный», хотя и не имеющий опыта хозяйственного руководства. В статьях Сосновского о резиновой отрасли трения в рядах её руководства трактовались как политические (энергичные новые коммунисты против спецов и старорежимных типов), хотя они также были явным отражением борьбы за дефицитные ресурсы и инвестиции между московскими и петроградскими заводами³⁹.

Мюрат весьма энергично взялся за восстановление производства на «Богатыре». Оборудование было завезено с простаивавшего в основном завода «Проводник»; новый директор ужесточил дисциплину, ввёл меры против хищений и сократил штаты на 300 позиций. Впрочем, главным было его политическое достижение: он выбил из заводского комитета его председателя Сергея Михайлова, лидера группы беспартийных в Моссовете, и мобилизовал заводских большевиков на борьбу с меньшевиками в Союзе химиков. Перед прибытием Мюрата заводской комитет нанёс унижительное поражение большевистской ячейке в дискуссии о прозрачности системы начисления премий. Но с появлением Мюрата партия начала брать реванш. В результате выборов в заводской комитет в июне 1921 г. Михайлова на посту председателя сменил большевик Александр Титов. На митинге 4 августа была принята выдвинутая Мюратом резолюция, осуждавшая подконтрольный меньшевикам Московский союз химиков за неспособность защитить интересы рабочих. На втором собрании 16 августа Мюрат – при поддержке Сосновского, который присутствовал в качестве приглашённого докладчика – обвинил некоторых членов заводского комитета в участии в организованных масштабных

рах и фактах // На страже (бюллетень особмежкома и экономического управления). №1–2. 1921. С. 22–35.

³⁹ Правда. 6, 7 и 26 августа 1921, 24 июня 1922, 30 января 1923.

хищениях, а лично Михайлова обозвал «вором, подлежником и спекулянтом». (Архивные свидетельства скудны, но согласно им, эти обвинения были необоснованны.) Михайлова сократили, несмотря на то, что он был депутатом Московского городского и Сокольнического районного советов от своего завода; на протяжении последующих 3 месяцев он был смещён с этих должностей. Наступление Мюрата на «Богатыре» было частью координируемой руководством московского комитета РКП(б) кампании по удалению меньшевиков и беспартийных из Союза химиков. Эта цель была достигнута на губернской конференции профсоюза 4 октября. Меньшевики и беспартийные совместно сформировали большинство с небольшим перевесом голосов на конференции и в новоизбранном исполнительном комитете; он тут же был распущен Московской федерацией профсоюзов и заменён «красным» союзом химиков во главе с большевистскими назначенцами⁴⁰.

На протяжении 1922 г. диктаторский стиль управления Мюрата стал причиной его конфликтов со многими большевиками. Проблемы начались с партячейки на «Богатыре». В январе 1922 г. резиновая промышленность была реорганизована, введён хозрасчёт, и вместо Главрезина был создан отраслевой Резинотрест. Мюрат был выдвинут на должность председателя новой организации. Зорина, освобождённая партийная работница и секретарь заводского комитета «Богатыря», и вышедший из партии коммунист Иванов отправились к председателю ВСНХ Петру Богданову, убеждая его не назначать начальником треста Мюрата. Сторонники Мюрата в партячейке выступили против Зориной и Иванова на митинге и обвинили их в нелояльности. Иванов заявил, что на вопрос Богданова о взаимоотношениях Мюрата с организациями завода он, Иванов, «ответил, что завком находится в руках у

---

⁴⁰ Pirani, op. cit., p. 205–206; Hatch, J., 'Working-class politics in Moscow during the early NEP: Mensheviks and workers' organizations, 1921–1922', *Soviet Studies* 34:4, 1987: 556–574; Панфилова. Указ. соч. – С. 101–102; *Пролетарский*. Указ. соч. С. 40–41. См. также: ЦАГМ, 337/2/39/24–30, 99, 116, 125, 170об, 187; ЦАОПИМ, 36/11/36; Правда. 26 августа, 5, 9 октября 1921; Социалистический вестник. №18. 1921. С. 12–13; №22. 1921. С. 12; Московская губернская конференция профсоюзов, 14–15 сент. 1921. М.: МГСПС, 1921. С. 10.

Мюрата и в полном его влиянии и подчинении, что же касается Совета старост, то последний также не имеет своего голоса». Сторонники Мюрата, очевидно, действуя в рамках скоординированной межведомственной кампании, успешно провели резолюцию, поддерживающую его назначение. Зорину, как «нарушавшую партийную дисциплину» общением с Богдановым, исключили из рядов ячейки на «Богатыре», а также из заводского комитета и Моссовета. На новой должности, в тресте Мюрат схлестнулся с большевиками, поставленными ранее во главе Московского союза химиков; конфликт пытались разрешить и МК, и Московская контрольная комиссия РКП(б). Одной из причин противостояния был конфронтационный подход Мюрата к стачкам. Например, он занял самую агрессивную из всех возможных позиций в отношении спонтанной забастовки по вопросу тарифов на сдельную работу в лакировочном отделении завода «Богатырь» в июне 1922 г., на пике пропагандистской кампании вокруг процесса эсеров. На митинге 1 июля, после принятия стандартной большевистской резолюции, требующей «настойчивым образом» «суровой кары изменниками революции», он объявил, что забастовка лакировщиков — это «странная провокация меньшевиков» и что «в дальнейшем будет очень плохо». Несколькими сотнями голосов против пяти было решено исключить лакировщиков из союза химиков. Корчагин, председатель Московского губернского союза химиков, безуспешно призывал к примирению. Мюрат приобретал печальную известность таким антирабочим поведением. Меньшевики утверждали, что на митинге на заводе «Проводник» он объявил: «Я — Рябушинский новый, красный»⁴¹. А пренебрежение треста к профсоюзным соглашениям разозлило партийную ячейку на «Каучуке», втором по размеру заводе резиновых изделий в Москве⁴².

В 1923 г. резиновая промышленность одной из первых ощутила последствия «ножниц цен», которые подробнее об-

---

⁴¹ Имелся в виду Павел Рябушинский, ведущий московский промышленник, который в 1917 г. угрожал Советам «костлявой рукой голода». Социалистический вестник. №13-14. 1922. С. 16.

⁴² Pirani, *op. cit.*, pp. 206–207; ЦГАМО, 609/1/107/7, 69–70, 73об, 80; ЦАОПИМ, 1300/1/1/1–3; 2867/1/4/41, 95; 3/3/6/57; 475/1/4/25; 475/1/7/9–9об.

суждаются в гл. 8. Объем продаж был низок, и Резинотрест нарастил огромные складские запасы, особенно галош. В апреле было решено временно уволить 1 тыс. рабочих заводов «Красный богатырь» (так стал называться «Богатырь») и «Каучук», а в августе начались разговоры о возможном закрытии завода «Проводник». В начале этого года Мюрат был на коне. Он занял воинственную позицию в отношении рабочих, выступавших против сокращений; он был назначен в комиссию ВСНХ по вопросу условий труда рабочих и в правление промышленного банка; и он по-прежнему мог опираться на базы поддержки в рядах партийной иерархии. На заводе «Красный богатырь» к страху перед сокращениями добавлялось негодование по поводу надменного поведения преемника Мюрата на директорском посту Сорокина, который не позволял рабочим входить в его кабинет и, по информации ГПУ, заставлял их вставать и снимать шапки, когда он заходит в цех. А когда партийные рабочие завода выступили против Сорокина и треста, МК поддержал последних. В январе 1923 г. комиссия МК устранила «ряд ненормальностей и конфликтов» при помощи исключений из партии, цензуры и увольнений. Но осенью фортуна внезапно отвернулась от Мюрата. Непосредственными авторами его падения были, очевидно, руководители Московского союза химиков. В сентябре высокомерное отношение Мюрата к рабочим «Проводника» встревожило партийных чиновников Бауманского района; 9 октября они обсудили его «недопустимое отношение» к партийной ячейке «Проводника»; а 2 ноября Союз химиков направил в МК официальную жалобу по этому поводу. 6 ноября Мюрат пришёл на митинг на «Проводнике», где обозвал присутствующих «дармоедами, соцобесниками». Если предыдущим обвинениям в аналогичном поведении не давали ходу, то на этот раз жалоба привлекла пристальное внимание членов бюро МК, а соответствующее письмо от имени «рабочих завода» было обнародовано в «Правде». По словам авторов письма, Мюрат заявил рабочим «Проводника», «что в его воле уволить их или нет, что он «спустит шкуру с рабочих». В результате, рассказали они, в заводской стенгазете появились десятки негодующих заметок, например, такого содержания: «Рабочие в социалистическом государстве [...] не серая скотина, которую можно оскорблять, как угодно. Тов.

Мюрат, видно, забыл, что у нас в республике власть рабочих». Рабочие, поддержанные партийной ячейкой и завкомом, где большинство составляли члены партии, потребовали отставки Мюрата. 20 ноября это требование было рассмотрено президиумом Московского союза химиков; «Правда» внезапно отыскала на своих страницах место для льстивых репортажей о работе старого врага Мюрата, петроградского Шевченко⁴³; начали распространяться слухи, что Мюрат вообще не член партии; и вскоре его карьера завершилась.

Было бы удобно считать это доказательством того, что авторитарные управленцы-коммунисты, настроенные против рабочих, получали по заслугам — но это слишком просто. Почему руководство МК серьёзно отнеслось к жалобам на Мюрата, а не обвинило во всём самих жалобщиков, как раньше? И почему руководство партии начало рассказывать, что Мюрат вообще не входит в партию (в конце концов это утверждение официально обнародовала ЦКК)⁴⁴? Коммунист-диссидент Мясников предположил, что до революции Мюрат был полицейским провокатором. Но эти предположения остаются неподтверждёнными по сей день⁴⁵. Более логичным объяснением превращения Мюрата из героя промышленной политики в пустое место может служить тот факт, что, поддерживая его увольнение, правящая клика в ЦК (Сталин, Зиновьев, Каменев и др.) могли заработать ценный политический капитал для борьбы с оппозицией, возглавляемой Троцким, Преображенским и Сапроновым. Демонстрация готовности ограничить власть промышленных управленцев была лейтмотивом тактики правящей группировки. Отставка Мюрата не только была наверняка одобрена партийными низами, но и ударила рикошетом по Сосновскому, ведущему представителю оппозиции. Члены партячейки «Каучука», которые высту-

⁴³ Pirani, op. cit., pp. 207–209; ЦАОПИМ, 3/11/86/30–32; 3/11/91/17; ЦГАМО 609/1/183/5–18, 55, 141, 157об; 609/1/168/143, 182; РГАСПИ, 17/84/468/67; Правда. 11, 30 ноября, 6 декабря 1923; Социалистический вестник. №4. 1923. С. 12; №21–22. 1923. С. 19.

⁴⁴ Несмотря на то, что Мюрат везде и всегда считался членом партии, в заявлении ЦКК по этому поводу было сказано, что он в партию никогда не входил. Правда. 13 января 1924.

⁴⁵ РГАСПИ, 17/71/4; Социалистический вестник. №21–22. 1923. С. 19.

пали против Мюрата, когда он был в полном расцвете сил, и большинство которых поддерживало оппозицию 1923 г., подозревали, что резкий разворот партийного руководства не был продиктован такими уж принципиальными соображениями. На собрании ячейки в декабре 1923 г. Каспирович, протестуя против недостатка внутрипартийной демократии, заявил: «О Мюрате ходили самые гнусные слухи. Никто не мог говорить. Серьёзные вопросы обсуждались с Мюратом, вдруг оказывается, что он не член партии». Соловьёв, ещё один коммунист с «Каучука», сказал на партийной конференции Хамовнического района в январе 1924 г.: «Когда я пришёл к одному ответственному товарищу, и спросил его, что за человек т. Мюрат, то он говорит: «Ты знаешь, и молчи. Есть другие люди для того, чтобы думать об этом». Скворцов-Степанов, поддерживавший группу Зиновьева-Сталина, ответил: «МК и профсоюз химиков неоднократно требовали снять Мюрата с работы, и знаете, кто его защищал, т. Сосновский» — а это грозный противник⁴⁶. ЦКК, объявив, что Мюрат никогда не являлся членом партии, тоже воспользовалась возможностью несколько раз упомянуть Сосновского в связи с якобы предпринятыми им неудачными попытками записать своего друга в партию.

Есть и другие примеры того, как заводские партячейки и районные парторганизации, а также региональные и общенациональные партийные органы предоставляли институциональную поддержку промышленным управленцам во время их конфликтов с рабочими. Даже ячейка «Каучука», сравнительно смелое руководство которой давало отпор запугиваниям Мюрата, поддержала (хотя и после колебаний, под давлением чиновников из района) представителя администрации Покровского в его охоте на ведьм, развязанной в 1922 г. против инакомыслящего коммуниста-рабочего завода. Федор Сорокин публично обвинил Покровского в коррупции и неумелом руководстве, а партийную ячейку — в том, что она его покрывает. В письме, опубликованном московской партийной газетой, Сорокин написал, что он выступил для того, «чтобы администрация почувствовала, что в Советской России рабочий не тот запуганный раб хитроумных людишек

---

⁴⁶ ЦАОПИМ, 475/1/7/44—45; 88/1/169/14—19.

со старой психологией, а сознательный и смелый революционер, борющийся против замаскированных карьеристов, вредящих Советской власти». Когда Сорокин явился на заседание ячейки, чтобы обосновать свои обвинения, Покровский велел вооружённой охране удалить его. Ячейка назвала это применение силы против коммуниста «позорным» поступком, но уступила, когда вмешалось руководство Хамовнического райкома, поддержавшее Покровского. Сорокина исключили из партии под формальным предлогом; его уволили с завода вместе с двумя другими членами ячейки, выступавшими в его поддержку; а Ангарский, который, будучи «прикреплён» к ячейке, демонстрировал определённое сочувствие ему, получил небольшую выволочку от секретаря райкома Мандельштама. Несмотря на то, что вскоре после этого районные чиновники отстранили Покровского, очевидно, по какому-то другому поводу, многочисленные обращения Сорокина против обрушившихся на него репрессий не были удовлетворены⁴⁷.

Руководители ячеек, управленцы и спецы

В заводских партийных ячейках оформлялась нижняя прослойка партийно-государственной иерархии. Ячейки меняли образ действий, сближаясь, а в некоторых отношениях и срачиваясь с заводской администрацией. Как на центральном уровне партийные органы посягали на полномочия Советов, так и на заводах партиячейки всё глубже влезали в мельчайшие управленческие вопросы. На их собраниях не только рассматривались политические вопросы и соответствующая агитация и пропаганда, но и регулярно обсуждались темы производства, поставок, эксплуатации оборудования, кадровая политика, технические и финансовые вопросы. Полномочия по принятию решений перешли от пленарных заседаний к бюро ячеек, набиравшим политический вес. Поначалу слабость ячеек, обсуждавшуюся на XI партсъезде (см. гл. 5), не удавалось преодолеть путём рекрутирования новых членов, как

---

⁴⁷ Pirani, op. cit., pp. 209–210; ЦАОПИМ, 88/1/101/21-21об; 88/1/169/91; 475/1/2/14; 475/1/4/12–17, 1. 23; ЦГАМО, 609/1/207/100; Рабочая Москва. 28 мая 1922.

надеялись в МК. В значительных масштабах новички начали прибывать на московские заводы лишь в конце 1922—1923 гг., а в масштабе всей страны — в рамках ленинского призыва 1924 г. (см. гл. 9). До того, как это произошло, ячейки укрепляли, переводя в них коммунистов из советского аппарата⁴⁸. Новички преимущественно попадали в администрацию; ещё больше было таких, которые сохранили за собой свои должности в конторах, а в ячейке получили статус «прикреплённых»⁴⁹. А ячейки стали более дисциплинированными, как сообщал в ноябре 1922 г. Зеленский: хотя в некоторых случаях заводские коммунисты всё ещё «держали нейтралитет» или даже поддерживали рабочие протесты, тем не менее большинство ячеек прошло «процесс самоочистки организации» и избавились от «разлагающих элементов»⁵⁰.

В гл. 5 мы уже писали, с какой неуверенностью в себе многие рабочие-коммунисты заступали на административные должности. Здесь мы предполагаем, что эта нижняя прослойка иерархии была также средой, в которой распространено было «спецеество». В западной историографии в дискуссиях о мотивах спецеества в ранней Советской России обычно подчёркивается некультурность и антиинтеллектуализм рабочих, тогда как инспирированную верхами вражду к спецам связывают с «великим переломом» 1928—1930 гг.⁵¹ Мы предполагаем, что среди самых агрессивных спецеедов были не старые рабочие, а те, которые, понав на партийные должности, были втянуты

---

⁴⁸ Восьмая губернская конференция... С. 40—41; Девятая конференция... С. 70.

⁴⁹ О системе «прикреплённых» см. гл. 2. Во время дискуссии 1923 г. оппозиционер Кивирьянов, делая доклад на заводе «Каучук», жаловался, что есть ячейки, в которых на троих рабочих приходится 18 прикреплённых членов, а бюро полностью состоит из прикреплённых. ЦАОПИМ, 475/1/7/42.

⁵⁰ Известия МК РКП(б). №3. 1922. С. 5-13.

⁵¹ Например, Моше Левин утверждает, что спецеество во время НЭПа было «сильно связано с очень низким культурным уровнем и уровнем жизни рабочих, тогда как в конце 1920-х, по его словам, оно поощрялось партийными работниками. *Lewin, M., The Making of the Soviet System: essays in the social history of interwar Russia, New York, The New Press, 1994, pp. 231—233, 248.*

в самые низшие слои партийной элиты. В некоторых случаях, упомянутых ниже, их агрессия по отношению к спецам вынуждала обычных рабочих заступаться за спецов; в других случаях партийные работники принуждали спецов проводить в жизнь непопулярные меры, например новые нормы сдельной работы, и принимать на себя всю вину в глазах рабочих⁵². Этим партийцам среднего звена иногда непросто было адаптировать свой опыт Гражданской войны к условиям НЭПа; кроме того, им приходилось преодолевать нервозность и тревоги, реализуя свои властные полномочия. Они могли рассматривать как угрозу, с одной стороны, большую компетентность специалистов; с другой — их связи, сколь угодно незначительные, с дореволюционным режимом.

Историки связывают спецеество с рабочизмом оппозиции, но это утверждение требует пересмотра. Обвинения в предубеждении к спецам и даже намёки на антисемитизм озвучивались ведущими членами партии в отношении оппозиции в разгаре полемики, и к ним нужно относиться с большой осторожностью⁵³. Некоторые рядовые диссиденты наверняка имели грубые

---

⁵² *Валентинов Н.В.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: годы работы в ВСНХ во время НЭП. М.: Современник, 1991. С. 182.

⁵³ В контексте враждебности к спецам оппозиционеры упоминаются в *Fitzpatrick, S.*, 'The civil war as formative experience', in *Gleason, A., Kenz, P. and Stites, R.* (eds), *Bolshevik Culture: experiment and order in the Russian revolution*, Bloomington: Indiana University Press, 1985, pp. 58–76; *Chase, W.J.*, *Workers, Society and the Soviet State: Labour and Life in Moscow 1918–1929*, Illinois: University of Illinois Press, 1990, p. 45; *Bailes*, op. cit., p. 59. Но я не видел никаких первичных источников, где оппозиционеры бы демонстрировали предубеждение к спецам, отличное от их политических аргументов против дополнительных выплат спецам. В отношении антисемитизма Фицпатрик утверждает, что «нападки на руководство интеллигенции со стороны членов РО, похоже, имели антисемитский душок» (*The civil war as formative experience*, 72). Она ссылается на Ярославского, который на X съезде жаловался, что предложенное РО «генеральное наступление» на партийцев буржуазного происхождения может быть понято на местах как призыв «бить интеллигенцию», и Рафаила, сравнившего позицию РО с позицией тех рабочих и крестьян, которые «в своё время думали, будто всё зависит от того, что всюду и везде сидит много «жидов». Но другие докладчики, используя типичные большевистские гиперболы, сравнивали РО с меньшевиками, анархистами, синдикалистами и

рабочистские предубеждения в отношении специалистов и интеллигенции, но лидеры Рабочей оппозиции (РО) в целом таких предрассудков были лишены. Они поддерживали использование специалистов, выступая против ленинского принципа материального вознаграждения таким работникам. В 1922–1923 гг. бывшего члена РО Ф.Д. Будняка, председателя автопромышленного треста, во время затяжного конфликта с группой ведущих членов партячейки на АМО обвинили в поддержке таких спецов, как главный инженер завода В.И. Ципулин, против ячейки; он, в свою очередь, обвинил своих оппонентов в спецеестве⁵⁴. И, конечно же, децисты, выступавшие в рядах оппозиции 1920 г. вместе с РО, решительно поддерживали использование специалистов.

Крупнейшим в Москве случаем спецеества в первые годы НЭПа было дело В.В. Ольденборгера, главного инженера Алексевской водокачки в Сокольническом районе. Он покончил с собой 30 ноября 1921 г., после продолжительной травли со стороны представителей низшего звена партийной элиты, действия которых вызывали презрение у беспартийных рабочих. Руководство партии по настоянию Ленина провело показательный процесс над спецеедами: Елагиным и Меркуловым, лидерами партийной ячейки на водокачке; Седелниковым, местным освобождённым работником; и Семёновым, сотрудником Рабкрина. В марте 1922 г. они предстали перед Верховным революционным трибуналом по обвинению в доведении Ольденборгера до самоубийства и, таким образом, в дискредитации партии. Их дело лично вёл государственный обвинитель Крыленко⁵⁵. Трибунал заслушал, как спецееды

махаевцами; очевидно, эти обвинения не могут служить серьёзным источником для суждения о политике РО, и то же самое можно сказать об утверждениях Ярославского и Рафаила. По сути, ни один, ни другой так и не обвинили своих товарищей по партии в антисемитизме; они всего лишь выдвинули, вероятно, легитимный, хоть и жёсткий аргумент о том, что позиция РО в отношении интеллигенции может подстрекнуть антиинтеллигентские предрассудки других рабочих. См. также гл. 3, прим. 10 об антисемитизме.

⁵⁴ *Pirani*, *op. cit.*, p. 213.

⁵⁵ Седелников получил два года тюрьмы, по общей амнистии его срок был сокращён до одного года; остальные обвиняемые отделались общественным порицанием и запретом занимать ответственные посты

безуспешно пытались использовать свои связи в аппарате, чтобы добиться увольнения Ольденборгера, и плели против него мелкие интриги. Ольденборгер, гордившийся тем, что управляет водопроводной станцией с 1898 г., и показанный на суде как замкнутый в себе трудоголик, покончил с собой после того, как Семёнов помешал срочному ремонту, заблокировав доставку оборудования. Спецседы были не просто своевольной кликой: через В.А. Аванесова, члена президиума ВСНХ, они имели доступ к людям, принимающим решения в промышленности в национальном масштабе, и даже после вынесения вердикта их поддерживало руководство партии на уровне Сокольнического района, хотя и не на уровне Московской губернии⁵⁶. Травля Ольденборгера была частью их неумелых и безуспешных попыток установить свою власть над политически активными работниками, среди которых были сторонники беспартийных и эсеров. Как и многие московские рабочие, работники водоканчки сочувствовали большевикам в 1917 г., но к 1921 г. утратили доверие — если не к правительству, то уж, во всяком случае, к партийной ячейке на предприятии, которую на выборах в фабзавком обошли беспартийные и сторонники эсеров⁵⁷. На выборах в Советы в апреле 1921 г. Ольденборгер выступил против кандидата от партии, имея определённую организованную поддержку со стороны беспартийных рабочих. Члены ячейки признались перед Верховным трибуналом, что их кандидаты были «проигрышными», а кампания — «безнадёжной», учитывая авторитет Ольденборгера среди рабочих. Тем не менее во время избирательной кампании ячейка обвинила Ольденборгера в «злостном саботаже»; на митинге это обвинение потонуло в криках: «ложь! неправда!». Гибель Ольденборгера ещё сильнее

на протяжении трёх лет. Об этом деле рассказывается в: *Крыленко Н.В.* За пять лет 1918—1922 гг. Обвинительные речи. М.: Госиздат, 1923. С. 431—459; Известия. 9, 12, 14 марта 1922. Солженицын противопоставляет мягкое наказание обвиняемых по делу Ольденборгера и суровые приговоры специалистам, проходившим по процессу Главтопа. *Solzhenitsyn, A., Arkhipelag Gulag*, Paris: YMCA Press, 1973, vol. 1, pp. 336—341. См. также: Одиннадцатый съезд... С. 730—731; *Ленин*. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 354—355.

⁵⁶ ЦАОПИМ, 3/3/6/19.

⁵⁷ *Крыленко*. Указ. соч. С. 437.

испортила отношения между ячейкой и рабочими, и суд над интриганами ситуацию не улучшил. В марте 1922 г. в результате разгромной критики со стороны беспартийных рабочих большевики снова потерпели поражение на выборах в фабзавком. В июне, когда кампания вокруг процесса над эсерами достигла пика, соответствующую резолюцию ячейки Алексеевской водокачки провалили на малочисленном митинге 35 голосами против 17. Агент ГПУ мрачно писал в докладе, что «к комячейке относятся недоверчиво, так как в убийстве инженера Ольденборгера обвиняют главным образом коммунистов»⁵⁸. Историкам хорошо известно, как Ленин осуждал спецов с Алексеевской водокачки, но нужно учитывать контекст — тот факт, что кампания против Ольденборгера велась не рабочими, охваченными антиинтеллектуализмом, а членами перспективной партийной элиты, консолидирующимися как против рабочих, так и специалистов. На Верховном трибунале Крыленко обвинил большевистских интриганов в «самодурстве» по отношению не только к Ольденборгеру, но и ко всем рабочим..., но уклонился от признания того, что такое авторитарное поведение распространено везде. Когда свидетель со стороны защиты заявил, что все рабочие водокачки «заражены мелкобуржуазной психологией», Крыленко высмеял эти «пустые слова», умолчав о том, что это было стандартным, бесконечно повторяемым большевистским объяснением падения доверия к партии.

В то время, как некоторые неквалифицированные партийные работники таким образом ревниво интриговали против спецов, другие сами выдавали себя за спецов, чтобы повысить собственный доход. Эти коммунистические работники среднего и нижнего звена, получавшие зарплату наравне со спецами, не имея соответствующих технических знаний, стали известны как «лжеспецы». На типографии Гознака заведующий билетной мастерской Сергиевский в октябре 1923 г. по настоянию партийной ячейки был уволен «как карьерист и не спец», по выражению лидера ячейки Винокурова. Коммунист-управленец типографии Трифон Енукидзе, постоянно конфликтовавший с представителями ячейки и профсоюза (см. гл. 5), пытался защищать

---

⁵⁸ ЦАОПИМ, 3/3/33/64, 3/3/34/165, 214.

Сергиевского и «тормозил дело» три месяца⁵⁹. В конце 1923 г., когда профсоюзные лидеры и другие активисты возобновили протесты против излишне крупных зарплат управленцев, гнев был направлен против распространения лжеспецов: в «Правде» писали, что «спецставки [от 1% до 50% сверх нормы] выдаются и не специалистам». Протесты профсоюзных вожakov против «вакханалии «спецставок» и требования урезать зарплаты вынудили Наркомтруд пойти на уступки в соглашении, подписанном в ноябре⁶⁰. На собрании партийных активистов в Москве в декабре 1923 г. Андейчин заявил, что рабочих злят различия в оплате труда в целом и «бешеный рост заработной платы советских служащих и разных паршивцев, называющих себя спецами и пользующихся разными тантьемами, которые государство разрешает себе распределять между нашими врагами» в частности⁶¹.

Несмотря на подозрения и зависть к специалистам со стороны некоторых партийных работников низшего звена, во многих обстоятельствах эти две группы, а также управленцы-коммунисты — все фрагменты нарождающегося правящего класса — работали вместе. Более того, посещая промышленные городки Подмосковья, чиновники из столицы обнаружили, что руководители местных политических и хозяйственных учреждений начали жить отдельной кастой, отгородившись от остального населения, а иногда создают клики, где взаимная лояльность перевешивает лояльность к центру⁶². В Звенигородском уезде комиссия, посланная МК в начале 1923 г. для расследования проблем местной администрации, обнаружила тесный альянс между местными партийными лидерами и промышленными управленцами, противостоящий как вмешательству центра, так и непослушанию низов. В рядах местного

---

59 Свидетельств, позволяющих оценить обоснованность обвинений в адрес Сергиевского, нет. Группа рабочих его цеха во главе с бывшим членом партии Фёдоровым агитировала против его увольнения. ЦАОПИМ, 1099/1/7/31об, 45, 49; 1099/1/8/46, 56, 61, 74.

60 Правда. 10 ноября 1923. См. также: Труд. 10, 17 октября, 1 декабря 1923; Carr, *op. cit.*, pp. 95–96.

61 ЦАОПИМ, 3/4/36/32.

62 Rigby, 'Early provincial cliques'; Gill, *op. cit.*, pp. 124–126; Easter, *op. cit.*, pp. 9–69.

руководства «оторванность некоторых тов[арищей] от рядовой комм[унистической] массы создавала нездоровую атмосферу», а «неделовая связь со спецами большинства членов Уисполкома и Укома [...] выразилась на деле в устройстве систематических банкетов с вином [...] где границы пьянки установлены не были»⁶³. Это не было повсеместной тенденцией: например, в Московском уезде партийные и хозяйственные работники вели между собой непрерывную борьбу⁶⁴. В других случаях обе стороны закрывали глаза на взаимную вражду в целях организации хищений из госбюджета и других форм коррупционного самообогащения⁶⁵. В октябре—ноябре 1922 г. в Орехове-Зуеве, крупнейшем текстильном городе Подмосковья, был устроен показательный суд над чиновниками текстильного треста и торговцами, сговорившимися обокрасть трест. Процесс закончился 13 смертными приговорами. Для обозначения коррупции среди местных элит появилось слово: «ореховозуевщина». Расследование показало, что ведущие члены местных парторганизаций, в т.ч. М.П. Серебряков, молодой председатель уездного исполкома и член коллегии Московской ЧК, и Богатов, член правления треста, прикрывали мошенническую операцию и, вероятно, получали свою долю. В марте 1923 г. ГПУ раскрыло аналогичную схему, организованную высокопоставленными чиновниками Серпуховского текстильного треста⁶⁶.

⁶³ ЦАОПИМ, 3/11/90/17.

⁶⁴ Коррупция среди промышленных управленцев Московского уезда стала одним из вопросов трудового конфликта летом 1923 г. ЦАОПИМ, 3/11/90/16, 128.

⁶⁵ Некоторые показатели масштабов коррупции среди партийных работников можно найти в докладе ЦКК за май—ноябрь 1923 г. На протяжении одних только этих шести месяцев ЦКК исключила из партии 1182 чел. за должностные преступления. Она с тревогой отмечала, что у виновных в этих деяниях членов партии меньше шансов быть исключёнными из партии, чем у тех, кого признали «чуждым элементом» или кто участвует в религиозных обрядах. Эти цифры ещё более поражают, если помнить, что обычно в коррумпированных учреждениях реже удаётся поймать самых опытных и высокопоставленных нарушителей. РГАСПИ, 323/2/23/11об—14.

⁶⁶ Правда. 31 октября, 2, 3, 5 ноября 1922; Социалистический вестник. №5—6. 1923. С. 11—12; *Борисова Л.В.* НЭП в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отече-

Формирование партийной элиты было политическим процессом, зависевшим в первую очередь от централизации политической власти, а промышленные управленцы-коммунисты были отдельной группой внутри партийной элиты, или в некоторых отношениях вплотную к ней прилегающей. Поливание грязью некоторых из них во время «партийной дискуссии» 1923 г., о чём речь пойдёт в гл. 9, отражало реально существующие конфликты и в то же время имело пропагандистскую ценность для партийного руководства — так же, как и кампании против «бюрократизма» и коррупции обслуживали политические цели. Тем не менее нарождающиеся классовые отношения поместили промышленных управленцев и спецов по одну сторону баррикад с партийной элитой и по другую сторону от рабочего класса, который систематически лишали политической власти и самовыражения. На низшем уровне, на заводах, многие партийные работники были всё ещё не готовы взять на себя эту власть, и эта неготовность, поселявшая в людях неуверенность, была причиной спецедействия. Между спецами, управленцами и партийными работниками были и другие конфликты. Были также такие партийцы, которые в 1922–1923 гг. — и ещё годы спустя — по-прежнему занимали сторону рабочих в конфликтах на предприятии. Но тем, кто выступал против *политической* власти элиты и её союзников, уже противостояла система учреждений, защищающих эту власть. Даже в этот период, когда рано было бы говорить об оформленном бюрократическом правящем классе, развивались иерархические классовые отношения.

ственная история. №1. 2006. С. 84–97. Доклад ГПУ от декабря 1922 г. от- личал случай «ореховозуевщины» от саботажа. РГАСПИ, 17/84/296/81.

Глава 8.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР В ДЕЙСТВИИ: РАБОЧИЕ В 1923 Г.

К 1923 г. экономические проблемы промышленных рабочих в России максимально за весь послереволюционный период приблизились к проблемам в капиталистических странах. Рыночные механизмы, применяемые в рамках НЭПа, делали своё дело, безработица стремительно росла, а реальные размеры зарплат съедала инфляция — некоторые промышленные управленцы считали эти явления необходимыми издержками экономического роста. Рабочие «больно чувствовали этот разыгравшийся НЭП», и на митингах бурно поддерживали того, кто говорил, что партия должна «остричь НЭП» или даже «его немножко душить», говорилось на Московской губпартконференции в апреле¹. Негодование достигло пика во время летней волны трудовых конфликтов, в ответ на которую большевистское правительство пообещало продолжать повышать уровень благосостояния рабочих. Политика рабочего класса, выходящая за рамки трудовых отношений, всё больше сводилась на нет. «Рабочее государство» вывело политическое инакомыслие рабочего класса за рамки дозволенного. Попытки заступиться за лидеров инакомыслящих рабочих-коммунистов, связанных с «Рабочей группой», получили ограниченную поддержку. Большинство рабочих прекратило политическую активность, часто не реагируя на призывы большевиков вносить финансовые пожертвования и даже не голосуя на выборах в Советы.

Самым неприятным аспектом НЭПа для рабочих была безработица. Число зарегистрированных безработных в Московской губернии выросло с 55 353 чел. в декабре 1922 г. до 102 123 чел. в июне 1923 г. К октябрю оно возросло до

---

¹ ЦАОПИМ, 3/4/1/60.

124 424 чел. — около 15% всего трудоспособного населения. Рабочие очень чувствительно реагировали на перспективу сокращений: в мае завод Добровых—Набгольц бастовал по этому поводу². Массовые увольнения стали более эффективным средством борьбы со стачками: в 1920—1921 гг. сокращённые рабочие могли быть снова приняты на работу через пару дней или устроиться на другое предприятие, но теперь перед ними стояла перспектива длительных невзгод. Безработица была следствием реструктуризации промышленности и иммиграции из деревни, а не экономического спада. Рост продолжался, а вместе с ним и надежды рабочих на поднятие зарплат. На протяжении первых трёх месяцев 1923 г. реальные размеры зарплат поднялись на 22%³, это было результатом трёх факторов: начинающегося восстановления экономики, действий профсоюзов и правительства по упрощению процедуры выплат и стандартизации коллективных договоров, а также воинственной позиции рабочих. Но тенденция на понижение зарплат исходила от промышленных управленцев, которые должны были сделать тресты прибыльными предприятиями, и от Наркомфина, для которого приоритетом была стабильность валюты. Ориентировочные размеры зарплат в госсекторе устанавливались в процессе переговоров между Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ) и Всероссийским центральным советом профсоюзов (ВЦСПС); на практике арбитром выступало партийное руководство. Все стороны были согласны в том, что: а) размер зарплат должен строго регулироваться в соответствии с задачей повышения уровня промышленного производства; б) к уровням 1913 г. зарплаты могут вернуться лишь после существенного повышения производительности; в) следует жёстко подавлять активность рабочего класса по вопросу зарплат, выходящую за рамки этого консенсуса. Сдельная оплата приветствовалась как администрацией заводов, так и профсоюзами, её рассматривали как идеальное средство повышения производительности: в 1923 г. в масштабе всей страны удельный вес

---

² ЦАОПИМ, 3/4/39/91.

³ *Рашин А.Г.* Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР 1922/23—1926/27 гг. М.: Госиздат, 1928. С. 12—13.

промышленных рабочих, работающих по сдельным ставкам, составлял 40% и всё ещё возрастал⁴.

В декабре 1922 г. пленум ВЦСПС принял решение о том, что экономическая обстановка делает «объективно невозможным» общее повышение зарплаты. Действуя согласно предписаниям ЦК РКП(б), он поставил перед профсоюзами задачу удерживать уровень зарплат на нынешнем уровне, а за повышения бороться только в тех секторах, где зарплаты отстают от средних по экономике — в частности, в транспорте⁵. Но промышленным управленцам этого было недостаточно. В одной особенно эмоциональной статье в «Экономической жизни», печатном органе ВСНХ, утверждалось, что «расход на заработную силу в целом и относительно, и абсолютно является чрезмерно высоким». На эту и другие попытки свалить вину за инфляцию на зарплаты рабочих был вынужден ответить Ларин от имени партийного руководства. Московский комитет (МК) РКП(б) также с тревогой отметил, что «считает неправильной тенденцию некоторых хозяйственных органов к понижению зар. платы». В марте 1923 г. дискуссия разрешилась новым соглашением между ВСНХ и ВЦСПС о «недопущении реального падения» зарплат, об их повышении в транспортной отрасли и в тяжёлой промышленности и о том, что общей целью обеих сторон является повышение зарплат лишь «на почве восстановления хозяйства». В апреле этот документ одобрил XII съезд партии⁶. В мае МК разъяснил, что это значит для столицы: «закрепление» достигнутой на конец 1922 г. реальной зарплаты текстильщикам и металлистам; повышение только для железнодорожников и работников связи

---

⁴ *Валентинов Н.В.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М.: Современник, 1991. С. 182; *Рашин.* Указ. соч. С. 32–33; Предприятие. №4–5. 1923. С. 115; МГСПС. Пятый губернский съезд московских профсоюзов. Итоги, резолюция, постановления. М.: Мосгублит, 1923. С. 64–65.

⁵ Труд. 25 февраля 1923; Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 года: стенографический отчет. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1963. С. 84; *Carr, E.H.*, The Interregnum 1923–1924, London: Macmillan, 1978, p. 73.

⁶ Экономическая жизнь. 25, 27 января, 2, 16, 18 февраля 1923; Труд. 24 марта 1923; Правда. 5 апреля 1923; ЦАОПИМ, 3/4/5/6; *Рашин.* Указ. соч. С. 13; *Carr, E.H.*, The Interregnum, pp. 73–75, 85–89.

и заморозка зарплат для пищевой и табачной отраслей⁷. Чтобы реальные зарплаты росли или хотя бы не снижались, рабочие должны были постоянно бороться за своевременные выплаты и справедливые валютные курсы, как в 1922 г. Инфляция цен в Москве в январе–марте 1923 г. в среднем составляла 25% в месяц, в апреле–июне — 36% в месяц, а в июле–сентябре — 67% в месяц. Так что задержка выплаты зарплаты хотя бы на день означала её снижение — и управленцы продолжали систематически задерживать зарплату, как сообщалось в одном из докладов ГПУ. Кроме того, тресты манипулировали с обменными курсами, обычно пересчитывая стоимость «товарного рубля» в свою пользу⁸. Ещё одним оружием, применявшимся в этой войне на изнурение противника, были разряды оплаты труда: управленцы старались понижать разряды для рабочих, а фабзавкомы боролись за повышение разрядов для тех или иных групп⁹.

Управленцы так упорно старались перенести обсуждение оплаты и условий труда из цехов по возможности на самые высокие уровни партийной и государственной иерархии, что большевики-лидеры профсоюзов активно жаловались. Мельничанский докладывал в ноябре на съезде Московского губернского совета профсоюзов (МГСПС), что центральные комитеты профсоюзов пытаются подписывать соглашения, не советуясь даже с губернским руководством: ранее Моссовет вынудил ВЦСПС принять решение о том, что договоры должны обсуждаться на всех уровнях. С фабзавкомками и общими собраниями советовались ещё реже. «Многие товарищи ставили вопрос в том смысле, что колдоговоры не должны обсуждаться на делегатских и общих собраниях. Мы резко требовали, чтобы договоры обязательно обсуждались предварительно, до их заключения», написал Мельничанский. Не то чтобы общее собра-

⁷ ЦАОПИМ, 3/4/5/20–21.

⁸ ЦАОПИМ, 3/4/49/91; *Маркузон Ф.Д.* (ред.). Положение труда в Московской губернии в 1922–1923 гг.: сборник материалов бюро статистики труда. М.: МГСПС, 1923. С. 46–47; *Carr, The Interregnum*, pp. 76–79.

⁹ Например, на заводе «Каучук» почти две трети (195 из 321) дел, вынесенных на рассмотрение конфликтной комиссии в период с октября 1922 г. по апрель 1923 г., касались разрядов; ещё 53 — тарифов сдельной оплаты. ЦГАМО, 609/1/207/99–100.

ние хоть как-то гарантировало дискуссию и массовое участие. «Собрания эти постоянно носят митинговый характер, очень небольшое количество из присутствующих имеет возможность высказываться», — жаловался Мельничанский в другом месте. Это заботило и самих рабочих. Например, в августе работницы текстильной фабрики «Красная роза» (бывшая шелкоткацкая фабрика Жиро) в Хамовническом районе протестовали против того, что фабком подписал договор с шелкоткацким трестом, не посоветовавшись с ними¹⁰.

Левые коммунисты

Насколько маргинализирован был политический протест рабочего класса, можно судить по провалу единственного значительного выступления московских рабочих против партии за 1923 г., организованного коммунистами-диссидентами из «Рабочей группы». В мае московские лидеры этой группы, бывшие члены Бауманской оппозиции 1920 г., были исключены из партии и из Союза металлистов. Заводские собрания и партийные организации устроили протесты — акт исключительной смелости в то время, когда политическая оппозиция автоматически подвергалась репрессиям со стороны ГПУ. Но это стало вершиной активности «Рабочей группы». Партийные вожди напрасно опасались, что летние рабочие волнения перерастут в политическую борьбу и станут социальной базой для диссидентов. Большинство рабочих, будучи готовы или даже рады принять общественный договор, сосредоточились на борьбе за повышение уровня жизни и избегали тех, кто оспаривал политическое руководство большевиков. «Рабочая группа», вместе с группой «Рабочей правды», была, по существу, уничтожена агентами ГПУ в сентябре¹¹.

¹⁰ Пятый губернский съезд... С. 22–23; Мельничанский Г. Московские профессиональные союзы. М.: Главлит, 1923. С. 7; ЦАОПИМ, 3/4/49/70.

¹¹ Avrich P., 'Bolshevik Opposition to Lenin: G. Miasnikov and the Workers Group', Russian Review 43, 1984: 1–29. В 1990-х гг. в России были изданы новые материалы, в т.ч. Мясников Г. Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее. №18. 1995. С. 7–191; 1921 год. Мясников, Ленин и дискуссия // Свободная мысль. №1. 1989. С. 62–75; Журавлёв и др. (ред.). Власть и оппозиция: Российский поли-

Сразу после XII съезда партии, в апреле, «Рабочая группа» издала манифест¹², центральной темой которого было воскрешение рабочей демократии в форме Советов на предприятиях. Авторы документа утверждали, что, хотя во время Гражданской войны делался акцент на подавлении эксплуататоров, НЭП требует восстановления таких Советов в качестве «основных ячеек государственной власти». Свободой слова не могут пользоваться те, кто выступает против революции, от монархистов до эсеров, и ограничение демократии во время Гражданской войны было неизбежной необходимостью. Но при НЭПе нужны «новые подходы», в том числе предоставление свободы слова всем рабочим: «У нас коммунистического рабочего класса нет. Есть просто рабочий класс, среди которого есть и большевики, и анархисты, и эсеры, и меньшевики (всё это не обязательно партийные, а лишь по складу мыслей своих)», и в их отношении должно применяться «не принуждение, а убеждение». Такое видение демократии было основано на классовом подходе и подчинено определённым условиям, в русле большевистской традиции, но оно было шире, чем у партийного руководства и у децистов, требовавших внутрипартийной демократии. Последние были раскритикованы в манифесте за то, что «они забывают маленькую мелочь — пролетариат». Манифест яростно критиковал практику заполнения должностей в промышленности «чисто бюрократическим путём — путём назначения, минуя непосредственное участие рабочего класса». Такие методы порождают «всероссийскую комедию с красными директорами», примером которых может служить «провокаатор» Мюрат. Манифест предупреждал о «грозной опасности» того, что НЭП вырождается в правление «командующих верхушек»: управленцы трестов уже и так зарабатывают 200 руб. в месяц, не считая обильных доплат, тогда как рабочие получают 4–5 руб. Но «Рабочая группа» не выступала против НЭПа как такового и не разделяла мнение «Рабочей правды», что правящая «техническая интеллигенция» восстановила

тический процесс XX столетия. М.: РОССПЭН, 1995; *Оlex Г.Л.* Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск: Изд. Новосибирского университета, 1992. С. 106–107.

¹² РГАСПИ, 17/71/4.

«нормальные капиталистические отношения». Отступление в экономической политике обусловлено «состоянием производственных сил нашей страны»; оно нужно для того, чтобы «укрепить индивидуальное крестьянское сельское хозяйство, и через это пойти от сохи к трактору», — но оно должно проводиться рабочими и крестьянами, «чтобы НЭП не превратилась в “НЭП” (в новую эксплуатацию пролетариата)»¹³. Кроме того, в манифесте был изложен левацкий взгляд на международную революцию и раскритикована коминтерновская тактика «единого фронта».

«Рабочая группа» поддерживала программу и уставные положения РКП(б), но считала, что партию должен спасти от вырождения рабочий класс. Для этого необходимо «образование рабочей коммунистической группы, организационно не связанной с РКП», в которую вошли бы партийцы, кандидаты в члены и исключённые из партии. Несомненно, здесь имелись в виду такие коммунисты, как те 300 чел. на одном крупном предприятии, которые поддержали призыв беспартийных рабочих к забастовке (Союз металлистов в августе жаловался на этот «недопустимый факт») по поводу несвоевременной выплаты зарплаты¹⁴. Кроме того, «Рабочая группа» наверняка рассчитывала на растущее число политически активных бывших коммунистов на заводах. В типографии №5 «Мосполиграфа» такие диссиденты совместно со сторонниками меньшевиков и кандидатом в члены РКП(б) протолкнули на митинге резолюцию «с резкой критикой политики профсоюза и хоз. органов» и потребовали поднять зарплаты в государственных трестах до уровня зарплат в частном секторе. На заводе «Красный пролетарий» бюро партийной ячейки решило встретиться с группой бывших членов партии, будучи встревожено «вред-

---

¹³ Преувеличенное утверждение, будто «Рабочая группа» отвергала НЭП как «новую эксплуатацию пролетариата», попало в историческую литературу через официальный документ, осуждающий группу в духе «охоты на ведьм»: Сорин В. Рабочая группа («Мясниковщина»). М.: МК РКП, 1924. На самом деле, все три раза, когда в манифесте «Рабочей группы» появляется фраза «новая эксплуатация пролетариата», она используется в сослагательном наклонении, т.е. утверждается, что НЭП стал бы «эксплуатацией» без возрождения Советов.

¹⁴ РГАСПИ, 17/84/559/238—44.

ностью полит. работы некоторых из них»¹⁵. Вероятно, на пике своей активности «Рабочая группа» насчитывала несколько сотен членов. В Москве самые сильные позиции у неё были среди партийных и профсоюзных чиновников, входивших в Бауманскую оппозицию 1920 г. В «Рабочую группу» вошли Демидов и Берзина, теперь занимавшие должности, соответственно — председателя и секретаря партячейки Мастяжарта; Баранов; Шавтовалова; и Ильин, освобождённый партработник. Среди других заводских и профсоюзных деятелей, вступивших в «Рабочую группу», были бывшие сторонники РО Михаил Михайлов, теперь работающий в Государственном тресте авиационной промышленности, А.И. Медведев и Г.В. Шоханов, а также бывший член группы Игнатова в Рогожско-Симоновском районе К.Д. Радзивиллов¹⁶.

В мае 1923 г., после того как на XII съезде была подчеркнута необходимость в отношении диссидентов, МК начал наступление на инакомыслящих в ячейке Мастяжарта. Там уже несколько месяцев продолжалось перетягивание каната между МК и диссидентами: и те, и другие пытались провести в ячейку своих сторонников. Руководство ячейки под разными поводами отказывалось принимать кандидатов от МК, и МК назначил комиссию для расследования ситуации. На заседании 18 мая, заслушав доклад комиссии, МК исключил из партии Демидова, Берзину и других членов ячейки; вскоре после этого и московский профсоюз металлистов на полгода исключил их из своих рядов. За этим последовали более широкомасштабные репрессии. Лидер «Рабочей груп-

---

¹⁵ РГАСПИ, 17/84/296/82об; ЦАОПИМ, 3/11/86/215; ГАРФ 7952/3/75/221.

¹⁶ Партийный специалист по «Рабочей группе» Сорин, помогавший организовывать гонения, опираясь на материалы, предоставленные ГПУ, утверждал, что на своём пике эта группа в Москве имела 200 членов. Он цитировал перехваченное письмо Кузнецова, в котором тот заявлял, что в Москве есть более 2200 членов группы и ещё 800 членов по всей стране; эти цифры, скорее всего, очень сильно преувеличены. *Сорин. Указ. соч. С. 112–115.* Основателями «Рабочей группы» разные источники называют Мясникова, Николая Кузнецова, работника Союза металлистов, члена партии с 1904 г., активного члена РО в 1920–1921 гг., исключённого из партии в 1922 г., и П.Г. Моисеева. Сорин (*Указ. соч. С. 113*) перечисляет 28 членов «Рабочей группы», исключённых из партии или получивших выговор.

пы» Гавриил Мясников, живший в Перми, но приехавший в Москву на встречу со своими сторонниками, был арестован 24 мая и несколько дней спустя отправлен на работу в советское консульство в Германии. Позже в том же году его снова арестовали и отправили в концлагерь¹⁷. ГПУ начало заводить уголовные дела на других диссидентов. Несколько партийных ячеек закрыли: ячейку в Московском союзе потребительских обществ (МСПО) в Сокольническом районе, куда входило 400 чел. и где сильна была поддержка Ильина, а также ячейки на Русско-американском инструментальном заводе, «Госмолоке» и машиностроительном заводе «Октябрь» в Бауманском районе. Группа московских партийцев написала письмо в ЦК, в котором выразила протест против репрессивных мер «только за то, что члены [этих ячеек] осмелились критиковать и вносить поправки в тезисы МК в предконференционный период». 30 мая Михайлов выступил с аналогичным протестом на Сокольнической районной партконференции¹⁸.

Масштаб внутрипартийных репрессий привлёк внимание беспартийных рабочих. Авторы письма в ЦК предупреждали, что вследствие «самодурства партчиновников», проявлением которого стали исключения из партии, «втягивается в дело беспартийная масса, от которой не ускользает положение дел в ячейке». 30 мая собрание делегатов на Мастязарте призвало профсоюз отменить решение об исключении Демидова и Берзиной; на следующий день на массовом собрании было решено поднять этот вопрос на предстоящей конференции Союза металлистов; а на следующем собрании этих двоих избрали делегатами на конференцию. Возмущение перекинулось на два близлежащих авиазавода – «Икар» и «Амстро». Делегат от рабочих «Амстро» на конференции металлистов поднял вопрос Демидова и Берзиной, а также анархиста Родионова и меньшевика Коштюрова, кото-

---

¹⁷ Олех Г.Л. Кровные узы: РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. Новосибирск: Новосибирская государственная академия водного транспорта, 1999. С. 105–106.

¹⁸ РГАСПИ, 589/3/9103/vol.3/27–28. Я благодарен Барбаре Аллен, которая любезно поделилась со мной своими исследованиями на эту тему. См. также: РГАСПИ, 17/84/455/22–28; ЦАОПИМ, 3/4/5/21, 52; Сокольническая районная конференция РКП(б). 30–31 мая 1923 года. Отчет. М., 1923. С. 54.

рые стали жертвами политически мотивированных увольнений¹⁹. Впрочем, в итоге «Рабочая группа» так и не смогла расширить или хотя бы удержать свою базу среди беспартийных рабочих. Моментом истины стало обсуждаемое ниже летнее забастовочное движение, в котором и «Рабочая группа», и «Рабочая правда» видели шанс распространить свои идеи. Ни та, ни другая группа не преуспела в этом — возможно, не потому, что слишком неубедительно критиковали большевиков, а потому, что большинство рабочих решили добиваться удовлетворения экономических требований, не привязывая их к политическим вопросам.

Именно на фоне этого отхода рабочего класса от политической борьбы ГПУ разгромило московские организации других социалистических партий. Меньшевики были объявлены вне закона в декабре 1922 г., а весной 1923 г. прошла волна арестов членов запрещённой партии. Меньшевики издали декларацию протеста против арестов, но в 1923 г. они впервые не смогли напечатать агитационную листовку на Первомай. ГПУ не нашло свидетельств деятельности меньшевиков во время стачечного движения, и хотя на заводах время от времени ещё находили меньшевистские листовки, в октябре ГПУ пришло к выводу о том, что публичная активность меньшевиков практически прекратилась. Левые эсеры и эсеры-максималисты пережили краткий период возрождения весной, когда их ряды пополнились теми, кто вернулся из сибирской ссылки, и на их регулярные встречи приходило от 75 до 100 чел. Но 15 июня, после митинга в честь 100-летия народника Петра Лаврова, лидеры московских левых эсеров Прокопович и Чижиков были арестованы — наряду с анархистом-индивидуалистом Алексеем Боровым и максималистом Г. Нестровым²⁰. После этого свидетельств открытой деятельности этих движений

¹⁹ ЦГАМО, 19/1/62/134–143; ЦАОПИМ, 3/4/49/96; 467/1/7/2–3, 160б.

²⁰ ЦАОПИМ, 3/4/49/104, 115; РГАСПИ, 17/84/468/61; ЦА ФСБ, 2/1/782/12–18, цит. по: *Севостьянов Г.Н. и др.* (ред.). «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). — М.: Институт российской истории РАН, 2001. — Т. 1 (1922–1923). — Ч. 2. — С. 772; *Павлов Д.Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов 1917 — середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999. С. 80–82; *Леонтьев Я.В., Юрьев К.С.* Незапечатленный труд: из архива В.Н. Фигнер // Звенья: исторический альманах. №2. СПб.: Феникс/Atheneum, 1992. С. 460–461.

нет. Коммунисты-диссиденты активно действовали во время стачечной волны, а Объединённая оппозиция устраивала публичные демонстрации в 1927 г., но с этого момента до конца советского периода в Москве больше не действовала открыто ни одна некоммунистическая политическая организация.

Рабочие волнения

Волнения рабочих летом 1923 г., в отличие от предыдущих кризисов, связанных с дефицитом, таких как кризис 1920—1921 гг., разворачивались в контексте кризиса экономического роста²¹. На складах было полно товара, урожай принёс значительные излишки аграрной продукции, но «не были установлены условия и методы торговли» между городом и деревней, как показал Карр. В начале 1923 г. это вылилось в диспропорцию между высокими промышленными ценами и низкими ценами на сельскохозяйственные товары при отсутствии эффективных механизмов обмена. Высокие цены на промтовары привели к тому, что тресты накопили на складах непроданную продукцию, и прибыли упали. Троцкий, обсуждая эту проблему на XII партсъезде, назвал её «ножницами цен»²². Другой проблемой было введение сильной валюты. Партийное руководство признавало необходимость таковой и в ноябре 1922 г. ввело червонец. Но он обращался одновременно с советским рублём, который в неограниченных объёмах по-прежнему выходил из-под государственного печатного станка. Инфляционное давление усиливали тресты, которые стремились заполучить банковские кредиты, чтобы компенсировать

---

²¹ Это утверждение основано на Carr, *The Interregnum*, pp. 92—148; Проблемы единой экономики // Павлюченков С.А. и др. (ред.). Россия нэповская. М.: Новый хронограф, 2002. С. 150—165. См. также: Родионова Н.И. Годы напряженного труда: из истории Московской партийной организации 1921—1925 гг. М.: Московский рабочий, 1963. С. 137—143; Алещенко Н.М. Московский совет в 1917—1941 гг. М.: Наука, 1976. С. 274—283; Синецын А.М. и др. (ред.). История рабочих Москвы 1917—1945 гг. М.: Наука, 1983. С. 120—125.

²² Двенадцатый съезд РКП(б): стенографический отчет. М.: Изд-во политической литературы, 1968. С. 309—352; также Carr, *The Interregnum*, pp. 87.

падение прибылей. Пик обеих проблем пришёлся на лето. С началом уборочной кампании несоответствие между сельскохозяйственными и промышленными ценами оставалось, и государство под влиянием паники начало печатать рубли для закупки зерна. Это подкосило движение к стабильной валюте, но не стало импульсом для торговли и продажи товаров, как того ожидали. Объёмы торговли уменьшались. По оценкам советских историков, в Москве объём торговли на протяжении июня–ноября 1923 г. сократился на две трети. Финансовый и торговый кризис ударил по промышленности. Диспропорция цен обострила дефицит хлопка-сырца в текстильной промышленности; в мае бюро МК партии обсудили нависшую над этой отраслью угрозу сокращений и написали в ЦК, приравняв её последствия для Московской губернии к последствиям дефицита продовольствия в 1918–1920 гг. Тресты, в том числе Моссукно, Мостекстиль и Резинотрест, начали закрывать заводы, продукцию которых невозможно было продать. В июне в крупнейшем текстильном городке Московской губернии Орехове-Зуеве были закрыты две крупные фабрики. Закрытия предприятий и сокращения штатов продолжались всю осень. Некоторые управленцы начали ещё более интенсивно проводить несанкционированные снижения зарплат, чтобы пережить падение прибылей. Зарплату начали снова платить с задержками, провоцируя гнев рабочих, считавших, что эта проблема уже осталась позади²³.

Во многом рабочие волнения были вызваны экономическим кризисом, их пик пришёлся на конец августа – начало сентября. Акции относительно низкооплачиваемых московских рабочих, требовавших равной оплаты труда с металлистами, – две больших забастовки текстильщиков и скоординированный протест на железной дороге – совпали по времени с прекращением работы на Сормовском машиностроительном заводе в Нижегородской губернии и стачкой лесников в Костромской губернии.

---

²³ ЦАОПИМ, 3/11/91/323; *Ward, C.*, *Russia's cotton workers and the New Economic Policy: shop-floor culture and state policy 1921–1929*, Cambridge: Cambridge University Press, 1990, pp. 130–132; ЦА ФСБ, 2/1/794/114–36, 137–59, цит. По: *Севастьянов и др.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 886, 910; *Алещенко.* Указ. соч. С. 275–277; *Синицын и др.* (ред.). Указ. соч. С. 120–122; Пятый съезд губернских профсоюзов. С. 29–30.

Имеющиеся статистические данные указывают на то, что в стачечной волне 1923 г. участвовало меньше человек, чем тех, кто бастовал весной 1921 г., но больше, чем участвовало в любом другом движении после 1917 г.²⁴ Упорство бастующих встревожило партию. Впрочем, по сравнению со стачечной волной 1921 г., забастовки 1923 г. в политическом и организационном плане были довольно беззубыми. В 1921 г. раздавались открыто политические требования, хотя в Москве они и были озвучены не так чётко, как в Петрограде; в 1923 г. таких требований практически не было. В 1921 г. для объединения движения был выдвинут лозунг «уравнения продпайков»; в 1923 г. волнения представляли собой набор отдельных конфликтов, их участники знали о состоянии дел друг у друга, но колебались перед необходимостью выдвинуть общие лозунги. В 1921 г. рабочие двух предприятий — Гознака и завода Бромлея, являвшихся центрами московских забастовок, организовали летучие пикеты, хотя и с ограниченным успехом; в 1923 г. участники более длительных и тяжёлых забастовок не предпринимали таких попыток. Партийные вожди были крайне чувствительны в отношении угрозы общих действий и держались настороже в отношении любых намёков на политическое сопротивление; отсюда — их нервная реакция на деятельность коммунистов-диссидентов. Рабочие, почуяв это, изменили форму своего протеста. Партия определила рамки трудового конфликта: можно торговаться по поводу конкретных условий общественного договора (т.е. уровня жизни), но не по поводу его основы (отказа рабочих от политической власти). В этих рамках относительно разрозненное стачечное движение 1923 г. было успешным. Партийное руководство отреагировало, потребовав от промышленных управленцев положить конец задержкам с выплатой зарплаты, а на практике перестало выступать против повышения реальных зарплат, и в конце 1923 г. они снова начали расти.

В Московской губернии волнения по поводу зарплат начались в июне среди сезонных рабочих — резчиков торфа, ко-

---

²⁴ Советская статистика забастовок до 1922 г. обрывочна и до середины 1920-х гг. несистематична. Обсуждение темы см. в кн.: *Pirani, S.*, The changing political relationship between Moscow workers and the Bolsheviks, 1920–24 (PhD diss., University of Essex, 2006), pp. 335–339; *Pospielovsky, A.*, ‘Strikes During the NEP’, *Revolutionary Russia* 10:1, 1997: 1–34.

торых в апреле на три месяца нанимали городские чиновники по вопросам топлива и текстильные тресты для добычи торфа на болотах. Резчиков, большинство из которых в остальное время работали в деревне батраками, разделили по бригадам, платили им по сдельному принципу. Весной 1922 г. они устроили несколько стачек, а в следующем году организовали более широкие протесты; по оценкам агентов ГПУ, в них участвовали 13 185 рабочих, работавших на 13 торфяниках, а убытки составили около 42 тыс. человекоднев. Более того, эти забастовки являлись частью общенационального движения, стихийно «распространившегося почти по всем торфоразработкам», особенно в Иваново-Вознесенской и Тверской губерниях, «с предъявлением аналогичных требований: повышения зарплаты, выдачи по 50–60 аршин [35–42 м] мануфактуры и более своевременной выплаты жалования». Протесты частично спровоцировали сами работодатели — вычетами, съевшими львиную долю первой зарплаты в сезоне. Руководство профсоюза резчиков торфа поддержало работодателей, санкционировав увольнение бунтующих бригад и исключив из профсоюза рабочих, которые в них входили²⁵.

Участие в протестах этих рабочих наполовину крестьянского происхождения было одним из показателей массового масштаба волнений; другим показателем был организованный летом протест рабочих-инвалидов, которые не входили в профсоюз и не вписывались в идеологически ограниченное определение рабочих, которым пользовалась партия. Несколько тысяч инвалидов, в основном пострадавших в Первой мировой и Гражданской войнах или от несчастных случаев на производстве, встречались в муниципальных домах инвалидов; те, кто мог работать, как правило, работали в частных или муниципальных мастерских. Переход на хозрасчёт ударил по пособиям для инвалидов, и 19 июля Моссовет предложил отменить для них право на бесплатный проезд в трамваях. Это мгновенно привело к протестам на массовых собраниях инвалидов в пяти из шести московских районах. В ответ

---

²⁵ ЦГАМО, 3/4/49/100–101; ЦА ФСБ 2/1/794/114–136, цит. по *Севостьянов и др.* (ред.). Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 890–891; Социалистический вестник. 1923. №16. С. 6–7; Труд. 12 июля 1923.

на угрозу провести демонстрацию под окнами московского департамента социального обеспечения быстро последовали заверения, что объявленная мера, выполнение которой должно было начаться с 1 августа, будет пересмотрена. Но это не было сделано. За несколько дней до объявленной даты была создана «инициативная группа» инвалидов. Её политическая окраска неясна, но вполне возможно, что в неё входили рядовые коммунисты, ранее занимавшиеся общественной деятельностью среди инвалидов. Представители этой группы ходили по общежитиям и мастерским. 30 июля, когда отмена бесплатного проезда была уже неотвратимой, перед отделом соцобеспечения прошла демонстрация, в которой участвовали 400 чел. 2 августа «инициативная группа» организовала встречу и запланировала созвать всероссийскую конференцию депутатов от инвалидов. 8 августа очередное собрание требовало не только бесплатного проезда в трамваях и введения коллективных субсидий вместо индивидуальных пособий, но и созыва Совета депутатов от инвалидов и предоставления мест депутатам-инвалидам в Моссовете²⁶.

Протесты московских железнодорожников — которые могли парализовать транспортную систему и в то же время стремились к координации вне рамок профсоюзных структур, что пугало партийных чиновников, — быстро привели к уступкам. На массовом собрании 23 августа на бывшем заводе Михельсона, теперь железнодорожных мастерских, было отвергнуто предложение перейти от системы ставок к сдельной оплате, и большая группа покинула собрание. Неделью спустя на собрании тысячи ремонтников — мастеровых, рабочих и служащих — Северной железной дороги демонстративный уход участников собрания произошёл ещё до начала обсуждения предлагаемых изменений системы оплаты труда. Впрочем, была принята резолюция с требованием 75%-ной прибавки к августовской и сентябрьской зарплатам и, что немаловажно, созыва конференции рабочих Московского железнодорожного узла «на предмет выработки твёрдой оплаты за труд, т.е. урав-

²⁶ Я не нашёл информации о движении инвалидов после 8 августа. Возможно, его участники были репрессированы — или заключили сделку с Моссоветом. ЦГАМО, 19/1/62/176, 186, 188, 192; 66/111/5/62; *Севостьянов и др.* (ред.). Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 637; Правда. 31 марта 1923.

нивания со ставками других профсоюзов». Эта конференция должна состоять «из истинных защитников рабочих», требовали авторы резолюции. На протяжении этого и следующих дней участники собрания на Курской железной дороге потребовали равной оплаты труда с металлистами и оплаты твёрдыми рублями (т. е., не совзнаками); рабочие Северной железной дороги выразили солидарность с требованиями ремонтников; рабочие Михельсона провели сидячую забастовку; а на других предприятиях работать прекратили раньше графика, чтобы успеть посетить массовые митинги по вопросу о зарплате. В систему оплаты труда были внесены изменения, которые частично удовлетворяли требования рабочих²⁷.

Крупнейшие стачки в Москве организовали текстильные рабочие, в основном женщины, требовавшие равных условий с металлистами. Бастовали 7 тыс. работниц Трёхгорной мануфактуры и 2150 работниц фабрики Цинделя. Агенты ГПУ одновременно докладывали о недовольстве по поводу ставок, сдельной оплаты и сокращений на более чем дюжине других фабрик. Свою роль сыграло бестолковое руководство: работницам Трёхгорной мануфактуры, вернувшимся из летних отпусков, сообщили, что выданные им отпускные на 11% превысили размер, оговоренный в коллективном договоре, и разницу тотчас же вычтут²⁸. Первой забастовала фабрика Цинделя, 28 августа потребовав повышения зарплаты для всех работниц. На массовом собрании был избран президиум из 3 чел. и переговорная команда из 6 чел.; никто из них не входил в фабричный комитет. Стачка прекратилась на следующий день, после того, как администрация пригрозила массовыми увольнениями, но «инициативная группа» работниц, действующая вне рамок профсоюзных структур, не прекратила свою деятельность. Когда две недели спустя забастовала Трёхгорная мануфактура, группа фабрики Цинделя распространяла листовки и направляла им письма поддержки²⁹. На Трёхгорной стачка началась 11 сентября в ткацком отделе и стремительно

---

²⁷ РГАСПИ, 17/84/468/45—47, 58; ЦГАМО, 19/1/62/205, 210об, 211об, 213об, 220об.

²⁸ ЦГАМО, 19/1/62/192.

²⁹ ЦАОПИМ, 3/4/49/70; ЦГАМО, 19/1/62/209, 214об, 223.

распространилась на всю мануфактуру. Остановка работы на крупнейшем предприятии Москвы, расположенном в паре сотен метров от Кремля, быстро вынудила начать настоящие переговоры с участием людей, действительно принимавших решения, в том числе председателя ВЦИК Калинина. Во-первых, были выставлены условия проведения массового собрания: рабочие потребовали, чтобы председателем собрания был один из них и чтобы ему был гарантирован иммунитет от ареста. Антисемитский душок требования, чтобы председателем был «русский по происхождению», указывает на то, что вожаками стачки были рабочие, не погружённые в социалистическую традицию, а не представители партии эсеров, которая сохраняла на фабрике устойчивые позиции. Избранный надлежащим образом председатель, Лазарев, открыл собрание 14 сентября, представив требования равных условий с металлистами и оплаты «товарными рублями» по курсу, установленному в день выплаты; увольнения партийца Алексеева за «нетактичное обращение с рабочими»; освобождения арестованных забастовщиков; гарантии того, что никаких участников забастовки не уволят; и компенсации за время простоя. Калинин уступил в немногом. Он принял принцип оплаты твёрдой валютой, предложив только платить не «товарными рублями», а червонцами; но по вопросу равенства между профсоюзами текстильщиков и металлистов заявил, что это ударит по карману других рабочих, получающих ещё меньше — например, железнодорожников. Он предложил при помощи профсоюза текстильщиков и Моссовета найти другие способы улучшить уровень благосостояния рабочих. Дни простоя во время стачки он предложил оплатить в половинном объёме, а для решения судьбы Алексеева создать комиссию, в состав которой вошёл бы Лазарев, а также представители партийной ячейки и фабкома. Он пообещал, что «примет все от него зависящие меры», чтобы ни один забастовщик не был уволен или арестован, а уже арестованные были отпущены — если они «не замешаны в каком-либо преступлении или не являются членами какой-либо антисоветской партии»³⁰. Это предложение было принято. Заключённое соглашение отвечало условиям

---

³⁰ ЦГАМО, 19/1/62/222–224.

общественного договора: партия может немного уступить в вопросе зарплат, приструнить промышленных управленцев и закрыть глаза на вопиющие проявления национальных предрассудков, — но «антисоветская» деятельность, т.е., в данном контексте деятельность эсеров, будет наказана.

Самым интересным в реакции партийного руководства на летнюю стачечную волну была его крайняя нервозность по поводу того, что коммунисты-диссиденты могут завоевать поддержку рабочего класса — как выяснилось, вожди сильно переоценивали эту опасность. Роль «Рабочей группы» в стачечном движении была минимальной. Оргбюро группы, избранное на конференции в Москве в июне 1923 г., обсуждало планы политизации движения при помощи демонстраций и листовок. Организатор группы Николай Кузнецов утверждал, что нужна популярная программа, которая положит конец «безразличию, боязни и инертности», появившимся в рабочем классе из-за «многих навязанных ему тётушек и нянюшек³¹ — партия, профсоюзы, советы, завкомы»³². Хотя «Рабочая группа» и отвергала РО, которая, по их мнению, озвучивала позицию «профессионального ведомства», они надеялись, что им удастся убедить некоторых лидеров РО встать на сторону рабочего движения. Кузнецов и другие представители «Рабочей группы» встретились с Александрой Коллонтай и пригласили её принять участие в демонстрации, но она отказалась. Что до «Рабочей правды», то нет никаких свидетельств какой-либо деятельности этой группы в рамках стачечного движения или слежки ГПУ за её членами. Несмотря на очевидную безуспешность деятельности диссидентов, на протяжении сентября ГПУ арестовало 22-х членов «Рабочей группы», в том числе Кузнецова, Демидова, Маха, Качкова и Тиунова. Вслед за этим был арестован Баранов. Из «Рабочей правды» за решётку попали Ласс-Козлова, Шуцкевер, Е. Шультман, Хайкевич и другие. На некоторое время задержан был даже Александр Богданов — из-за интереса, который диссиденты питали к его идеям³³.

---

³¹ О значении выражения «тётушки и нянюшки» см. прим. 36 к гл. 4.

³² РГАСПИ, 323/2/62/3; *Avrich*, op. cit., p. 22; *Сорин*. Указ. соч. С. 110.

³³ РГАСПИ, 589/3/9103/vol.3/38. Я снова выражаю благодарность Барбаре Аллен, которая любезно поделилась со мной своими исследованиями

Валериан Куйбышев, на тот момент ключевая фигура в ЦКК партии, агрессивно, но безуспешно добивался принятия мер в отношении Коллонтай. Вероятно, было решено, что прямые репрессии в отношении популярной, известной в народе фигуры будут неразумным шагом; более эффективная стратегия, разработанная секретариатом ЦКК и одобренная партийным руководством, заключалась в репрессировании диссидентов при одновременном проведении публичных кампаний за повышение благосостояния рабочих, а также против коррупции и бюрократизма³⁴.

Впрочем, сдержанный подход ЦКК и Политбюро отличается от пристального внимания, которое уделяли диссидентам большевистские вожди, разъясняя широким партийным массам уроки экономического кризиса и рабочих волнений. 25 сентября, т.е. после того, как стачечная волна пошла на спад, был созван расширенный пленум ЦК. Дзержинский, делавший основной доклад, подчеркнул серьезность кризиса, масштабы которого многие слушатели ранее не представляли, и преувеличил роль диссидентов в стачечном движении. В частности, он утверждал, что ряд крупных забастовок организовала «Рабочая группа», хотя сам он вряд ли мог в это верить, судя по тому, как взвешенно он оценил их ограниченные ресурсы на закрытом заседании Политбюро неделей ранее³⁵. Богуславский позже вспоминал, что после доклада Дзержинского воцарилась такая жуткая тишина, будто дело происходило «не на всероссийском совещании партии, а на Ваганьковском кладбище, где, кроме трупов, ничего не было: ни одного слова, общее молчание»³⁶. Даже относительно высокопоставленные члены партии ранее знали лишь отдельные детали картины, которая полностью была обрисована на этом

на эту тему. См. также: РГАСПИ, 323/2/62/2–11; ЦАОПИМ, 3/11/86/35; *Вилкова В.П. и др.* (ред.). РКП(б): внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы 1923 г. М.: РОССПЭН, 2004. С. 51, 104–105, 116–117; *Сорин*. Указ. соч. С. 112; *Антонова Н.С., Дроздова Н.В.* (ред.). Неизвестный Богданов. В 3-х кн. М.: АИРО, 1995. Кн. 1. С. 34–57.

³⁴ РГАСПИ, 323/2/62/3, 6–8; *Вилкова и др.* Указ. соч. С. 103–104.

³⁵ *Вилкова и др.* Указ. соч. С. 48–52, 99–101.

³⁶ ЦАОПИМ, 63/1/144/68–69.

собрании. Это само по себе показывает, насколько изменилась партия: стремительное расслоение, происходившее на протяжении последних двух лет, привело к систематической закупорке информационных потоков внутри партии. Контраст по сравнению с весной 1921 г. поражает. Тогда смертельные угрозы, осознаваемые руководством, откровенно обсуждались на всех уровнях, и Ленин с готовностью обнародовал призывы арестовать и наказать оппонентов. Теперь Дзержинский, который во время Гражданской войны спокойно и безупречно организовывал репрессии значительно более сильных врагов, чувствовал необходимость преувеличить роль диссидентов перед чиновниками среднего звена. Это была первая битва, в которой партийная элита чувствовала себя уязвимой не перед традиционными своими политическими врагами (меньшевиками, эсерами и т.д.), а перед инакомыслием в рядах партии. Как ни парадоксально, при этом положение партии в республике уже было надёжно закреплено; перед ней не стоял вопрос выживания, как в начале 1921 г. В чём уверенности не было, так это в способности партийной элиты навязать партии свою волю. Утвердительный ответ на этот вопрос будет дан только по результатам «кризиса партии» 1923—1924 гг., который будет описан в гл. 9.

Протест и абсентеизм

22 сентября 1923 г., на пике рабочих волнений, агенты ГПУ нашли на машиностроительном заводе в Сокольниках листовку, призывающую рабочих «приступить к решительным мерам борьбы с большевистской диктатурой». Но это было редким исключением. Политическая тематика во время этих выступлений была настолько приглушена, что по результатам исследования настроений рабочих в июле—сентябре, проведённого ГПУ по всей стране, в докладе, насыщенном формальными штампами, но свободном от фальшивого оптимизма, присутствующим опубликованным документам, утверждалось: несмотря на гнев по поводу задержек зарплаты и плохой администрации на предприятиях, «общее настроение рабочих и крестьян, несомненно, в пользу Советской власти и РКП», что видно и по растущему числу беспартийных рабочих, посещающих засе-

дания партийных ячеек. «Громадный рост сочувствия рабочих и крестьян к нашей партии» делал партийных организаторов самодовольными, жаловались авторы доклада³⁷. Это может быть принято как полуправда. Рабочие понимали, что режим хочет и может продолжать поднятие их жизненного уровня; в этом смысле они его поддерживали. В то время как некоторые рабочие наверняка заходили дальше и питали политические симпатии к правительству, другим не нравилась экспроприация политической власти, совершённая большевиками, и они подчинились неохотно. А попытки большевиков организовать кампании поддержки вскоре показали, что энтузиазм рабочих имеет предел — например, когда партия попыталась таким образом обогатиться при помощи золотого займа. На многих крупных предприятиях большевистские резолюции, призывающие к принудительной покупке облигаций (т.е. к тому, чтобы облигациями выплачивалась часть зарплаты), были провалены в пользу добровольной подписки.

Впервые Наркомфин объявил о своём намерении организовать золотой заём, на сумму 100 млн золотых руб. в октябре 1922 г., — чтобы подготовить почву для стабилизации валюты. Перед этим уже прошёл один успешный хлебный заём, а второй осуществлялся одновременно с золотым. Григорий Сокольников, народный комиссар финансов, на X съезде Советов в декабре 1922 г. говорил о «моральном обязательстве» граждан поддержать заём, но спрос на облигации был невысок. На рынке они продавались с огромным дисконтом, и к середине 1923 г. Государственный банк платил держателям, желающим досрочно от них избавиться, 60% лицевой стоимости³⁸. В начале 1923 г. партийные организации начали кампанию по добровольной подписке на заём, но без принудительных механизмов сделать это оказалось сложно.

³⁷ ЦГАМО, 19/1/62/232; РГАСПИ, 17/84/468/222–223.

³⁸ Хлебные займы были не такими крупными, как золотой. Облигации в рамках первого хлебного займа были выпущены в июне 1922 г. на 10 млн пудов (163,8 тыс. т.) ржи; второй заём был выпущен в 1923 г. на 30 млн пудов (491,4 тыс. т.) ржи, позже сумма была увеличена до 100 млн пудов (1,64 млн. т.). Правда. — 10, 11, 24 июня 1922; Carr, E.H., *The Bolshevik Revolution 1917–1923* (3 vols.), London: Macmillan, 1978, vol. II, pp. 355–356.

Моссовет вызвался распространить облигации на 15 млн золотых руб. и объявил, что часть выручки будет направлена на восстановление хозяйства Московской губернии. МГСПС обязался каждый месяц продавать облигаций на 1,8 млн золотых руб. и издал ориентиры, согласно которым рабочие на протяжении 5 мес. ежемесячно должны жертвовать в среднем 10% своей зарплаты — в зависимости от разряда. Отдельные профсоюзы согласились продавать облигации своим членам, и партийные ячейки и профсоюзные организации пытались протолкнуть соответствующие решения на местах³⁹. На таких предприятиях, как Алексеевская водоканал, Главпочтамт и бывший завод Михельсона, которые ранее были вотчинами эсеров и беспартийных, рабочие отказались покупать облигации. Экономический кризис, и особенно дыра в госбюжете, образовавшаяся в результате июльского решения ограничить выпуск совзнаков, подтолкнула правительство к действиям. Заём на практике превратился в принудительный сбор. На протяжении июля частичная выплата зарплат и жалований облигациями стала распространённой практикой, а 4 сентября она была санкционирована декретом. ГПУ констатировало «сильное недовольство»: «на значительном количестве крупных предприятий» Москвы резолюции, одобряющие выплату зарплат облигациями, сначала были отклонены, и партийные ячейки смогли протолкнуть их лишь со второй попытки; на других предприятиях была одобрена только добровольная подписка. Декрет санкционировал выплату облигациями от 3% до 20% зарплаты, но 7 сентября МК, захваченный врасплох враждебным отношением рабочих, принял решение, что эта доля не должна превышать 4%⁴⁰.

После того как правительство занялось принудительной подпиской на заём, с самой решительной оппозицией оно столкнулось не на тех предприятиях, где сильны были традиции деятельности эсеров, меньшевиков или беспартийных,

³⁹ ЦГАМО, 609/1/183/36—38; ЦАГМ, 415/16/318/94; Правда. 17 января, 1 февраля 1923; Металлист. 1923. №6. Ст. 63-64.

⁴⁰ РГАСПИ, 17/84/68/58; ЦАОПИМ, 3/4/5/148; 3/11/86/29; Труд. 27 июля, 1 сентября 1923; Правда. 28 ноября 1923; Предприятие. №4—5. 1923. С. 136; Севостьянов и др. (ред.). Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 612, 631, 731; Carr, E.H., The Interregnum, pp. 99—100.

а на заводе «Каучук», являвшемся оплотом большевиков. На массовом собрании 6 сентября рабочие «Каучука» отклонили принудительное распространение облигаций, ссылаясь на «тяжёлое материальное положение», но заявили, что «глубоко верят в сознательность пролетариата сделать добровольную подписку и купить облигации по мере сил каждого». В последней фразе, возможно, было немного иронии, но о сознательности пролетариата говорилось серьёзно: она не измерялась степенью энтузиазма по поводу каждого призыва партии делать пожертвования. Массовое собрание на «Каучуке» отклонило также предложение большевиков одобрить ориентиры Моссовета о 10%-ных отчислениях. Предложение дать право администрации выплачивать облигациями от 3% до 20% зарплаты даже не ставилось на голосование. Оппозицию принудительной подписке возглавляли два бывших члена партии — Городничев и Лукашевич. К вящей тревоге лидеров ячейки, более 20 членов партии воздержались или проголосовали против большевистской резолюции, тогда как поддержали её 50 партийцев. Ячейка перегруппировалась и на втором массовом собрании 15 сентября протолкнула резолюцию, одобряющую принудительные отчисления по нормам, рекомендованным МГСПС. Но к этому времени рабочие других трёх заводов Хамовнического района воодушевились примером «Каучука» и, тоже поощряемые бывшими партийцами, провалили резолюции, одобряющие принудительную подписку⁴¹.

Частичная выплата зарплат облигациями, навязываемая администрацией, вызвала жаркие протесты. Участники массового собрания на «Гознаке» 15 сентября избрали депутата в Совет с наказом бороться против этой практики, а предложенная партией резолюция, одобряющая её, прошла только со второй попытки. На автозаводе АМО партийная ячейка предотвратила открытые протесты, предложив компромисс, согласно которому 10% фонда оплаты труда завода будут выплачиваться облигациями, но заводской комитет и партячейка придумают способы облегчения бремени для низкооплачиваемых работников. На заводе «Красный богатырь»,

⁴¹ ЦГАМО, 19/1/62/217, 224об; 609/1/207/122—122об; ЦАОПИМ, 2/11/86/215—216; 475/1/7/30, 33.

где под соответствующей петицией собрали 214 подписей, было решено целиком освободить от этой обязанности самых низкооплачиваемых рабочих. ГПУ докладывала об «агитации» против принудительных выплат на целом ряде других московских предприятий, а также на текстильных фабриках Орехова-Зуева⁴². Кампания забуксовала. В ноябре Сокольников доложил, что собрано подписок на общую сумму всего 75 млн золотых руб. из запланированных 100 млн⁴³

Все иллюзии, которые вожди большевиков питали касательно поддержки партии рабочими, основательно пошатнулись по итогам выборов в Советы в ноябре 1923 г. Отказ рабочих принимать участие в нечестных выборах был замечен уже в декабре 1922 г. (см. гл. 6); год спустя абсентеизм стал носить характер эпидемии. На многих московских заводах ГПУ констатировало явку на уровне от 10% до 50%. На Трёхгорной мануфактуре на собрание, посвящённое выборам, пришло 3 тыс. чел., но когда дело дошло до голосования за партийных кандидатов, половина участников собрания ушла. В Орехове-Зуеве дела обстояли ещё хуже: явка нигде не превышала 10%, и многие выборы были отменены⁴⁴. На некоторых предприятиях против большевиков выдвигались беспартийные кандидаты — и побеждали, например, на заводе Всероссийского союза текстильщиков в Замоскворецком районе и на Барановской кожевенной фабрике в Бауманском районе. Некоторые из этих кандидатов, вероятно, были меньшевиками, которые в основном перешли к подпольной политической работе. Кое-

---

⁴² ЦГАМО, 19/1/62/224об, 230; ЦАГМ, 415/1/318/93–95; ЦГАМО, 19/1/62/213об, 236, 237, 241, 259–259об, 266об.

⁴³ Carr, *The Interregnum*, p. 100.

⁴⁴ Доклады ГПУ о массовом абсентеизме на первый взгляд противоречат статистике Совета, согласно которой в ноябре 1923 г. в выборах приняли участие 594 401 из 698 884 зарегистрированных избирателей (85%). Я подозреваю, что, проведя массовые собрания по выборам депутатов в Советы, администрация предприятий и/или профсоюзные организации подали данные о голосовании, куда включили тех, кто присутствовал, но не голосовал, и/или отсутствующих. Согласно официальным данным, явка, составившая в 1923 г. 85%, на выборах 1925 г. упала до 72,5%. *Алещенко*. Указ. соч. С. 251, 255. Доклады ГПУ в ЦГАМО, 19/1/62/293об, 294, 294об, 295об, 296–298, 312–312об.

где были протесты другого рода: на типографии Мосполиграфа рабочие включили в избирательный наказ депутатам требование, «чтобы рабочая власть не производила обысков у рабочих»⁴⁵. Но самым распространённым феноменом было воздержание от голосования. Партийные вожди, в том числе Зиновьев, признавали, что рабочие, по сути, отдадут партии Советы и стараются избрать «своих» людей на те должности, где те смогут решать повседневные проблемы предприятия. Во время собрания членов партии в московских железнодорожных мастерских в ноябре один из докладчиков, Факунин, отметил, что здешние рабочие успешно избрали партийцев в Совет, но постарались сделать так, чтобы в рабочих комитетах доминировали беспартийные: «не потому, что она [масса] не доверяет коммунистам, нет, а здесь она учитывает то, что местком является её защитником в повседневной жизни, и вот здесь бесп[артийная] масса учитывает то, что если в местком выбрать коммунистов, то коммунисты связаны с дисциплиной»⁴⁶.

Какое-никакое соглашение

К концу 1923 г. Наркомфин, поддерживаемый промышленными управленцами, начал выступать за перевод всех зарплат на новую валюту — червонец. Большевистские профсоюзники утверждали, что эта мера поначалу плохо отразится на зарплатах, которые до сих пор рассчитывались в «товарных рублях», и отвергали это предложение. После дискуссии на 13-й партконференции в январе 1924 г., для выработки компромисса была сформирована комиссия. Она постановила, что зарплаты будут выплачиваться червонцами, с доплатой, в которой будет учтён рост стоимости жизни, а для отраслей, где уровень зарплат отстаёт, будет сделано повышение по плоской шкале. На XI съезде Советов в 1924 г. председатель ВСНХ Богданов заявил, что в целом во втором полугодии 1923 г. зарплаты выросли на 3%. По оценкам советского историка А.Г. Рашина, в первом квартале

---

⁴⁵ ЦГАМО, 19/1/62/294, 296об, 297об.

⁴⁶ Правда. 7 ноября 1923; ЦАОПИМ, 3/11/85а/138.

1924 г. реальные зарплаты на 12% превышали показатель четвёртого квартала 1923 г. за счёт снижения розничных цен и повышения надбавок за производительность. В конце 1925 г. реальные зарплаты снова немного упали, но в целом они продолжали расти до 1927 г., и к этому времени обогнали уровень 1913 г. во всех отраслях⁴⁷. Если вспомнить, что в конце 1922 г. партия решила заморозить зарплаты для большинства рабочих, а промышленные управленцы надеялись зарплаты урезать — это было достижением (хотя и скромным) рабочих, участвовавших в трудовых конфликтах. Другой стороной медали была продолжающаяся эрозия участия рабочего класса в процессе принятия решений. Если в 1921 г. рабочие добросовестно шли на собрания, посвящённые выборам в Совет, и выбирали беспартийных социалистов, то в 1923 г. они попросту остались дома.

Пока в партии бушевал внутренний кризис, на заводах складывался общественный договор, в рамках которого рабочий класс проводил в жизнь и пассивно одобрял решения, принимаемые партией. Дайан Кёнкер в своём недавнем исследовании, посвящённом советским полиграфистам, описывает эти отношения как ограниченную демократию, «одобряемую и поддерживаемую» некоторыми рабочими (например, цеховыми осведомителями и профсоюзными активистами), которые были вознаграждены за то, что «позволили системе себя купить», тогда как «безмолвствующее большинство» примирялось с режимом, рассчитывая, что «они смогут защитить свои интересы, делегировав свои политические права соответствующим коммунистическим властям». Кёнкер пишет: «Сложный баланс между участием и диктатурой ... гарантировал, что инакомыслие и сопротивление будут проявляться в неявных и косвенных формах. ... до тех пор, пока рабочие не выходили за рамки «делового» обмена мнениями, инакомыслие разрешалось и предположительно замечалось. ... В глазах социал-демократов, по-настоящему преданных идее, рабочая демократия, возможно, выглядела поистине бессодержатель-

---

⁴⁷ *Рашин*. Указ. соч. С. 6, 15–23; *Carr*, *The Interregnum*, p. 130, 136–138; Тринадцатая конференция РКП(б): бюллетень. М., 1924. С. 81–83, 91, 187.

ной; но для многих простых рабочих ... эта социалистическая демократия, вероятно, была вполне приемлема»⁴⁸.

Кёнкер отмечает, что утверждение меньшевиков, будто эта система была основана исключительно на репрессиях, несостоятельно. Рабочие примирились с такой системой, считая, что в краткосрочной перспективе это лучший вариант из всех возможных. Об участии рабочих можно говорить только в этом смысле, — что очень далеко от участия в смысле коллективного творческого действия, от участия рабочих в принятии больших политических решений. Новые организационные рамки для реализации отношений между партией и классом были созданы с массовым набором рабочих в партию, начиная с 1924 г., который обсуждается в следующей главе.

---

⁴⁸ *Koenker, D.P.*, Republic of Labor: Russian printers and soviet socialism, 1918–1930, Ithaca: Cornell University Press, 2005, pp. 143–173, especially pp. 171–172.

Глава 9.

ЭЛИТА БЕРЁТ СИТУАЦИЮ В СВОИ РУКИ: ПАРТИЯ В 1923–1924 ГГ.

Стоявшая перед партийной элитой и вообще перед формирующимся правящим классом необходимость превратить партию в административный механизм, через который можно будет централизовать управление государством и экономикой, была определяющим фактором, лежавшим в основе изменений, которые претерпела партия в 1923–1924 гг. Политические функции партии — наследие её истории и 1917 г. — теперь отошли на второй план. Дискуссии начала 1923 г., в которых ведущий триумвират ЦК РКП(б) (Сталин, Зиновьев и Каменев) выступал против высокопоставленных большевиков, принимавших решения в сфере экономики, сосредотачивались, во-первых, на разделении политической власти между партией и советскими органами, а во-вторых, на вопросах экономической политики и приоритетности промышленного роста. Но с наступлением «кризиса партии» в конце 1923 г., вызванного экономическим кризисом и созданием оппозиционного альянса во главе с Троцким, Преображенским и Сапроновым, эти вопросы отошли на второй план, уступив место более широкой дискуссии о реализации властных полномочий и о роли партийных низов. В конце концов дебаты сконцентрировались на вопросе «назначенства». Триумвират с удовольствием включал в резолюции сколько угодно демократических лозунгов, но право партийной элиты и её аппарата назначать чиновников, на которое покусилась оппозиция, потребовав проводить прямые и регулярные выборы, было той цитаделью, которую он не намерен был сдавать. Система назначенства находилась в центре административного механизма, в который элита хотела превратить партию.

В 1923 г. оппозиция представляла собой поспешно сколоченную коалицию, объединявшую децистов, демократически настроенных рядовых партийцев, ответственных за приня-

тие решений в экономике лиц и некоторых промышленных управленцев. Она старалась не замечать наличия в своих рядах внутренних противоречий, но триумвират искусно эти противоречия использовал, в частности, играя на подозрительном отношении низов к промышленным управленцам. Впрочем, главной причиной поражения оппозиции было то, что за партийной элитой стояли более могущественные общественные силы, существование которых многие лидеры оппозиции не желали признавать: возвышающийся правящий класс и его союзники. Разгром оппозиции устранил последнее существенное препятствие, мешавшее элите сосредоточить в своих руках контроль над исполнительными органами и превратить партию в инструмент реализации собственной политики. Следующим шагом стала массовая кампания набора в партию 1924–1925 гг., впервые после революции привлёкшая в партию значительное число промышленных рабочих — не для того, чтобы расширить участие масс в процессе принятия решений, а для того, чтобы усилить влияние партии в сферах администрирования и пропаганды. Партия удвоила свою численность и достигла давно поставленной цели — стала более пролетарской по составу. Но новички вступали в организацию, которая качественно отличалась не только от партии времён Гражданской войны, но и от партии 1921–1923 гг.: политическая инициатива находилась в руках элиты; обсуждение её инициатив в широких партийных массах носило реактивный характер, происходило постфактум и было подвержено цензуре; а главной функцией рядовых партийцев было выполнение решений, принятых элитой.

XII съезд партии

Дебаты о распределении политической власти между партийной элитой, партией и госаппаратом, а также промышленными управленцами, проходившие накануне XII партсъезда в апреле 1923 г., начались со знаменитых ленинских статей о «бюрократизме», выходу которых безуспешно пытался помешать триумвират¹. Ленин, в очередной раз изложив свое

---

¹ О дискуссии накануне съезда см.: *Carr, E.H.*, *The Interregnum 1923–1924*, London: Macmillan, 1978, pp. 13–38, 257–285; *Daniels, R.V.*, *The*

мнение относительно того, что в хозяйственном строительстве большевики вынуждены полагаться на специалистов и другие остатки буржуазии, предложил, чтобы рабочие сдерживали эти элементы через реорганизованную Рабоче-крестьянскую инспекцию и зарезервированные для них места в ЦК. Ленин натолкнулся на решительный отпор слева, со стороны бывшего лидера децистов Валериана Осинского. Он припомнил XI съезд, на котором Ленин сказал, что рабочим придётся строить экономику «чужими руками», т.е. руками буржуазии. Новые предложения Ленина дают этим «чужим» слишком много власти, утверждал Осинский; рабочее государство ни в коем случае не может отказаться от «решающего влияния в промышленности» через Советы и их хозяйственные органы. Предложения Осинского по политическому реформированию шли дальше ленинских; их целью было закрепить разделение функций партии и государства (т.е. Советов). Ларин и Леонид Красин также раскритиковали предложения Ленина. Красин утверждал, что рабочий класс может научиться управлять производством, делая это, а не контролируя то, как это делают другие; западноевропейская промышленность всегда справлялась и без контроля, который в советской версии имел много общего с инспекцией в царские времена.

Некоторыми авторами высказывались предположения (например, у Роберта Дэниэлса), что Осинский, Красин и Ларин, по сути, представляли «управленческую оппозицию». Но при всём их единстве в призывах к большей независимости промышленных органов управления между ними были важные разногласия. К тому же они не защищали привилегии промышленных управленцев и не выражали их интересы как

Conscience of the Revolution: communist opposition in Soviet Russia, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960, pp. 187–208; *Rees, E.A.*, State control in Soviet Russia: the rise and fall of the Workers' and Peasants' Inspectorate, 1920–34, Basingstoke: Macmillan, 1987, pp. 43–57; *Олех Г.Л.* Поворот, которого не было: борьба за внутривластьную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск: изд. Новосибирского университета, 1992. С. 79–102; *Azrael, J.R.*, Managerial Power and Soviet Politics, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966, pp. 71–77; *Lewin, M.*, Lenin's Last Struggle, London: Faber & Faber, 1968; *Day R.B.*, Leon Trotsky and the politics of economic isolation, Cambridge: Cambridge University Press, 1973, pp. 73–87.

социальной группы. Ларин едко критиковал разрастание привилегий в трестах и противодействие повышению зарплат со стороны «красных директоров». Ему противостоял Данишевский, единственный, кто открыто защищал привилегированное положение промышленных управленцев². Именно предложения провести политическую реформу, в частности предложения Осинского, вызвали враждебную реакцию триумvirата: Зиновьев и Каменев обвинили Осинского в «ревизии ленинизма», спровоцировав яростную контратаку Владимира Смирнова и других представителей левого течения в партии³. Масла в огонь подлило подпольное распространение «анонимной платформы», повторявшей многие аргументы Осинского и присовокупившей к ним прямой призыв к устранению триумvirата. Платформа не зашла так далеко, чтобы назвать партийную элиту агентом сил враждебного класса, как это сделала «Рабочая правда», но говорила о «мелкобуржуазном перерождении РКП в сочетании с бюрократическим перерождением партийного аппарата» после X съезда, которое привело к «ликвидации открытой дискуссии» и породило «диктатуру в партии определённой группы». Платформа требовала чёткого разделения партийных и советских функций; прекращения «узурпации прав партийного центра» со стороны Политбюро и Оргбюро; и «удаления из ЦК одного-двух наиболее фракционно настроенных [...], наиболее способствовавших развитию бюрократизма под прикрытием лицемерных фраз (Зиновьев, Сталин, Каменев)»⁴.

Прагматизм триумvirата в экономической политике, его враждебность в отношении планирования, умеренные

---

² Правда. 25 января, 2, 3, 6, 24 и 26 марта, 4, 5 и 15 апреля 1923; *Daniels*, op. cit., pp. 194–196, 200–201; *Олех*. Поворот... С. 87–95; *Orlovsky, D. T.*, 'The anti-bureaucratic campaigns in the 1920s', in *Taranovski, T.* (ed.), *Reform in modern Russian history: progress or cycle?*, Cambridge: Cambridge University Press, 1995, pp. 290–315, especially pp. 295–298.

³ Правда. 5 апреля 1923; Двенадцатый съезд РКП(б): стенографический отчет. М.: Изд-во политической литературы, 1968. С. 102.

⁴ Экземпляр этой платформы присутствует в наборе документов, которые Зиновьев использовал при подготовке основного доклада на XII съезде. Историки, следом за триумvirатом, подозревают, что её написал Осинский. РГАСПИ, 324/1/35/158–179.

темпы инвестирования в тяжёлую промышленность и боязнь уступить власть ответственным хозяйственникам — всё это ставило под угрозу экономическое восстановление, являвшееся центром государственнического проекта большевиков. Троцкий анализировал эту проблему на XII съезде, но не сделал чётких предложений по её решению. Э. Карр утверждал, что объединённый фронт рабочих коммунистов и промышленных управленцев мог бы уберечь от этих опасностей, но он не сложился — в основном из-за того, что последних не заботило то, как НЭП отражается на благосостоянии рабочих⁵. Отсутствие единства было заметно на Московский губпартконференции в марте—апреле 1923 г. Левые диссиденты критиковали экономическую политику триумvirата, но лишь условно. Красина они считали более насущной опасностью: его призыв к хозяйственным органам действовать независимо от партии выглядел угрозой государственному контролю над средствами производства. И.Н. Стуков, который был левым коммунистом в 1918 г., а позже, в 1923 г., подписал «платформу 46-ти», критиковал Каменева за то, что он темнит в вопросе отношений Советского государства с крестьянством, но главный его пафос был направлен против Красина: «Никакой мысли о том, чтобы вырвать нашу промышленность [...] из-под влияния государственного вмешательства, из-под влияния госрегулирования» нельзя допустить, утверждал он. Для Семкова, левого диссидента в 1920—1921 гг., который был известен своим недоверием к НЭПу, главным объектом нападок был «бунт промышленников», возглавляемый Смилгой: он назвал это «правым уклоном», достигающим кульминации в предложениях Красина, которые превратят ВСНХ в старорежимный Совет министров⁶. И Стуков, и Семков критиковали импорт готовой продукции из-за рубежа, что было главной темой для Рабочей оппозиции (РО); оба порицали отсутствие открытой дискуссии в партии. Но ни они, ни им подобные не поддер-

⁵ Двенадцатый съезд... С. 309—352. См. также: *Carr*, *op. cit.*, pp. 82—85; *Daniels*, *op. cit.*, pp. 202—207.

⁶ ЦАОПИМ, 3/4/1/65-69, 86—89; *Ларин Ю.* Интеллигенция и советы: хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М.: Госиздат, 1924. С. 41; *Daniels*, *op. cit.*, pp. 197. О вовлечённости Смилги в деятельность организаций управленцев см. гл. 7.

жали стратегию инвестирования в промышленность, выдвинутую Троцким, и демократические требования Осинского. Если им и было известно о спорах этих высокопоставленных руководителей с триумvirатом, они молчали об этом.

Партийные низы в основном были исключены из этой дискуссии при помощи цензуры и неписаного правила, согласно которому вопросы большой политики являлись прерогативой руководства. Несмотря на то, что взгляды Ленина, Осинского и других публиковались в «Правде», в ячейках их принимали к сведению лишь отрывочно⁷. Систематическое препятствование дискуссии являлось, по сути, цензурой, как заявила ЦК «группа рабочих – членов партии» в начале 1923 г.; внутривнутрипартийная пролетарская демократия, провозглашённая X съездом, «превратилась в демократию для единомыслящих с ЦК членов партии»; «всякое инакомыслие [...] считалось хуже всякой контрреволюции» и было основанием для исключения из партии и даже ареста⁸. Руководители среднего звена жили в странном мире, где взгляды оппозиции были и известны, и неизвестны. На Московской губпартконференции в апреле доклад Каменева был в основном посвящён нападкам на «анонимную платформу», «Рабочую правду» и «Рабочую группу». Некоторые материалы «Рабочей правды» были воспроизведены в эмигрантской меньшевистской прессе, к которой имели доступ высокопоставленные большевики, тогда как другие документы циркулировали тайно, и низы должны были догадываться об их содержании, внимательно читая осуждающие статьи. В дискуссии по докладу Каменева 13 из 14 выступающих упоминали разные диссидентские публикации, но многие добавляли, что сами их не видели⁹. Вожди оппо-

---

⁷ Большинство ячеек, протоколы которых я читал, не обсуждали XII съезд до его начала; одна ячейка заслушала официальный доклад и призвала к единству. 7 мая 1923 г. собрание 3 тыс. партийцев в Хамовниках одобрило доклад Каменева о решениях съезда единогласно, без обсуждения и вопросов. ЦАОПИМ, 88/1/138.

⁸ *Вилкова В.П. и др.* РКП(б): внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы 1923 г. М.: РОССПЭН, 2004. С. 77.

⁹ Меньшевистская пресса была для большевиков важным источником информации об их собственной партии. Семков сказал, что узнал о дискуссии между российским и грузинским коммунистическим руковод-

зиции 1923 г. мало что сделали для того, чтобы развеять эту атмосферу цензуры, и ничего не сделали для того, чтобы выразить протест по поводу репрессирования инакомыслящих. В октябре 1923 г., когда назревал «кризис партии», рядовые партийцы Бауманского района выразили «неодобрение» по поводу арестов членов «Рабочей группы» и «сочувствие» по отношению к «борьбе за оздоровление партии», которую вела «Рабочая группа»¹⁰, тогда как Троцкий, в тех самых письмах к Политбюро, в которых он выпустил первые залпы против «чрезвычайного ухудшения положения внутри партии» и отсутствия внутривнутрипартийной демократии, поддержал репрессии в отношении крайне левых¹¹.

Кризис партии

Непосредственными причинами «кризиса партии» были экономические и социальные проблемы, перечисленные в восьмой главе: «ножницы цен», финансовая нестабильность и рабочие волнения. Эти факторы обострили разногласия по во-

ством по национальному вопросу из меньшевистской прессы. Сергеев сказал, что если бы меньшевистская пресса не опубликовала критический материал о слабости советских государственных торговых организаций, партия бы не занялась этим вопросом. ЦАОПИМ, 3/4/1/72, 88, 116–18.

¹⁰ ЦАОПИМ, 3/11/86/35–35об; Pirani, S., *The changing political relationship between Moscow workers and the Bolsheviks, 1920–24* (PhD diss., University of Essex, 2006), pp. 275–276.

¹¹ В своём письме Троцкий приветствовал указание Дзержинского членам партии немедленно сообщать «о группировках в партии», т.е. о «Рабочей группе» и «Рабочей правде», не только в ЦК, но и в ГПУ, и подчеркнул, что такие доклады являются «элементарной обязанностью каждого члена партии». Г.Л. Олех отмечает, что Пьер Бруэ и Леонард Шапиро ошибались, утверждая, что Троцкий выступал против таких доносов о деятельности инакомыслящих. Только Сапронов намекнул, что аресты разрушают внутривнутрипартийную демократию, к которой стремится оппозиция: на собрании активных членов партии в Москве 11 декабря он посетовал на заключение под стражу партийца, который «неволью» был обнаружен на заседании группы Панюшкина в 1921 г. *Вилкова и др.* Указ. соч. — С. 154–155, 225–226; *Олех Г.Л.* Кровные узы: РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. Новосибирск: Новосибирская академия водного транспорта, 1999. С. 62; *Сапронов* в *Documents of the 1923 Opposition*, London: New Park Publications, 1975, p. 19.

просам экономической политики. Троцкий, выступавший за стратегию, которая совмещала бы постепенное закрытие «ножниц цен» с плановой экспансией тяжёлой промышленности и ликвидацией убыточных мощностей, оказался в меньшинстве, один против всех остальных членов Политбюро. Его враги в триумvirате объединились с наркомфином Сокольниковым, который хотел урезать кредит для промышленности. Впрочем, вскоре диапазон дискуссии расширился от экономической политики до более фундаментальных вопросов властных отношений в советском государстве. Первым из таких вопросов стал разрыв между партией и поддерживавшими её рабочими. Отвечая на тревожное заявление Дзержинского по поводу летних стачек, Троцкий утверждал, что партия теряет поддержку среди рабочих частично в силу своего внутреннего деформированного режима, подавляющего политическую дискуссию. В этом контексте он критиковал «бюрократизацию» партийного аппарата, в особенности систему назначения секретарей. Его аргументы подхватили 46 подписантов заявления в ЦК с требованием провести расширенное пленарное заседание, на котором детально обсудить и принять стратегию¹². Когда эту

¹² О кризисе партии см.: *Carr*, op. cit., pp. 292–341; *Daniels*, op. cit., pp. 209–235; *Deutscher, I.*, *The Prophet Unarmed. Trotsky 1921–1929*, London, Oxford University Press, 1970, pp. 106–140; *Sakwa, R.*, ‘The Soviet State, Civil Society and Moscow Politics: Stability and Order in Early NEP 1921–1924’, in *Cooper, J., Perrie, M. and Rees, E.A.* (eds), *Soviet History, 1917–53*, Birmingham: Macmillan, 1995, pp. 42–77. Среди недавних работ российских историков есть: *Симонов Н.С.* Термидор, Брюмер или Фруктидор? Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность // *Отечественная история*. №4. 1993. С. 3–17; *Gusev, A.V.*, ‘Naissance de l’Opposition de Gauche’, *Cahiers Leon Trotsky* 54, 1994: 5–39; *Шишкин В.А.* Власть, политика, экономика: послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 1997. С. 228–229, 262–271; *Гимпельсон Е.Г.* Новая экономическая политика и политическая система в 20-е годы. М.: Институт истории РАН, 2000. С. 75–80, 134–140; *Олех.* Поворот... С. 116–181; *Павлова И.В.* Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. С. 73–84. Важнейшие документы, ставшие доступными в постсоветские времена находятся в: *Вилкова и др.* Указ. соч. Среди мемуаров на эту тему есть: *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М.: Терра, 1991; *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.: СП София, 1990. С. 65–85; *Павлов И.* 1920-е годы. Революция, бюрократия. Записки оппозиционера. СПб.: «Петербург – XXI век», 2001; *Григорьев Г.* Повороты

дискуссию открыли для рядовых членов партии, доминировать в ней начали вопросы внутренней демократии и аппарата. Триумвират ответил на это оппозиции охотой на ведьм, цензурой и предвыборными махинациями, скоординированными через административный механизм партии, в то же время отреагировав на некоторые аргументы оппозиции принятием «нового курса» во внутрипартийных делах в начале декабря и подыграв настроению партийцев в отношении бюрократии и привилегий при помощи антикоррупционной риторики.

Вожди оппозиции разделяли многие идеологические допущения большинства ЦК. Несмотря на острые стычки по вопросу того, как нужно бороться с деформациями аппарата, обе стороны приписывали эти деформации классовому давлению извне и считали пролетарский характер партии гарантией того, что она не превратится в инструмент угнетения. Опасность того, что партийная элита сама может сыграть отдельную роль в формировании общественных отношений угнетения, озвучивалась только левыми диссидентами, многие из которых уже были на полпути к сибирской ссылке. Две противоборствующие стороны также соглашались в том, что партия занимает привилегированное положение авангарда по отношению к рабочему классу и что «рабочая демократия» — это набор безусловных, ограниченных прав, вытекающих из принятия коммунистами партийных обязательств. Расходились они в том, где следует установить эти ограничения. Самые серьезные разногласия были по поводу экономической политики, но и тут дискуссия основывалась на общих допущениях о ведущей роли партии и понимании социализма, прежде всего, как развития государственной промышленности. Более того, оппозиция 1923 г. не отличалась внутренним идеологическим единством и была слабо связана с теми рабочими массами, на которые опирались предыдущие диссиденты. Если оппозиционный альянс 1920 г. был объединением групп, каждая из которых имела собственную программу, то коалиция 1923 г. объединила всех, кто выступал против фракционного подхода триумvirата и был озабочен проблемами экономической

судьбы и произвол: воспоминания 1905–1927. М.: Частный архив, 2005. С. 326–342; тетради Зотова в Народном архиве, Москва.

политики и застоём внутрипартийной жизни — на основе кратких тезисов вроде «Платформы 46-ти». Помимо требований расширения внутрипартийной демократии, ограничения полномочий аппарата и разработки более сфокусированной экономической стратегии, между партнёрами по коалиции было мало общего. Среди 46 подписантов платформы были: а) семеро децистов — их собственная группа оказалась более сплочённой и пережила оппозицию 1923 г., просуществовав до начала 1930-х; б) другие радикалы, которые в 1918 г. были левыми коммунистами — такие, как Георгий Пятаков, Яковлева и Стуков; в) высокопоставленные большевики, приближённые к Троцкому — такие, как Преображенский и Серебряков, смещённые с руководящих должностей после X партсъезда, и военный командующий Николай Муралов; и г) другие, прежде лояльные партийному руководству. Только трое из 46 подписантов были выходцами из профсоюзов: Гольцман, теперь работавший в ВСНХ; Владимир Смирнов, редактор профсоюзной газеты «Труд»; и Михаил Лобанов, освобождённый московский партработник, который до 1917 г. занимался подпольной деятельностью в Союзе металлистов. Лобанов был единственным бывшим членом РО из этих 46 человек; другие, в том числе Шляпников, дистанцировались от обеих фракций в ЦК и вновь начали распространять собственные призывы к более плотному вовлечению профсоюзов в процесс принятия решений в промышленности¹³. С другой стороны, широко были представлены (12 подписантов) работники ВСНХ и подчинённых ему органов: среди них был Данишевский, который в 1921 г. поддерживал крайние антидемократические предложения Смилги. «Платформа 46-ти» готовилась тайно, поэтому под ней нет подписей рядовых партийцев. Самым нижним чином из подписантов был Шмидель, секретарь ячейки на «Каучуке» и член правления Резинотреста¹⁴.

Дискуссия началась в обстановке полусекретности на расширенном пленуме ЦК 25 сентября (см. гл. 8). Письмо

¹³ Правда. 18 января 1924; ЦАОПИМ, 88/1/168/65–79.

¹⁴ Вилкова и др. Указ. соч. С. 415–448; Известия ЦК КПСС. №6. 1990. С. 194–195; архивные источники, в том числе данные Всесоюзного общества старых большевиков (РГАСПИ, ф.124).

Троцкого членам Политбюро от 8 октября, с которого формально началось противостояние, тоже было предположительно секретным; о нём быстро стало известно, но на неофициальном уровне. Бюро Московского комитета (МК) РКП 14 октября отметило, что письмо широко известно среди членов партии. Триумвират и поддерживавшее его большинство в ЦК фильтровало информацию к своей политической выгоде. ЦК обсудил документы оппозиции 25–27 октября и решил не обнародовать их, но поднять вопрос о внутривнутрипартийном режиме публикацией подчищенной статьи Зиновьева в «Правде» 7 ноября, в которой не осталось упоминаний о дискуссии в ЦК. Статья признавала, что в партии наступил «чрезмерный штиль, местами даже прямо застой», допускала, что главная проблема состоит в том, что «почти все важнейшие вопросы идут у нас сверху вниз предreshёнными», и призывала для установления «рабочей демократии» в партии воплотить в жизнь многие принятые ранее и оставшиеся на бумаге резолюции¹⁵.

Призыв редакции «Правды» писать письма с отзывами на статью Зиновьева дал выход пару. Отозвались сотни коммунистов, в откровенных выражениях обвинявших партаппарат в подрыве внутривнутрипартийной демократии. Сапронов утверждал, что таких писем было 400, но опубликована была лишь небольшая их часть¹⁶. Месяц спустя, 5 декабря, Троцкий и большинство членов Политбюро сошлись на компромиссной резолюции «о партстроительстве», декларировавшей необходимость «нового курса» во внутривнутрипартийных делах и предлагавшей практические меры, в т.ч. перевыборы некоторых должностных лиц и более регулярное проведение партконференций. Резолюция была утверждена ЦК и ЦКК партии. За ней последовало общепартийное обсуждение поднятых вопросов. Ячейки с энтузиазмом отреагировали на призыв оппозиции к внутривнутрипартийной демократии, который был включен в резолюцию ЦК. Триумвират в ответ мобилизовал поддерживавшие его секторы госаппарата на клеветническую

---

¹⁵ *Квашонкин А.В. и др.* (ред.) *Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927.* М.: РОССПЭН, 1996. С. 283; *Вилкова и др.* *Указ. соч.* С. 174–175; *Правда.* 7 ноября 1923.

¹⁶ *Правда.* 27 ноября 1923; ЦАОПИМ, 1099/1/7/44об.

кампанию. Открыл её Сталин, выступив 2 декабря на митинге на Красной Пресне с дикими обвинениями, будто оппозиция хочет «расколоть правительство — значит погубить Советскую власть». За этим последовала тирада Сталина с персональными выпадами против Троцкого, Преображенского, Сапронова и Рафаила, опубликованная в «Правде» 15 декабря, и общественная кампания с нарастающим градусом сквернословия и оскорблений¹⁷. А. М. Назаретян, близкий соратник Сталина, был поставлен в «Правде» заведовать материалами по партийной дискуссии, которые с середины декабря были откровенно предвзято направлены против оппозиции; он спровоцировал скандал в ЦК, грубо сфальсифицировав статью¹⁸. В арсенале триумvirата было и ещё одно оружие — тайная полиция ГПУ. После того, как её уже использовали против «Рабочей группы» и «Рабочей правды», теперь её тайно мобилизовали против новой оппозиции¹⁹.

В Москве оппозиция была сильнее, чем по стране в целом — возможно, потому что здесь партийцы имели лучший доступ к неотцензурированной информации. Но большинство в МК во главе с Каменевым поддерживало триумvirат. Почти все резолюции ячеек начинались с шаблонного одобрения резолюции ЦК/ЦКК и «нового курса»; после этого те, кто поддерживал оппозицию, призывали к переизбранию всех партийных чиновников, а те, кто был за триумvirат, предостерегали об опасностях, грозящих партийному единству, и подчёркивали недопустимость «групп» и фракций. Кроме того, ячейки демонстрировали свои симпатии, осуждая публичное поношение Троцкого или же порицая «фракционность» оппозиционеров. Многие ячейки раскололись — например, ячейка на заводе «Русскабель», где резолюция большинства ЦК получила 26 голосов против 22 за резолюцию Преображенского, или ячейка служащих Наркомпути, которая поддержала резолюцию большинства ЦК, а не оппозиционную, но «с ука-

¹⁷ *Вилкова и др.* Указ. соч. С. 284–285; Известия ЦК КПСС. №12. 1990. С. 164–165; Правда. 15, 16, 18, 23 и 28 декабря 1923.

¹⁸ *Олех.* Поворот... С. 141; *Бажанов.* Указ. соч. С. 28; *Вилкова и др.* Указ. соч. — С. 345, 363–366; ЦАОПИМ, 88/1/170/52.

¹⁹ *Вилкова и др.* Указ. соч. С. 409–414; *Олех.* Кровные узы... С. 93–97.

занием на односторонность освещения дискуссии в «Правде»²⁰. Собрание активных партработников Москвы 11 декабря стало ключевой дискуссионной площадкой²¹. В борьбе за симпатии ячеек в Краснопресненском районе стороны шли ноздря в ноздю, оппозиция завоевала большинство в Хамовниках и солидное меньшинство ещё в трёх московских районах. МК и его аппарат прибегли к джерримендерингу, чтобы сократить представительство оппозиции на районных конференциях и на 11-й московской губпартконференции 10 января 1924 г. Несмотря на то, что за оппозицию, похоже, проголосовала почти половина московских партийцев, на этой конференции её представляли менее 1/5 делегатов²². XIII всероссийская партконференция 16–18 января 1924 г., завершившая дискуссию, была срежиссирована ещё более тщательно: из нескольких сотен делегатов оппозицию поддерживали только трое.

Демократическая интерлюдия

Дискуссия, вызванная статьёй Зиновьева, дала членам партии возможность публично обсудить далекоидущие изменения в деятельности ячеек, произошедшие со времени X съезда в 1921 г. До 1921 г. ячейки служили площадкой для более-менее свободной политической дискуссии, наряду с другими функциями — мобилизации и организации кампаний. После этого

²⁰ ЦАОПИМ, 3/11/85a/1, 6.

²¹ В «Правде» подразумевалось, что резолюция, выдвинутая Калининским в поддержку большинства ЦК, была принята незначительно малым числом голосов «против»; Сапронов позже настаивал на том, что из 1500 присутствующих 300 чел. проголосовали за оппозицию. ЦАОПИМ, 3/4/36; 88/1/168/52; Правда. 13, 15 и 16 декабря 1923.

²² Данные об уровне поддержки оппозиции ожесточённо оспаривались. Самые полные данные, сопоставленные МК в январе 1924 г., но так и не опубликованные, показывают, что 808 ячеек с совокупным числом членов 34 890 чел. поддержали: большинство — ЦК, а 178 ячеек, в которые входили 13 442 чел., поддержали оппозицию. Весь доступный на сегодня статистический материал указывает на то, что оппозиция пользовалась поддержкой 40–50% московских партийцев, которая на губернской партконференции при помощи джерримендеринга была уменьшена до 18%. ЦАОПИМ, 3/11/85a/11-12; Одиннадцатая Мосгубпартконференция: стенографический отчет. М.: МК РКП(б), 1924. С. 123; Pirani, *op. cit.*, p. 282.

рубежа политическая жизнь ячеек была урезана, параллельно с выхолащиванием Советов. Повестки их заседаний изменились: формальные отчёты на политические темы общероссийского масштаба часто протоколировались без обсуждения, возрастал удельный вес административных вопросов. Районный партийный аппарат транслировал решения, принятые наверху и контролировал их выполнение. Ячейки обзавелись собственным аппаратом, т.е. бюро, в которые входили в основном освобождённые работники. Коммунисты, делившиеся своим мнением с беспартийными рабочими, даже по поводу будничных производственных вопросов, могли получить выговор за то, что не начали с безоговорочного одобрения партийной линии. Безжизненность ячеек признавал Зиновьев; он списывал её в основном на отстающий «культурно-политический уровень» членов партии. Другие диспутанты обвиняли авторитарное руководство. А. Бобров жаловался, что «наши когда-то бывшие оживлёнными собрания превратились в тягостное для членов партии явление», потому что «наши руководители взяли на себя обязанность не только учить нас, как нужно кушать, но и разжёвывать вместо нас пищу»²³.

Соглашение между Троцким и большинством в Политбюро от 5 декабря 1923 г. — согласно которому первый воздерживался от публичной критики триумvirата, а второе принимало резолюцию о «новом курсе», одобряющую ограниченную внутрипартийную демократию — годы спустя расценивалось оппозиционерами как катастрофическая тактическая ошибка²⁴. Но на тот момент результатом соглашения стала беспрецедентно оживлённая дискуссия. Воодушевлённые этим сигналом сверху, некоторые ячейки заседали буквально целыми днями. На текстильной фабрике Цинделя, одной из многих, бастовавших тем летом, коммунисты на протяжении недели ежедневно разговаривали «до позднего вечера». Заседания ячеек продолжались до 3 часов ночи на «Красном богатыре», до половины шестого на электростанции 1886 г.

---

²³ Правда. 7, 22 и 24 ноября 1923.

²⁴ Сосновский, предостерегая в 1928 г. от «торопливости, преувеличений, иллюзий» Преображенского и других, желавших вернуться в Москву и покинуть оппозицию, предупреждал: «Вспомните 5 декабря 1923 г.». Бюллетень оппозиции. №3—4. 1929. С. 20.

и до шести утра в одной из школ Замоскворечья²⁵. Резолюция о «новом курсе», в которой была фраза, признававшая нежелательность назначения, воодушевила некоторые ячейки на снятие засидевшихся чиновников, а другие — на принятие ранее непроходных кандидатов. На заседании «огромной, многосотенной» московской заводской ячейки, о котором написала «Правда», был отклонён утверждённый райкомом список кандидатов в Моссовет, вместо него был составлен список по предложениям из зала²⁶. Ячейка Гознака решила принять бывшего меньшевика Горбачёва, который стал большевиком во время Гражданской войны, но вновь покинул партию в знак протеста против НЭПа. Обычно такое политическое прошлое было бы препятствием на пути к членству в партии, но Горбачёв не оправдывался, а защищал свою кампанию против принудительной подписки на золотой заём и признавался, что «прослыл бузотёром за то, что прислушивался к массе и защищал их перед фабкомом». На следующем собрании ячейка призвала отправить в отставку ветерана партии Мандельштама, давно служащего секретарём местного райкома, и отозвать ещё троих членов райкома. Против коллеги Мандельштама в Замоскворецком районе, Землячки, аналогичную резолюцию направило общее собрание ячеек расположенных в этом районе больниц²⁷. Один из отцов-основателей ячейки на АМО Гаврилин пал жертвой демократических настроений своих товарищей и был исключён из завкома²⁸. Но демократический энтузиазм партийцев нигде не доходил до вовлечения беспартийных рабочих в процесс принятия решений. Лидеры оппозиции были так же непреклонны, как и большинство ЦК, в том, что «рабочая демократия» — привилегия только для членов партии. Несмотря на то, что в «Правде» печатали избранные комментарии беспартийных рабочих, обе стороны признавали «опасность, что нашу дискуссию подхватили беспартийные рабочие», по выражению

---

²⁵ ЦАОПИМ, 3/11/85а/4—5, 7, 9, 28; *Курахтанова В.* Первая ситценабивная. М.: Изд. социально-экономической литературы, 1960. С. 88.

²⁶ Правда. 5 декабря 1923.

²⁷ ЦАОПИМ, 3/11/85а/9; 1099/1/7/48, 50—51.

²⁸ ЦАГМ, 415/16/317/135; 415/16/318/122—123; *Чуряев А.П., Адфельдт Н.В. Баяевский Д.А. и др.* (ред.). История Московского автозавода им. И.А. Лихачева. М.: Изд. «Мысль», 1966. С. 111.

Радека, и выступали против внутрипартийного плюрализма в форме политических фракций²⁹.

Острые дискуссии сосредоточивались на конкретных мерах по внедрению внутрипартийной демократии и, в частности, на переизбрании должностных лиц. И многие ячейки пошли в своих требованиях дальше, чем вожди оппозиции: ячейка Московской горной академии призвала не только провести перевыборы партийных комитетов «снизу доверху, а не сверху вниз», но и пересмотреть все решения об исключении рабочих-коммунистов из партии, принятые после X съезда. Эта ячейка потребовала лишить высшие партийные органы права инициировать дисциплинарные меры, кроме исключительных случаев, и призвала аннулировать партийный устав, дающий вышестоящим органам право назначать секретарей ячеек и райкомов. Ячейка завода «Метрон» потребовала предоставить всем членам партии право посещать заседания любых комитетов и положить конец сбору «секретных характеристик» членов партии³⁰. Аппарат упорно защищал свои полномочия. 8 декабря освобождённый партработник в Краснопресненском районе, И. Шумская, в письме, напечатанном в «Правде», предупредила, что аппарат откажется выполнять резолюцию о «новом курсе». Она живописала, как райком дал указание освобождённым работникам-оппозиционерам продвигать линию большинства ЦК вне зависимости от того, что они сами думают, и как он направляет крупные группы партработников запугивать инакомыслящие ячейки. Это вызвало конфронтацию на районном собрании: Преображенский назвал такую практику «вещью абсолютно недопустимой», а председатель комитета Бельский осудил «ложное» письмо Шумской³¹.

Победа триумвирата

Оппозиция потерпела поражение, несмотря на широкую поддержку её доводов о демократии. Свою роль сыграли интриги, охота на ведьм и предвыборные махинации, но были, тем

²⁹ ЦАОПИМ, 63/1/144/187; 88/1/168/87; 3/4/36/74–76; 69/1/138/20.

³⁰ ЦАОПИМ, 3/11/85а/90об-91, 131.

³¹ Правда. 8 и 14 декабря 1923; ЦАОПИМ, 69/1/138/21–24; 3/4/36/36–37.

не менее, и политические причины, по которым триумvirат добился поддержки, или, по крайней мере, невмешательства партийных низов. Руководство нейтрализовало обвинения оппозиции в том, что проводимая экономическая политика является уступкой классово чуждым силам — при помощи кампании репрессий против самых заметных капиталистических эксцессов НЭПа; оно мастерски использовало тот факт, что оппозиция не сыграла на угрозе уровню благосостояния рабочих, и лишило её потенциальной поддержки со стороны рабочих-коммунистов; и оно же изобразило оппозицию раскольниками в момент, когда в Германии судьба мировой революции висит на волоске.

Партийное руководство начало свою кампанию против коррупции среди партийных и промышленных служащих, а также против спекулянтов, в ноябре 1923 г., как раз в тот момент, когда партийная дискуссия вышла на публику. 17 ноября кампании дали старт президиум ЦКК и коллегия Рабкрин. Упор делался на видимый эффект: например, пресса рассказывала о том, как московская милиция осуществляет выборочную проверку на предмет использования служебных автомобилей в личных целях. В декабре начались публичные судебные процессы над коррумпированными чиновниками Богородско-Щёлковского текстильного треста и ГУМа³². Кампанию координировало ГПУ, московские сотрудники которого рассматривали её как неотъемлемую часть борьбы с оппозицией. 4 декабря собрание партийных работников в московском губернском отделе ГПУ постановило противостоять «ревизионистским изменениям внутрипартийной линии РКП», т.е. оппозиции, и в то же время вести «решительную борьбу со всякими излишествами, извращениями НЭПа и частичным отрывом от рабочих масс, особенно группы хозяйственников»³³. Некоторые сторонники триумvirата противопоставляли мобилизацию ГПУ более демократическим формам борьбы как наилучшее средство в войне с коррупцией:

---

³² Правда. 15 и 16 ноября, 6, 9, 25 и 28 декабря 1923; *Argenbright, R.*, 'Marking NEP's Slippery Path: the Krasnoshchekov Show Trial', *Russian Review* 61, 2002: 249–275; *Олех*. Поворот... С. 177–178.

³³ ЦАОПИМ, 3/4/37/65.

Андейчин заявил 11 декабря на собрании московских партийных активистов, что с эксцессами НЭПа следует бороться не теми методами, которые предлагает Сапронов, а при помощи ГПУ — «нашего политического органа, призванного охранять наши интересы»; централизм и назначенчество являются жизненной необходимостью в этой борьбе³⁴. Это заявление было встречено «громким» и «продолжительным смехом», очевидно, со стороны оппозиционеров. Они, вероятно, недооценили его значение: партийное руководство в точности следовало линиям, предписанным Андейчиным.

В конце декабря были проведены широко разрекламированные облавы на московских торговцев и нэпманов, многие были арестованы или высланы. В феврале—марте 1924 г., после поражения оппозиции и во время «ленинского призыва», был проведен показательный судебный процесс над председателем правления Промбанка и членом руководства ВСНХ Александром Краснощёковым, сопровождавшийся серией официальных порицаний слишком высоких зарплат специалистов. Антикоррупционная кампания, как и антицерковная и антиэсеровская, была организована сверху. Когда ячейка авиазавода «Дукс» на Красной Пресне в апреле 1924 г. попыталась взять в свои руки дело очевидно коррумпированного партийного работника Малахова, практиковавшего вопиющее совместительство, районными организаторами это было расценено как отрицательный факт, «подогревший оппозиционное настроение»³⁵. Более того, наказание за «излишества» было избирательным: как показал Роберт Аргенбрайт, часто вина высокопоставленных партийных фигур была доказана, но наказание обходило их стороной. На самом деле, кампания имела агитационную важность: она получила поддержку партийных низов. Например, ячейка АМО в феврале 1924 г. жаловалась на «недостаточную жестокость со стороны наших судов по отношению к расхитителям народного хозяйства» и требовала казнить Краснощёкова³⁶. Г.Л. Олех, исследовавший партийную дискуссию в Сибири, заключил, что

³⁴ ЦАОПИМ, 3/4/36/34.

³⁵ ЦАОПИМ, 3/4/37/103.

³⁶ *Argenbright*, op. cit.; *Олех*. Поворот... С. 177; *Carr*, op. cit., pp. 120–121. ЦАОПИМ, 433/1/19/9, 12; Социалистический вестник. №1. 1924. С. 13.

спецеедская риторика триумvirата и его антикоррупционная кампания произвели большое впечатление на левое крыло оппозиции и стали одной из причин её поражения³⁷.

Триумvirат подавал себя как действующее руководство, заслугой которого является успешный экономический разворот последних двух лет. Общественный договор действовал и внутри партии: стремление к стабильности, порождённое повышением уровня жизни, работало против оппозиции. Работники среднего звена, поддерживавшие триумvirат, боялись, что политические изменения, за которые ратует оппозиция, прервут экономическое восстановление. На собрании секретарей ячеек в Краснопресненском районе во время «партийного кризиса» секретарь ячейки завода «Красный пролетарий» Козлов осуждал оппозицию, говоря: «Я не против демократии, но в эту демократию лезут те демократы, которые ведут нас к [эсеровскому] лозунгу: да здравств[ует] учр[едительное] собрание. Мы верим в ЦК и говорим совершенно другое: зарплата низка, мы знаем положение, но её надо упорядочить». На другом районном собрании Селецкий поддержал триумvirат, в таких же циничных выражениях: «Наши рядовые члены отстали и очень отстали. Они потонули в чисто материальных интересах»³⁸.

Теперь оппозиция расплачивалась за неумение найти общий язык с профсоюзниками и рабочими-коммунистами по вопросу своей промышленной политики. Внутри ЦК оппозиция предложила долгосрочную стратегию противостояния опасностям капиталистического возрождения, заложенным в НЭПе; у триумvirата не было собственного решения, и позже он многое из этой стратегии включил в собственный подход. Но партийным низам практически ничего не рассказывали о программе оппозиции. Если её и заслушивали бегло на некоторых собраниях городского и районного уровня в Москве, то практически не обсуждали в ячейках³⁹. На опасность паде-

³⁷ Олех. Поворот... С. 178. См. также: Правда. 1, 3 и 4 января 1924; Carr, *op. cit.*, pp. 126–130; Тринадцатая конференция РКП(б): бюллетень. М., 1924. С. 81–83, 91, 187.

³⁸ ЦАОПИМ, 69/1/136/33; 69/1/138/36.

³⁹ По моим оценкам, на каждые 10 собраний ячеек, рассматривавших внутрипартийный режим, лишь одно обсуждало экономическую политику. О московской дискуссии см.: ЦАОПИМ, 69/1/138/1–22. См.

ния уровня жизни рабочих, заложенную в подъёме партийной элиты и её политике, указывали чаще остатки РО, чем альянс Троцкого—Преображенского—Сапронова. На общем собрании ячеек Бауманского района Туляков призвал заморозить процесс закрытия фабрик ввиду растущей безработицы, отменить специальные ставки окладов управленцев и совместительство, а также вернуться к довоенным уровням зарплаты. Другие выступающие на этом собрании жаловались на выплату зарплаты совзнаками, видимую несправедливость распределения доходов от золотого займа и неправильную стратегию госрасходов в промышленности⁴⁰. Но Туляков, как во всероссийском масштабе Шляпников и Лутовинов, был изолирован от вождей оппозиции. Свидетельства из ячеек подкрепляют утверждение Карра, что «отсутствие взаимопонимания между вождями оппозиции и теми, кто говорил от имени рабочих», довершило окончательное поражение оппозиции на XIII партийной конференции. На ней поданные оппозицией поправки к резолюции ЦК об экономической политике, представленные Пятаковым, были оглушительно провалены на голосовании, тогда как диссидент-профсоюзник Лутовинов был избран в комиссию по формулировке окончательного текста и добился добавления пунктов об увеличении зарплат низкооплачиваемых работников и о выплате премий представителям всех профессий червонцами.

Ещё одним аргументом триумvirата было то, что оппозиция, упорствуя в политической дискуссии, ослабляет партийное единство и потенциально подрывает революцию в Германии. Для партийных низов это было сильным эмоциональным шантажом⁴¹. За закрытыми дверями Троцкий протестовал,

---

также: Carr, *op. cit.*, pp. 90–113, 120–121; Вилкова и др. Указ. соч. С. 155–166; Понов К.А. (ред.). Дискуссия 1923 года: материалы и документы. М.: Госиздат, 1927. С. 198–201, 207, 275; Олех. Поворот... С. 167.

⁴⁰ ЦАОПИМ, 467/1/7/32.

⁴¹ Тактика, принятая Коминтерном в Германии, не обсуждалась во время кризиса партии, хотя рассказы некоторых троцкистов, изобилующие ретроспективными оценками, и наличие под рукой произведений Троцкого позднейшего периода создают впечатление, что это тоже было предметом дискуссии. См. Pirani, *op. cit.*, p. 290; Thalheimer, A., '1923: A Missed Opportunity? — the legend of the German October and the real history of 1923', *Revolutionary History* 8:4, 2004: 90–125; Deutscher, *op. cit.*, pp. 140–151.

напоминая, что «в самые жестокие часы Гражданской войны» свобода дискуссии была несравненно шире, чем в 1923 г., — хотя Радек, единственный член ЦК, который симпатизировал оппозиции, кроме её активных деятелей Троцкого, Преображенского и Пятакова, считал события в Германии основанием для сворачивания дискуссии. В общественной дискуссии призывы триумvirата проявить сдержанность находили понимание. Один партиец, К. Розенталь, написал в «Правде»: «Германские события держат в страшнейшем напряжении всю партию, каждого ее члена. «Психологическая» мобилизация, повышенная революционная чувствительность заставила нас на время забыть «болезни и язвы» нашей партии». Авторы других писем считали, что положение в Германии, наоборот, делает необходимость дискуссии ещё более насущной, но свидетельства из ячеек указывают на то, что такой взгляд разделяло меньшинство⁴².

Полнение рядов

Кризис партии довёл до кульминации те глубокие изменения в структуре и образе действия партии, которые накапливались со времени десятого съезда. Он сломал сопротивление этим переменам. Вместе с последовавшей за ним кампанией массового набора в партию, поражение оппозиции стало поворотным пунктом, который в то время получил название «перелома»⁴³. Относительно простую и прозрачную партийную иерархию времён Гражданской войны сменила авторитарная командная система, центр которой находился в аппарате ЦК. Удар по оппозиционерам сильно ограничил протесты против этого аппарата в будущем. Признавая выборный принцип на словах и отвергая попытки воплотить его на практике, руководство партии сделало «назначенство» неоспоримым принципом. В ячейках произошёл консолидированный переход от

---

⁴² Троцкий, письмо в Политбюро от 8 октября 1923 // Вилкова и др. Указ. соч. С. 160; Радек. Я заявляю // Источник. №2. 1998. С. 42–45; Правда. 25, 27 и 29 ноября 1923; ЦАОПИМ, 3/11/85a/29.

⁴³ Это же слово использовалось для описания перехода к насильственной коллективизации и индустриализации в 1929 г.

политики к администрированию. И точно так же, как ранее для беспартийных рабочих пространство для дискуссии было сужено путём уничтожения Советов, так теперь ограничения были установлены и для членов партии. Изменился характер членства в партии и собственно состав членов: барьеры на пути вступления в партию, на которых настаивал Ленин, были сняты, и ячейки впервые провели массовый набор.

Предварительные шаги в направлении такого набора делались в Москве и других крупных городах, начиная с конца 1922 г. В первом квартале 1923 г. набор рабочих в партию в Москве впервые после Гражданской войны начал стабильно превышать отток, тогда как в масштабе всей страны сокращение числа партийцев продолжалось до весны 1924 г.⁴⁴ В Москве партия набрала 3400 новых кандидатов в члены, 4/5 (80 %) из них были рабочими; а МК и райкомы прикрепили к производственным ячейкам 2000 членов партии. Переход от партии авангардного типа к более широкой модели членства был инициирован сверху. В апреле 1923 г. XII съезд ослабил критерии членства, которые годом ранее ужесточили по настоянию Ленина. Съезд решил, что рабочих и крестьян можно принимать или по двум рекомендациям членов партии с двухлетним стажем, или, в случае комсомольцев, работающих в промышленности, по одной рекомендации от члена партии и одной от райкома комсомола — хотя предоставление полноценного членства кандидатам в члены партии другого классового происхождения было отложено ещё на год⁴⁵.

Между новобранцами времён Гражданской войны и 1923 г. были существенные различия. Во-первых, во время Гражданской войны рекруты вступали в организацию, которая гораздо менее уверенно держала власть в своих руках, членство в ней представляло риск и подразумевало участие в военных действиях. Рекруты 1923 г. вступали в организацию, надёжно контролирующую государственный аппарат; поэтому привлекательность партии для оппортунистов и карьеристов

---

⁴⁴ Правда. 4 апреля 1923. Статистику о партийном членстве см. в Прил. 3.

⁴⁵ *Липилин Ю.А., Сачковский Г.А.* Ленинский призыв в ленинградской партийной организации. Л.: Лениздат, 1984. С. 20; ЦАОПИМ, 3/11/91/13.

(из всех классов) была предметом постоянной дискуссии, и свидетельства указывают на то, что, несмотря на превентивные меры, они действительно наводняли партию. Во-вторых, экономическое восстановление и акцент партии на важности обучения и профессиональной квалификации привлекал молодых рабочих, сердца которых пленил большевистский проект индустриализации и модернизации, но не все они совмещали это увлечение с более широким социалистическим видением. В-третьих, изменение политической атмосферы в партии — неодобрение, а потом и подавление открытой дискуссии в партийных рядах — не только привело к выходу из партии преданных идее коммунистов Гражданской войны, но и предположительно отвратило от вступления в нее политически радикальных рабочих.

Есть некоторые свидетельства того, что в новой волне рекрутов была более значительная, чем во время Гражданской войны, доля женщин и молодых рабочих, т.е. тех, кого многие большевики традиционно отвергали как политически отсталых и несознательных. С другой стороны, предпочитаемая большевиками социальная база — старшие, квалифицированные рабочие-мужчины и «потомственные» рабочие, родившиеся в городе, похоже, сопротивлялись набору в партию. Статистика слишком обрывочна для того, чтобы подтвердить эту тенденцию, и к некоторым свидетельствам, в частности утверждениям партийных активистов, рассматривающих это как негативное явление, нужно относиться осторожно. Но их достаточно для того, чтобы задаться рядом вопросов. В августе 1923 г. московская партийная газета спрашивала активистов, почему рабочие сопротивляются набору в партию. Кольцов сказал, что квалифицированные рабочие-мужчины воздерживаются от вступления в партию из-за «боязни быть связанными» и «любви к своей профессии». Рабочие, которых он пытался рекрутировать, сказали, что лучше они потратят свободное время на личное профессиональное развитие: «изучая какую-нибудь астрономию, естествоведение, рабочий говорит: сейчас я читаю много, а когда я буду ходить на собрания, у меня времени будет меньше, а заниматься будет труднее». Кульков добавил, что уровень жизни рабочих растёт, и они «стали более требовательны к себе»; «после работы

придут, хорошо вымоются, есть во что переодеться»⁴⁶. Проблема видимого отчуждения «мастерового, потомственного пролетариата» от партии была озвучена во время партийной дискуссии. Секретарь МК Зеленский признал, что когда на массовых собраниях призывают поддержать партийные кампании, то «наиболее квалифицированные рабочие либо стоят в стороне, либо иногда выступают против»; а партийные ячейки, вместо того чтобы вступить в дискуссию, обращаются тогда к женщинам и молодым рабочим. Преображенский в ответ заявил, что при действующих ограничениях дискуссии внутри партии беспартийные рабочие могут разобраться в политических вопросах лучше, чем партийцы⁴⁷. Б. Лавлер, освобождённая работница, «прикреплённая» к ячейке АМО, написала, что руководители ячеек — особенно те из них, кто сам политически «слаб» — зачисляются в оппозицию «более культурных, развитых рабочих», выступающих с критикой, и обращаются только к более молодым⁴⁸.

Важным фактором, привлекавшим молодых рабочих в партию, было то, что членство в ней считалось ключом к профессиональному и личному продвижению. Хозяйственное строительство требовало обученного персонала. Партийные вожди начали меньше акцентировать важность политической надёжности и сознательности рекрутов и больше — их готовность учиться. Это, в свою очередь, резонировало с сильным желанием рабочих получать образование и техническую квалификацию, которое историки связывают с урбанизацией и классовообразованием конца XIX в.⁴⁹ Бухарин заявил на V съезде комсомола в октябре 1922 г., что партия хочет опираться, прежде всего, не на «нигилистически-революционных» людей,

---

⁴⁶ Рабочая Москва. 2 августа 1923; ЦАГМ, 415/16/262/5.

⁴⁷ Правда. 28 и 29 ноября 1923.

⁴⁸ Правда. 14 и 24 ноября, 8 декабря 1923.

⁴⁹ См., например, *Zelnik R.E.*, 'Russian Bebel's: an introduction to the memoirs of the Russian workers Semen Kanatchnikov and Matvei Fisher', *Russian Review* 35:3, 1976: 249–289; *Bonnell V.E.*, *Roots of rebellion: workers' politics and organizations in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914*, Berkeley: University of California Press, 1983, pp. 47–52, 215–219; *Bonnell V.E.* (ed.) *The Russian Worker: Life and Labor Under the Tsarist Regime*, Berkeley: University of California Press, 1983, pp. 82–84, 150–152, 208.

а на такого молодого человека, который «плюёт на все, за-тыкая себе оба уха пальцами, и ты ему не мешай: он желает заниматься»⁵⁰. Некоторые комсомольские газеты, как и меньшевики, осуждали «рабфаковские» настроения» среди коммунистической молодёжи, т.е. желание прежде всего получить профессиональную квалификацию⁵¹. Но эти настроения были созвучны требованиям партии. Ячейки начали предлагать курсы технического обучения прежде всего партийным и комсомольским новобранцам. Один партийный активист, Антонов, считал, что при помощи таких курсов можно будет в скором времени не только получить «красных мастеров», но и что «это вернейший путь к коммунизму» для отсталой рабочей массы⁵².

Некоторые новобранцы рассматривали профессиональное образование в контексте более широких социалистических идеалов: свидетельствами этого изобилуют мемуары рекрутов 1923 г., присоединившихся к коммунистической оппозиции⁵³. Но другие, похоже, рассматривали членство в партии и комсомоле главным образом в контексте получения технической квалификации, не связывая его с общими идеями социализма и модернизации. Поразительно, что несколько рабочих «Красного пролетария», вступивших в комсомол в начале 1920-х, у которых брали интервью для проекта по истории фабрик и заводов, в ответ на вопрос, почему они стали коммунистами, говорили о привлекательности технического образования, не упоминая о социализме даже между прочим. Р. Романов, вступивший в комсомол в 1923 г., сказал, что в 1921–1922 гг. комсомольская организация имела «очень мало» влияния на молодёжь завода; молодые беспартийные рабочие «работали не хуже, а в некоторых случаях и лучше» комсомольцев. Школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) была главным оружием набора в партию, которое сработало и в случае самого

---

⁵⁰ Пятый съезд комсомольцев (речи т.т. Троцкого, Бухарина). Вятка: Изд. губкома РКСМ, 1922. С. 48–49.

⁵¹ Социалистический вестник. №4. 1923. С. 8–9.

⁵² Рабочая Москва. 2 августа 1923.

⁵³ См., например, мемуары Исаея Абрамовича: <http://lib.ru/MEMUARY/ABRAMOWICH/>, и И. Павлова, цитированные выше.

Романова. «Я вступил в ячейку не потому, что хотел быть комсомольцем, а потому что процесс работы показал, что надо вступить в комсомол для того, чтобы [...] вести ту общественную работу, которую я вел [в ФЗУ]». Альбрехт, вступивший в комсомол во время Гражданской войны, вспоминал, как он был уязвлён критикой со стороны опытных рабочих: дескать, комсомольцы так заняты политикой, что не умеют работать. А молодые беспартийные рабочие «не хотели интересоваться вопросами политическими. Хотели получать квалификация] и развлечение». Комсомол разросся, когда запустил программы обучения, через которые рекрутировал этих молодых рабочих. «Молодёжь бесп[артийные] напирала [поднять по] разрядам. Они говорили, что [...] нужно подтянуть и т.д. Мы подумали об организации школы ФЗУ»⁵⁴.

Ленинский призыв

С началом ленинского призыва сразу же после смерти Ленина в январе 1924 г. были отброшены в сторону остатки партийной структуры авангардного типа, и производственным ячейкам поступило указание перейти к массовому набору групп рабочих. Партийная элита, чувствуя, что контроль над нижестоящими органами установлен достаточно надёжно через секретариат ЦК и систему распределения кадров, рассматривала кампанию набора в партию как следующий этап реализации общественного договора с рабочими. Массовый набор впервые был предложен большинством ЦК во время конфликта с оппозицией, и некоторые историки построили убедительную концепцию того, что он был задуман как способ заглушить аргументы оппозиции. Этому нет точных доказательств. Но переход к массовому членству был логичным следствием изменения функций партии, и смерть Ленина стала неожиданно подоспевшим событием, вокруг которого удобно было запустить уже запланированную ранее кампанию. Тринадцатая партконференция 16–18 января приняла решение набрать 100 тыс. пролетариев, а собрание делегатов

⁵⁴ ГАРФ, 7952/3/98/1, 7, 58, 68; 7952/3/96/8–806; ЦАОПИМ, 412/1/8/13.

XI съезда Советов для обсуждения массового набора было заранее назначено на 21 января 1924 г., день, когда умер Ленин. Десять дней спустя ленинский призыв был одобрен ЦК. Были открыты двери для массового приёма не только промышленных рабочих, но и рабочих-кустарей, которых большевики долго считали мелкими буржуа, и крестьян⁵⁵.

Численность партии в Московской губернии в результате трёхмесячной кампании набора увеличилась почти в полтора раза — с 53 121 до 76 416 чел. — а к концу 1924 г. достигла 88 384 чел.⁵⁶ Большая часть новобранцев была представлена теми самыми рабочими, которые отказались вступать в партию в 1923 г. — старшими рабочими-мужчинами, особенно имеющими квалификацию и многолетний заводской стаж. Хотя утверждение МК, что «до 80%» рекрутов отличалось «высокой квалификацией и большим производственным стажем», похоже, является преувеличением, другие свидетельства указывают, что рабочие с довоенным стажем, а также пришедшие на завод в 1914–1920 гг. были широко представлены. Например, в Сокольническом районе 60% принятых в партию имели трудовой стаж 5–10 лет (т.е. начали работать на заводе в 1914–1919 гг.), а 15% — 11 и более лет. Преимущественное большинство рекрутов были старше 25 лет, около трети — старше 35, и лишь менее четверти были моложе 25. Более 80% составляли мужчины. Более трети ранее служили в Красной армии; они многократно превосходили численностью тех, кто до войны участвовал в рабочем движении (менее 10%). По сравнению с предыдущими

⁵⁵ *Rigby T. H., Communist Party Membership in the USSR 1917–1967*, Princeton: Princeton University Press, 1968, pp. 116–130; *Олех. Поворот...* С. 176; *Павлова. Указ. соч.* С. 104–110.

⁵⁶ Здесь учтены как члены, так и кандидаты. В масштабе всей страны к 350 тыс. членов партии и 122 тыс. кандидатов, зарегистрированных по состоянию на начало 1924 г., ленинский призыв добавил около 200 тыс. чел. (в основном кандидатов в члены партии). К началу 1926 г. общая численность партии превысила 1 млн. чел. Ленинский призыв в Московской организации: сборник. М.: МК РКП(б), 1925. С. 12; МК РКП(б). Московская организация РКП(б) в цифрах. К XIV губпартконференции. Вып. 2-ой. М., 1925; *Буков К.И., Коршунова З.П., Родионова Н.И.* (ред.). Московская городская организация КПСС 1917–1988: цифры, документы, материалы. М.: Московский рабочий, 1989; *Гимпельсон. Указ. соч.* С. 127; *Rigby op. cit.*, p. 127.

периодами среди новобранцев было намного меньше выходцев из других партий, а из тысяч большевиков, вышедших или исключённых из партии в 1921–1923 гг., принята назад была лишь небольшая горстка⁵⁷.

Тогда как кампании 1922 г. имели целью переформатировать отношения партии с беспартийными рабочими, целью данной кампании было переформатирование самих партийных ячеек. Длинные списки предлагаемых новобранцев сначала утверждались членами ячейки, а часто и общезаводскими собраниями. Эта процедура, наряду с приёмом групповых заявлений и отказом от требования к заявителям предоставить рекомендации членов партии, показывает, насколько сильным был разрыв с традиционной авангардистской организационной концепцией большевиков. Некоторые крупные производственные ячейки увеличили численность в несколько раз: ячейка на «Серпе и молоте» выросла со 106 членов до 257, на «Трёхгорной мануфактуре» – с 254 до 617, на Гознаке – со 136 до 623⁵⁸. Такой наплыв усилил политические позиции триумvirата, и об этой связи часто открыто говорилось: на «Красном пролетарии» было отмечено, что «в дискуссии вывелись мелко-бурж[уазные элементы] , поэтому решено привлечь рабочих от станка»⁵⁹. Наконец, призыв укрепил двойственное положение партии как единственной легальной политической организации в стране и нервной системы государственного управления.

Рекрутёры и рекруты руководствовались совершенно разными, даже диаметрально противоположными мотивами. Многие вступали в партию, считая, что это лучший способ представлять интересы рабочих. МК зарегистрировал примеры того, как новобранцы, принятые по призыву, использовали свой новый статус для продвижения жалоб рабочих на администрацию: на нескольких крупных заводах на общих

---

⁵⁷ Ленинский призыв... С. 11, 15–17; Секретариат ЦК РКП(б). Материалы по статистике личного состава РКП. М., 1921. С. 2–3; ЦК РКП(б) (статистический отдел). Партия в цифровом освещении: материалы по статистике личного состава партии. М. –Л.: Госиздат, 1925. С. 81.

⁵⁸ Ленинский призыв... С. 11; МК РКП(б). Указ. соч. С. 3–4, 16; *Родина Н.И.* Годы напряженного труда: из истории Московской партийной организации 1921–1925 гг. М.: Московский рабочий, 1963. С. 151–155.

⁵⁹ ЦАОПИМ, 412/1/15/7.

собраниях «ленинцы голосовали против предложений ячейки, выступали против неё, выставляли свои списки вместе с беспартийными в завком при его перевыборах»; на заводе им. Урицкого они поддержали требования повышения зарплаты почти вдвое; а на «Русскабеле» в Рогожско-Симоновском районе они поддержали кампанию против увольнения меньшевика⁶⁰. Но эти новобранцы вступили в совершенно другую организацию, чем рекруты 1917 или 1920 г. МК утверждает, что в вышеупомянутых случаях «непонимания дисциплины» после того как бюро ячейки объясняло недопустимость таких действий, новобранцы почти всегда «сознавали свои ошибки и старались их исправить». Искренность таких признаний можно поставить под сомнение, но отношения ясны: масса новобранцев предполагает, а партийный аппарат, который на предприятии представляло бюро, располагает. Что касается больших политических вопросов, то новобранцы, в массе своей признававшиеся в незнакомстве с дискуссией 1923 г. или безразличии к ней, на обсуждении «Уроков Октября» Троцкого в конце 1924 г. реагировали на призывы, «прежде всего, к единству партии»⁶¹.

После «перелома»

Рекруты, пришедшие по ленинскому призыву, сыграли важную роль в «переломе» методов работы партии. Они численно перевесили коммунистов Гражданской войны и других во многих заводских ячейках и часто через головы своих предшественников шли на повышение в бюро ячеек, которые стали дисциплинированными исполнителями указаний, полученных через губернские и районные парторганизации. Многие быстро стали «ответственными работниками». В октябре 1925 г., после кампании по перевыборам бюро ячеек, московская организация обнаружила, что 40% членов бюро

---

⁶⁰ Ленинский призыв... С. 26–27; Тяжельникова В.С. Механизмы «сурового самоочищения» (неопубликованный доклад, представленный на конференции Британской ассоциации славянских и восточноевропейских исследований в 2003 г.); *Pospielovsky A.*, 'Strikes During the NEP', *Revolutionary Russia* 10:1, 1997: 1–34, here 21–24.

⁶¹ Ленинский призыв... С. 28, 33.

– новобранцы ленинского призыва, а почти 60% – советские или партийные работники (т.е. администраторы, а не рабочие «от станка»)⁶². Аппарат с начала 1924 г. давал ячейкам указания вычищать оппозиционеров, по крайней мере, с ответственных постов, и новобранцев поощряли помогать в выполнении этой задачи. Чистка началась на национальном уровне, особенно в Красной Армии⁶³, а накануне XIII партсъезда в мае 1924 г. соответствующее движение началось и в ячейках. В Москве горком потребовал от партийных организаторов составить отчёты «о состоянии ячеек, бывших во время дискуссии в оппозиции», отделив те ячейки, которые успешно совершили «перелом», от тех, например, где «старое настроение не изжито» или «имеется ряд упорных оппозиционеров»⁶⁴. В Бауманском районе ввели подкрепление для поддержки Аронштама, координировавшего атаку на оппозицию. Лемберг, соратник Сталина, был переведен в ячейку «Икара», остававшегося главным оплотом бауманской оппозиции. В декабре 1923 г. он инспирировал увольнение оппозиционного директора завода Ивана Петрова, что вызвало «сильное недовольство» рабочих; весной 1924 г. он организовал перевод оппозиционеров, таких как секретарь ячейки И.А. Потапов, с завода на другие предприятия. МК позже признал, что эта охота на ведьм «убийственным» образом повлияла на ячейку, создав атмосферу, в которой каждый, кто выражал малейшие сомнения, объявлялся «уклонщиком», а недавно принятые партийцы «стали молчаливы, замкнуты, перестали высказываться на собраниях»⁶⁵. В некоторых ячейках, в том числе на Гознаке и на заводе «Манометр», не спасовавшие оппозиционеры налаживали связи с новобранцами, с одной стороны, тогда как

⁶² МК РКП(б). Указ. соч. С. 28–29.

⁶³ Владимир Антонов-Овсеенко, который, по слухам, намеревался мобилизовать военных на поддержку Троцкого, был устранён с поста главы Политуправления Реввоенсовета, а Фрунзе, сторонник триумvirата, пошёл на повышение. Троцкий продолжал возглавлять Народный комиссариат по военным и морским делам до января 1925 г., когда он ушёл в отставку по состоянию здоровья. *Deutscher*, op. cit., pp. 160–163; *Olex*. Поворот... С. 175.

⁶⁴ ЦАОПИМ, 3/4/37/98–102.

⁶⁵ ЦАОПИМ, 63/1/144/256; ЦГАМО, 19/1/62/314; Ленинский призыв... С. 23.

сторонники победившего руководства работали с ними — с другой. Впрочем, чаще голоса новичков использовались для исключения оппозиционеров из бюро ячеек — например, на Семёновской отбельно-красильной фабрике в Бауманском районе, где «поражение бывшей оппозиции было нанесено голосами ленинского набора, кои поняли сущность болезни ячейки и взяли правильную линию». ЦК, ничего не оставляя на самотёк, отменил правила, по которым кандидаты в члены партии не имели права голоса, и пришедшие по ленинскому призыву участвовали в выборах делегатов на XIII съезд⁶⁶.

То, как партийная элита использовала новобранцев для преобразования партийной организации, может рассматриваться как продолжение общественного договора. Новобранцы сформировали новый слой иерархической структуры, через которую элита будет «направлять», дисциплинировать и контролировать рабочий класс на протяжении 1920-х гг. Партия 1920 г. была самопровозглашённым авангардом — подкреплённым товариществом времён Гражданской войны, этическим стремлением к равенству между коммунистами и относительно свободным внутренним политическим режимом, — который всё ещё консолидировал свой контроль над государственными учреждениями на национальном уровне и над администрацией и рабочими организациями на уровне заводском. Но на протяжении двух лет перед ленинским призывом была создана подконтрольная секретариату ЦК иерархическая структура со средним слоем бесконечно перемещаемых «ответственных работников», проникшая до самых заводских ячеек через бюро. Участие низов в политической дискуссии после краткого оживления в конце 1923 г. снова было подавлено под конец «кризиса партии». Ленинский призыв стал следующим шагом в эволюции партии. Новобранцы стали медиумом, через который партийная иерархия, где были сосредоточены дискуссии и полномочия по принятию решений, контактировала с рабочим классом и контролировала его. Приведя их в партию, элита сполна использовала те группы рабочих, которые политически поддерживали большевизм, чтобы упорядочивать, «просвещать» и контролировать других.

---

⁶⁶ ЦАОПИМ, 3/4/37/45, 98–102; Олех. Поворот... С. 176–177.

Политические и административные приказы, поступающие сверху, через аппарат и расширенные ячейки транслировались всему населению. В отсутствие политической демократии в более широком смысле, расширенные ячейки не только боролись за достижение производственных целей и за дисциплину, но и транслировали протесты и реакции – по ограниченному диапазону вопросов, связанных с условиями труда и жилищными условиями – вверх, элите. Партия Гражданской войны, военно-политическая боевая организация, сменилась организацией, лучше отвечающей целям нового правящего класса.

Заключение.

ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛИЗМ

От пламени богатой и многогранной политической жизни рабочего класса, ненадолго вспыхнувшего в Москве весной 1921 г., к 1923 г. остались лишь тлеющие угли, да и они в скором времени были окончательно затоптаны. Огонь полыхал недолго. Если Маркс и Энгельс предвидели, что социализм будет, в том числе, движением в направлении общественной власти, которая заменит собой политику, т.е. к отрицанию, преодолению государства¹, то в России во время Гражданской войны и после неё движение шло в основном в противоположную сторону. В направлении преодоления отчуждённого труда удалось сделать лишь маленькие неуверенные шаги, которые вскоре были отыграны назад. Движение в направлении снятия политики и государства не успело достичь того пункта, в котором рабочий класс занимается политикой через коллективное действие, как возрождённое государство дало ему обратный ход.

Под конец Гражданской войны рабочее движение было ослаблено, но оно всё ещё представляло собой намного больше, чем просто «пустую оболочку», о которой писал Исаак Дойчер. Предыдущая историография уже откорректировала этот однобокий взгляд на демографический упадок рабочего класса. Данная книга представила более детальную картину неоднородного политического характера этого движения. Оно охватывало не только большевиков, покинувших партию дис-

---

¹ Маркс и Энгельс писали: «Когда ... исчезнут классовые различия и всё производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер». *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // <http://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm/>. См. также дискуссию в: *Smith C., Karl Marx and the future of the human.* Maryland: Lexington Books, 2005, especially pp. 131–142.

сидентов и полулегальные группы меньшевиков, левых эсеров и анархистов, но и сильную беспартийную социалистическую тенденцию, включавшую элементы народничества, рабочизма и синдикализма, которую объединяло главным образом стремление к более тесному вовлечению рабочего класса во власть.

Волнения в начале 1921 г. были вызваны прежде всего отчаянием рабочих, их недовольством экономическими трудностями, в частности проблемами со снабжением. Но рабочие нащупывали политические решения проблем. Показателен лозунг «уравнивания продпайков». В каком-то смысле он, возможно, был наивным и нелогичным, поскольку понимание рабочими «равенства» исходило из классового критерия и ряда других условий. Но этот лозунг был достаточно убедителен, чтобы в критический момент, в середине января, РКП(б) сама взяла его на вооружение. Кроме того, важно, что он выражал тревогу по поводу появления привилегированной элиты в предположительно социалистическом обществе. Рабочее движение не ограничивалось вопросом распределения продовольствия. Призыв московских металлистов к отмене нормирования продовольствия, сделанный в начале февраля независимо от большевиков, был важным фактором, заставившим Ленина и его товарищей изменить свою точку зрения на данный вопрос. Если этот призыв и можно частично списать на влияние эсеров в среде металлистов, то следует помнить, что эсеры в борьбе за безоговорочную поддержку металлистов добились не больших успехов, чем большевики. Металлисты хотели восстановить торговлю в деревне без соответствующего роста благосостояния в городах, которое принёс НЭП.

Главной политической целью движения в начале 1921 г. было расширение советской демократии, в том числе свободная деятельность небольшевистских партий. Во время демонстраций и забастовок, достигших кульминации в Кронштадтском восстании, эти вопросы поднимались более решительно в Петрограде и Саратове, чем в Москве. В столице стремление рабочих к возрождению советской демократии проявлялось скорее на выборах в Советы, чем на улицах, — предполагая, во всяком случае, готовность работать вместе с большевиками над восстановлением хозяйства. Тем не менее, когда на крупных предприятиях беспартийные группы разгромили большевиков

на выборах, их предложения сотрудничать были с презрением отвергнуты. Относительная политическая умеренность московских рабочих, а также отсутствие общих политических требований и координации между разными промышленными центрами подчёркивают тот факт, что движение не было единым в стремлении свергнуть правительство. Да и большевики не были настолько парализованы, чтобы быть не в состоянии защитить свою власть. Таким образом, нет смысла подавать эти волнения как «революционную ситуацию». С другой стороны, движение ни в коем случае не было аполитичным, и стремление к более активному участию рабочего класса в процессе принятия решений оставалось в центре беспартийной социалистической политики всё время, пока её можно было открыто практиковать.

Если в каком-то смысле беспартийный социализм определялся тем, против чего он выступал, т.е. против монополизации политической власти большевиками, то, тем не менее, его адепты в доступном им узком политическом пространстве пытались артикулировать альтернативные взгляды на социализм. Эта тема требует дальнейшего исследования. Нужно сравнить московский опыт с опытом беспартийных социалистов в других промышленных центрах. Также непонятно, до какого момента беспартийный социализм устоял в сталинский период. Джеффри Россман показал, что на протяжении большей части десятилетия после развала организованных беспартийных групп в Москве беспартийные социалисты — смелые одиночки без организации, но с чётким видением того, что партия узурпировала политическую власть, по праву принадлежащую рабочему классу — играли заметную роль в сопротивлении в Ивановской губернии². Насколько типичным было это явление? Ответы на эти вопросы обогатят историографию политики российского рабочего класса, где долгое время доминируют исследователи, сосредотачивавшиеся на большевиках, меньшевиках, эсерах и анархистах, часто симпатизировавшие этим политическим традициям.

Авангардизм и этатизм большевиков не дал им увидеть творческий потенциал демократических рабочих органи-

---

² *Rossman J., Worker Resistance Under Stalin: class and revolution on the shop floor*, London: Harvard University Press, 2005, especially pp. 62–112.

заций, обусловил их нетерпимость к другим политическим силам рабочего класса и безжалостность в подавлении инакомыслия. Но они экспроприировали политическую власть у рабочего класса не просто при помощи репрессий. Центром их политической стратегии в период раннего НЭПа было соглашение, достигнутое ими с большинством рабочих, которые считали, что лучшее, на что можно надеяться в среднесрочной перспективе, — это повышение их уровня жизни и относительная стабильность при правлении большевиков. Сергей Яров утверждает, что после конфликта с большевиками в 1921 г. рабочие сделали вывод, что НЭП — наилучший из всех возможных вариантов дальнейшей экономической политики, и перешли «от массового политизированного взрыва к конформизму»³. Но дело не только в конформизме: согласно заключённому сторонами общественному договору, партия обещала — и обеспечила — постоянно растущий уровень жизни. Рабочие же обязались повышать производительность труда и передали партии право принимать решения по большим политическим вопросам, а сами ограничились критикой администрации на предприятии и другими локальными проблемами. Советские и профсоюзные органы, в рамках которых реализовалась политическая деятельность рабочих в 1917 г., были поставлены под жёсткий контроль партии. Специфическая форма мобилизационных кампаний, обкатанная в 1922 г. — публичная демонстрация поддержки правительства и презрения к его политическим врагам, — подменила собой и вытеснила всякую подлинную политическую активность рабочих. Тот факт, что большинство рабочих приняли эти условия, вряд ли свидетельствует об их энтузиазме и поддержке монополии большевиков на политическую власть. Цинизм и пассивность рабочих Бромлея, показанная в цитатах, приведённых в конце шестой главы — «в душе мы коммунисты, а по натуре политические лентяи», прекрасно осознающие, что «каждый день катимся всё далее и далее от октябрьских завоеваний» — выражала,

---

³ Яров С.В. Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. — СПб.: «Дмитрий Булагин», 1999. — С. 91.

по-видимому, настроения и многих других, пожимавших плечами и отказывавшихся подписываться на золотой заём или даже голосовать на выборах в Совет.

* * *

Обсуждаемые в этой книге события имеют отношение к дискуссии о становлении нового советского правящего класса и сталинской диктатуры, а также о том, какую роль сыграли большевистская идеология и обстоятельства, в которых действовали большевики. В историографии до сих пор доминировали две интерпретации. Первая, связываемая с «тоталитарной» школой, заключалась в том, что главным фактором была большевистская идеология, и корни сталинистской системы можно проследить вплоть до идей, разработанных большевистскими вождями в эмиграции перед Первой мировой войной. Второй, радикальный структуралистский подход, к которому прибегали левые историки, включая Исаака Дойчера и до некоторой степени Эдварда Карра, делает акцент на том, как революция попала в ловушку более масштабной исторической трагедии, из которой не было выхода, и это часто не оставляло большевикам особых альтернатив принятым ими шагам⁴. Настоящая книга является попыткой предложить третью интерпретацию: в то время как некоторые аспекты большевистской идеологии сыграли ключевую роль в ослаблении и подрыве революции, эта идеология и сама испытала сильнейшее влияние со стороны социальных изменений, над которыми она была не властна и на действие которых часто закрывала глаза.

Идеология и политика большевиков менялись по мере того, как революция продвигалась своей извилистой дорогой. В 1917 г. успехи революции радикализировали партию. После

---

⁴ Свежим пример «тоталитарной» школы: *Malia M.*, *The Soviet Tragedy: a history of socialism in Russia, 1917–1991*, New York: Maxwell Macmillan International, 1994, especially pp. 1–12, 21–108. См. также: *Deutscher I.*, *The Prophet Unarmed. Trotsky 1921–1929*, London, Oxford University Press, 1970, especially pp. 3–22, 126–131, 405–409, 459–468; *Carr E.H.*, *The Russian Revolution from Lenin to Stalin, 1917–1929*, Basingstoke: Palgrave, 1979, especially pp. 186–189.

свержения царизма в феврале большевики отбросили долго тянувшуюся дискуссию о том, какой тип буржуазного правительства неизбежно установится после падения монархии, и начали обсуждать возможность установления власти Советов. Под влиянием крестьянских бунтов, которыми сопровождалось взятие большевиками власти в октябре, они отошли от заветных принципов коллективизации земли и издали Декрет о земле, который обеспечил переход крестьян и значительной части эсеров на их сторону. Начиная с 1918 г., по мере отступления революции, изменения в большевистской идеологии и политике приняли обратное направление. Идеи ленинского «Государства и революции», написанного под влиянием всплеска активности Советов в 1917 г. и превозносившего участие народа в управлении страной, были оставлены. К 1921 г., когда Красная Армия вторглась в Грузию, чтобы низложить тамошних меньшевиков, принцип самоопределения малых наций, который в декабре 1917 г. был основанием для предоставления Финляндии независимости, был отложен в сторону. В годы, последовавшие за Гражданской войной, самые консервативные аспекты большевистской идеологии — авангардизм, авторитаризм и этатизм, пошатнувшийся в 1917 г., — усиливались по мере того, как революция отступала. Дальнейшие изменения в идеологии отражали оформлявшиеся иерархические общественные отношения и растущую власть партийной элиты. Организационная структура и личный состав партии тоже менялись. Военно-политическая авангардная организация 1920 г. стала к 1924 г. административным инструментом в руках новой элиты. Чтобы подытожить влияние отступления революции на внутрипартийную жизнь, можно взять три поворотных пункта: поражение в 1921 г. оппозиционных течений, которые подпитывались настроениями коммунистов Гражданской войны; изменение большевистской идеологии в 1921–1922 гг., сопровождавшее переход к мирному строительству; и консолидация партийной элитой контроля над организацией в 1923–1924 гг.

Первый из этих поворотных пунктов, поражение оппозиционеров, был победой централизации над федерализмом, партийной власти — над оживлением Советов и профсоюзов, и партийной элиты над теми, кто оспаривал её привилегии

и концентрацию политической власти. Это не значит, что у какой-либо оппозиционной группы была формула социалистического развития, которая гарантированно бы сработала там, где большевистское большинство провалилось. Но провал — а именно провал попыток пробудить коллективное творчество рабочего класса, которое было критически необходимо для дальнейшего продвижения революции, — стал тем более неотвратим после того, как оппозиционеры были разгромлены. Например, предложения децистов расширить совмещённую исполнительную и законодательную структуру государства и включить в неё местные Советы, принятые партийной конференцией и съездом Советов в декабре 1919 г., но вскоре нивелированные путём циничных махинаций партийного аппарата, наверняка укрепили бы рабочую организацию и демократию. Показательной была и нетерпимость партийного руководства по отношению к лояльным, по сути, оппозиционерам из низов — таким, как в Бауманском районе. Отношения аппарата с рабочим классом уже в 1921 г. были настолько антагонистичны, а атмосфера, установившаяся в партии после десятого съезда, настолько не благоприятствовала дискуссии, что коммунистов, всю жизнь находившихся в партии, таких как Владимира Демидова и Василия Панюшкина, третировали как врагов — практически так же, как беспартийных социалистов. Введение НЭПа и переход к мирному строительству, очевидно, создали политически жёсткие условия для некоторых коммунистов Гражданской войны, да и на растворение большинства из них в госаппарате тоже надо сделать скидку. Но поражение оппозиционных тенденций, которые поддерживали многие такие коммунисты, было, прежде всего, проявлением иерархического, авторитарного направления, в котором двигался большевизм.

Второй поворотный пункт — идеологический сдвиг 1921–1922 гг. — наступил, когда началось экономическое восстановление. Заявлялось, что от имени рабочих это восстановление будет курировать государство, а расширенное участие в принятии политических решений было отныне исключено. Обещания, сделанные большевистскими вождями во время Гражданской войны, о том, что такое участие можно попытаться воплотить снова после того, как закончатся

чрезвычайные обстоятельства, были забыты. Такой подход оправдывали тем, что рабочий класс является недостаточно пролетарским; тех, кто утверждал, что это государство как раз не может быть пролетарским, заставили замолчать. А по мере того как экономическое восстановление обеспечивало хозяйственной и партийной элите возможности накопления богатства, формальные барьеры, воздвигнутые партией на пути к этому богатству, были устранены, а устремления к равенству между коммунистами — отброшены.

Ленин и другие большевистские вожди всегда подчёркивали, что советское государство — «рабочее государство» или, по крайней мере, государство, представляющее пролетарские интересы и стремящееся к социализму. Они часто утверждали, что пролетарский характер государству гарантируют не его отношения с рабочим классом, которые, как они с готовностью признавали, в ряде моментов были антагонистическими, а наличие большевиков во главе государства. Какое влияние эта идеология оказывала на партию, видно из опыта группы «Рабочая правда», упомянутого в гл. 5. В своём манифесте от 1921 г. она утверждала, что в верхи российского общества поднялась «техническая организаторская интеллигенция», что она сольётся с элементами старой буржуазии и сформирует новый правящий класс и что большевистская партия становится политическим представителем этой группы. Авторы манифеста были типичными большевиками Гражданской войны, и их идеи вызывали глубокое сочувствие у товарищей, с которыми они разговаривали до того, как были сосланы в Сибирь. Но на официальных площадках партийные работники резко осуждали «Рабочую правду», хотя многие даже не имели возможности прочитать её документы. Рядовые большевики, по крайней мере в коммунистических университетах, были открыты для идеи, которой руководство объявило анафему, — что пролетарский характер государства может быть фантазией. Но большинство работников постоянно растущего партийно-государственного аппарата изо всех сил сопротивлялось тому, чтобы принять такой вывод. Баланс общественных сил в самой партии менялся, причём манифест «Рабочей правды» довольно точно зафиксировал этот процесс, — и это предопределило поражение и изоляцию их и других оппозиционеров.

Та же большевистская идеология, которая считала непролетарское государство «пролетарским», сам пролетариат считала «мелкобуржуазным». Это было предметом дискуссии Ленина с Александром Шляпниковым на XI съезде партии в марте 1922 г., о котором говорится в конце гл. 6. Во время Гражданской войны Ленин много раз заявлял, что рабочий класс «депролетаризируется». Но теперь он повторял это утверждение в то время, когда экономика восстанавливалась, а рабочие возвращались на заводы. Ленин делал логическое заключение, что самим рабочим нельзя политически доверять, и партия должна руководить от их имени. Ответ Шляпникова, что от таких аргументов выиграют «другие общественные силы», оказался пророческим. Эти силы оказались компонентами будущего советского правящего класса.

Ещё одним показателем идеологического сдвига было примирение партии с неравенством в собственных рядах, о котором говорится в гл. 7. В выигрыше оказалась, опять-таки, прослойка, образовавшаяся у верхушки советского общества. IX партконференция в сентябре 1920 г. назвала такое неравенство недопустимым и учредила комиссию для расследования существующих в Кремле привилегий. Но менее чем два года спустя, в августе 1922 г., XII партконференция приняла резолюцию Молотова, формализовавшую значительные материальные преимущества для «ответственных работников». А ещё годом позже партийцы, занятые в управлении промышленностью, накапливали значительные богатства наряду со своими беспартийными коллегами. Но протесты против разрушения внутрипартийной солидарности, столь шумные в 1920 г., в 1922 г. слышались только от незначительного меньшинства, представленного Владимиром Петржеком, рабочим автозавода АМО, для которого было «тяжело отсутствие солидарности и равенства среди самих членов партии».

Идеологические сдвиги сопровождались организационными переменами. На месте расшатанного командного центра, которым обходились во время Гражданской войны, вырос большой аппарат, укомплектованный представителями отдельной группы «ответственных работников» и централизованный секретариатом ЦК. После X партсъезда на уровне губерний, районов и ячеек были введены ограничения на

дискуссии. Выкристаллизовалась искусно разработанная система администрирования и распределения кадров. Следом за восстановлением в 1921—1922 гг. работы ячеек, многие из которых практически развалились, в каждой из них было создано бюро, часто в нём доминировали освобождённые работники; оно действовало скорее как координационный центр для выполнения указаний государства и администрации, чем как политическая организация.

Третьим поворотным пунктом было сосредоточение контроля над партией в руках партийной элиты в 1923—1924 гг. На протяжении первых двух лет оживления промышленности эта элита концентрировала в своих руках рычаги управления государством и экономикой. Теперь она стремилась превратить партию в более эффективный механизм администрирования и контроля, для чего требовалось избавиться от многих функций политической организации, которые у неё ещё оставались. Такие практики, как «назначенство», использовались, чтобы лишить нижестоящие организации остающихся у них возможностей принимать политические решения и превратить их в механизм безоговорочного выполнения директив сверху. Левая оппозиция конца 1923 г. объединилась, прежде всего, в ответ на эти изменения. Это была пёстрая коалиция групп интересов — децисты; люди, озабоченные стремительной эрозией партийной демократии; промышленные управленцы, недовольные принимаемыми в области экономики решениями; и другие, у которых было между собой мало общего, кроме убеждения, что правящий «триумvirат» (Сталин, Зиновьев и Каменев) действует неправильно. Методы, принятые партийным руководством для урегулирования дискуссии 1923 г., показали, как далеко оно продвинулось с 1921 г. Оно мобилизовало партийный аппарат, прессу и подразделения ГПУ на кампанию клеветы, ложных обвинений и фальсификации выборов, беспрецедентную по размаху и продуманности. Рабочие, попавшие в партию во время массового набора 1924—1925 гг., таким образом, вступили в организацию, авторитарная и иерархическая природа которой была уже надёжно установлена. У ячеек, в которые они вступали, оставалась единственная функция — выполнять принятые наверху решения.

Поразительно, что сторонники как руководства, так и оппозиции в 1923 г. говорили о «бюрократической деформации» партии, о чрезмерных привилегиях, но не признавали, что партия, защищая эксплуататорские общественные отношения, может сама подтолкнуть революцию в обратном направлении. Опасность того, что партия станет осью, вокруг которой образуется новая правящая формация на основе отчуждённого труда и иерархических общественных отношений, была очевидна для группы «Рабочая правда» и других изолированных оппозиционеров, но недопустима в большевистском дискурсе. Тем не менее вокруг партийной элиты уже собирались элементы, которые вскоре образуют новый советский правящий класс. Задним умом несложно отследить антагонистические отношения между рабочими и этими разнообразными социальными группами, такими как промышленные управленцы и партийные работники нижнего звена, а также то, как партийный аппарат начал работать против интересов рабочих. Процесс формирования правящего класса займёт ещё много лет, пока сталинская диктатура не обеспечит господство в Советском Союзе чётко определённой социальной группы. Но уже в середине 1920-х, когда такой класс ещё не оформился, развивались эксплуататорские отношения, характеризующие его правление.

Вопрос, который большевики так упорно исключали из своих дискуссий — есть ли вообще хоть какой-то смысл называть их государство «рабочим», — социалистическая теория должна рассмотреть заново. Было продемонстрировано, что это государство руководило процессом восстановления отчуждённого труда и иерархических общественных отношений. Оно исполняло эту функцию в отсутствие правящего класса, а потом сыграло центральную роль в процессе появления этого класса на свет — класса, основой правления которого было не владение частной собственностью, а «владение» государством. Это государство было враждебно к тем силам, которые могли бы наиболее эффективно сопротивляться отступлению революции, т.е. к рабочему классу. В определённом смысле оно действовало — таки в интересах рабочих: в 1920-х гг. оно гарантировало им повышение уровня жизни, доступ к образованию, здравоохранению и другим матери-

альным благам. Но за это пришлось заплатить определённую цену. Коллективное политическое творчество рабочих было подавлено. А когда в конце 1920-х новому правящему классу потребовалось повысить уровень эксплуатации, многие из этих благ были отняты. Тем временем концепция «рабочего государства» в социалистической мысли зажила собственной жизнью. Непримируемое противоречие между социализмом и государством, находившееся в центре рассуждений Маркса, она отодвинула на третий план. Советский путь, со всеми его изъянами, она возвела в ранг образца для подражания и очень часто принимала форму оправдания действий Советского государства.

* * *

Могло ли быть иначе? На протяжении всей книги доказывается, что в 1921 г. у большевиков расширилось поле для манёвра. Они решили фундаментальным образом изменить свою экономическую политику, но не политические методы. Они решили усиливать партию-государство, вместо того чтоб оживлять советскую демократию, не в силу своего стремления к власти, а в силу идеологически мотивированных соображений. Они считали, что их авангардная партия сможет управлять «рабочим государством» так, как не смогут сами рабочие. Что было бы, если б большевистские вожди поддержали широкую советскую демократию, как того хотели беспартийные? Что было бы, если б они легализовали другие социалистические партии, как предлагал Илья Вардин? Что было бы, если б они приняли предложения децистов об оживлении советской демократии? В долгосрочной перспективе вряд ли бы всё это сильно изменило курс российской истории. Сворачивание социалистических аспектов революции и приход сталинизма были обусловлены многими сильными факторами, над которыми большевики не были властны: неспособностью рабочих движений в конце Первой мировой войны привести к революционным изменениям где-либо, кроме России; экономическими условиями в России, не благоприятствовавшими социалистическим экспериментам; и экономическими императивами, толкавшими Россию на путь индустриализации. Принципиально иных

результатов можно было бы достичь лишь в том случае, если бы отличались и другие причинные факторы. Но, возможно, принятие других решений в 1921 г. открыло бы возможности для других типов сопротивления процессу возобновления эксплуататорских классовых отношений и установлению диктатуры.

Но действия большевиков повлияли не только на советскую историю. Не менее важно было их воздействие на политическое развитие международного рабочего движения. Из Москвы распространялись авторитарные, авангардистские и этатистские взгляды и предпосылки — не только напрямую через Коминтерн и коммунистические партии, которые на протяжении десятилетий оказывали влияние на радикальную рабочую борьбу, но и многими косвенными путями. Коммунистические партии могли не слушаться указаний из Москвы, но большевистские идеологемы, влияние которых простиралось далеко за пределы партийных низов, затеняли, блокировали и отклоняли в сторону попытки развить социалистические идеи и стратегии для рабочих движений. Большевистская идеология наносила сокрушительный удар своими ассоциациями с первой успешной пролетарской революцией: великая тень 1917 г., нависавшая над XX в. так же, как над XIX в. нависала тень 1789 г., придавала силу этим идеологемам. Социализм пострадал не только от решений, принятых большевиками, но и от их настойчивых утверждений, что эти решения были продолжением революции, а также от того сильнеешего влияния, которое их идеология оказывала на дальнейшие социально-освободительные движения.

Дилеммы, которые перед социалистами поставила Русская революция, уже тогда были предметом дискуссии. В 1920 г., до того, как произошло большинство описанных в этой книге событий, Виктор Серж, имея в виду оправлявшуюся после Гражданской войны Советскую республику, писал: «Безжалостная логика истории до сих пор, похоже, оставляла очень мало пространства либертарному духу революций. Дело в том, что человеческая свобода, будучи продуктом культуры и растущей сознательности, не может быть установлена насильно; [но всё же] именно революция необходима для того, чтобы оружием добыть у старого мира ... возможность движения ... к

естественному порядку, к свободной ассоциации свободных рабочих, к анархии. Тем важнее сохранить в ходе всех этих сражений *либертарный дух*⁵.

Серж утверждал, что задача «либертарных коммунистов» в том, чтобы «напоминать своей критикой и своими действиями, что любой ценой нужно не допустить кристаллизации рабочего государства». Вредное наследие решений, принятых большевиками в 1920–1923 гг., заключалось в том, что в России публичная постановка таких вопросов практически полностью прекратилась, а кристаллизованное «рабочее государство» стало обременительным предрассудком для рабочего движения.

---

⁵ *Serge V.*, 'The Anarchists and the Experience of the Russian Revolution', in *Revolution in Danger: Writings from Russia 1919–20*, London: Redwords, 1997, pp. 81–120.

Приложение 1.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Ангарский, Николай Семёнович (Клестов). «Старый большевик», оппозиционер из группы Игнатова

1873–1941. Политическую деятельность начал народником, будучи ещё учащимся. За распространение листовок был исключён из гимназии. Впервые арестован по доносу в 1897 г. В 1901 г. вступил в радикальную группу, в которой доминировали марксисты, годом позже уехал за границу и вступил в парижскую группу «Искры». Неоднократно подвергался арестам и высылкам. В 1905 г. участвовал в революционной деятельности в Харькове. В 1906–1907 гг. организовал в Москве издание «Капитала» в переводе Базарова и Степанова. В 1917 г. состоял в рядах руководства большевистской партии в Москве, в октябре вошел в состав военно-революционного комитета в Хамовническом районе. В 1918 г., выступив против создания в деревне комитетов бедноты, ненадолго был исключён из партии. В 1917–1929 гг. входил в исполнительный комитет Моссовета; в период после Гражданской войны был «прикреплён» к ячейке завода «Каучук». В 1920 г. присоединился к группе Игнатова; был единственным интеллектуалом из разряда «старых большевиков», активно участвовавшим в оппозиционной деятельности. С 1919 г. издавал журнал «Творчество», с 1922 г. редактор литературных сборников «Недра». Литературно-критическое наследие Ангарского включает в себя книги о Михайловском, Чехове и Чернышевском. В 1922 г. был отправлен на год в «почётную ссылку» — в советское посольство в Берлине, позже работал в Мосвнешторге. В 1923 г. занял сторону руководства партии против оппозиции. В 1940 г. арестован и осуждён по целому списку сенсационных обвинений — например, в том, что с 1898 г. он являлся провокатором охраны. В июле 1941 г. казнён, незадолго до этого написал Сталину письмо, в котором настаивал на своей невинности и просил отменить приговор.

Берзина, Мария Карловна. Партийная работница районного масштаба, участница Бауманской оппозиции

В 1907 г. вступила в большевистскую партию. До и после 1917 г. работала учительницей. В 1920 г. — партийная работница в Хамовническом, позже в Бауманском районе. Там стала лидером оппозиции. В 1921 г. переведена на работу в другом районе. В 1923 г. работала секретарём ячейки в Мастязжарте, вошла в «Рабочую группу». Смещение её и Демидова вызвало протесты рабочих. В сентябре 1923 г., будучи арестована и сослана, вела переписку с Николаем Ежовым — её личным другом, работавшим тогда в одном из райкомов Петрограда.

Богуславский, Михаил Соломонович. Партийный работник губернского масштаба, децист

1886—1937. Наборщик по профессии. В 1905 г. вступил в Еврейскую социалистическую партию. В 1917 г. работал над организацией Кременчугского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. В 1918—1919 гг. возглавлял городской совет и горком партии в Воронеже; позже работал в недолговечном советском правительстве Украины — ВУЦИК. В 1920 г. некоторое время возглавлял Главное политическое управление железнодорожного транспорта (Главполитпуть); переведен в Москву, вошёл в ВЦСПС и был избран председателем Красного союза печатников, созданного для того, чтобы ослабить контроль меньшевиков над Союзом печатников. Присоединился к децистам и подписал их платформу на X партсъезде. В 1922—1924 гг. — заместитель председателя Моссовета. С 1924 г. — председатель Малого Совнаркома, исполнительного подкомитета СНК РСФСР. В 1925—1927 гг. поддерживал объединённую оппозицию; исключён из партии. В 1928 г. — глава Сибирской краевой плановой комиссии. В 1930 г. вместе с Преображенским покинул оппозицию и вернулся в Москву. В 1936 г. арестован, 1 февраля 1937 г. расстрелян.

Гаврилин, Николай Алексеевич. Руководитель партийной ячейки на автозаводе АМО

1886—1951. Родился в деревне Шарапово в Московской губернии. В 12 лет отправился работать в Москву; получил профессию столяра. Вступил в большевистскую партию перед революцией. В 1917 г. вместе с Семёном Смирновым возглавлял

заводской комитет, взявший в свои руки управление АМО. В 1919 г. возглавил делегацию рабочих АМО, участвовавших в обороне Петрограда от войск Юденича. В 1921 г. участвовал в подавлении Кронштадтского восстания; избран в бюро партийной ячейки АМО. Возглавлял список большевистских кандидатов, проигравших беспартийным на выборах в августе 1921 г. В 1922 г. помог организовать поражение беспартийных на очередных выборах. В декабре 1923 г. голосованием исключён из списка кандидатов в члены заводского комитета и лишился своих должностей на заводе. В конце 1930-х подвергся репрессиям, был сослан в Тамбов, потом в Белорецк, а позже — в Серов.

Данишевский, Карл Христианович. «Старый большевик», коммунист-промышленник

1884—1938. В 1900 г. вступил в Латышскую социал-демократическую рабочую партию; с 1906 г. представлял её в ЦК РСДРП. Профессиональный революционер; подвергался тюремному заключению и ссылке. В 1917 г. — член Московского комитета партии. В 1918—1919 гг. — член Реввоенсовета Республики. В 1921 г. поддержал Смилгу на X партсъезде. В 1921 г. — секретарь Сибирского бюро ЦК РКП(б); позже перешёл на управленческие должности в экономике, стал начальником центрального управления лесной промышленностью. В октябре 1921 г. исключён из партии Хамовнической комиссией по чистке по обвинениям, связанным с коррупцией; снова принят в партию при неясных обстоятельствах. В 1922 г. вошёл в главный лесной комитет, назначен председателем правления треста «Северолес». В дальнейшем снова имел проблемы с контрольными комиссиями: в 1922 г. в Бауманском районе из-за «халатного отношения» к партийным заданиям и в 1924 г. в ЦКК из-за злоупотребления ресурсами. В 1923 г. подписал Платформу 46-и. В 1927 г. стал председателем правления Банка внешней торговли. В 1930-х гг. — член ВЦИК и ЦИК СССР ряда созывов. В 1938 г. арестован и расстрелян.

Демидов, Владимир Потапович. Работник ячейки Мастяжарта, представитель Бауманской оппозиции

1884—1937. В 1907 г. вступил в большевистскую партию. В 1916 г. вместе с Никитой Туляковым вёл политическую работу

среди солдат-рабочих артиллерийских мастерских в Брест-Литовске. В 1917 г. вместе с ними вернулся на Мастяжарт в Бауманский район Москвы. Во время октябрьского захвата власти в Москве работал в военревкоме Лефортовского подрайона в Бауманском районе, возглавил красную гвардию, сформированную в мастерских, и организовал артобстрел зданий, занимаемых контрреволюционерами. Во время Гражданской войны командовал дивизией на Восточном фронте. В 1920 г., вернувшись на Мастяжарт, стал лидером Бауманской оппозиционной группы и председательствовал на «конспиративном» собрании, где обсуждались планы захвата контроля над райкомом. В 1922 г. дважды вызывался на заседание Московской контрольной комиссии, чтобы отвечать на обвинения в дискриминации партработников-интеллигентов, переведённых в район из других мест. В мае 1923 г. исключён из партии; вступил в «Рабочую группу». В сентябре 1923 г. арестован и сослан на Соловки; позже подписал «признание ошибок» и был восстановлен в партии. В 1935 г. был арестован и судим вместе с другими бывшими сторонниками РО; казнён.

Енукидзе, Трифон Теймуразович. «Старый большевик», коммунист-промышленник

1877—1937. Родился в грузинской крестьянской семье. Вероятно, брат или близкий родственник Авеля Енукидзе, члена ЦК. Друг Сталина и Сергея Аллилуева, отца жены Сталина. По профессии металлист; работал на заводе «Сименс» и других машиностроительных предприятиях. В 1899 г. вступил в тифлисскую организацию социал-демократов. Занимался партийной работой в Тифлисе, Баку, Москве, Петербурге и Выборге; неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению и ссылкам. С 1917 г. — управляющий типографией ЦИК. С 1919 г. — директор Гознака, где имел многочисленные конфликты с партийной ячейкой и рабочими организациями. В 1921 г. исключён из партии Хамовнической районной комиссией по чистке за антирабочее поведение, но позже каким-то образом восстановлен. В 1927 г. по постановлению ЦКК получил выговор «за неслаженные взаимоотношения с рабочими организациями».

Зеленский, Исаак Абрамович. «Старый большевик», работник МК РКП(б)

1890–1937. Родился в Саратове, в семье еврея-портного. Окончил начальное училище; начал трудовую деятельность в шляпной мастерской. В 1906 г. вступил в большевистскую партию; работал в революционном подполье; в общей сложности провёл в тюрьмах 8 лет. В январе 1917 г. бежал из ссылки в Иркутске, добрался до Москвы. В 1917 г. — член президиума Моссовета. В 1918–1920 гг. — председатель Московского отдела Наркомпрода, член Коллегии Наркомпрода; непродолжительное время был секретарём МК и членом ЦК партии. В 1920 г. работал снабженцем в Сибири. С апреля 1921 г. до конца 1924 г. — секретарь МК партии, член президиума Моссовета. В марте 1921 г. — кандидат в члены ЦК. В 1922 г. стал полноправным членом ЦК. С 1924 г. — секретарь Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б). С 1934 г. — председатель правления Центросоюза. В 1936 г. арестован. В 1938 г. расстрелян.

Игнатов, Ефим Никитович. Парработник губернского и районного уровней, оппозиционер

1890–1938. В 1912 г. вступил в большевистскую партию. В 1917 г. — член исполкома и президиума Моссовета. В январе 1919 г. добился поддержки большинства делегатов Московской городской партконференции по резолюции, призывавшей демократизировать конституцию 1918 г. (ликвидировать Совнарком, передать его функции президиуму ВЦИК, подотчётному съезду Советов). В 1919 г. завоевал политический контроль над партийной организацией Городского района. В сентябре 1920 г. на IX партконференции вместе с Ухановым и Мурановым избран членом комиссии по расследованию коррупции и привилегий в Кремле. В 1920–1921 гг. организовал «группу активных работников районов города Москвы», которая представила на X съезде свои документы по вопросам «партийного строительства» и дискуссии о профсоюзах, а также координировала действия оппозиции, почти завоевавшей большинство на Московской губпартконференции. В середине 1921 г. прекратил оппозиционную деятельность и был выслан в Витебск; был председателем Витебского губисполкома; писал книги и статьи об истории Советов. С 1929 г. — директор

Высших курсов советского строительства при ВЦИК. В 1938 г. арестован и расстрелян.

Камышев, Пётр Дементьевич. Лидер эсеров-максималистов, руководитель профсоюза пекарей

1879–19?. В 1905 г. участвовал в восстании на броненосце «Потёмкин»; организовывал всеобщую забастовку московских пекарей. В 1907 г. вступил в группу эсеров-максималистов; в 1917 г. принял активное участие в свержении Временного правительства; в 1918 г. принимал участие в роспуске Учредительного собрания. С 1919 г. — член Центрального совета Союза эсеров-максималистов; сохранял членство в этой группе до 1924 г. В 1917–1921 гг. — депутат Моссовета. В 1917–1919 гг. — инструктор-организатор в Союзе московских пекарей; в 1919–1921 гг. — председатель Союза московских пекарей, член правления Союза пищевиков. В 1920 г. был арестован вместе с тремя другими лидерами Союза пекарей. С 1924 г. работал на управленческих должностях в пищевой промышленности. В 1924, 1926 и 1927 гг. арестовывался по обвинениям в антисоветской деятельности.

Кузнецов. Беспартийный на автозаводе АМО

1892/93–19?. Родился в семье московских рабочих; трудовую деятельность начал в 12-летнем возрасте на электромеханическом заводе, где действовала сильная эсеровская организация. В 1905 г. участвовал в вооружённом восстании в Москве — «больше из озорства, чем из убеждений. Я был мальчиком», — вспоминал он позже. Разгром пресненских рабочих царскими солдатами произвёл на него неизгладимое впечатление. Попал под влияние большевиков, в частности Ивана Смирнова, с которым подружился. В 1908 г. вступил в большевистскую партию, но во время недолгого тюремного заключения встретил членов партии эсеров и присоединился к их террористической кампании. В 1909 г., будучи ранен во время теракта, снова попал в тюрьму. В 1910 г. переехал в Петербург; работал на заводах Путилова, Лесснера и Сименса, занимался нелегальной профсоюзной деятельностью; был арестован и отправлен в ссылку. В 1914 г. вернулся в Москву и «сколотил эсеровскую группу в 25–30 чел.». В 1916 г. поступил

на только что открывшийся завод АМО; стал инициатором подпольного альянса эсеров и большевиков; обе партии стремительно набирали новых членов. «В отношении войны с самого начала я был против», — вспоминал Кузнецов; вместе с большевиками на АМО он пытался организовывать антивоенные политические стачки. В 1920-х гг. работал в сборочном цеху. В 1920–1921 гг. участвовал в группе беспартийных. В 1932 г. — заместитель главы школы фабрично-заводского ученичества при АМО.

Куранова, Екатерина Яковлевна. Парработник районного уровня, член Бауманской оппозиции

1890–1980. В 1901 г. начала трудовую деятельность в 11-летнем возрасте на тарном заводе в Ростове-на-Дону. В 1906 г. вступила в партию большевиков; в 1908 г. была отправлена в ссылку на год. В октябре 1917 г. являлась членом санитарной дружины революционного комитета на Дону. В 1918–1920 гг. — организатор женотдела в Лефортовском подрайоне Бауманского района Москвы. В 1920–1921 гг. — член правления Бауманского райкома партии во время доминирования там оппозиции, а также работник исполкома Моссовета. В январе 1921 г. подписала программу Игнатова. В 1922–1925 гг. училась на рабфаке при Бауманском межевом институте. С 1925 г. работала на административных должностях. С 1934 г. — председатель Краснохолмского райсовета в Калининской (Тверской) области. В 1937–1946 гг. работала в Сельскохозяйственном банке СССР до выхода на пенсию.

Ласс-Козлова, Полина Ивановна. Лидер группы «Рабочая правда»

1894–19??. Родилась в латышской крестьянской семье. В 1906–1909 гг. — работница у фермеров в Латвии; в 1911–1913 гг. — работница завода в Риге. В 1913 г. переехала в Харьков, получила профессию токаря, вступила в большевистскую партию. Во время Гражданской войны — пропагандист Красной гвардии и Красной армии в Воронеже, на юго-западном фронте. В 1921 г. поступила на рабфак Московского высшего технического училища и была переведена в Бауманский район. В 1922–1924 гг. — лидер группы «Рабочая правда», после

ареста была исключена из партии и выслана на три года. В 1927 г. вновь принята в партию; работала в аппарате ЦИК. В 1928—1932 гг. училась в Московском авиационном институте; в 1932—1935 гг. работала на заводе №24 им. Фрунзе старшим мастером, инженером цеха, старшим инженером.

Лемберг, Ганс. Работник райкома и ячейки партии

1895—19?. Родился в семье эстонских батраков. Отец-пьяница умер, когда Гансу было 2 года; мать умерла, когда ему исполнилось 7 лет, воспитывала его тётка. В 1906 г. вместе с братом и дядей переехал в Петербург; начал работать на телефонном заводе Эриксона и поступил в эстонскую школу. В 1912 г. вступил в большевистскую партию. В автобиографических записках он говорил, что стать революционером его побудила тяга к путешествиям и приключениям. В 1915 г. призван в армию. В 1917 г., будучи расквартирован в Одессе, бежал в Грузию, где вышел на связь с большевиками. В 1920 г. работал в подпольной большевистской военной организации против меньшевистского правительства Грузии. В 1921 г. перебрался в Москву, где был направлен в Бауманский район; возглавлял Бауманскую комиссию по чистке. В 1923—1924 гг. был «прикреплён» к ячейке на заводе «Икар» (бывший «Гном и Рон»), являвшейся оплотом инакомыслия. Гордился своей антиопозиционной деятельностью, хвастался тем, что смог усмирить рабочих «Икара». В 1925 г. был назначен секретарём Спортинтерна. В 1926 г. отправился добровольцем на партийную работу в Маньчжурию. В 1930 г. вернулся в Москву на учёбу.

Лысенков, Афанасий Никитич. Беспартийный на автозаводе АМО

По профессии строгальщик. В 1918 г. через биржу труда был направлен на АМО и начал работать в приборном цеху. Во время Гражданской войны Лысенков отправил свою жену с детьми жить к её семье в Псков, а сам остался присматривать за своей престарелой матерью. В 1920—1921 гг. был активным членом беспартийной группы на АМО, которая, по его воспоминаниям, решила не подрывать дисциплину на заводе и выражать позицию беспартийных рабочих так, «чтобы работа завода не останавливалась, чтобы рабочие не могли сказать,

что беспартийная масса идёт вразрез с политикой правительства». В августе 1921 г. баллотировался в райком Союза металлистов по списку, победившему список большевиков. Позже из цеха перешёл в комиссию по тарифообразованию, где проработал год; после чего вернулся к работе по специальности, на которой трудился до 1948 г.

Мельничанский, Григорий Натанович. «Старый большевик», работник райкома партии

1886—1937. Родился в г. Бобринце Херсонской губернии в мещанской семье. В 1902 г. вступил в РСДРП; присоединился к большевистской фракции и вёл подпольную партийную работу. Был арестован и бежал, эмигрировал; с 1910 г. — член Американской социалистической партии. В 1917 г. вернулся в Россию вместе с Троцким. В июле—декабре 1917 г. состоял в Московском союзе металлистов, позже стал секретарём союза. В октябре 1917 г. — член Московского военно-революционного комитета от профсоюзов. В 1918—1924 гг. — председатель МГСПС и член президиума ВЦСПС; кроме того, член бюро МК, президиума Моссовета и ВЦИК. В 1925—1930 гг. — кандидат в члены ЦК; в 1929—1931 гг. — член президиума ВСНХ; в 1931—1934 гг. — член президиума Госплана; в 1934—1936 гг. — председатель Комитета по изобретательству при Совете труда и обороны. В 1937 г. арестован и расстрелян.

Михайлов, Сергей. Беспартийный, председатель заводского комитета на «Богатыре»

Металлист на заводе резиновых изделий «Богатырь». В 1917—1918 гг. — член завкома, находившегося под контролем меньшевиков. В 1919 г. временно лишился должности. В 1920 г. вернулся, на этот раз в качестве председателя завкома (до июня 1921 г.) и депутата Моссовета (до ноября 1921 г.). Михайлов был последовательным беспартийным на предприятии, рабочие которого были разделены по политическому признаку: он пользовался уважением большевиков, благодаря чему однажды был избран вести переговоры с ЧК об освобождении арестованных рабочих. В апреле 1921 г. избран полномочным представителем фракции беспартийных в Моссовете. Во время большевистского наступления на беспартийных в «Правде»

публиковались цветистые, но бессодержательные филиппики против Михайлова: о его подозрительном материальном благополучии (упоминались законная продажа небольшого количества овса и покупка мотоцикла) и о том, что он якобы меньшевик (это было неправдой). После этого его имя из архивов исчезает.

Мюрат (Лежава-Мюрат), Валериан Исаакович. Коммунист, директор завода

1881–1938. Родился в Диди-Джиханси, Грузия. Получил домашнее образование. Мюрат утверждал, что является членом РСДРП с 1902 г.; считался одним «из военных коммунистов» — именно в таком качестве его воспринимали во время его работы в резиновой промышленности (1921–1923 гг.) — на должности управляющего заводом «Богатырь» и с 1922 г., главы Резинотреста. В 1923 г. назначен в комиссию ВСНХ по вопросу условий жизни рабочих и в правление Госбанка; во время «кризиса партии» 1923 г. был смещён со всех должностей. В январе 1924 г., когда вокруг его членства в партии разгорелся скандал, ЦКК обнародовала документ, в котором вообще отрицала, что он являлся членом партии: утверждалось, что он трижды подавал свою кандидатуру, но её отклоняли (архивные свидетельства на эту тему неоднозначны.) В Москве циркулировали недоказанные слухи о том, что до 1917 г. Мюрат был провокатором охранки на Северном Урале; их опубликовала меньшевистская пресса. Возможно, Мюрат был родственником А. М. Лежавы (1870–1937), председателя Госплана в конце 1920-х. В 1920-х и 1930-х он работал в Москве, последняя должность — старший инспектор при начальнике Главсевморпути. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

Панюшкин, Василий Лукич. Коммунист, вождь Рабоче-крестьянской социалистической партии

1888–1960. Родился в бедной крестьянской семье в с. Кочеты Тульской губернии; получил начальное образование и был обучен отцом профессии металлиста. Поступил матросом на Балтийский флот. В 1907 г. вступил в большевистскую партию. В 1917 г. — участник революции в Петрограде. Был одним из «большевистских головорезов», убивших, по словам

мемуариста-меньшевика, семерых студентов, среди вещей которых были найдены царские эполеты. В 1918 г. — член Коллегии ВЧК, чрезвычайный военный комиссар в Тульской губернии по борьбе с контрреволюцией на восточном фронте, затем — чрезвычайный военный комиссар Поволжья и Урала по борьбе с контрреволюцией. В 1919—1920 гг. работал в Москве ответственным организатором и инструктором в аппарате ЦК, в 1920 г. стал одним из лидеров Бауманской оппозиции. В 1921 г. вышел из РКП(б) и создал Рабоче-крестьянскую социалистическую партию. В июне 1921 г. арестован, приговорён Коллегией МЧК к двум годам принудительных работ. В декабре 1921 г. освобождён и, после личной встречи с Лениным, восстановлен в партии. С 1922 г. работал в ВСНХ; в 1925—1926 гг. — в Орловском губкоме партии; в 1927—1930 гг. — в советском торгпредстве в Германии. В 1931—1933 гг. — директор Промсвязи; в 1933—1937 гг. работал в руководстве разных колхозов.

Самсонов, Тимофей Петрович. Анархист, ставший чекистом 1885—1956. Родился в Бессарабии, в семье батрака. Получил начальное образование. В 1904—1919 гг. — член анархо-коммунистической партии. В 1906—1907 гг. возглавлял крестьянский отряд, который устраивал экспроприации и налёты на поместья и распространял анархическую литературу на западе Украины. В 1907 г. арестован. В 1914 г. бежал из ссылки в Сибири на Дальний Восток, оттуда — в Англию. В 1915—1917 гг. работал докером в Ливерпуле. В марте 1917 г. арестован за антивоенную речь и депортирован в Россию. В октябре 1917 г. — член Челябинского совета. В 1918 г. направлен в органы военной контрразведки, был следователем и инструктором военного контроля 3-й армии Восточного фронта, а затем начальником особого отдела этой армии. В 1919 г. вступил в РКП(б). С мая 1919 г. — начальник особого отдела и член Коллегии МЧК. С сентября 1920 г. — глава секретного отдела МЧК. В апреле 1921 г. участвовал в организации печально известного избиения политзаключённых Бутырки. В 1922 г. от имени ЧК участвовал в организации кампаний по изъятию церковных ценностей и по суду над эсерами. В 1923 г. назначен на руководящую должность на Белорусско-Балтийской железной дороге. В 1924—1939 гг.

работал на руководящих постах в партии, ВСНХ, Коминтерне и кинематографической промышленности.

Смирнов, Семён Потапович. Лидер комячейки на автозаводе АМО

1878—1958. Родился в бедной крестьянской семье в Калужской губернии. Учился в начальной школе, позже занимался самообразованием. В 11-летнем возрасте начал трудовую деятельность, получил профессию столяра. В 1901 г. поступил на Мытищинский машиностроительный завод; за участие в забастовках был уволен сначала оттуда, потом с вагонного завода в Твери и из железнодорожных мастерских в Великих Луках. В 1905 г. вступил в РСДРП; был арестован и выслан. В 1916 г. поступил на АМО, организовал там первую большевистскую группу. В 1917 г. вместе с Гаврилиным возглавлял заводской комитет, который взял в свои руки предприятие. В 1917—1921 гг. — член завкома. В 1919 г. вместе с С.И. Моисеевым организовал батальон рабочих-добровольцев Рогожско-Симоновского района; участвовал в обороне Петрограда от войск Юденича. В 1921 г. поддержал оппозицию Игнатова, подписался под их программой. В мае 1921 г. назначен заместителем директора АМО, несмотря на оппозицию со стороны рабочих и обвинения в коррупции. В январе 1922 г. избран в Рогожско-Симоновский райсовет по большевистскому списку, одержавшему победу над беспартийными. В 1922 г. вернулся на работу в столярном цеху. В 1922—1938 гг. работал на разных профсоюзных и хозяйственных руководящих должностях вне АМО. В 1946 г. ушёл на пенсию по состоянию здоровья.

Тарасов, Георгий Фёдорович. Коммунист, лидер союза металлистов, член Рабочей оппозиции

1884—1938. Родился в деревне Подзолowo Московской губернии; получил начальное образование. В 1904 г. вступил в большевистскую партию. В 1917 г. — член заводского комитета на «Динамо». В 1918 г. избран в состав правления завода «Динамо». В 1920—1921 гг. — председатель Московского союза металлистов. В 1920—1922 гг. поддерживал РО. В 1922 г. принимал участие в попытках перегруппировать оппозицию. В сентябре 1922 г. вместе с тремя другими рабочими предстал перед Московской

контрольной комиссией партии после попойки в штаб-квартире Московского союза металлистов в рабочее время, результатом которой стала смерть одного рабочего от алкогольного отравления; чудом избежал исключения из партии «ввиду его заслуг перед революцией и перед РКП», но на два года был отстранён от ответственных постов. В 1930-х гг. — заместитель главы Совета кооперации инвалидов. В 1938 г. арестован и расстрелян.

Туляков, Никита Сергеевич. Работник губкома РКП(б)

1887—1973. Родился в г. Чертановка Симбирской губернии в бедной крестьянской семье. В школу не ходил; начал трудовую деятельность в 9-летнем возрасте батраком. В 1908—1914 гг. работал столяром. В 1914 г. призван в армию. В 1915 г. с фронта отправлен в Мастерские тяжёлой артиллерии в Москву. В марте 1917 г. вступил в большевистскую партию; был председателем завкома Мастязжарта и делегатом конференции военных организаций. В 1917—1925 гг. представлял Мастязжарт в Моссовете, неоднократно избирался в исполком. В 1918—1919 гг. принимал участие в подавлении восстания левых эсеров; был военно-политическим инспектором Южного фронта по организации военно-заградительных отрядов, военно-политическим инспектором Московского военного округа, организатором коммунистических отрядов Москвы. В декабре 1920 г. вернулся в Бауманский район; стал освобождённым партийным работником; сочувствовал Бауманской оппозиции. В 1921—1925 гг. — председатель Бауманского райсовета, член МК партии. В конце 1924 г. произнёс эмоциональную речь на Мастязжарте против очернения Троцкого. В ответ на просьбу перейти из той ячейки, к которой он был «прикреплён», в ячейку совслужащих он пригрозил вообще выйти из партии (это его заявление не было принято). С 1925 г. работал на руководящих должностях. В 1936 г. арестован и приговорён к трём годам принудительных работ за «контрреволюционную деятельность». В 1939 г. был выпущен на свободу, с запретом жить в Москве. В 1939—1946 гг. работал в доме отдыха ЦК Союза железнодорожного центра. В 1941 г., во время эвакуации в Саратов, нырнул в реку, чтобы спасти тонущих людей, в результате заболел плевритом. В 1952 г. ушёл на пенсию по состоянию здоровья. В 1954 г. восстановлен в партии.

Чуханов, Фёдор Тихонович. Беспартийный на автозаводе АМО

Работал металлистом с 12 лет. В Москву переехал из Петрограда, где ранее работал на Обуховском заводе, а в 1917 г. участвовал в обороне города от войск Корнилова. С октября 1919 г. работал на автозаводе АМО. В феврале 1920 г. был избран в заводской комитет и стал его председателем, сохранив за собой эту должность до 1922 г. В 1920—1921 гг. — член московского президиума союза металлистов. Лидер беспартийной группы на АМО. В апреле 1921 г. был избран в Моссовет. В 1924 г. вступил в партию. В 1924—1932 гг. работал в администрации заводского кооператива АМО, возвращаясь к работе в цехе в 1925—1926 и 1929—1931 гг.

Штейнберг, Исаак Захарович. Вождь левых эсеров, депутат Моссовета

1888—1857. Родился в Двинске (ныне Даугавпилс), Латвия. Учился в Казанском, Гейдельбергском и Московском университетах. В 1917 г. руководил клубом левых эсеров Уфимской губернии. В декабре 1917 — марте 1918 гг. — нарком юстиции в СНК РСФСР; ушёл в отставку в знак протеста против заключения Брестского мира. В 1918 г. выступал против восстания левых эсеров. В 1919 г. три месяца провёл в тюрьме, после чего помещён под домашний арест. В апреле 1921 г. избран в Моссовет от пекарей. В 1921 г. попросил разрешения на выезд за границу; ему ответили, что в случае выезда ему будет запрещено возвращение; остался в Москве, часто выступая на рабочих митингах. В январе 1922 г. переизбран в Моссовет. В октябре 1922 г. был отозван из Моссовета по настоянию большевиков, входивших в Союз пекарей. Организация левых эсеров решила, что Штейнберг не должен участвовать в предстоящем X съезде Советов, считая, что большевики используют его присутствие для оправдания своих действий. В конце 1922 г. выехал за границу для работы в Венском Интернационале, после чего ВЦИК лишил его советского гражданства. Жил в Берлине. В 1933 г. переехал в Лондон; во время Второй мировой войны переехал в Нью-Йорк. Написал несколько книг о Русской революции, в т.ч. биографию Марии Спиридоновой, изучал историю еврейского народа.

Щуцкевер, Фаня Самойловна. Лидер группы «Рабочая правда»

1898—19?. Родилась в г. Сморгони Виленской губернии в еврейской семье владельца кожевенного завода. Окончила гимназию в Вильно, училась в Харьковском политехническом институте. Вступила в большевистскую партию в декабре 1916 г. в Харькове, где, вероятно, и познакомилась с Ласс-Козловой. В 1918 г. — сестра милосердия в Красной армии на Украине; эвакуирована в Самару. При наступлении белочехов попала в плен, трижды была под расстрелом, но бежала и работала секретарем подпольного комитета РКП(б). В 1921—1923 гг. — преподаватель истории России в коммунистическом университете им. Свердлова, одновременно училась в МВТУ. В 1921—1922 гг. вступила в группу «Рабочая правда». В сентябре 1923 г. исключена из партии и арестована. В октябре 1923 г. — ноябре 1924 г. находилась в заключении (Москва, Ярославль, Челябинск). После освобождения в 1925—1926 гг. работала внештатным сотрудником Истпарта ЦК ВКП(б). Восстановлена в партии в декабре 1926 г., подписав признание «ошибок»; работала на разных агитпроповских, редакторских должностях. В 1932—1936 гг. училась в Московском, затем Харьковском авиаинституте, окончив который работала инженером в Научно-испытательном институте ВВС РККА. Арестована 28 апреля 1938 г. Репрессирована.

Яковлева, Варвара Николаевна. «Старая большевичка», партработница губернского масштаба

1885—1941. В 1904 г. вступила в большевистскую партию. До 1917 г. занималась подпольной партийной работой в Москве; неоднократно подвергалась арестам и ссылкам. В 1916 г. избрана секретарём московского районного бюро партии. В октябре 1917 г. участвовала в заседании ЦК партии большевиков в Петрограде, на котором было принято решение о восстании, и доложила о принятых решениях московским большевикам; организовывала восстание в Москве. Работала в высшем эшелоне партии; делегатка VII, X, XI, XIV, XVI и XVII партсъездов. В 1918 г. подписалась под платформой левых коммунистов. В 1918—1921 гг. служила в ЧК, в Сибирском бюро ЦК РКП(б), в президиуме Наркомпрода. В 1920 г. сочувство-

вала децистам. С декабря 1920 г. по апрель 1921 г. — секретарь МК. В 1923 г. подписалась под Платформой 46-и. С 1922 г. — заместитель наркома просвещения; в 1929 г. была смещена с этой должности из-за своей давнишней оппозиционной деятельности. В 1929—1937 гг. — наркомфин РСФСР. В 1937 г. арестована. В 1938 г. осуждена на 20 лет лишения свободы, позже расстреляна.

Источники:

Эти наброски, а также биографическая информация в сносках основывается на архивах, в т.ч. ЦАОПИМ ф8654 (личные дела), РГАСПИ ф124 (Всесоюзное общество старых большевиков), материалах проекта «истории фабрик и заводов» в ЦАГМ и картотеке Крылова в РГАСПИ; *Родионова Н.И.* (ред.). Сратники: биографии активных участников революционного движения в Москве и Московской области. — М.: Московский рабочий, 1985; другой опубликованный материал. Подробности см. в *Pirani, S.*, *The changing political relationship between Moscow workers and the Bolsheviks, 1920—24* (PhD diss., University of Essex, 2006), pp. 364—432.

Приложение 2.

РАЙОНЫ И ПРЕДПРИЯТИЯ

Районы

В период, последовавший за Гражданской войной, основными административными единицами Московской губернии были городские районы и сельские уезды. До июня 1920 г. Москва была отдельной административной единицей, но в ходе всероссийской реорганизации вошла в состав губернии.

Город делился на семь районов: Бауманский, Городской, Замоскворецкий, Краснопресненский, Рогожско-Симоновский, Сокольнический и Хамовнический. В 1922 г. Городской район, охватывавший центр Москвы, был упразднён, его территория была разделена между остальными шестью.

В губернии было 17 уездов: Богородский, Бронницкий, Верейский, Волоколамский, Дмитровский, Звенигородский, Клинский, Коломенский, Можайский, Московский, Нарофоминский, Орехово-Зуевский, Подольский, Павлово-Посадский, Рузский, Серпуховский и Сергиевский.

Предприятия

Следующие предприятия часто встречаются в книге:

АМО (Автомобильное московское общество)

Основано в 1916 г. в Рогожско-Симоновском районе братьями Рябушинскими, известными промышленниками. Во время войны государство оказывало заводу поддержку, стремясь обеспечить развитие российской автоиндустрии. В 1918 г. завод был национализирован. Во время Гражданской войны поставлял запчасти для железнодорожного подвижного состава. В 1921 г. расширение производства получило новый толчок, когда правительство приняло решение сделать

автомобилестроение приоритетной отраслью, а из Америки прибыла группа инженеров-коммунистов. В конце 1921 г. штат рабочих был сокращён, но к 1923 г. он расширился до 2000 чел. В 1924 г. завод выпустил «первые советские автомобили», грузовики и автобусы, разработанные по чертежам «Фиата». В 1924 г. был переименован в честь итальянского коммуниста Пьетро Ферреро, позже в честь Сталина, в конце концов получил имя Ивана Лихачёва, директора завода с 1926 г., позже министра автотранспорта СССР. Сейчас тоже известен под соответствующей аббревиатурой — ЗиЛ.

Богатырь (Красный богатырь)

Основан в 1887 г. в селе Богородском в Сокольниках. В 1910 г. получил название «Богатырь». Перед первой мировой войной стал крупнейшим производителем резиновых изделий, на заводе работали 2180 чел. В 1915 г. численность работников выросла до 4100 чел., а к ассортименту выпускаемой продукции добавились непромокаемые плащи, автомобильные шины и противогоазы. В 1918 г. завод национализирован. В 1919 г. производство остановилось, главным образом из-за дефицита импортного каучука. В 1921 г. производство было вновь налажено. Первый марксистский кружок на заводе был организован в 1895 г., во время революции на предприятии активно действовали меньшевики, эсеры, беспартийные и большевики. В 1922 г. завод был переименован в «Красный богатырь». Работал на протяжении всего советского периода и по сей день.

Бромлей (Красный пролетарий)

Основан в 1869 г. как машиностроительный завод в Замоскворецком районе Эдуардом и Фёдором (Фридрихом) Бромлеями, англо-немецкими братьями, принявшими российское подданство. Это был уже второй их завод в Москве — первый был открыт в 1857 г. Во время Первой мировой и Гражданской войн на нём работали 2–3 тыс. человек, завод получал военные заказы. В 1918 г. национализирован. В 1920 г. производство встало. В 1921 г. оно возобновилось, завод стал производить дизельные двигатели. На предприятии трудились как москвичи во втором—третьем поколении, так и недавние выходцы

из деревень — многие были переселенцами из Можайского уезда. В 1922 г. завод был переименован в «Красный пролетарий». Сегодня на его месте стоит машиностроительный завод «Равсак».

Гном и Рон (Икар)

Открыт в 1912 г. в Бауманском районе, производил двигатели по французским чертежам; пионер производства авиационных моторов и пропеллеров в России. В 1919 г. переименован в «Гном и Рон». В 1922 получил название «Икар». В 1927 г. объединён с другим производителем авиационных моторов, Государственным авиационным заводом №4 (который до 1920 г. назывался «Сальмсон», до 1923 г. — «Государственный авиационный завод №6, до 1924 г. — «Амстро»). В 1928 г. объединённое предприятие стало называться «Завод № 24 им. М. В. Фрунзе». Прямой наследник завода, предприятие «Салют» на проспекте Будённого, и сегодня производит авиационные двигатели.

Гознак

Российские государственные типографии назывались «Гознак» («государственные знаки») с XVII в. В 1919 г. Наркомфин вывел производство банкнот из Петербурга, закрыл мелкие государственные типографии в Перми и Пензе и сосредоточил производство на крупном предприятии в Хамовническом районе Москвы. В период, последовавший за Гражданской войной, на Гознаке работали 5–7 тыс. чел., преимущественно женщины. В июне 1921 г. Гознак получил помещение бывшей парфюмерной фабрики «Брокар» на улице Павла Андреева в Замоскворечье и переместил туда практически всё своё производство, где оно остаётся и по сей день.

Динамо

Открыт в 1897 г. как завод по производству электротехники в Симоновском (позже Рогожско-Симоновском) районе. На заводе была сильная большевистская организация, созданная в 1903 г. и обеспечившая большое число добровольцев-красноармейцев во время Гражданской войны. В 1918 г. завод

был национализирован. В 1919 г. закрыт на несколько месяцев из-за дефицита сырья. В 1921 г. начал производство оборудования для новых электростанций. В 1930-х гг. стал одним из крупнейших в СССР машиностроительных заводов, производивших электрооборудование. Работает по сей день.

Каучук

Основан в 1897 г. в Риге братьями Фрейзингерами, немецкими промышленниками. В 1915 г. эвакуирован в Москву, в Хамовники, на Малую Царицынскую (теперь Малую Пироговскую) улицу. Большая часть рабочих переехала вместе с заводом, и, несмотря на то, что некоторые вернулись домой во время Гражданской войны, в начале 1920-х завод был «двуязычным». На заводе действовали как большевики, так и меньшевики — и в Риге, и в Москве в 1917 г. Он стал вторым в городе крупнейшим производителем резиновых изделий после «Богатыря». В 1919 г. число рабочих сократилось примерно до 500, но к 1923 г., когда производство поднялось до довоенного уровня, рабочих вновь стало больше тысячи. В 1923 г. завод был переименован в «Красный Каучук».

Мастерская тяжёлой артиллерии (Мастяжарт)

Известное по сокращённому названию, предприятие было основано в 1916 г. в Лефортове, в Бауманском районе. Его профилем было производство и ремонт тяжёлых и полевых артиллерийских орудий и другого военного оборудования. В 1917 г. 3 тыс. солдат, эвакуированных из артиллерийских цехов в западных укреплениях, были размещены в московской мастерской. После июльского кризиса двоевластия численность большевистской ячейки выросла в 10 раз, до 300 чел.; ячейка сыграла активную роль в процессе захвата власти в Москве в Октябре. Во время Гражданской войны численность рабочих сократилась до тысячи, но оставшиеся были загружены большим объёмом военных заказов. В 1941 г. Мастяжарт (тогда — им. Тимошенко) была частично эвакуирована в Серов. В 1942 г. вернулась в Москву. После войны была интегрирована в аэрокосмическую отрасль и была переименована в завод «Вымпел». Сегодня расположена на том же месте, улица Вельяминовская, 34.

Трёхгорная мануфактура

Основана в 1799 г. в Пресненском (позже — Краснопресненском) районе, недалеко от центра Москвы; стала вертикально интегрированным текстильным комбинатом, основной продукцией которого были набивные хлопчатобумажные ткани. В конце XIX в. на фабрике появились профсоюзы и рабочие кружки, а в 1905 г. на фабричном дворе за участие в Московском восстании были казнены 16 рабочих. К 1917 г. число рабочих превысило 6 тыс. чел., около половины из них были женщины. Во время Гражданской войны производство полностью прекратилось и было возобновлено в сентябре 1920 г. на 1/8 от всех станков. К 1923 г. производство приближалось к довоенным показателям, а численность рабочих вновь выросла до 6 тыс. чел. Фабрика процветала на протяжении советского периода, и к 1980-м гг. ежегодно производила 200 млн. кв. м ткани. Названная в XIX в. в честь основателя, Прохорова, а в 1937 г. — в честь Феликса Дзержинского, после второй мировой войны она сохранила лишь имя «Трёхгорная». В 1992 г. приватизирована.

Источники:

Краткий обзор деятельности Московского совета (Вып. 1. 1920). М., 1921; *Синицын А.М. и др.* (ред.). История рабочих Москвы 1917—1945 гг. М.: «Наука», 1983; *Воронин П.А. и др.* Москва. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980; *Святенко Ф.* Завод «АМО». М.: Гос. изд., 1929; *Чуряев А.П., Адфельдт Н.В., Баевский Д.А.* (ред.). История Московского автозавода им. И.А. Лихачёва. М.: Изд. «Мысль», 1966; *Пролетарский М.Я.* Завод «Красный богатырь» (1887—1932). М.: Гос. хим.-тех. изд., 1933; *Панфилова А.М.* История завода «Красный Богатырь». М.: Изд. Московского университета, 1958; *Ефанов А.И. и др.* История завода «Динамо». Кн. 2. «Динамо» в годы строительства социализма. — М.: Профиздат, 1964; *Давыдов Г.М., Кноп Е.Я.* Завод на Усачевке. М.: Московский рабочий, 1980; Бауманский комитет ВКП(б). Очерки по истории революционного движения и большевистской организации в Бауманском районе. — М., 1927; *Вернидуб И.И.* На передовой линии тыла. М.: ЦНИИИТКПК, 1993; *Подляшук П.* Радуга трёх гор. Из биографии одного рабочего коллектива. М.: Московский рабочий, 1967; *Ланицкая С.* Быт рабочих трёхгорной мануфактуры. М.: ОГИЗ, 1935; архивные источники; веб-сайты предприятий. Полный список см. в *Pirani S., The changing political relationship between Moscow workers and the Bolsheviks, 1920—24* (PhD diss., University of Essex, 2006), pp. 435—41.

Приложение 3.

ЗАРПЛАТЫ И ВАЛЮТНЫЕ КУРСЫ

На графике (стр. 414) проиллюстрирован стабильный рост зарплат в период, последовавший за окончанием Гражданской войны. Он основан на расчётах советских статистиков в «товарных рублях». Очевидные трудности возникли с исчислением зарплат в 1920–1921 гг., когда они в основном выплачивались натурой, а также в 1922–1923 гг., когда вычисление курса «товарного рубля» к текущим формам оплаты было непростой задачей. Приведённые ниже данные – лучшее, что смогли представить экономисты и статистики. Масштаб погрешности виден по разнице между средними показателями по Москве, поданными статистиками из Наркомтруда и Госплана.

Источники

Россия: Труд. 15 декабря 1923; *Рашин*. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР 1922/23–1926/27 гг. М.: Госиздат, 1928. С. 6. Данные по 1920 и 1921–1922 гг. даны как средние за год. Московская губерния: *Маркузон*. Положение труда в Московской губернии в первой половине 1922 г. М.: Главлит, 1922. Данные по 1921 г. касаются рабочих на «бронированных» пайках. Москва: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1925. С. 208. Москва (Госплан): *Рашин*. Указ. соч. С. 6. Эти данные рассчитаны статистиками Госплана, а не Наркомтруда.

Советские валюты

Во время Гражданской войны бумажные деньги печатались в неограниченном количестве, и объём денежной массы в обращении в 1919 г. утроился, а в 1920 г. увеличился впятеро. В августе 1921 г. был восстановлен принцип государственного бюджета. В ноябре 1921 г. было решено эмитировать новую валюту, которая заменит советские рубли времён Гражданской

войны (совзнаки) по курсу 10 000:1. Этот курс увеличился до 60 000:1, а к марту 1922 г. — до 200 000:1. В результате получилась валюта, отражающая ценовой индекс, которая стала известна как «товарный рубль». В марте 1922 г. Наркомфин, стремясь стабилизировать валюту, ввёл золотой рубль. Но другие учреждения были не готовы отказаться от «товарного рубля», который фактически привязывал зарплаты к растущим ценам. Госплан разработал собственный индекс, основанный на «товарном рубле», его и использовали в трудовых соглашениях. В ноябре 1922 г. Наркомфин ввёл стабильную валюту — червонец, равный 10 золотым рублям и обеспеченный золотовалютными резервами. Это ведомство предложило заменить червонцем совзнаки. Но правительство колебалось, опасаясь того, как это отразится на уровне жизни. Кризис лета 1923 г., отмеченный чрезмерной эмиссией совзнаков, завершил дискуссию. Позиции червонца укрепились, и к ноябрю 1923 г. на него приходилось 80% всех денег в обращении. В 1924 г. денежная реформа была завершена, и совзнаки были изъяты из обращения.

Источники

Carr E. H., The Bolshevik Revolution, London: Macmillan, 1978, vol. II, pp. 257–68, 347, 350, and The Interregnum, London: Macmillan, 1978, pp. 28–29, 69–70, 131–133; *Dewar M.*, Labour Policy in the USSR, 1917–1928, London: Royal Institute of International Affairs, 1956, pp. 94–95.

Приложение 4.

ЧЛЕНЫ ПАРТИИ

До ленинского призыва 1924 г. набор членов в партию для большевиков никогда не был самоцелью. Напротив, после того как партия пришла к власти, её вожди постоянно переживали по поводу наплыва карьеристов и примазавшихся. Партия широко открыла двери перед новобранцами лишь в октябре 1919 г., когда победа белых — и соответствующие последствия для коммунистов — была вполне реальной, и новоиспечённых партийцев сразу же отправляли на фронт. В 1921—1922 гг. единственной социальной группой, новым представителям которой в партии были особенно рады, были заводские рабочие, поскольку численность партийцев на заводах находилась на своей низшей отметке, а большинство рабочих, вступивших в партию во время Гражданской войны, перешли на военные или административные должности или вышли из партии. Но попытки организовать набор новых членов были малоуспешны. Более того, под давлением Ленина XI съезд партии ужесточил критерии набора (см. гл. 5). На протяжении 1921—1924 гг. численность членов партии в целом последовательно сокращалась, хотя московская организация шла вразрез с общей тенденцией: с середины 1922 г. она расширялась, главным образом благодаря притоку в столицу коммунистов из провинции и красноармейцев. XII съезд в 1923 г. снова ослабил критерии (см. гл. 9), а ленинский призыв 1924 г. фактически положил конец большинству ограничений и дал старт новой практике массового набора.

Данные по числу членов партии в 1920—1921 гг. довольно хаотичны. Ведение статистики улучшилось в результате чистки 1921 г., перерегистрации 1922 г. и роста партийного аппарата. В таблице ниже даны лучшие из всех доступных данных:

Численность членов РКП(б) в целом и в Москве

	В целом по стране	В Московской губернии	В Москве
Март 1919	211 000 + 70 000 канд.	22 000	17 000
Ноябрь 1919 (после кампании набора)	430 000 ¹	32 600 + 4818 канд.	н/д
Сентябрь 1920	н/д	27 641 + 9557 канд.	23 069 + 2900 канд.
Март 1921	700 000 + 100 000 канд.	48 557 ²	н/д
Июнь 1921	658 938 ³	40 284 + 10 552 канд.	32 475 + 7886 канд.
Февраль 1922 (после перерегистрации)	410 430 + 117 924 канд.	31 505 + 4234 канд.	25 225 + 3237 канд.
1 января 1923	372 900 + 112 600 канд.	37 328 + 4543 канд.	30 904 + 3549 канд.
1 января 1924	328 520 + 117 569 канд.	41 537 + 11 584 канд.	35 244 + 9319 канд.
1 января 1925	401 481 + 339 636 канд. ⁴	58 018 + 32 116 канд.	48 246 + 22 241 канд.

Источники.

По членам партии в общенациональном масштабе: Известия ЦК РКП(б). №15. 1920; *Иванович С.* ВКП: десять лет коммунистической монополии. — Париж: Биб. демократического социализма, 1928. С. 31—32, 34, 76; *Rigby T. H.* Communist Party Membership in the USSR 1917—1967, Princeton: Princeton University Press, 1968, p. 85; Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. М.: Изд. отдел ЦК РКП, 1922; ЦК РКП(б) (статистический отдел). Партия в цифровом освещении: материалы по статистике личного состава партии. М. —Л.: Госиздат, 1925. С. 5. По московским членам партии: МК РКП(б). Московская организация РКП(б) в цифрах. К XIV губпартконференции. Вып. 2-й. М., 1925; Отчет о работе МК РКП(б) за 1922—23 г. М.: МК РКП(б), 1923. С. 47; «Отдельные данные, характеризующие личный состав Московской организации», ЦАОПИМ, 3/4/5/20; Московская городская и Московская областная организация КПСС в цифрах. М.: Московский рабочий, 1972. С. 27; *Буков К.И., Коршунова З.П., Родионова Н.И.* (ред.). Московская городская организация КПСС 1917—1988: цифры, документы, материалы. М.: Московский рабочий, 1989.

¹ Данные за январь 1920 г.

² Данные за апрель 1921 г.

³ Не учтены несколько губерний, не предоставившие данных.

⁴ Здесь не учтены ещё 57 тыс. членов партии «в военно-политических органах», которые регистрировались отдельно.

Приложение 5.

ДЕЛЕНИЕ КОММУНИСТОВ ПО РОДУ ЗАНЯТИЙ

Продвижение рабочих-коммунистов на управленческие должности и получившееся в результате преобладание в партии управленцев и красноармейцев над рабочими «у станка» обсуждалось на протяжении всей книги. Статистика, собранная большевиками, недостаточно хорошо иллюстрирует эту тенденцию. Партия регулярно публиковала сведения о социальном происхождении своих членов, где в «рабочие» зачислялись бюрократы и красноармейцы, которые уже несколько лет не появлялись на заводе, если вообще когда-либо там работали (см. гл. 5). Кроме того, регулярно собиралась информация о типах ячеек, к которым принадлежали коммунисты. Но я нашёл результаты только двух опросов партийной массы на предмет рода занятий. Первый проводился в сентябре 1920 г., когда перенаправление новобранцев времён Гражданской войны на гражданские посты только начиналось. Второй был проведён в 1925 г., когда крошечный контингент коммунистов, оставшихся на заводах в период между Гражданской войной и 1923 г., потонул в море новых рекрутов-рабочих. Памятуя об этих недочётах, результаты опросов всё же стоит воспроизвести. См. таблицу:

Род занятий членов партии

Сентябрь 1920			Январь 1925		
				Члены	Кандидаты
Промышленные предприятия, в т.ч.:		8071	Рабочие, занятые физическим трудом	22 826	19 563
Ответственные работники	204				
Контрольно-канцелярские служащие	322				
Младшие служащие	29				
Рабочие	7516				

Транспорт, в т.ч.:		1706			
Ответственные работники	229				
Контрольно-канцелярские служащие	230				
Младшие служащие и рабочие	1247				
Ремесленная и кустарная промышленность		516	Кустари и ремесленники	13	13
Сельское хозяйство		1009	Батраки и сельскохозяйственные рабочие	52	65
			Занятые исключительно земледелием в своём хозяйстве	158	250
Красная Армия, в т.ч.:		6441	Военные	4329	2122
Политические руководители	133				
Высший комсостав	104				
Прочий комсостав	1334				
Административно-хозяйственный и медицинский состав	1090				
Курсанты	1288				
Красноармейцы — строевые	2119				
Красноармейцы — нестроевые	373				
Советские учреждения, в т.ч.:		9684	Работники партийных, советских, профсоюзных, кооперативных и других общественных организаций	19 491	5467
Ответственные работники	3348				
Контрольно-канцелярские служащие	3638				
Младшие служащие и рабочие	2698				
Партийные организаторы		1930			
Профсоюзы, в т.ч.:		1042			
Ответственные работники	410				
Члены завкомов	596				
Контрольно-канцелярские служащие	35				

Младшие служащие	1				
			Прочие	60	110
Домашнее хозяйство		18			
			Учащиеся	9278	3235
Не работающие		293	Безработные	239	271
Не давшие сведения		5782	Не выяснено	1212	665
Итого		35 226	Итого	57 658	31 761

Сведения о типах ячеек, в которые входили коммунисты в 1921–1923 гг., показывают часть проблемы, а именно преобладание партийцев в военных и административных ячейках, а не в промышленных. Следует иметь в виду, что, как было сказано в гл. 5, большинство членов ячеек в промышленности и транспорте занимали управленческие должности. Некоторые работали не в промышленной администрации, а в правительственных учреждениях, будучи «прикреплены» к промышленным ячейкам.

*Типы ячеек, к которым принадлежали московские коммунисты
(только полноправные члены партии)*

	Октябрь 1921	Январь 1923	Сентябрь 1923
Промышленные	4000	9410	10 245
Транспортные	2000	2157	2736
Военные	6500	7045	3732*
Административные	15 000	9413	13 005*
Сельские/крестьянские	н/д	1177	1076
Студенческие	н/д	8126	7998
Итого	31 000	37 328	38 883

*В середине 1923 г. партийцев, работавших в командовании Красной Армии (таковых насчитывалось не менее 2 тыс.), переместили из «военной» в «административную» категорию.

Источники:

Восьмая губернская конференция Московской организации РКП (23–25 марта 1922 г.). М.: МК РКП, 1922. С. 39; Отчет о работе МК РКП(б) за 1922–23 г. М.: МК РКП(б), 1923. С.50–51; ЦАОПИМ, 3/4/5/210.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМО – Автомобильное московское общество

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства

ВЦСПС – Всероссийский центральный совет профсоюзов

ГПУ – см. *ЧК*

Главк – главный комитет. Органы, учреждённые ВСНХ после 1917 г. для управления отдельными отраслями экономики, в 1922 г. по большей части заменены трестами.

Децисты – демократические централисты, внутрипартийная группировка в РКП(б)

Мастяжарт – Мастерские тяжёлой артиллерии

МГСПС – Московский губернский совет профессиональных союзов

МК – Московский комитет РКП(б)

МСНХ – Московский совет народного хозяйства

РКСП – Рабоче-крестьянская социалистическая партия

РО – Рабочая оппозиция

СТО – Совет труда и обороны

ЦКК – Центральная ревизионная комиссия РКП(б)

ЦИК – Центральный исполнительный комитет Советов

ЧК – чрезвычайные комиссии. Полное название центрального органа – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. С 1922 г. название сменили на Государственное политическое управление (ГПУ). В конце 1923 г. переименовано в Объединённое государственное политическое управление (ОГПУ), но для простоты я продолжил обозначать это ведомство аббревиатурой ГПУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивы

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации)

Фонд (далее – «ф») 393 (комиссариат внутренних дел); ф5469 (Союз металлистов); ф7952 (проект «История фабрик и заводов»)

Народный архив

ф389 (Зотов)

РГАСПИ (Российский государственный архив социальной и политической истории)

ф2 (Ленин); ф5 (секретариат Ленина); ф17 (ЦК); ф46 (X партконференция); ф70 (Истпарт); ф95 (фракция большевиков в ВЦСПС); ф124 (Всесоюзное общество старых большевиков); ф323 (Каменев); ф324 (Зиновьев); ф564 (левые эсеры и максималисты); карточный каталог Крылова

ЦАГМ (Центральный архив города Москвы)

Архивы предприятий: ф100 (Динамо); ф337 (Красный богатырь); ф415 (ЗиЛ, бывший АМО); ф425 (Трёхгорная мануфактура); ф2626 (Гознак)

ЦАОПИМ (Центральный архив общественно-политической истории Москвы, бывший Партийный архив Института истории партии МГК и МК КПСС)

Архивы партийных организаций: ф3 (Московская область); ф63 (Бауманский район); ф69 (Краснопресненский район); ф80 (Пролетарский район, бывший Рогожско-Симоновский); ф88 (Фрунзенский район, бывший Хамовнический); ф412 (ячейка

на «Красном пролетарии»); ф432 (ячейка на «Динамо»); ф433 (ячейка на ЗиЛ, бывшем АМО); ф459 (ячейка в Университете им. Свердлова); ф465 (ячейка на «Вымпеле», бывших Мастяжарт); ф467 (ячейка на Заводе №24 им. Фрунзе — бывший «Гном и Рон»); ф475 (ячейка на «Каучуке»); ф634 (московская организация Комсомола); ф685 (Комиссия по проверке и чистке личного состава партии, 1921-1922 гг.); ф1099 (ячейка на Гознаке); ф1300 (ячейка на «Красном богатыре»); ф2867 (Московская контрольная комиссия); ф8654 (личные архивы)

ЦГАМО (Центральный государственный архив Московской области)

ф19 (милиция); ф66 (Моссовет); ф180 (МГСПС); ф186 (Союз металлистов); ф201 (Союз пищевиков); ф609 (Союз химиков)

ЦМАМЛС (Центральный московский архив-музей личных собраний)

ф16 (Богуславский); ф72 (Камышев); ф74 (Каспирович); ф87 (Кубяк); ф176 и ф177 (материалы о жертвах репрессий)

Газеты и периодические издания

Бюллетень оппозиции, 1929—1930

Борьба классов, 1931, 1935

Известия, 1920—1924

Известия МК РКП(б), 1922—1923

Известия ЦК РКП(б), 1920—1924

Известия ЦК КПСС, 1989—1991

Коммунистический труд, 1919—1921

Красная новь, 1921—1922, 1929

Кузница, 1921

Правда, 1919—1924

Предприятие, 1923—1924

Рабочая Москва, 1922—1923

Социалистический вестник, 1923—1924

Труд, 1922—1923

Экономическая жизнь, 1920—1924

Первичные источники:
книги, статьи и документы

- Bukharin N. and Preobrazhenskii E.*, The ABC of Communism: a popular explanation of the program of the Communist Party of Russia, London: Communist Party of Great Britain, 1922
- Sol'ts A.* 'Communist Ethics', in Rosenberg, W.G. (ed.), Bolshevik Visions: First Phase of the Cultural Revolution in Soviet Russia. Part 1, pp. 30–42, Michigan: University of Michigan Press, 1990.
- Бондарев Н.* Рядовой // Вагранка. Сборник литературно-художественного кружка при Рогожско-Симоновском райкоме РКП(б). — М.: Московский рабочий, 1921. — С. 61–71.
- Брискин М.* Переход к индивидуальному членству // Вестник труда. №1. 1923. — С. 3–14.
- ВК.* Годовой опыт профессиональной работы в новых условиях // Вестник труда. №2–3. 1923. — С. 3–24.
- Власов А.* Мы все видим и все знаем: крик души красного командира // Источник. №1. 1998. — С. 85–87.
- Вовси М.* (ред.). Положение труда служащих, объединенных профсоюзом административно-советских, общественных и торговых работников в 1923/24 г. (Статистический сборник.) Вып. 3-й. — М.: ЦК ВСАСОТР, 1924.
- Вовси М.* (ред.). Труд служащих в СССР: статистико-экономический обзор. — М.: Изд. «Вопросы труда», 1926.
- Восьмая губернская конференция Московской организации РКП (23–25 марта 1922 г.). — М.: МК РКП, 1922.
- Восьмой всероссийский съезд РКП(б): март 1919 года: протоколы. — М.: Гос. изд. полит. литературы, 1959.
- Всероссийская конференция РКП (большевиков) 4–7 августа 1922 г. — М.: Изд. МК РКП(б), 1922.
- Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. — М.: Изд. отдел ЦК РКП, 1922.
- Гуревич А.* Добровольное членство в союзах // Вестник труда. №2. 1922. — С. 38–40
- Дан Ф.* Два года скитаний 1919–1921. — Берлин: склад изд. Russische Bucherzentrale Obrazowanje, 1922.
- Двенадцатый съезд РКП(б): стенографический отчет. — М.: Изд-во политической литературы, 1968.

- Девятая конференция Московской организации РКП. — М.: МК РКП, 1922.
- Девятая конференция РКП(б), сентябрь 1920 г.: протоколы. — М.: Изд-во политической литературы, 1972.
- Девятый съезд РКП(б): стенографический отчет. — М.: Гос. изд. полит. литературы, 1960.
- Декреты советской власти. — М.: Гос. изд. полит. литературы, 1986.
- Десятый съезд РКП(б): стенографический отчет. — М.: Гос. изд. полит. литературы, 1963.
- Доклады на VIII-м Всероссийском съезде советов. — М.: МК РКП(б), 1921.
- Зеленский И.* К очередным задачам партийной работы // Известия МК РКП(б). №3. 1922. — С. 5—13.
- К отчету Московской губернской конференции РКП (25—28 июня 1921 г.). — М., 1921.
- Карев Н.* О группе «Рабочая правда» // Большевик. № 7—8. 1924. — С. 27—43.
- Керженцев П.М.* К новой культуре. — Петербург, 1921.
- Клементьев В.Ф.* В большевистской Москве (1918-1920). — М.: Русский путь, 1998.
- Красная Москва. — М., 1920.
- Краткий обзор деятельности Московского совета (Вып. 1. 1920). — М., 1921.
- Кремль за решеткой (подпольная Россия). — Берлин: изд. «Скифы», 1922.
- Крыленко Н.В.* Производственная демократия в цифрах и фактах // На страже (бюллетень особмежкома и экономического управления). №1—2. 1921. — С. 22—35.
- Крыленко Н.В.* За пять лет 1918—1922 гг. Обвинительные речи. — М.: Госиздат, 1923.
- Ларин Ю.* Интеллигенция и советы: хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. — М.: Госиздат, 1924.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений (изд. 5-е). — М.: Госполитиздат, 1958—1965.
- Ленин В.И.* «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать» // Исторический архив. №1. 1992. — С. 12—30.
- Ленинский призыв в Московской организации: сборник. — М.: МК РКП(б), 1925.

- Либединский Ю.* Неделя: Комиссары: Повести. — М. Военное изд., 1968.
- Литвинов И.И.* «Птицегонство надоело до смерти». Из дневника И.И. Литвинова // Неизвестная Россия. IV. 1993. — С. 81-139.
- Маркузон Ф.Д.* Положение труда в г. Москве в 1921 году // Вопросы труда. №2. 1922. — С. 136—181.
- Маркузон Ф.Д.* Положение труда в Московской губернии в первой половине 1922 г. — М.: Главлит, 1922.
- Маркузон Ф.Д.* (ред.). Положение труда в Московской губернии в 1922—1923 гг.: сборник материалов бюро статистики труда. — М.: МГСПС, 1923.
- Махайский Ян (В. Вольский).* Умственный рабочий. — Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1968.
- МГСПС. Отчет о деятельности МГСПС, губотделов и упрофбюро (май—август 1921). — М.: МГСПС, 1921.
- МГСПС. Отчет о деятельности Московского губпрофсовета 1921—22. — М., 1922.
- МГСПС. Пятый губернский съезд московских профсоюзов. Итоги, резолюция, постановления. — М.: Мосгублит, 1923.
- МГСПС. Резолюции и постановления IV Московского губернского съезда профсоюзов (5-8 сент. 1922). — М., 1922.
- Мельничанский Г.* Московские профессиональные союзы. — М.: Главлит, 1923.
- МК РКП(б). К отчету Московской губернской конференции РКП (25—28 июня 1921) и III съезда советов. — М.: Гос. издательство, 1921.
- МК РКП(б). Московская организация РКП(б) в цифрах. К XIV губпартконференции. Вып. 2. — М., 1925.
- МК РКП(б). Новые задачи профессиональных союзов. — М.: МК РКП(б), 1922.
- Московская губернская конференция профсоюзов, 14—15 сент. 1921. — М.: МГСПС, 1921.
- Одиннадцатая Мосгубпартконференция: стенографический отчет. — М.: МК РКП(б), 1924.
- Одиннадцатый съезд РКП(б): стенографический отчет. — М.: Гос. изд. политической литературы, 1961.
- Отчет о работе МК РКП(б) за 1922—23 г. — М.: МК РКП(б), 1923.

- Отчет о работе Московской общепартийной конференции. — М., 1920.
- Отчет Рогожско-Симоновского района с 3-го мая по 15-е ноября 1922 г. — М., 1922.
- Отчет седьмой Московской губпартконференции РКП 29–31 октября 1921 г. — М., 1921.
- Перепись служащих советских учреждений г. Москвы 1922 г. — М., 1922.
- Писатели об искусстве и о себе: сборник статей №1. — М.—Л.: «Круг», 1924.
- Покровский М.Н.* Семь лет пролетарской диктатуры. — М.: Госиздательство, 1924.
- Пятый съезд комсомольцев (речи т.т. Троцкого, Бухарина). — Вятка: изд. губкома РКСМ, 1922.
- Радек К.* Я заявляю // Источник. №2. 1998. — С. 42–45.
- РКП(б). Учет и распределение работников (к совещанию секретарей и заведующих орготделами губкомов). — М.: Изд. отделение ЦК РКП, 1923.
- Сапронов Т.В.* Статьи и доклады. — М., 1920.
- Сарабьянов В.Н.* Металлопромышленность России. — М.: Госиздательство, 1921.
- Седьмой всероссийский съезд советов: стенографический отчет. — М., 1920.
- Секретариат ЦК РКП(б). Материалы по статистике личного состава РКП. — М., 1921.
- Смилга И.* На повороте: заметки к X-му съезду партии. — М.: Гос. издательство, 1921.
- Сокольническая районная конференция РКП(б). 30–31 мая 1923 года. Отчет. — М., 1923.
- Сосновский Л.* Дела и Люди. — Кн. 1. — М., 1924.
- Статистический отдел Московского совета. Статистический атлас гор. Москвы и Московской губ. Вып. 1. Население. — М., 1924.
- Статистический отдел Московского совета. Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губ. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. — М., 1925.
- Статистический отдел Московского совета. Статистический атлас гор. Москвы и Московской губ. Вып. 3. Промышленность и торговля. — М., 1925.

- Томский М.* Первые результаты новой союзной политики // Вестник труда. №8–9. 1922. – С. 3–11.
- Тринадцатая конференция РКП(б): бюллетень. – М., 1924.
- Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 года: стенографический отчет. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1963.
- Фабрично-заводская промышленность г. Москвы и Московской губернии, 1917–1927 гг. – М., 1928.
- ЦК РКП(б). Итоги партийной работы за год 1922–23. – М.: Красная новь, 1923.
- ЦК РКП(б) (статистический отдел). Партия в цифровом освещении: материалы по статистике личного состава партии. – М.–Л.: Госиздат, 1925.
- Широкая конференция фаб-завкомов г. Москвы 29 окт. 1921. – М., 1921.
- Юренев И.* [псевдоним *Константина Юренева*]. Наши настроения. – Курск: Центропечать, 1920.
- Ярославский Е.* «Рабочая оппозиция», «Рабочая группа», «Рабочая правда». – М.: Молодая гвардия, 1927.

Сборники документов

- Documents of the 1923 Opposition, London: New Park Publications, 1975.
- Meijer, J.* (ed.), The Trotsky Papers 1917–1922 (2 vols.), The Hague: Mouton, 1964.
- Алидин В.И., Велидов А.С., Поликаренко И.Е., Ушаков В.Г.* (ред.). МЧК: из истории Московской чрезвычайной комиссии: сборник документов (1918–1921 гг.). – М.: Московский рабочий, 1978.
- Антонова Н.С., Дроздова Н.В.* (ред.). Неизвестный Богданов в 3-х книгах. – М.: АИРО, 1995.
- Бернштам М.С.* Народное сопротивление коммунизму в России: независимое рабочее движение в 1918 году. – Париж: YMCA Press, 1981.
- Вилкова В.П. и др.* РКП(б): внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы 1923 г. – М.: Росспэн, 2004.
- Виноградов В.К., Козлов В.П., Антифеева М.А., Кудрявцев И.И.* (ред.). Кронштадтская трагедия 1921 года: документы в двух книгах. – М.: Росспэн, 1999.

- Дискуссия о профсоюзах: материалы и документы 1920–21 гг. – М.–Л., 1927.
- Квашонкин А.В. и др.* (ред.). Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. – М.: Росспэн, 1996.
- Красильников С.А., Морозов К.Н., Чубыкин И.В.* (ред.). Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Сборник документов. – М.: Росспэн, 2002.
- Наумов В.П., Касковский А.А.* Кронштадт, 1921. – М.: Международный фонд Демократия, 1997.
- Павлов Д.* (ред.). Союз эсеров-максималистов. Документы, публицистика. 1906–1924 гг. – М.: Росспэн, 2002.
- Покровский Н.Н., Петров С.Г.* (ред.). Архив Кремля: Политбюро и церковь 1922–1925 гг. – М.: Росспэн, 1997.
- Попов К.А.* (ред.). Дискуссия 1923 года: материалы и документы. – М.: Госиздат, 1927.
- Севостьянов Г.Н. и др.* (ред.). «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – М.: Институт российской истории РАН, 2001. – Т. 1 (1922–23).
- Фельштинский Ю.* (ред.). Архив Троцкого: коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927 (4 тома). – М.: Терра, 1990.
- Щербина В.Р. и др.* (ред.). В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. – М.: Наука, 1971.

Вторичные источники

- Allen, B.C.*, Worker, trade unionist, revolutionary: a political biography of Alexander Shlyapnikov 1905–1922 (PhD. diss, Indiana University, 2001).
- Allen, B.C.*, 'The evolution of Communist Party control over the trade unions', *Revolutionary Russia*, 15:2, 2002: 72–105.
- Allen, B.C.*, 'Alexander Shliapnikov and the Letter of the Twenty Two: A Critical Episode in the Russian Communist Party's Internal Debate over Criticism and Party Discipline', paper presented at the mid-Atlantic Slavic conference, March 2003.
- Anweiler, O.*, The Soviets: the Russian workers', peasants and soldiers councils, 1905–1921, New York: Pantheon Books, 1974.
- Argenbright, R.*, 'Marking NEP's Slippery Path: the Krasnoshchekov Show Trial', *Russian Review* 61, 2002: 249–275.

- Ashin, P.*, 'Wage Policy in the Transition to NEP', *Russian Review* 47, 1988: 293–313
- Aves, J.*, *Workers Against Lenin*, London: Tauris, 1996.
- Avrich, P.*, *Kronstadt 1921*, Princeton: Princeton University Press, 1970.
- Avrich, P.*, 'Bolshevik Opposition to Lenin: G. Miasnikov and the Workers Group', *Russian Review* 43, 1984: 1–29.
- Azrael, J.R.*, *Managerial Power and Soviet Politics*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966.
- Baker, M.*, 'Establishing soviet power in the countryside: Kharkov province 1918–1921' (paper presented at the AAASS convention, Boston, December 2004).
- Bailes, K.E.*, *Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia 1917–1941*, Princeton: Princeton University Press, 1978.
- Beissinger, M.R.*, *Scientific Management, Socialist Discipline and Soviet Power*, London: Tauris, 1988.
- Bennett, G.*, *Yundong: Mass Campaigns in Chinese Communist Leadership*, Berkeley, Centre for Chinese Studies, 1976.
- Berkman, A.*, *The Bolshevik Myth*, London: Pluto, 1989.
- Bonnell, V.E.*, *Roots of rebellion: workers' politics and organizations in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914*, Berkeley: University of California Press, 1983.
- Bonnell, V.E.*, (ed.), *The Russian worker: life and labor under the Tsarist regime*, Berkeley: University of California Press, 1983.
- Borrero, M.*, *Hungry Moscow: scarcity and urban society in the Russian civil war, 1917–1921*, New York: Peter Lang, 2003.
- Brovkin, V.N.*, *The Mensheviks After October: socialist opposition and the rise of the Bolshevik dictatorship*, London: Cornell University Press, 1987.
- Brovkin, V.N.*, *Behind the front lines of the civil war: political parties and social movements in Russia 1918–1922*, Princeton: Princeton University Press, 1994.
- Brower, D.R.*, "'The City in Danger": the civil war and the Russian urban population', in D. Koenker et al. (eds), *Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History*, Bloomington: Indiana University Press, 1989, pp. 58–80.
- Bunyan, J.*, *The Origin of Forced Labor in the Soviet State 1917–1921: Documents and Materials*, Baltimore: Johns Hopkins Press, 1967.

- Burawoy, M.*, The politics of production: factory regimes under capitalism and socialism, London: Verso, 1985.
- Carr, E.H.*, The Bolshevik Revolution 1917–1923 (3 vols.), London: Macmillan, 1978.
- Carr, E.H.*, The Interregnum 1923–1924, London: Macmillan, 1978.
- Carr, E.H.*, Socialism in One Country, 1924–1926 (4 vols.), London: Macmillan, 1978.
- Carr, E.H.*, The Russian Revolution from Lenin to Stalin, 1917–1929, Basingstoke: Palgrave, 1979.
- Castoriadis, C.*, ‘The role of Bolshevik ideology in the birth of the bureaucracy’ (1964) <<http://www.geocities.com/cordobakaf/castbolsh.html>> (accessed 2 May 2007)
- Castoriadis, C.*, ‘On the content of socialism’ in Curtis, D.A. (ed. and trans.), The Castoriadis Reader, Oxford: Blackwell, 1997, pp. 40–105.
- Castoriadis, C.*, ‘The social regime in Russia’ in Curtis, D. A. (ed. and trans.), The Castoriadis Reader (Oxford, Blackwell, 1997), pp. 218–238.
- Cell, C.P.*, Revolution at Work: Mobilization Campaigns in China, New York: Academic Press, 1977.
- Chase, W.J.*, Workers, Society and the Soviet State: Labour and Life in Moscow 1918–1929, Illinois: University of Illinois Press, 1990.
- Chernyshevsky, N.*, What Is To Be Done?: Tales About New People, London: Virago, 1982.
- Clements, B.E.*, Bolshevik Women, Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Colton, T.J.*, Moscow: Governing the Socialist Metropolis, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.
- Cook, L.*, ‘Brezhnev’s “social contract” and Gorbachev’s reforms’, Soviet Studies 44: 1, 1992: 37–56.
- D’Agostino, A.*, Marxism and the Russian Anarchists, San Francisco: Germinal Press, 1977.
- Daly, J.W.*, ‘“Storming the Last Citadel”: The Bolshevik Assault on the Church, 1922’ in Brovkin, V. (ed.), The Bolsheviks in Russian Society: the revolution and civil wars, New Haven: Yale University Press, 1997.
- Daniels, R.V.*, The Conscience of the Revolution: communist opposition in Soviet Russia, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960.

- David-Fox, M.*, *Revolution of the Mind: Higher Learning Among the Bolsheviks 1918–1929*, Ithaca: Cornell University Press, 1997.
- Day, R.B.*, *Leon Trotsky and the politics of economic isolation*, Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Debo, R.K.*, *Survival and Consolidation: the foreign policy of Soviet Russia, 1918–1921*, Montreal: McGill-Queen's University Press, 1992.
- Deutscher, I.*, *The Prophet Armed. Trotsky 1879–1921*, London: Oxford University Press, 1970.
- Deutscher, I.*, *The Prophet Unarmed. Trotsky 1921–1929*, London, Oxford University Press, 1970.
- Dewar, M.*, *Labour Policy in the USSR, 1917–1928*, London: Royal Institute of International Affairs, 1956.
- Draper, H.*, 'The Two Souls of Socialism', *New Politics* 5: 1, Winter 1966: 57–84.
- Draper, H.*, *Karl Marx's Theory of Revolution. Volume II: The Politics of Social Classes*, New York: Monthly Review Press, 1978.
- Dune, E.*, *Notes of a Red Guard* (ed. and trans. D.P. Koenker and S.A. Smith), Urbana: Illinois University Press, 1993.
- Easter, G.*, *Reconstructing the state: personal networks and elite identity in Soviet Russia*, Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Edmondson, C.*, 'The Politics of Hunger: the Soviet Response to Famine, 1921', *Soviet Studies* 29:4, 1977: 506–518.
- Engelstein, L.*, *Moscow 1905: working class organization and political conflict*, Stanford: Stanford University Press, 1982.
- Farber, S.*, *Before Stalinism: the rise and fall of soviet democracy*, Oxford: Polity Press, 1990.
- Farbman, M.*, *Bolshevism in Retreat*, London: Collins, 1923.
- Fiddick, T.C.*, *Russia's Retreat from Poland, 1920: from permanent revolution to peaceful coexistence*, London: Macmillan, 1990.
- Figes, O.*, *A People's Tragedy: the Russian revolution 1891–1924*, London: Jonathan Cape, 1996.
- Figes, O., and Kolonitskii, B.*, *Interpreting the Russian Revolution: the language and symbols of 1917*, New Haven: Yale University Press, 1999.
- Filtzer, D.*, *Soviet Workers and Stalinist Industrialization: the formation of modern Soviet production relations 1928–1941*, London: Pluto, 1986.

- Filtzer, D., Goldman, W., Kessler, G. and Pirani, S.* (eds), *A Dream Deferred: New Studies in Russian and Soviet Labour History*, Amsterdam: Peter Lang, forthcoming.
- Firsov, S.*, 'Workers and the Orthodox Church in early twentieth-century Russia', in Melancon, M. and Pate, A.K. (eds), *New Labor History: Worker Identity and Experience in Russia, 1840–1918* Bloomington: Slavica, 2002, pp. 65–76.
- Fitzpatrick, S.*, *The Commissariat of the Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts Under Lunacharsky 1917–1921*, London: Cambridge University Press, 1970.
- Fitzpatrick, S.*, 'The Soft Line on Culture and Its Enemies: Soviet Cultural Policy, 1922–1927', *Slavic Review* 33:2, 1974: 267–287.
- Fitzpatrick, S.*, *Education and social mobility in the Soviet Union 1921–1934*, London, Cambridge University Press, 1979.
- Fitzpatrick, S.*, *The Russian Revolution 1917–1932*, Oxford: Oxford University Press, 1982.
- Fitzpatrick, S.*, 'The civil war as formative experience', in Gleason, A., Kenez, P. and Stites, R. (eds), *Bolshevik Culture: experiment and order in the Russian revolution*, Bloomington: Indiana University Press, 1985, pp. 58–76.
- Fitzpatrick, S.*, 'The Bolsheviks' Dilemma: Class, Culture, and Politics in Early Soviet Years', *Slavic Review* 47, 1988: 599–613.
- Fitzpatrick, S.*, 'The Problem of Class Identity', in *Fitzpatrick, S. et al.* (eds), *Russia in the Era of NEP: explorations in Soviet society and culture*, Bloomington: Indiana University Press, 1991, pp. 12–33.
- Fitzpatrick, S.*, 'Politics as practice: thoughts on a new Soviet political history', *Kritika (new series)* 5:1 (2004), pp. 27–51.
- Fitzpatrick, S., Rabinowitch, A., and Stites, R.* (eds), *Russia in the Era of NEP: explorations in Soviet society and culture*, Bloomington: Indiana University Press, 1991.
- Getzler, I.*, *Kronstadt 1917–1921: The Fate of a Soviet Democracy*, New York: Cambridge University Press, 1983.
- Getzler, I.*, 'Soviets as Agents of Democratization' in *Frankel, E.R., Frankel, J. and Knei-Paz, B.* (eds.), *Revolution in Russia: Reassessments of 1917*, Cambridge: Cambridge University Press, 1992, pp. 17–33.
- Gill, G.*, *The Origins of the Stalinist political system*, Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

- Goldman, W.*, *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*, Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Goldman, W.*, *Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia*, Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Goldman, W.*, 'Stalinist Terror and Democracy: the 1937 union campaign', *American Historical Review* 110:5, 2005: 1427–1453.
- Gorsuch, A.E.*, *Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents*, Bloomington: Indiana University Press, 2000.
- Gusev, A.V.*, 'Naissance de l'Opposition de Gauche', *Cahiers Leon Trotsky* 54, 1994: 5–39.
- Halfin, I.*, *From darkness to light: class, consciousness and salvation in revolutionary Russia* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000.
- Halfin, I.*, (ed.), *Language and Revolution: Making Modern Political Identities*, London: Cass, 2002.
- Halfin, I.*, *Terror in My Soul: communist autobiographies on trial*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003.
- Hatch, J.*, 'The Politics of Mass Culture: Workers, Communists and Proletkult in the Development of Workers' Clubs', *Russian History/Histoire Russe* 13: 2–3, 1986: 119–148
- Hatch, J.*, 'Working-class politics in Moscow during the early NEP: Mensheviks and workers' organizations, 1921–1922', *Soviet Studies* 34:4, 1987: 556–574.
- Hatch, J.*, 'The Lenin Levy and the Social Origins of Stalinism. Workers and the CP in Moscow 1921–1928', *Slavic Review* 48:4, 1989: 558–578
- Hatch, J.*, 'Labour Conflict in Moscow 1921–25', in S. Fitzpatrick et al. (eds), *Russia in the Era of NEP: explorations in Soviet society and culture*, Bloomington: Indiana University Press, 1991., pp. 58–71.
- Helgesen, M.M.*, *The Origins of the Party-State Monolith in Soviet Russia: relations between the soviets and party committees in the central provinces, October 1917 – March 1921* (PhD diss., State University of New York at Stony Brook, 1980).
- Herrlinger, P.*, 'Orthodoxy and the experience of factory life in St Petersburg 1881–1905', in Melancon, M. and Pate, A.K. (eds), *New Labor History: Worker Identity and Experience in Russia, 1840–1918* Bloomington: Slavica, 2002, pp. 35–64.

- Hoffman, D.L.*, Peasant Metropolis: social identities in Moscow, 1929–1941, London: Cornell University Press, 1994.
- Holmes, L.*, For The Revolution Redeemed: The Workers Opposition in the Bolshevik Party 1919–1921, Carl Beck Papers no. 802, Pittsburgh: University of Pittsburgh, 1990.
- Holquist, P.*, ‘Information is the Alpha and Omega of Our Work’, *Journal of Modern History* 69, (1997: 415-450).
- Husband, W.B.*, ‘Godless Communists’: atheism and society in Soviet Russia 1917–1937, DeKalb: Northern Illinois University Press, 2000.
- International Communist Current, *The Russian Communist Left, 1918–30*, London: ICC, 2005.
- Jansen, M.*, *A Show Trial Under Lenin*, The Hague: Martinus Nijhoff, 1982.
- Johnson, C.* (ed.), *Change in Communist Systems*, Stanford: Stanford University Press, 1970.
- Johnson, R.E.*, *Peasant and proletarian: the working class of Moscow in the late nineteenth century*, Leicester: Leicester University Press, 1979.
- Katznelson, I.*, ‘Working Class Formation: constructing cases and comparisons’, in Katznelson, I. and Zolberg, I. (eds), *Working-Class Formation. Nineteenth-century patterns in western Europe and the United States*, Princeton: Princeton University Press, 1986, pp. 3–41.
- Kenez, P.*, *The Birth of the Propaganda State: Soviet methods of mass mobilization 1917–1929*, Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Koenker, D.P.*, *Moscow Workers and the 1917 Revolution*, Princeton: Princeton University Press, 1981.
- Koenker, D.P.*, ‘Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War’, *Journal of Modern History* 57, 1985: 424–450.
- Koenker, D.P.*, ‘Labour Relations in Socialist Russia: Class Values and Production Values in the Printers Union 1917–1921’, in L. Siegelbaum and R. Suny (eds), *Making Workers Soviet: Power, Class and Identity*, London: Cornell University Press, 1994, pp. 159–193.
- Koenker, D.P.*, ‘Factory Tales: Narratives of Industrial Relations in the Transition to NEP’, *The Russian Review* 55:3, 1996: 384–411.

- Koenker, D.P.*, Republic of Labor: Russian printers and soviet socialism, 1918–1930, Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Koenker, D.P. and Rosenberg, W.G.*, Strikes and Revolution in Russia, 1917, Princeton: Princeton University Press, 1989.
- Koenker, D.P. Rosenberg, W.G., and Suny, R.G.* (eds), Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History, Bloomington: Indiana University Press, 1989.
- Kotkin, S.*, review of Davies, Popular Opinion in Stalin's Russia, Europe–Asia Studies 50:4, 1998: 739–742.
- Lane, C.*, The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society – the Soviet case, Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Lefort, C.*, The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Democracy, Totalitarianism, Cambridge: Polity Press, 1986.
- Lewin, M.*, Lenin's Last Struggle, London: Faber & Faber, 1968.
- Lewin, M.*, The Making of the Soviet System: essays in the social history of interwar Russia, New York, The New Press, 1994.
- Lewin, M.*, 'Concluding Remarks', in Siegelbaum, L. H. and Suny, R.G., (eds), Making Workers Soviet: Power, Class and Identity, London: Cornell University Press, 1994, pp. 376–389.
- Lih, L.*, Bread and authority in Russia 1914–1921, Berkeley: University of California Press, 1990.
- Lih, L.*, 'The Mystery of the ABC', Slavic Review 56:1, 1997: 50–72.
- Lih, L.*, 'Vlast' from the Past', in Left Politics, 6:2, 1999: 29–52.
- Lupher, M.*, Power Restructuring in Russia and China, Oxford: Westview Press, 1996.
- Luukkanen, A.*, The Party of Unbelief: the Religious Policy of the Bolshevik Party 1917–1929, Helsinki: SHS, 1994.
- Malia, M.*, The Soviet Tragedy: a history of socialism in Russia, 1917–1991, New York: Maxwell Macmillan International, 1994.
- Malle, S.*, The Economic Organization of War Communism 1918–1921, Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Mally, L.*, Culture of the Future: the proletkult movement in revolutionary Russia, Berkeley: California University Press, 1990.
- Mandel, D.*, The Petrograd workers and the Fall of the Old Regime: from the February revolution to the July Days, 1917, London: Macmillan, 1983.
- Mandel, D.*, The Petrograd workers and the Soviet seizure of power: from the July Days 1917 to July 1918, London: Macmillan, 1984.

- Marie, J. –J.*, Cronstadt, Paris: Fayard, 2005.
- Marx, K.*, Wage Labour and Capital, Moscow: Progress Publishers, 1952.
- Marx, K.*, Critique of Hegel's 'Philosophy of Right' (ed. J. O'Malley), Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Marx, K.*, 'First draft of the Civil War in France' in Marx, K., The First International and After, London: Penguin, 1974, pp. 136-168.
- Marx, K.*, 'The Civil War in France', in Marx, K., The First International and After, London: Penguin, 1974, pp. 187-235.
- Marx, K., and Engels, F.*, The German Ideology. Part One (ed. C.J. Arthur), London: Lawrence & Wishart, 1977.
- Marx, K., and Engels, F.*, Manifesto of the Communist Party, Moscow: Progress Publishers, 1977.
- Maximoff G.*, The Guillotine At Work, vol.1. The Leninist Counter-Revolution, Chicago: Cienfuegos press, 1979.
- Maximoff G.*, Syndicalists in the Russian Revolution, London: Syndicalist Workers Federation, 1985.
- McAuley, M.*, Bread and Justice: State and Society in Petrograd 1917–1922, Oxford: Clarendon, 1991.
- McDaniel, T.*, Autocracy, Capitalism and Revolution in Russia, Berkeley: University of California Press, 1988.
- Melancon, M. and Pate, A.K.* (eds), New Labor History: Worker Identity and Experience in Russia, 1840–1918, Bloomington: Slavica, 2002.
- Merridale, C.*, Moscow Politics and the Rise of Stalin: the Communist Party in the capital 1925–32, Basingstoke: Macmillan, 1990.
- Meszaros, I.*, Marx's Theory of Alienation, London: Merlin, 2005.
- Mikhailov, N.V.*, 'The Collective Psychology of Russian Workers and Workplace Self-Organization in the Early Twentieth Century' in Melancon, M. and Pate, A.K. (eds), New Labor History: Worker Identity and Experience in Russia, 1840–1918, Bloomington: Slavica, 2002, pp. 77–93.
- Murphy, K.*, Revolution and Counterrevolution: class struggle in a Moscow metal factory, Oxford: Berghahn Books, 2005.
- Naiman, E.*, Sex in Public: the incarnation of early soviet ideology, Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Nikoljukin, A.*, 'A Little-Known Story: Bellamy in Russia', in Bowman, S. (ed.), Edward Bellamy Abroad: An American Prophet's Influence, New York: Twayne, 1962, pp. 67–85.

- Orlovsky, D.T.*, 'State building in the civil war era: the role of the lower middle strata', in Koenker, D. et al. (eds), *Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History*, Bloomington: Indiana University Press, 1989, pp. 180–209.
- Orlovsky, D.T.*, 'The Hidden Class: White Collar Workers in the Soviet 1920s', in Siegelbaum, L.H. and Suny, R.G. (eds), *Making Workers Soviet: Power, Class and Identity*, London: Cornell University Press, 1994, pp. 220–252.
- Orlovsky, D.T.*, 'The anti-bureaucratic campaigns in the 1920s', in Taranovski, T. (ed.), *Reform in modern Russian history: progress or cycle?*, Cambridge: Cambridge University Press, 1995, pp. 290–315.
- Patenaude, B.M.*, *Bolshevism in Retreat: the Transition to NEP 1920–22* (PhD diss., Stanford University, 1987).
- Patenaude, B.M.*, *The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*, Stanford: Stanford University Press, 2002.
- Pinnow, K.*, *Making Suicide Soviet: medicine, moral statistics and the politics of social science in Soviet Russia, 1920–1930* (PhD diss., Columbia University, 1988).
- Pipes, R.*, *Russia Under the Bolshevik Regime*, London: Harvill, 1994.
- Pirani, S.*, 'Class Clashes With Party: Politics in Moscow between the Civil War and the New Economic Policy', *Historical Materialism* 11: 2, 2003: 75–120.
- Pirani, S.*, 'The Moscow Workers' Movement in 1921 and the Role of Non-partyism', *Europe–Asia Studies* 56:1, 2004: 143–160.
- Pirani, S.*, *The changing political relationship between Moscow workers and the Bolsheviks, 1920–24* (PhD diss., University of Essex, 2006).
- Pirani, S.*, 'The party elite, the industrial managers and the cells: early stages in the formation of the Soviet ruling class in Moscow, 1922–23', *Revolutionary Russia* 19:2, 2006: 197–228.
- Podshchekoldin, A.M.*, 'The Origins of the Stalinist Bureaucracy – Some New Historical Facts' (tr. Mike Jones). <<http://www.revolutionary-history.co.uk/supplem/podsheld.htm>> (accessed 2 May 2007).
- Pospelovsky, A.*, 'Strikes During the NEP', *Revolutionary Russia* 10:1, 1997: 1–34.

- Priestland, D.*, 'Bolshevik ideology and the debate over party-state relations, 1918–21', *Revolutionary Russia* 10:2, 1997: 37–61.
- Priestland, D.*, *Stalinism and the Politics of Mobilization: ideas, power and terror in inter-war Russia*, New York: Oxford University Press, 2007.
- Rabinowitch, A.*, *Prelude to Revolution: the Petrograd Bolsheviks and the July 1917 uprising*, Bloomington: Indiana University Press, 1968.
- Rabinowitch, A.*, *The Bolsheviks Come to Power: the revolution of 1917 in Petrograd*, New York: W. Norton, 1976.
- Radek, K.*, 'The Paths of the Russian Revolution', in Richardson (ed.), *In Defence of the Russian Revolution: a selection of Bolshevik writings, 1917–1923*, London: Porcupine Press, 1995, pp. 35–65.
- Rakovsky, C.*, *Selected Writings on Opposition in the USSR 1923–1930* (ed. Gus Fagan), London: Allison & Busby, 1980.
- Raleigh, D.J.*, *Experiencing Russia's Civil War: politics, society and revolutionary culture in Saratov, 1917–1922*, Princeton: Princeton University Press, 2002.
- Read, C.*, *From Tsar to Soviets: the Russian people and their revolution 1917–21*, London: Routledge, 1996.
- Rees, E.A.*, *State control in Soviet Russia: the rise and fall of the Workers' and Peasants' Inspectorate, 1920–34*, Basingstoke: Macmillan, 1987.
- Rees, J. et al.*, *In Defence of October*, London: Bookmarks, 1997.
- Remington, T.*, *Building Socialism in Bolshevik Russia: Ideology and Industrial Organization 1917–1921*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1984.
- Rigby, T. H.*, *Communist Party Membership in the USSR 1917–1967*, Princeton: Princeton University Press, 1968.
- Rigby, T. H.*, 'The Soviet Political Elite', *British Journal of Political Science* 1:4, 1971: 415–436.
- Rigby, T. H.*, 'Early provincial cliques and the rise of Stalin', *Soviet Studies* 33, 1981: 3–28.
- Rosenberg, W.G.*, 'The Social Background to Tsektran', in Koenker et al. (eds), *Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History*, Bloomington: Indiana University Press, 1989, pp. 349–373.
- Rosenberg, W.G.*, 'Russian Labor and Bolshevik Power After October', *Slavic Review* 44:2, 1985, pp. 213–238.

- Rosman, J.*, *Worker Resistance Under Stalin: class and revolution on the shop floor*, London: Harvard University Press, 2005.
- Rowney, D.K.*, *Transition to technocracy: the structural origins of the Soviet administrative state*, Ithaca: Cornell University Press, 1989.
- Sakwa, R.*, *Soviet Communists in Power: a study of Moscow during the civil war*, London: Macmillan, 1988.
- Sakwa, R.*, 'The Soviet State, Civil Society and Moscow Politics: Stability and Order in Early NEP 1921–1924', in Cooper, J., Perrie, M. and Rees, E.A. (eds), *Soviet History, 1917–53*, Birmingham: Macmillan, 1995, pp. 42–77.
- Schapiro, L.*, *The Origin of the Communist Autocracy*, London: G. Bell & sons, 1955.
- Seidman, M.*, *Workers Against Work: labor in Paris and Barcelona during the Popular Fronts*, Berkeley: University of California Press, 1991.
- Seidman, M.*, *Republic of Egos: a social history of the Spanish civil war*, Madison: University of Wisconsin Press, 2002.
- Serge, V.*, *Littérature et révolution*, Paris: Maspero, 1976.
- Serge, V.*, *Memoirs of a Revolutionary*, New York: Writers & Readers, 1977.
- Serge, V.*, *Revolution in Danger: Writings from Russia 1919–20*, London: Redwords, 1997.
- Siegelbaum, L.*, *Stakhanovism and the Politics of Productivity*, Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Siegelbaum, L.*, *Soviet State and Society Between Revolutions, 1918–1929*, Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Siegelbaum, L., and Suny, R.G.* (eds), *Making Workers Soviet: Power, Class and Identity*, London: Cornell University Press, 1994.
- Siegelbaum, L., and Suny, R.G.*, 'Class Backwards? In Search of the Soviet Working Class' in Siegelbaum and Suny (eds), *op. cit.*, pp. 1–26.
- Smith, C.*, *Karl Marx and the future of the human*, Maryland: Lexington Books, 2005.
- Smith, S.A.*, *Red Petrograd*, Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Sochor, Z.A.*, *Revolution and Culture: The Bogdanov–Lenin controversy*, Ithaca: Cornell University Press, 1988.
- Steinberg, M.D.*, *Proletarian Imagination: self, modernity and the sacred in Russia, 1910–1925*, Ithaca: Cornell University Press, 2002.

- Sternheimer, S.*, 'Administration for Development: the emerging bureaucratic elite, 1920-1930' in Pintner, W. and Rowney, D.K. (eds), *Russian officialdom: the bureaucratization of Russian society from the seventeenth to the twentieth century*, London: Macmillan, 1980, pp. 316–354.
- Stites, R.*, *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*, Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Strauss, K.M.*, *Factory and Community in Stalin's Russia: the making of an industrial working class*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1997.
- Suny, R.G.*, 'Towards a Social History of the October Revolution', *American Historical Review* 1, 1983: 31–52.
- Thalheimer, A.*, '1923: A Missed Opportunity? – The legend of the German October and the real history of 1923', *Revolutionary History* 8:4, 2004: 90–125.
- Thompson, E.P.*, *The Making of the English Working Class*, London: Victor Gollancz, 1963.
- Thompson, E.P.*, *The Poverty of Theory and other essays*, London: Merlin, 1978.
- Tilly, L. and Tilly, C.* (eds), *Class conflict and collective action*, Beverly Hills: Sage, 1981.
- Trotsky, L.*, *Writings of Leon Trotsky (1933–34)*, New York: Pathfinder, 1972.
- Trotsky, L.*, *The Revolution Betrayed: What is the Soviet Union and Where is it Going*, London: New Park, 1973.
- Trotsky, L.*, *Terrorism and Communism: a reply to Karl Kautsky*, London: New Park, 1975.
- Trotsky, L.*, *Writings of Leon Trotsky (1935–36)*, New York: Pathfinder, 1977.
- Trotsky, L.*, *How the Revolution Armed: the military writings and speeches of Leon Trotsky* (tr. B. Pearce), London: New Park, 1981.
- Tsuji, Y.*, 'The Debate on the Trade Unions, 1920-21', *Revolutionary Russia* 2:1, 1989: 31–100.
- Tucker, R.C.*, 'Towards a Comparative Politics of Movement-Regimes', *American Political Science Review*, 55:2, 1961: 281–289.
- Ulrich, Jurg.*, *Kamenev: Der gemassigte Bolschewik*, Hamburg: VSA-Verlag, 2006.

- von Geldern, J.*, *Bolshevik Festivals, 1917–1920*, Berkeley: University of California Press, 1993.
- Ward, C.*, *Russia's cotton workers and the New Economic Policy: shop-floor culture and state policy 1921–1929*, Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Weber, M.*, *Essays in Sociology* (tr. and ed. by H.H. Gerth and C.W. Mills), London: Routledge and Kegan Paul, 1970.
- Wheatcroft, S.*, 'Famine and food consumption records in early Soviet history, 1917–1925', in Geissler, C. and Oddy, D. (eds), *Food, Diet and Economic Change Past and Present*, Leicester: Leicester University Press, 1993, pp. 151–174.
- Wood, E.*, *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*, Bloomington: Indiana University Press, 1997.
- Zelnik, R.E.*, 'Russian Bebel: an introduction to the memoirs of the Russian workers Semen Kanatchnikov and Matvei Fisher', *Russian Review* 35:3, 1976: 249–289.
- 1921 год. Мясников, Ленин и дискуссия // Свободная мысль. – №1. – 1989. – С. 62-75.
- Абрамович И.* Книга воспоминаний // <http://lib.ru/MEMUARY/ABRAMOWICH/> (дата доступа – 2 мая 2007).
- Алещенко Н.М.* Московский совет в 1917–1941 гг. – М.: Наука, 1976.
- Астрахан Х.М.* Большевики и их политические противники в 1917-м году. – Л.: Лениздат, 1973.
- Бауманский комитет ВКП(б). Очерки по истории революционного движения и большевистской организации в Бауманском районе. – М., 1927.
- Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. – М.: СП Софинта, 1990.
- Бордюгов Г.А.* (ред.). Как жили в Кремле в 1920 году: материалы Кремлевской комиссии ЦК РКП(б) // Неизвестная Россия. II. 1992. – С. 261-271.
- Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001.
- Борисова Л.В.* НЭП в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. №1. 2006. – С. 84-97.

- Бухарин Н.* Экономика переходного периода // *Бухарин Н.* Избранные произведения. — М.: Экономика, 1990. — С. 81–239.
- Буков К.И., Коршунова З.П., Родионова Н.И.* (ред.). Московская городская организация КПСС 1917–1988: цифры, документы, материалы. — М.: Московский рабочий, 1989.
- Бузгалин А.В., Чураков Д.О., Шульце П.* (ред.). Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. — М.: «Экономическая демократия», 2001.
- Валентинов Н.В. (Вольский Н.)*. Наследники Ленина. — М.: Терра, 1991.
- Валентинов Н.В. (Вольский Н.)*. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. — М.: Современник, 1991.
- Васильева О.Ю.* Русская православная церковь и советская власть в 1917–27 годах // Вопросы истории. №8. 1993. — С. 40–54.
- Васяев В.И., Дробижев В.З., Закс Л.Б., Пивовар Б.И., Устинов В.А., Ушакова Т.А.* Данные переписи служащих 1922 г. о составе кадров наркоматов РСФСР. — М.: Изд. Московского университета, 1972.
- Вернидуб И.И.* На передовой линии тыла. — М.: ЦНИИИТ-КПК, 1993.
- Воронин П.А. и др.* Москва. Энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1980.
- Генкина Е.Б.* Государственная деятельность В.И. Ленина 1921–1923 гг. — М.: «Наука», 1969.
- Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы 1917–1923 гг. — М.: «Наука», 1995.
- Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы 1917–1920 гг. — М.: Институт истории РАН, 1998.
- Гимпельсон Е.Г.* Новая экономическая политика и политическая система в 20-е годы. — М.: Институт истории РАН, 2000.
- Глебкин В.В.* Ритуал в советской культуре. — М.: Инус-К, 1998.
- Горинов М.* Москва в 20-х годах // Отечественная история. — №5. 1996. — С. 3–17.
- Григорьев Г.* Повороты судьбы и произвол: воспоминания 1905–1927. — М.: Частный архив, 2005.
- Грунт А.Я.* Москва 1917-й. Революция и контрреволюция. — М.: «Наука», 1976.

- Давыдов Г.М., Кноп Е.Я.* Завод на Усачевке. — М.: Московский рабочий, 1980.
- Двинов Б.* Московский Совет Рабочих Депутатов, 1917–1922: воспоминания. — New York: Inter-university project on the history of the Menshevik movement, 1961.
- Двинов Б.* От легальности к подполью 1921–22. — Stanford: Hoover Institution, 1968.
- Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции: автобиографии и биографии. — М.: Гранат, 1925–26.
- Ефанов А.И. и др.* (ред.). История завода «Динамо». Кн. 2. «Динамо» в годы строительства социализма. — М.: Профиздат, 1964.
- Жильцов С.* Смертная казнь в истории России. — М.: Зерцало-М, 2002.
- Жуков А.Ф.* Идеино-политический крах эсеровского максимализма. — Л.: Изд. Ленинградского университета, 1979.
- Журавлев С.В. и др.* (ред.). Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. — М.: Росспэн, 1995.
- Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электrozавода в советском обществе 1920-х — 1930-х гг. — М.: Росспэн, 2000.
- Журавлев С.В.* Феномен «истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. — М.: Институт российской истории РАН, 1997.
- Иванович С.* ВКП: десять лет коммунистической монополии. — Париж: Биб. демократического социализма, 1928.
- Измозик В.С.* Глаза и уши режима: государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. — СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 1995.
- История Москвы (7 томов). — М.: Изд. Академии наук СССР, 1952–1959.
- Кабо Е.* Очерки рабочего быта: опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. — М.: ВЦСПС, 1928.
- Кирьянов Ю.И., Розенберг У., Сахаров А.Н.* (ред.). Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. — М.: УРСС, 1998.
- Коржухина Т.П., Фигнатер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы, действия // Вопросы истории. №7. 1993. — С. 25–38.

- Коровина М.Н., Коган Т.Ф.* Борьба за улучшение благосостояния рабочего класса (1921–25 гг.) // Вопросы истории. №9. 1961. – С. 42–55.
- Коршунова З.П.* (ред.). Очерки истории Московской организации КПСС, кн. II, ноябрь 1917–1945. – М.: Московский рабочий, 1983.
- Кравец В.П.* (ред.). Резиновая промышленность. Кн. 2. – М.–Л.: Центр упр. Печати ВСНХ СССР, 1926.
- Красильников С.А., Морозов К.Н.* Предисловие // *Красильников С.А., Морозов К.Н., Чубыкин И.В.* (ред.). Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. – М.: Росспэн, 2002. – С. 9–144.
- Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И.* (ред.). Наше отечество: опыт политической истории. – М.: Терра, 1991.
- Курахтанова В.* Первая ситценабивная. – М.: Изд. социально-экономической литературы, 1960.
- Ланицкая С.* Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. – М.: ОГИЗ, 1935.
- Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города, 1920–1930 годы: нормы и аномалии. – СПб.: Изд. «Летний сад», 1999.
- Лельчук В.С.* (ред.). Историки спорят: тринадцать бесед. – М.: Изд. полит. литературы, 1988.
- Леонов С.В.* Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. – М.: Диалог–МГУ, 1997.
- Леонтьев Я.В., Юрьев К.С.* Незапечатленный труд: из архива В.Н. Фигнер // Звенья: исторический альманах. №2. – СПб.: Феникс/ Atheneum, 1992. – С. 424–488.
- Липилин Ю.А., Сачковский Г.А.* Ленинский призыв в ленинградской партийной организации. – Л.: Лениздат, 1984.
- Луначарский А.В., Троцкий Л., Радек К.* Силуэты: политические портреты. – М.: Изд. политической литературы, 1991.
- Люттов Л.Н.* Государственная промышленность в годы НЭПа. – Саратов: Изд. Саратовского университета, 1996.
- Мазаев А.И.* Праздник как социально-художественное явление. – М.: «Наука», 1968.
- Маркевич А., Соколов А.* «Магнитка близ Садового кольца»: стимулы к работе на московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. – М.: Росспэн, 2005.

- Матюгин А.А.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства, 1921–1925. — М.: Изд. Академии наук СССР, 1962.
- Московская городская и Московская областная организация КПСС в цифрах. — М.: Московский рабочий, 1972.
- Московский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1917–27. — М.: Изд. Московского совета, 1927.
- Мчедлов М.П., Собокин А.М.* В.И. Ленин: биографическая хроника, 1870–1924. — М.: изд. полит. литературы, 1985.
- Мясников Г.* Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее. №18. 1995. — С. 7–191.
- Нарский И.* Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. — М.: Росспэн, 2001.
- Ненин А.Б.* Совнарком и Новая Экономическая Политика (1921–23 гг.). — Нижний Новгород: Изд. Волго-Вятской академии государственной службы, 1999.
- Олех Г.Л.* Кровные узы: РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. — Новосибирск: Новосибирская государственная академия водного транспорта, 1999.
- Олех Г.Л.* Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. — Новосибирск: Изд. Новосибирского университета, 1992.
- Орлов И.Б.* Восстановление промышленности // Павлюченков С.А. и др. (ред.). Россия нэповская. — М.: Новый хронограф, 2002. — С. 121–149.
- Орлов И.Б.* Проблемы единой экономики // Павлюченков С.А. и др. (ред.). Указ. соч. С. 150–165.
- Павлов Д.Б.* Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов 1917–середина 1950-х годов. — М.: Росспэн, 1999.
- Павлов И.* 1920-е годы. Революция, бюрократия. Записки оппозиционера. — СПб.: «Петербург — XXI век», 2001.
- Павлова И.В.* Сталинизм: становление механизма власти. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993.
- Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. — Новосибирск: Изд. СО РАН, 2001.
- Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. — М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1996.

- Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. — М.: РКТ-История, 1997.
- Павлюченков С.А.* Экономический либерализм в пределах политического монополизма // Павлюченков С.А. и др. (ред.). Россия нэповская: исследования. — М.: Новый хронограф, 2002. — С. 15–57.
- Павлюченков С.А.* «Новый класс» и становление системы государственного абсолютизма // Павлюченков С.А. и др. (ред.). Указ. соч. С. 169–207.
- Павлюченков С.А. и др.* (ред.). Россия нэповская: исследования. — М.: Новый хронограф, 2002.
- Панфилова А.М.* История завода «Красный Богатырь». — М.: Изд. Московского университета, 1958.
- Подляшук П.* Радуга трех гор. Из биографии одного рабочего коллектива. — М.: Московский рабочий, 1967.
- Подщеколдин А.М.* Когда и кем была «продана революция»? (неопубликованные материалы конференции, Москва, 1999).
- Поляков Ю.А.* Московские трудящиеся в обороне советской столицы в 1919 году. — М.: Изд. Академии наук СССР, 1958.
- Поляков Ю.А.* 20-е годы: настроение партийного авангарда // Вопросы истории КПСС. №10. 1989. — С. 25–38.
- Пролетарский М.Я.* Завод «Красный богатырь» (1887–1932). — М.: Гос. хим.-тех. изд., 1933.
- Рашин А.Г.* Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР 1922/23–1926/27 гг. — М.: Госиздат, 1928.
- Рашин А.Г.* Формирование рабочего класса России: историко-экономические очерки. — М.: Изд. социально-экономической литературы, 1958.
- Родионова Н.И.* Годы напряженного труда: из истории московской партийной организации 1921–1925 гг. — М.: Московский рабочий, 1963.
- Родионова Н.И.* (ред.). Соратники: биографии активных участников революционного движения в Москве и Московской области. — М.: Московский рабочий, 1985.
- Рокитянский Я., Мюллер Р.* Красный диссидент: академик Рязанов — оппонент Ленина, жертва Сталина. — М.: Academia, 1996.

- Святенко Ф.* Завод «АМО». — М.: Гос. изд., 1929.
- Симонов Н.С.* Демократичная альтернатива тоталитарному НЭПу // История СССР. №1. 1992. — С. 41–56.
- Симонов Н.С.* Термидор, Брюмер или Фрюктидор? Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность // Отечественная история. №4. 1993. — С. 3–17.
- Симонов Н.С.* Реформа политического строя: замыслы и реальность (1921–23 гг.) // Вопросы истории КПСС. №1. 1991. — С. 42–45.
- Синицын А.М. и др.* (ред.). История рабочих Москвы 1917–1945 гг. — М.: «Наука», 1983.
- Соколов А.К., Козьменко В.М.* (ред.). Россия в XX веке: люди, идеи, власть. — М.: Росспэн, 2002.
- Солженицын А.* Архипелаг Гулаг. — Париж: YMCA Press, 1973.
- Сорин В.* Рабочая группа («Мясниковщина»). — М.: МК РКП, 1924.
- Суворова Л.Н.* За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. №4. 1993. — С. 48–59.
- Тимофеевский А.А.* (ред.). В.И. Ленин и строительство партии в первые годы советской власти. — М.: Мысль, 1965.
- Трукан Г.А.* Путь к тоталитаризму, 1917–1929 гг. — М.: «Наука», 1994.
- Тяжельникова В.С.* «Военный синдром» в поведении коммунистов 1920-х гг. // Сенявская Е.С. (ред.). Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. — М.: Росспэн, 2002. — С. 291–305.
- Тяжельникова В.С.* Механизмы «сурового самоочищения» (неопубликованный доклад, представленный на конференции Британской ассоциации славянских и восточноевропейских исследований, 2003).
- Тяжельникова В.С.* Повседневность и революционные преобразования советской власти // Севостьянов Г.Н. (ред.). Россия в XX веке: Реформа и революция. — М.: «Наука», 2002. — С. 84–100.
- Тяжельникова В.С.* Повседневная жизнь московских рабочих в начале 1920-х годов // Соколов А.К., Козьменко В.М. (ред.). Россия в XX веке: люди, идеи, власть. — М.: Росспэн, 2002. — С. 194–218.

- Тяжельникова В.С.* Самоубийство коммунистов в 1920-е годы // Отечественная история. №6. 1998. — С. 158—173.
- Хромов С.С. и др.* (ред.). Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1983.
- Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины: из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. — М.: Россия молодая, 1994.
- Черняев В.Ю., Макаров Е.И.* (ред.). Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917—1929: экономические конфликты и политический протест. — СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000.
- Чуряев А.П., Адфельдт Н.В., Баевский Д.А.* (ред.). История Московского автозавода им. И.А. Лихачева. — М.: Изд. «Мысль», 1966.
- Шедров С.В.* (ред.). Профсоюзы Москвы: Очерки истории. — М.: Профиздат, 1975.
- Шишкин В.А.* Власть, политика, экономика: послереволюционная Россия (1917—1928 гг.). — СПб.: «Дмитрий Буланин», 1997.
- Шкаратан О.И.* Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. — М.: «Мысль», 1970.
- Яров С.В.* Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999.

Московские фабрично-заводские рабочие. Оратор выступает перед работницами Трёхгорной мануфактуры (начало 1920-х).

Рабочие завода АМО обсуждают ремонт двигателя (1924)

Небольшие привилегии на фоне общего дефицита вызывали раздражение. Делегаты II конгресса Коминтерна обедают (1920) (фото сверху), в то время как рабочие стоят в очереди за пайками (фото внизу)

Всероссийское и местное партийное руководство. Члены ЦК на IX партсъезде (март 1920). Среди сидящих, слева направо: Авель Енукидзе, Михаил Калинин и Николай Бухарин (1–3), Лев Каменев и Евгений Преображенский (6, 7), Ленин (крайний справа).

Члены Московской комиссии по организации «профсоюзной недели» (март 1921).

*Активисты партийных ячеек и районных парторганизаций.
Члены партячейки Лечебно-протезного института Московского отдела
здравоохранения на фоне транспаранта (1922)*

Активисты Рогожско-Симоновского района

Демонстрация в Москве в честь окончания курсов по ликвидации безграмотности строителями и членами их семей (середина 1920-х)

*Демонстрация в Москве
в честь 5-й годовщины Октябрьской революции (1922)*

Делегаты московского съезда Союза химиков (1923)

Делегаты Союза советских служащих (середина 1920-х)

Москва 1922

фабрики и заводы

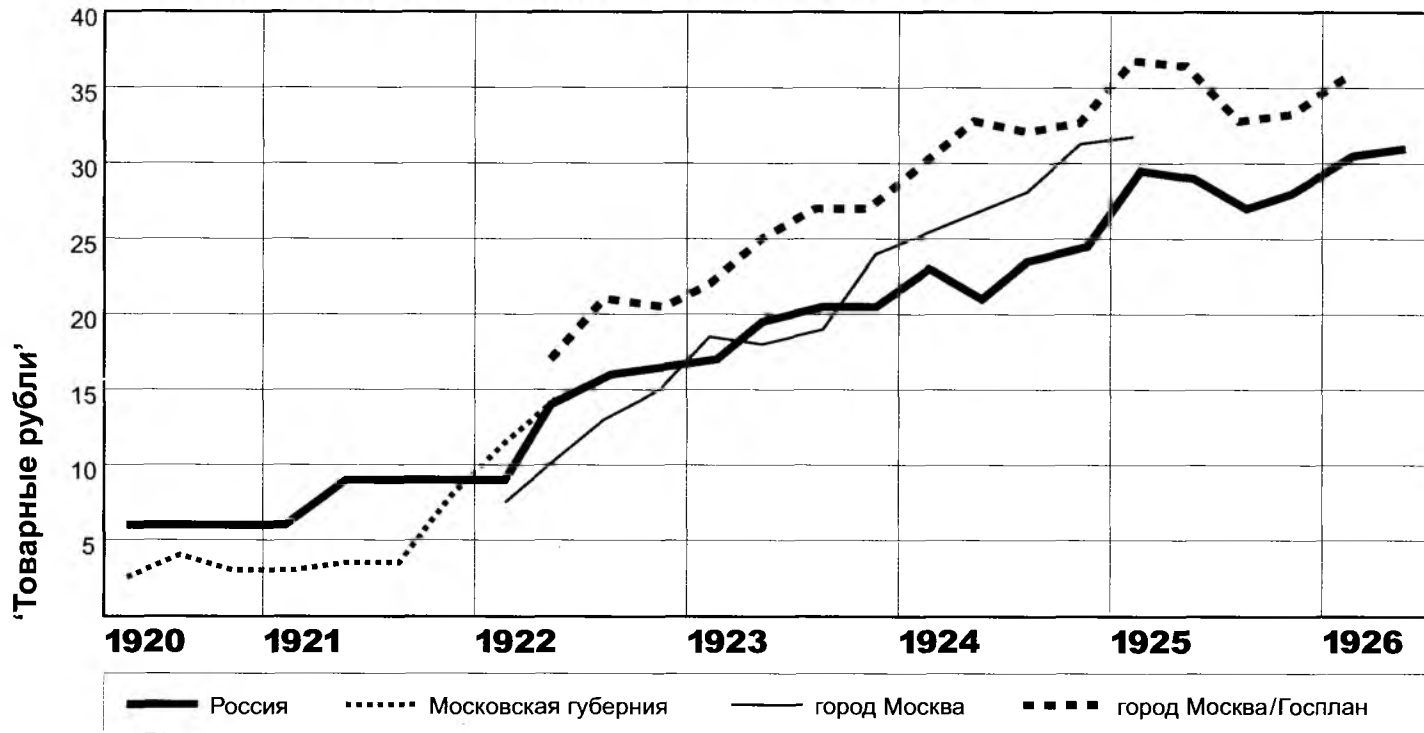
1. завод «Богатырь»
2. мастерские тяжелой и осадной артиллерии (Мастязарт)
3. авиационный завод «Гном и Рон»
4. завод «Динамо»
5. автомобильный завод АМО
6. завод «Бромлей»
7. резиновый завод «Каучук»
8. Трехгорная мануфактура

▲ Кремль

■ Сухаревский рынок

.....○ железные дороги

Заработная плата промышленных рабочих, 1920–1926

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аванесов В. А. 272
Адамс Э. 160, 159
Адфельдт Н. В. 159
Александров 239
Александровский Василий 176,
177
Алексеев 293
Алешенко Н. М.
Алиханов Гавриил 94
Аллен Барбара 8
Аллилуев С. 353
Альбрехт 329
Амелин Николай 162
Андейчин 274, 321
Андреев Андрей 227, 252
Ангарский Николай С. 76, 96,
100, 184, 208, 350
Аникеев 125
Антонов 328
Антонов-Овсеенко Владимир 333
Аргенб्राйт Роберт 8, 321
Аронштам 333
Артём 101
Аскаргов Герман 157
Ахмад Теймур 9

Б

Баевский Д. А. 159
Бадаев А. 46
Баджен Себастьян 9
Баранов Александр 92, 198, 284,
294
Барковский 63
Бармаш Владимир 125

Бевен Энди 9
Бегин 115
Беленький Георгий 196, 319
Беллами Эдвард 82, 83
Белл Джонатан 9
Белоусов Пётр 180
Беляков 239, 240
Береговой С. Г. 93
Бердоносков 180
Берзина Мария К. 93, 183, 198,
284, 285, 351,
Благонаравов Георгий 198
Блэкберн Роберт 8
Бобров А. 317
Богатов 275
Богданов Александр 294, 283, 284,
301
Богданов Иван 197, 283, 284, 301
Богданов Пётр 186, 187, 283, 284,
301
Богуславский Михаил С. 76, 100,
101, 146, 149, 295, 351
Бондарев Н. 82
Бонис Салли 8
Борови Янош 9
Боровой Алексей 286
Бош Евгения 180
Бразерстоун Терри 8
Брауэр Дэниел 48
Бреслав Борис 197, 198
Бретан 153, 158, 162
Бровкин Владимир 142
Бруно Генрих 98, 181
Бруз Пьер 310
Бубнов Андрей 97, 98, 99

Будняк Ф. Д. 181, 271
 Буравой Майкл 136
 Буравцев 50
 Бурдуков Александр 89
 Бурдаков К. В. 92, 93, 184
 Бухарин Н.И. 23, 66, 67, 75, 77, 78,
 81, 87, 99, 100, 132, 133, 327

В

Вавилькин 62
 Вайнтрауб Леонид 8
 Вайсман Сюзи 8
 Вандервельде Эмиль 217, 220, 221
 Вардин Илья 84, 87, 149, 347
 Васильев 114
 Вебер М. 244
 Величенко 239
 Викторов 127, 128
 Винокуров 273
 Власов Антон 89, 90, 178
 Вовси М. 252
 Володарский Моисей 217
 Володин Иван 159
 Воронин П. А. 61
 Высоцкая 94
 Вышинский Андрей Я. 112, 113,
 114

Г

Гаврилин Николай А. 50, 62, 82,
 105, 158, 318, 351, 361
 Гадарейн 198
 Гелдерн Джеймс фон 138
 Гендельман Михаил 222
 Герасимов В. Г. 17
 Герасимов Михаил 74, 93, 174, 176,
 177, 179
 Гетцлер Израэль 18, 140
 Гимпельсон Е. Г. 26
 Глагольев 92, 93
 Глебов Николай 142, 143, 160
 Голдман Вэнди 28, 31, 208
 Голубева Вера 235, 236
 Гольцев Д. С. 50, 65

Гольцман Абрам 50, 54, 115, 313
 Горбачёв 318
 Городничев 299
 Горонви Тревор 9
 Горонви Шолпан 9
 Горман Дэвид 9
 Горький Максим 29
 Грислин 175
 Грэм Джил 241
 Гудьков 231
 Гуревич Алексей 253
 Гурвич 196
 Гуров 256
 Гусев Алексей 8, 258
 Гусева Юлия 8

Д

Давыдов Василий 123, 148, 159,
 160
 Далин Давид 87, 204
 Данишевский Карл Х. 133, 196,
 307, 313, 352
 Дан Федор 88
 Двинов Борис 146, 151, 156, 162,
 222
 Дворецкий 179
 Демидов Владимир П. 65, 78, 92,
 93, 94, 284, 285, 286, 342, 352
 Дероуз Венди 32
 Деуленков Григорий 181
 Джонс Боб 9
 Дзержинский Ф. Э. 119, 295, 296,
 310, 311, 370
 Диксон Уильям 9
 Догадов Александр 227
 Додонов 116
 Дойчер Исаак 21, 38, 39, 40, 336,
 340
 Дорофеев Яков 80, 148
 Дрэпер Хэл 217
 Дэниэлс Р. 306

Е

Евстигнеев 106, 107

- Евстратов Владимир 9
 Егоров Михаил 88
 Ежов Н. 351
 Елагин 271
 Емельянов Тимофей 128
 Енукидзе Авель 90, 196, 197, 353
 Енукидзе Трифон Т. 196, 273, 353
 Епифанов 56, 214
 Ермолаев 171, 172
- Ж**
 Желтов 103
 Журавлёв Сергей В. 28, 31, 159
- З**
 Заколупин П. В. 92
 Замятин Е. И. 75
 Заславский П. С. 150, 170
 Зеленский Исаак А. 122, 146, 147, 149, 179, 189, 190, 200, 201, 223, 254, 258, 259, 269, 327, 354
 Земляк Вигант 174
 Землячка Розалия 90, 318
 Зиновьев 86, 99, 102, 106, 200, 238, 248, 258, 262, 266, 267, 301, 304, 307, 314, 316, 317, 345
 Зорина 263, 264
 Зотов 312
- И**
 Иванов 125, 126, 263
 Игнатов Ефим Н. 76, 88, 91, 95, 96, 98, 100, 101, 103, 155, 171, 179, 181, 184, 350, 354, 356, 361
 Иконников 220
 Или Брайан 32
 Ильин 93, 284, 285
- К**
 Казенков 56
 Казин Василий 176, 177
 Калинин Федор 175, 199, 293, 316
 Каляев 125
 Каменев Л. Б. 63, 89, 91, 100, 105, 114, 116, 121, 151, 152, 153, 155, 221, 238, 266, 304, 307, 308, 309, 345,
 Камков Иван 198
 Каменецкий 115
 Камышев Пётр 234, 355
 Карелин Аполлон 157
 Карр Эдвард Х. 21, 257, 259, 308, 323, 340,
 Каспирович Анна 128, 267
 Касториадис Корнелиус 243
 Качков 294
 Квашонкин А. В. 150
 Керженцев Платон 74
 Кесслер Гейс 31
 Кёнкер Дайан 8, 27, 28, 39, 40, 140, 162, 257, 302, 303
 Киндаржан 94
 Киреев Иван 56, 115, 148, 180
 Кириллов Владимир 175
 Климентьев В. Ф. 57, 75
 Козлов В. П. 322
 Козловский 132
 Коллонтай Александра 235, 294, 295
 Колоницкий Борис 28
 Колтон Тимоти 30
 Кольшкин 55, 113
 Кольцов 326
 Колядов 127
 Корзинов Георгий 92, 93, 96, 99
 Корнилов Л. Г. 363
 Коробицын Николай 158, 255
 Королёв 120
 Корфилин 105
 Корчагин 264
 Косиор В. В. 175
 Котов Василий 103
 Кочетков 196, 198
 Коурт Питер 9
 Коштюров 285
 Краевский 56
 Красин Л. Б. 152, 306, 308
 Краснощёков Александр 321
 Крауч Дэвид 9

- Крестинский 180
 Кржижановский Г. М. 43, 68
 Кроль Самуил 234
 Круглов 125
 Крупская Н. К. 83
 Крутецкая 60
 Крыленко Николай В. 261, 271, 273
 Крылов Алексей 54, 365
 Кузнецов Иван 93, 159
 Кузнецов Николай 284, 294, 355, 356
 Кузьмин 113
 Куйбышев Валериан 295
 Кук Линда 136
 Кульков 326
 Кун Бела 253
 Кураев Василий 114
 Куранова Екатерина Я. 12, 93, 96, 182, 356
 Кутузов Иван 66, 93, 99, 100
- Л**
- Лавлер Б. 327
 Лаврентьевы, братья 220
 Лазарев 293
 Ларин Юрий 78, 169, 306, 307
 Ласс-Козлова Полина И. 184, 294, 356, 364
 Лебедев Г. 171, 172
 Лебедев-Полянский Павел 72
 Левит 94
 Левин Моше 18, 24, 269
 Лежава А. М. 359
 Лейбина Наталья 28
 Лемберт Ганс 198, 333, 357
 Ленин В. И. 23, 29, 43, 57, 76, 77, 78, 79, 80, 83, 85, 86, 87, 89, 90, 101, 102, 103, 105, 107, 112, 120, 128, 134, 149, 155, 169, 172, 174, 176, 180, 187, 192, 199, 200, 211, 217, 225, 226, 237, 238, 271, 273, 296, 305, 306, 309, 325, 329, 330, 337, 343, 344
 Лефор Клод 244
- Либединский Юрий 79
 Лидак Андрей 96, 97, 158
 Лиде 255
 Лисицын Н. В. 95
 Литвинов И. И. 180, 184, 186
 Литвинов Ю. 180
 Лих Ларс 31, 75
 Лихачев Василий 54, 55, 225
 Лобанов Михаил 313
 Лозовский Соломон 111, 113, 114, 122, 150
 Лукашевич 299
 Луначарский А. В. 75, 89, 120, 184, 218, 225
 Лутовинов 323
 Лысенков Афанасий Н. 160, 357
- М**
- Магидов Борис 256
 Макдэниел Тимоти 140
 Макинтайр Энтони 9
 Маколи Мэри 130
 Максимов Григорий 130
 Максимовский Владимир 133
 Малахов 321
 Маля Мартин 75
 Мандельштам Александр 198, 268, 318
 Мари Жан-Жак 89
 Маркс Карл 12, 16, 23, 158, 207, 242, 336, 347
 Мартенс Л. К. 159
 Масленников Сергей 198
 Маслов И. 98, 118, 119
 Маслов С. С. 98, 118, 119
 Матер Яссамин 9
 Матёхин М. А. 191
 Матросов 114
 Мах 294
 Махайский Ян 113, 197
 Машатов 133
 Маширов Алексей 175
 Медведев А. И. 181, 284
 Медведев С. П. 98

Мельничанский Григорий Н. 54,
114, 158, 227, 280, 281, 398
Месежников 180
Мессинг Станислав 119, 120, 122
Мёрфи Кевин 26, 31, 223
Мизикин Николай 196
Миңков Исаак 53, 150
Михайлов Михаил 181, 284 120
Михайлов Николай 141, 120
Михайлов Сергей 151, 262, 263,
285, 358

Михайловский 350
Мод Дэвид 32
Моисеев П.Г. 284
Моисеев С. И. 369
Молотов В. М. 150, 170, 180, 247,
250, 256, 344
Морозов К. Н. 8
Моррис Уильям 82, 207
Мор Томас 207
Муралов Николай 313
Муранов 354
Муранов М. 88
Мурахин 133
Мюнцер Томас 207
Мюрат (Лежава-Мюрат) Валери-
ан И. 260, 261, 262, 264, 265,
266, 267, 282, 359
Мясников Гавриил 266, 284, 295

Н

Назаретянци 315
Найман Эрик 28
Настасьян Василий 116, 123, 148,
159
Нестроев 286
Николай II 128
Нильсон Джонас 9
Ногин Виктор 87, 124
Нюрина Ф. 235

О

Обрадович Сергей 176
Озел-Преднек Карл 175

Озеров 152
Олех Г. Л. 321
Оленов П. А. 84
Ольденборгер В. В. 271, 272, 273
Орехов Александр 96, 97
Орловски Дэниэла 28, 40
Осинский Валериан 68, 95, 169,
306, 307, 309
Островитянов Константин 99

П

Павлова И. В. 247
Павлов Д. Б. 145, 124, 157
Павлов И. 29, 153
Павлюченков С. А. 31
Пайпс Ричард 21, 75, 128
Палмер Кэролайн 9
Палмер Томсон Эдвард 16
Панюшкин Василий 92, 93, 153,
155, 172, 173, 310, 342, 359
Пендлтон Эндрю 9
Петржек Владимир 254, 255, 344
Петров Иван 114
Петров С.Г. 114
Пикель Ричард 201
Пилсудский Ю. 78
Пильняк Б. 72, 73
Пирс Брайан 8
Платонов Андрей 177
Плеханов Г. В. 142, 187
Позден 63
Покровский М. Н. 73
Покровский Н. Н. 268
Поляков Ю. А. 36
Портнов 56, 114
Потапов И. А. 333
Преображенский Е. 81, 180
Пристленд Дэвид 25, 208, 266,
304, 313, 315, 317, 319, 323, 324,
327, 351
Пришелец Антон 178
Прокопович К. Н. 219
Пятаков Георгий 313, 323, 324

Р

Рабинович Александр 27
 Радек Карл 75, 319, 324
 Радзивиллов К. Д. 284
 Райт Крис 9
 Раковский Христиан Г. 243
 Рафаил Р. Б. 30, 76, 105, 134, 270, 315
 Рафес Моисей 56, 79
 Рашин А.Г. 301
 Реза Али 9
 Рейснер М. 179, 180
 Ремингтон Томас 24, 208
 Ригби Томас 241
 Рид Кристофер 75
 Родионов 285
 Родов Семен 74, 178
 Розенберг Уильям 24
 Розенталь К. 324
 Розенштейн Александр 142
 Розенштейн Михаил 93
 Рой Судии 9
 Романов Р. 328, 329
 Россман Джеффри 26, 338
 Роув Крис 9
 Роуни Джон 242
 Рудзутак Ян 180, 225
 Рэли Дональд 129
 Рябушинский Павел 264, 366
 Рязанов Давид 149, 180, 221

С

Садовников 104
 Садофьев Илья 74, 175
 Сазонов 127, 128
 Саид-Галиев С. Г. 155
 Салет Тораб 9
 Самсонов Тимофей П. 92, 217, 360
 Санников Григорий 176
 Сапронов Т. В. 137, 266, 304, 309, 314, 315, 316, 321, 323
 Сашилин Е. Н. 127
 Свифт Тони 8
 Святенко Ф. 159

Седельников 271
 Сейдман Майкл 19, 20, 48
 Селецкий 322
 Сельдяков Сергей 228
 Семёнов 271, 272
 Семков 308
 Серебряков 180, 275, 313
 Сергеев 310
 Сергиевский 273, 274
 Серж Виктор 82, 348, 349
 Склянский Эфраим 89
 Сивков 159, 161
 Сигельбаум Льюис 24, 208
 Скворцов-Степанов Иван 251, 267
 Скотчер Кит 32
 Смилович 76, 77
 Смилга И. Т. 97, 127, 133, 134, 192, 260, 308, 313, 352
 Смил Джон 31
 Смирнов Владимир 307, 313
 Смирнов Иван 355
 Смирнов И. Н. 238
 Смирнов Семён П. 96, 158, 351, 361
 Смит Сирил 9
 Смит Стив 8
 Смоленцев 239
 Советов Алексей 92, 93, 94, 192, 193
 Соколов А. 254
 Сокольников Григорий 311
 Солженицын 272
 Соловьев 115, 121, 213, 267
 Сольц Арон 83, 84, 192
 Сорин В. 284
 Сорокин Федор 265, 267, 268
 Сосновский Лев 169, 262, 266, 267
 Спенсер Джон 32
 Стайнберг Марк 28, 179
 Сталин И. В. 24, 29, 76, 97, 196, 198, 243, 249, 252, 253, 256, 266, 267, 304, 307, 315, 333, 345, 350, 353, 367
 Стернхаймер Стивен 242
 Стефашкин Иван 96, 97
 Стуков И. Н. 308, 313

Стюнкель Борис 50
Султан-Галиев Мирсаид 155

Т

Такер Роберт 208
Тарасов Георгий Ф. 50, 361
Таратута Виктор 89, 225
Титов Александр 262
Тихомиров 104
Тихонов Василий 160
Тихон, патриарх 216
Тиунов 294
Толоконцев А. 98
Томский М. 180
Топп Майк 9
Троцкий Л.Д. 21, 23, 75, 77, 78, 87,
89, 97, 102, 103, 104, 105, 127,
131, 169, 180, 184, 210, 225, 243,
266, 304, 308, 309, 310, 311,
313, 314, 315, 317, 323, 324, 332,
358, 362
Трякин 61
Туляков Никита С. 93, 124, 150,
323, 352, 362
Тухачевский М. 73, 77,
Тяжелникова В. С. 8, 71

У

Упоров 82
Уханов Константин 88, 354
Уэбб Сидни 207

Ф

Файджиз Орландо 21, 28, 128
Факунин 301
Фарбман М. 73
Фатех Рауф 9
Федотов В. 162
Фёдоров 274
Фёрт Робби 9
Филтцер Дональд 8
Финли Пол 8
Фирсов Сергей 211
Фицпатрик Шейла 14, 29, 270

Флюэрс Пол 32
Фонченко Семён 96, 97
Фраер Питер 9
Фрунзе 333

Х

Хайкевич 294
Халатов 164
Халфин Игаль 71
Хелгесен Мелвин 14
Хоррокс Хилари 9
Хотинович Антон 92
Христофоров 114
Хэтч Джон 27

Ц

Цакунов С. В. 31
Цеткин Клара 235
Цивцивадзе Илья 64
Ципулин В.И. 271
Цюрупа Александр 87, 112

Ч

Чейз Уильям 28, 29
Чернышевский Н. Г. 158, 350
Чехов А. П. 350
Чижевский Д. 146
Чижиков О. Л. 125, 157, 286
Чичерин 157
Чуханов Фёдор Е. 116, 148, 160,
161, 363

Ш

Шавтовалова М. Д. 93, 284
Шапиро Александр 199,
Шапиро Л. Г. 157, 225, 310
Шварц Г. 259
Шевченко 262
Шкирятов М. Ф. 195
Шляпников Александр 98, 104,
121, 181, 182, 238, 313, 323, 344
Шленский 61
Шмидель 313
Шоханов Г. В. 284

Шпиндлер 77
Штейнберг Исаак Э. 125, 152, 153,
157, 363
Шульман Е. 294
Шульце П. 195
Шумская И. 319
Шуцкевер Фаня С. 184, 185, 186,
294, 364

Э

Эврич Пол 18
Эйв Джонатан 18

Элкинс Джон 9

Энгельс Ф. 336

Ю

Юденич Н. Н. 352, 361

Юренив Константин 85, 99

Я

Яковлева Варвара Н. 64, 122,
364

Яров С.В. 130, 141, 142, 339

Ярославский Емельян 185, 270,
271

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (А. Гусев)	5
Предисловие автора.....	7
<i>Введение: Рабочие и советское государство</i>	10
<i>Глава 1. Борьба за выживание:</i> Рабочие в июле-декабре 1920 г.	34
<i>Глава 2. Прекрасные мечты и жестокие битвы:</i> Партия в июле—декабре 1920 г.	70
<i>Глава 3. Революция, которой не было:</i> рабочие и партия в январе—марте 1921 г.	108
<i>Глава 4. НЭП и беспартийность: Рабочие в 1921 г.</i>	135
<i>Глава 5. Ренегаты, оппозиционеры, самоубийцы и управленцы. Партия в 1921 г.</i>	168
<i>Глава 6. Массовая мобилизация или массовое участие?</i> Рабочие в 1922 г.	202
<i>Глава 7. Партийная элита, промышленные управленцы и партячейки: Партия в 1922 г.</i>	241
<i>Глава 8. Общественный договор в действии:</i> Рабочие в 1923 г.	277
<i>Глава 9. Элита берёт ситуацию в свои руки:</i> Партия в 1923-1924 гг.	304
<i>Заключение: Влияние на социализм</i>	336
<i>Приложение 1. Биографическая информация</i>	350
<i>Приложение 2. Районы и предприятия</i>	366
<i>Приложение 3. Зарплаты и валютные курсы</i>	371
<i>Приложение 4. Члены партии</i>	373
<i>Приложение 5. Деление коммунистов по роду занятий</i>	375
Список сокращений.....	378
Список литературы	379
Указатель имён и терминов	415

Научное издание

Пирани Саймон
**РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
В ОТСТУПЛЕНИИ**

Издатель *Леонид Янович*

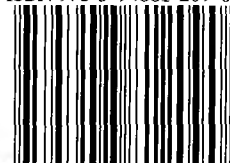
Редактор *Татьяна Гатова*
Корректор *Александра Раткина*
Верстка и макет *Вера Брызгалова*
Технический редактор *Евгений Янович*
Художник *Евгения Васильева*

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,
по вопросам реализации 8-985-427-9193
E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novhron.info>

ISBN 978-5-94881-209-0

9 785948 812090

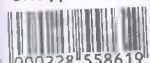
Подписано к печати 28.01.2013
Формат 60x90/16, Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 26,5.
Тираж 400 экз. Заказ № 353

Отпечатано в
ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.
Тел.: 8(8352)28-77-98, 57-01-87
Сайт: www.volga-print.ru

93 255921 568 93 255921 568

"СПб Дом Книги" А-032

539.00

Пирани С. Русская революция в

Саймон Пирани – старший научный сотрудник Оксфордского института энергетических исследований (независимого исследовательского центра при Оксфордском университете). Преподаёт историю России в Canterbury Christ Church University. Русский язык изучал в Лондонском университете, защитил докторскую диссертацию в Эссекском университете и на протяжении ряда лет писал о странах бывшего СССР в качестве журналиста.

Русская революция 1917 года, была определяющим событием XX века. Ее достижения и провалы сохраняют свою актуальность и значимость в жизни современной России и поныне. В данной книге рассматривается период после окончания Гражданской войны и первыми годами НЭПа, когда руководство РКП(б) осознав свою силу отступило от ранее заявленных идеалов революции, что привело к усилению внутривнутрипартийных разногласий в руководстве партии и к росту экономических и политических выступлений рабочих. Исследование, основанное на глубоком изучении источников, дает широкую социально-политическую картину действий и противодействий партийных верхов и шпавв, профсоюзных активистов и простых заводских рабочих.

издательство **новый хронограф** <http://www.novhron.info>